

Абхазский государственный университет

На правах рукописи

Счастный Дмитрий Алексеевич

ВООРУЖЕНИЕ ВОИНОВ ДРЕВНЕЙ АБХАЗИИ ВО II-VII ВЕКАХ

Исторические науки:

специальность 07.00.06 – археология

Диссертация на соискание ученой степени

Кандидата исторических наук

Научный руководитель:

академик АНА, доктор исторических наук РАН, профессор АГУ

Бгажба Олег Хухутович

Сухум – 2024

Оглавление.	
Введение	3
Глава I. История изучения Абхазии периода поздней античности и раннего средневековья (II-VII вв.)	13
1.1. Досоветский период (XIX в. – 1921 г.)	13
1.2. Советский период (1921-1991 гг.)	16
1.3. Постсоветский период (1993-2024 гг.)	38
Глава II. Наступательное вооружение	52
2.1. Копья и дротики	52
2.2. Топоры	97
2.3. Мечи и кинжалы	114
2.4. Метательное оружие	146
Глава III. Защитное вооружение	154
3.1. Доспехи (панцирные пластины, кольчуга)	154
3.2. Щиты и умбоны	163
Заключение	167
Список использованных источников и литературы	174
Список сокращений	207
Список иллюстративного материала	209
Приложение: рисунки, таблицы, каталог	222

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. История человечества – это череда сплошных войн, где побеждают те, у кого лучшее вооружение и техника владения им. Являясь неотъемлемой частью внешне – и внутривосточных процессов, военное дело, а вместе с ним и вооружение во все времена выступали двигателем цивилизации и первыми воплощали в себе новые открытия и достижения. Именно это обстоятельство придает выбранной мною теме актуальность, а исследование истории развития вооружения древнеабхазских воинов в рассматриваемое время (II-VII вв.) позволяет по-новому взглянуть на роль и степень участия последних, как в глобальных, так и в локальных политических, экономических и культурно – исторических процессах периодов поздней античности и раннего средневековья в многоликом и неоднозначном Понтийском регионе.

Исследователи XXI в. стали все чаще обращаться к оружейной тематике, поскольку без основательного изучения этого направления истории невозможно построить цельную картину древних обществ. В связи с чем, по оружейной тематике во всем мире ежегодно публикуются сотни научных статей и десятки монографий. Однако, несмотря на богатую военную историю, абхазское оружиеведение и военная археология развиты недостаточно. Единственной масштабной работой в данном направлении является совместная статья Ю.Н. Воронова и Н.К. Шенкао «Вооружение воинов Абхазии IV-VII вв.», опубликованная в далеком 1982 г. В ней авторы описали большинство известных на тот момент артефактов и произвели их классификацию, основываясь, в том числе, на материалах, собранных их коллегами ранее. С тех пор во многих странах были сделаны новые открытия, опубликованы интереснейшие материалы на разных языках, в которых переосмыслены

некоторые подходы к хронологии кавказских и европейских древностей. Поэтому необходимость взглянуть по-новому на имеющиеся абхазские материалы по вооружению назрела уже давно. Развитие данного направления подразумевает, в первую очередь, обобщение уже накопленного археологического материала со всей территории Абхазии, расширение существующих типологий оружия и уточнение датировок с учетом открытий последних десятилетий.

Географические и хронологические рамки.

В географическом плане, рассматриваемая мною территория, включает в себя собственно Абхазию, от р. Псоу до р. Ингур, а также современный район г. Сочи Краснодарского края на северо-западе (область расселения санигов) и часть современной Западной Грузии (историч. Лазика), вплоть до г. Поти на юго-востоке (первоначальная область расселения апсиллов). С северной стороны границей выступает Главный Кавказский хребет. В античных письменных источниках все эти земли упоминаются, как части древней Колхиды, населенной многочисленными племенами гениохов, из которых, по всей видимости, на рубеже новой эры выделяются три известных крупных древнеабхазских племени: апсиллы, абасги и саниги, а в VI в. впервые упоминаются мисимиане.

Территория современной Абхазии вместе с сопредельными областями занимает важное место в истории Северного-Восточного Причерноморья. В силу особенностей своего географического положения она являлась весьма выгодным в экономическом и стратегическом отношении районом, в котором пересекались важнейшие сухопутные маршруты из Малой Азии в Европу.

Именно поэтому, с наступлением новой эры рассматриваемая территория оказывается в сфере влияний различных культур и целых империй: Понтийское царство, многочисленные кочевники, Римская империя и Персия, Византия, Арабский халифат, авары и Хазарский каганат. Учитывая богатый

археологический материал, хронологические рамки исследования ограничиваются в узком смысле II-VII вв., однако, в силу того, что первые упоминания о древних абхазах относятся к I в., кроме того, к этому времени начинается активизация римской политики в регионе, нижняя дата может быть отодвинута к рубежу эр. По тому же принципу возможно расширение верхней даты до конца VIII в., в течение которого происходит окончательное объединение местных этнополитических общностей в единую феодальную абхазскую народность, завершившееся образованием в 786 г. независимого раннефеодального Абхазского царства.

Степень разработанности.

Изучение древнеабхазского вооружения было начато еще в XIX в. В самом начале оно носило поверхностный характер и сводилось лишь к описанию предметов, будь то инвентарь из погребальных комплексов, или случайные находки. Такой подход сохранился и в XX в. Ситуация начала меняться лишь с 60-х годов, когда археологические исследования в республике стали носить систематический масштабный характер. Эти сдвиги произошли во многом благодаря введению в научный оборот древнеабхазской Цебельдинской археологической культуры, название которой дал известный археолог М.М. Трапш. Обширные материалы, полученные им в результате многолетних раскопок, легли в основу монографии «Культура Цебельдинских некрополей», опубликованной в 1971 г. В третьей главе данной работы впервые предпринята попытка осмысления собранной коллекции предметов вооружения и конского убора у апсилов, а также приведены некоторые параллели известных на тот момент находок оружия из других могильников Абхазии.

Цебельдинские могильники не оставили равнодушным и другого исследователя древностей. В 1970 г. результаты своих археологических раскопок опубликовал Г.К. Шамба. Археолог предпринял попытку

комплексного изучения некрополя Ахачхарху, с привлечением некоторых синхронных памятников.

В 1978 г. аналогичную работу по цебельдинским могильникам опубликовал М.М. Гунба, назвав ее «Новые памятники Цебельдинской культуры». Уже существующая на тот момент база данных была дополнена археологом новыми находками и сравнительным анализом.

Таковы первые шаги в развитии отечественного исторического оружиеведения. Они подготовили почву для следующего этапа, связанного с публикацией уже упомянутой статьи Ю.Н. Воронова и Н.К. Шенкао по вооружению древних абхазов, в частности апсилов, которая продолжает оставаться актуальной и сегодня.

Данные, полученные благодаря археологическим исследованиям, были бы не полными без металлографических анализов, результаты которых опубликованы О.Х. Бгажба в разные годы.

За годы изучения памятников древней Цебельды в отечественной археологической науке произошли некоторые разночтения, в частности, сформировались два взгляда на хронологию самой культуры – узкая (II-V вв.) (М.М. Трапш, Г.К. Шамба и др.) и широкая (II-VII вв.) (А.К. Амброз, Ю.Н. Воронов, О.Х. Бгажба). Расширение времени существования Цебельдинской культуры стало возможным благодаря открытию новых хорошо датированных воинских погребальных комплексов. Здесь стоит отметить, что в последние десятилетия хронологию цебельдинских древностей удалось уточнить благодаря проведению определенных параллелей с европейскими аналогиями (М.М. Казанский, А.В. Мастыкова), благодаря чему широкая хронология цебельдинских памятников стала выглядеть еще убедительнее.

Как видно из перечисленных работ, тема вооружения древнеабхазских воинов затрагивается чаще всего в рамках общего описания жизни и быта апсилов. Остальным же племенам уделяется гораздо меньше внимания. Это обусловлено, прежде всего, малой изученностью памятников северо-западной

части Абхазии. Тем не менее, редкие находки предметов вооружения из Гагрского и Гудаутского районов позволяют провести прямые параллели с апсилийскими типами оружия почти всех видов, что создает необходимость объединения всех этих артефактов в рамках одного исследования. Такой подход должен значительно поднять уровень отечественного исторического оружиеведения и открыть новые перспективы для исследования автохтонного населения Абхазии. Впервые эту идею высказала М.К. Хотелашвили (Инал-ипа) в 2004 г., рассматривая некоторые аспекты «военной истории абхазов». В частности, историк обращает внимание на необходимость развития военно-исторического источниковедения, как одного из основных способов выявления и сбора материалов по указанной тематике (Хотелашвили (Инал-ипа) 2004: 150-182).

Большим подспорьем в изучении вопроса являются иностранные публикации. Собранные в XX в. археологические материалы и выводы абхазских исследователей продолжают быть актуальными и используются многими российскими и зарубежными историками, археологами и оружиеведами. Среди них можно выделить большое количество российских и зарубежных авторов (Амброз 1971: 96-123; Julian Bennett 1991: 59-61; Гей, Бажан 1997: 9-30; Bitner-Wróblewska, Kontny 2006: 104-122), Kazanski, Mastykova 2007: 3-164; Kazanski 2013: 493-521; Казанский 2015: 33-60; Казанский 2018: 133-144; Радюш, Скворцов 2008: 122-157; Ахмедов 2010: 319-340 и др.).

Цели и задачи.

Цель работы – провести классификацию и типологический анализ наступательного и защитного вооружения древнеабхазских воинов II – VII вв. н.э.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих исследовательских задач:

- рассмотреть историю изучения оружия и военного дела древних абхазов и охарактеризовать источники, имеющиеся по этой теме;
- разработать типологию для различных видов оружия, выявить аналогии, или схожие черты в материалах синхронных археологических культур стран ближнего и дальнего зарубежья;
- выделить локальные особенности местного вооружения;
- составить информационные таблицы с указанием видов и типов массовых предметов вооружения (наконечников копий и дротиков, топоров, мечей);
- уточнить или определить хронологические рамки бытования различных типов оружия на рассматриваемой территории, выделить среди них возможные хроноиндикаторы для широкой и узкой датировок.

Научная новизна.

Научная новизна исследования состоит в том, что рассматриваемые предметы вооружения из разных районов Абхазии впервые собраны в одном исследовании, целенаправленно изучены и систематизированы.

В первой главе данной работы, посвященной истории изучения предметов вооружения из Абхазии, впервые предпринята попытка обзора находок исключительно в контексте выбранной темы, что значительно облегчит работу исследователям по сбору необходимой информации в будущем. Помимо этого, в научный оборот введены новые находки оружия из разных районов Абхазии, переосмыслено функциональное назначение некоторых типов оружия, уточнена их датировка.

Теоретическая и практическая значимость.

Материалы, приведенные в диссертации, могут быть использованы при написании обобщающих работ по археологии и древней истории Абхазии в частности, а также Юга России и Западной Грузии в целом, при разработке вопросов хронологии и периодизации археологических памятников,

методических пособий по археологическому оружиюведению, при подготовке лекционных занятий в абхазских ВУЗах, при создании музейных экспозиций и фондовой работе, при каталогизации находок и т.д.

Методология и методы исследования.

В основу исследования положен принцип историзма, подразумевающий исследование исторических явлений в динамике и взаимосвязи друг с другом и с социально-экономическими процессами, событиями, а также комплексный подход, предполагающий статистическую систематизацию данных. При помощи типологического метода был обобщен материал различных категорий артефактов, выделены устойчивые типы. Методом аналогий с предметами из надёжно стратифицированных комплексов определялась продолжительность существования некоторых типов оружия. Методами культурно-хронологических горизонтов и корреляций типы вещей соотносились друг с другом, хроноиндикаторами и хронологическими горизонтами, что позволило определить их относительную и абсолютную хронологию.

Привлеченные источники.

Основными источниками для изучения военной истории и вооружения древних абхазов являются археологические материалы с позднеантичных и раннесредневековых могильников и крепостей Абхазии: Гагрский район (крепость Хашупсы и одноименный могильник), с. Ачмарда (могильник и случайные находки), Гудаутский район, с. Куланьрхуа, пос. Адегуара (погребение), Н. Афон (могильник «Псырцха»), Сухумский район, с. Верхняя Эшера (могильник «Пышта»), Гулрыпшский район, ущелье Пацхир (могильник), Цебельда, Азанта (крепости Шапки, Цибилиум, Планта, Ахыста, Апушта, бат, Лар и др.; могильники Цибилиум – 1-15, Верин холм, Виноградный холм, склоны горы Апианча, Абрамов холм, Церковный холм, Гущин холм, Грушевый холм, Монетный холм, Юстинианов холм и др.),

Очамчырский район, с. Атара Армянская (могильник); России: Краснодарский край, окрестности г. Сочи, Красная поляна (погребения и случайные находки); Западной Грузии (могильник Чхороцку и находки из других районов). Для исследования были собраны все известные материалы по вооружению древнеабхазских племен санигов, абасгов, апсиллов и мисимиан, как опубликованные, так и не известные ранее, введенные в научный оборот данной работой.

В качестве письменных источников использовались произведения позднеантичных и средневековых авторов: Аль-Бируни (XI в.), Аммиан Марцеллин (сер. IV в.), Зосим (к. V в.), Маврикий (к. VI-нач. VII вв.), Плиний Старший (I в.), Прокопий Кесарийский (VI в.), Флавий Вегеций Ренат (к. IV-нач. V вв.). Их свидетельства особенно ценны для понимания уровня военной подготовки, как отдельных групп местного населения, так и племенных объединений в целом, некоторых деталей экипировки и особенностей оружейных наборов в рассматриваемое время.

Положения, выносимые на защиту.

1. Систематизация и сравнительная типолого-хронологическая классификация предметов вооружения древнеабхазских воинов на фоне общепонтийского развития вооружения с выделением местного локального колорита «*couleur locale*» во II-VII вв.;
2. Выделение и рассмотрение тех типов наконечников копий и дротиков, которые могли бы послужить маркером для широкой хронологии;
3. Выделение и рассмотрение плюмбатов, как дротиков, используемых для обороны римских и византийских крепостей Абхазии;
4. Рассмотрение причин и уровня мастерства древнеабхазских оружейников на примере ремонта мечей и кинжалов;
5. Констатация единообразия и преемственности в работе местных оружейников;

6. Утверждение на основе древнего вооружения Абхазии II-VII вв., что Цебельдинская археологическая культура II-VII вв. является общеабхазской;

7. Рассмотрение техники и технологии различных видов и типов вооружения древнеабхазских воинов во II-VII вв.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Отдельные положения исследования были изложены автором в 8 опубликованных работах по теме диссертации. Доклады о результатах отдельных этапов исследования были зачитаны на международных конференциях: «Третья Абхазская международная археологическая конференция» в 2013 г. (Сухум), «Анфимовские чтения» в 2015 г., 2018 г., 2019 г. (Краснодар), «Крупновские чтения» в 2019 г. (Дагестан), «Потемкинские чтения» в 2023 г. (Севастополь). Апробация работы прошла на расширенном заседании ученого Совета в Абхазском государственном университете.

Структура диссертации.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников, литературы и приложений, включающих таблицы, карты распространения некоторых предметов вооружения, рисунки и фотографии всех основных видов и типов оружия древнеабхазских воинов.

В 1-ой главе мною представлен подробный очерк истории изучения вооружения и военного дела древних абхазов в отечественной и зарубежной литературе. Подобная попытка собрать вместе максимальное количество упоминаний по данной теме предпринята впервые. Глава разделена на три этапа исследования: 1) дореволюционный (XIX в. – 1921 г.); 2) 1921-1991 гг.; 3) 1993-2022 гг. Особое внимание уделено историографическому анализу новейших зарубежных исследований отдельных предметов вооружения у древнеабхазских воинов.

Во 2-ой и 3-ей главах описаны основные виды и типы предметов вооружения, а также приведена их классификация, выделены новые типы. Помимо этого, в каждом параграфе, наряду с уже известными выводами, приводятся данные, которым ранее не уделялось должного внимания, в частности: 1) в параграфе 2.1 выделены в отдельную группу наконечники копий и дротиков с характерными штампами, введена в научный оборот новая терминология: штамповка открытого, полуоткрытого и закрытого типов; определены и описаны наконечники копий, изготовленные из обломков мечей или двулезвийных кинжалов; переосмыслено функциональное предназначение наконечников дротиков со свинцовым грузом (плюмбаты); 2) в параграфе 2.2 выделены в отдельные группы некоторые подтипы топоров с молоточковидным обухом, а также расширена типология цебельдинских топоров. Расширена зона встречаемости последних в северо-западном направлении вплоть до Крымского полуострова; 3) в параграфе 2.3 выделены и описаны новые подтипы мечей. Отдельное внимание уделено экземплярам со следами ремонта в виде металлических пластин (стаканов) у основания клинков, впервые сделаны их рентгенографические снимки; 4) в параграфе 2.4 поднимаются вопросы об одном из важнейших универсальных орудий древности – луке, его формах. Приводится классификация наконечников стрел, среди которых отдельное внимание уделяется двурогому типу «афырхы»; 5) в параграфе 3.1 приведена типология кольчужных колец и панцирных пластин. Подробно описаны 33 панцирные пластины из крепости Цибилиум, в том числе, предпринята попытка частичной реконструкции доспеха.

ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АБХАЗИИ ПЕРИОДОВ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (II-VII вв.)

1.1. Досоветский период (XIX в. – 1921 г.).

История Абхазии богата событиями, а земля – многочисленными археологическими памятниками различных эпох. Их изучение имеет первостепенное значение для развития науки. В этой связи опубликовано огромное количество статей и монографий, поэтому всегда существует необходимость проведения историографической работы. По справедливому замечанию О.Х. Бгажба и Ю.Н. Воронова: «Это позволяет с наибольшей точностью и объективностью определить, что в той или иной области науки уже сделано, как сделано, кем сделано и что еще предстоит сделать» (Бгажба, Воронов 1982: 3; Воронов 2014: 7). Отправной точкой для подобных обзоров стал 1961 г., года вышла в свет совместная работа Л.Н. Соловьева и М.М. Трапша, посвященная истории исследований археологических памятников Абхазии за годы Советской власти (Соловьев, Трапш 1961: 115-128). В след за этим в разные годы публиковались обзоры и других авторов: Ш.Д. Инал-ипа (Инал-ипа 1965: 26-30), В.В. Бжания (Бжания 1967: 99-114), О.Х. Бгажба (Бгажба 1967: 115-128), Г.К. Шамба (Шамба 1966: 5-6), Л.А. Шервашидзе [Шервашидзе 1968: 269-286), В.П. Пачулия (Пачулия 1968: 301-312), Ю.Н. Воронов (Воронов 1969: 7-11) и др. и, наконец, уже упомянутый выше совместный труд О.Х. Бгажба и Ю.Н. Воронова, который обобщил всю имеющуюся информацию, посвященную археологическому изучению Абхазии до 1975 г. (Бгажба, Воронов: 1982).

Приведенные примеры, а также обзоры, написанные в последующие годы, в том числе в постсоветское время (Скаков 2016: 74-135; Джопуа, Ньюшков 2018: 100-107), демонстрируют весомый объем проделанной исследовательской работы в области археологии и истории Абхазии, где затронуты все исторические периоды – от палеолита до позднего средневековья. Вот почему попытка сделать историографический обзор по всей этой литературе равнозначна повторению уже неоднократно написанного. В данной главе мне бы хотелось сконцентрировать внимание на тех авторах, в чьих работах охвачен интересующий меня отрезок времени II-VII вв., включая I и VIII века, что для Абхазии соответствует периодам поздней античности и раннего средневековья. В связи со спецификой, выбранной мною темы, основное внимание будет уделено таким категориям памятников, которые являются главными источниками накопления знаний по вооружению древнеабхазских воинов, либо имеют косвенное отношение к ним. В первую очередь это могильники и отдельные мужские погребения с оружием. Сюда же следует относить и случайные находки предметов вооружения, условно называемые кладами. Не менее важными являются исследования крепостных сооружений и поселений. Однако, в этих случаях археологи сталкиваются с находками оружия, как правило, гораздо реже. Исключением являются те памятники, существование которых завершилось в течение очень короткого периода времени, причинами тому могли служить катаклизмы, либо человеческий фактор. Тем не менее, исследование позднеантичных и раннесредневековых укреплений с архитектурной точки зрения позволяет более детально подходить к вопросу их роли в обороне границ Римской, а позже Византийской империй, а вместе с тем и к вооружению.

Период поздней античности и раннего средневековья является одним из важнейших для истории Абхазии. Именно в это время происходит становление больших этнополитических племенных союзов, приведшее к образованию в конце VIII в. раннефеодального независимого Абхазского царства. В то же

время сложность и многогранность межкультурных связей в указанный период времени делают их исследование нелегкой задачей. Однако, это обстоятельство несколько не препятствовало росту неподдельного интереса к рассматриваемой территории, а наоборот бросало вызов всем тем, кто интересовался историей страны.

Если первые сведения об Абхазии появляются в работах иностранных путешественников, миссионеров и торговцев еще в XVII в., то исследование позднеантичных памятников Абхазии было начато в 70-х годах XIX в. краеведом В.И. Чернявским, когда в основании Сухумской крепости и на прилегающем участке морского дна им были зафиксированы фрагменты стен римского времени (Чернявский 1879: 23-24; Чернявский: 1878: 335). В 1882, 1884 гг. А.В. Комаровым был опубликован краткий обзор находок, полученных из разрушенных ингумационных захоронений недалеко от Ново – Афонского монастыря. По сообщению автора, никто из археологов до этого момента не осматривал данной местности, богатой археологическим материалом (Комаров 1882: 1; Комаров 1884). В погребальный инвентарь входили железные мечи и кинжалы, наконечники копий и другие предметы, включая монету Адриана (117-138 гг.). Таким образом, это одна из первых известных находок предметов вооружения римского времени на территории Абхазии. В 1889 г. В.И. Сизову удалось зафиксировать на некоторых участках Сухумской крепости кладку времен Римской империи, тем самым локализовав крепость Себастополис (Сизов 1889: 13, 18-19), которую в 137 г. посетил римский легат Флавий Арриан. Примечательно, что еще ранее, во время работ В.И. Чернявского, там была найдена плита с надписью, которая подтверждала пребывание римского легата Флавия Арриана в Себастополисе во II в. (Ростовцев 1907: С. 12). Надпись на плите гласила: «Hard. rev. Fl. Ar. Leg.», – что в переводе с латинского может означать: «Гадриан через Флавия Арриана порт сей соорудил» (Трапш 2017: 33). В публикации П.С. Уваровой за 1891 г., со ссылкой на раскопки некоего местного жителя Реймана Г., были приведены

интересные данные о погребениях с трупосожжением в окрестностях Ольгинского ущелья (район ущелья реки Мачара) (Уварова 1891: 103-104). К сожалению, подробной информации исследователям получить не удалось, однако, на сегодняшний день доподлинно известно, что обряд трупосожжения наравне с ингумациями практиковался в рассматриваемое время.

В 1907 г. А.А. Миллер обследовал крепость Цибилиум, сделав ее первый обмер. Особое внимание было уделено христианским постройкам, во время исследования которых производились их раскопки. Благодаря этой работе до современных исследователей дошли ценные данные об архитектурных особенностях комплекса, некоторые части которого впоследствии были утрачены. Так, например, в 1961 г. кладоискательским взрывом была повреждена пентагональная башня первой линии обороны Цибилиума. Ее уникальная для Восточного Причерноморья клинообразная западная часть подверглась почти полному разрушению. Однако, обмеры А.А. Миллера сохранили данные об угле клина, который составил 108-110° (Миллер 1909: 72-83; Воронов, Бгажба 1987: 118). В 1915 г. Ю.Н. Воронов (ботаник) передал в Кавказский музей в Тифлисе большую коллекцию предметов, среди которых были топоры, мечи, наконечники копий и др. артефакты V-VII вв. из разрушенных погребений могильника Шапки (Куфтин 1949: 93; Воронов 2014: 28).

Таков в основном перечень литературы по археологии и истории Абхазии рассматриваемого времени. Он характеризуется зарождением местного краеведения, увеличением интереса к археологическому изучению Абхазии периода поздней античности и раннего средневековья, что приводит к накоплению археологического материала, в частности предметов вооружения.

1.2. Советский период (1921-1991 гг.).

Как видно из написанного, изучение предметов вооружения древних абхазов на первом этапе носило поверхностный характер. Вся работа в этом направлении сводилась к описанию случайных находок и в лучшем случае исследованиям уже разрушенных погребений. Такое положение дел сохранялось вплоть до 1921 г. С установлением в Абхазии Советской власти археологическое изучение края начало переживать свой расцвет и достигло значительных результатов. Незадолго до этого, в 1917 г., был создан Сухумский музей, благодаря чему появились люди не равнодушные к древней истории Абхазии. Среди них, прежде всего, В.И. Стражев, А.С. Башкиров, М.М. Иващенко, Л.Н. Соловьев, А.Л. Лукин (Джопуа, Ньюшков 2017: 163).

Обилие случайных находок в Цебельдинской долине вызвало большой интерес у сотрудников Абхазского научного общества, организованного в 1922 г. Уже в 1924 г. группа исследователей под руководством В.И. Стражева посетила бывшее имение Вороновых в Цебельде и осмотрела крепость Шапки, «признав крайне желательным начать на месте осмотра археологические раскопки» (Бюллетень Распорядительного Комитета Первого съезда деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа. № 3. Сухум. 1924. С. 28). В 1925 г. В.И. Стражев впервые опубликовал сведения о данной крепости. В работе автора также можно встретить интересную информацию о крепости Питиунт и реке Бзыбь, сформировавшей некогда Пицундский мыс, а также прочитать про Анакопийскую крепость и одну из цебельдинских крепостей, где были найдены несколько небольших каменных ядер (Стражев 1925). В том же году экспедиция АБНО во главе с известным русским археологом А.С. Башкировым провела первые археологические изыскания в Сухумской крепости, где были выявлены слои I-III вв., подтвердившие данные В.И. Сизова. В своих исследованиях археолог подробно остановился на сравнении архитектурных приемов, использованных при возведении стен в периоды турецкого и римско-византийского присутствия (Башкиров 1926: 6). Помимо этого, экспедиция произвела первые разведки на Пицундском

городище и на территории Анакопийской крепости (Башкиров 1925; Башкиров 1925а: 5-59). Археологические изыскания А.С. Башкирова впоследствии способствовали широкомасштабным раскопкам на территории Сухумской крепости, Анакопии и в Питиунте.

В 1935 г. А.Н. Грен и И.Е. Адзинба доследовали несколько погребений V-VII вв. в Новом Афоне (сад «Сушка»). Погребальный инвентарь включал в себя в том числе длинные наконечники копий ромбического сечения (Куфтин 1949: 94). В том же году Б.Б. Пиотровский отметил в своих путевых записях крепость на горе Бат (Азанта), а в 1938-1939 гг. Л.Н. Соловьев доследовал в окрестностях Цибилиума несколько позднеантичных захоронений (Воронов 2014: 29), содержащих оружие.

В 1947 г. А.Г. Гзелишвили были опубликованы результаты раскопок на могильнике Шапкы. В 12 погребениях по обряду кремации, помимо прочего инвентаря, удалось зафиксировать и предметы вооружения (Гзелишвили 1947). В 1947 г. Л.И. Соловьев подробно описал историю Себастополиса и параллельно связал местность, на которой располагалась римская крепость, с греческой Диоскурией, Цхомом (Цхум) и турецкой крепостью Сухум-Кале (Соловьев 1947: 99-147). В 1949 г. Б.А. Куфтин опубликовал коллекцию Ю.Н. Воронова (ботаника), переданную ранее в Кавказский Музей, и датировал ее VI-VII вв. (Куфтин 1949: 93-95). Предметы вооружения были представлены мечом (длина не менее 65 см), топором цебельдинского типа, наконечниками копий (длиной до 40 см) ромбического сечения. Не будет лишним сообщить о небольшой полиграфической ошибке. Таблица VII, на которой изображены цебельдинские находки, в тексте отсутствует. Вместо нее на 93 странице указана таблица VIII, 10, 11.

В 1952 г. Институт истории им. Джавахишвили и Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа приступили к планомерным раскопкам Пицундского городища (Воронов 2014: 32). Миру были открыты шедевры античного и средневекового времени, получен ценный материал,

характеризующий историю римских колоний в Восточном Причерноморье и раннесредневековой Абхазии (Трапш 1975: 174). Позже, основываясь на результатах исследований древнего Питиунта и его окрестностей, разными исследователями были сделаны многочисленные публикации. В 1952 г. М.М. Трапшем были начаты исследования в Севастополисе. Археолог описал стену римской крепости (так называемого западного укрепления), находящейся на морском берегу, а предпринятые Л.А. Шервашидзе и В.И. Скасырским подводные исследования участка морского дна, прилегающего к Сухумской крепости, выявили фрагменты стен четырехугольного сооружения (Трапш 2017: 21, 51). Археологические находки, полученные за время исследований М.М. Трапша, показали высокий уровень развития ремесел того времени, в том числе и кузнечного ремесла, а многочисленный импорт подтвердил наличие широких торговых связей Севастополиса с Северным Причерноморьем, Малой Азией и Грецией. В 1954 г. И. Четверухин передал в Государственный исторический музей коллекцию предметов, среди которых было оружие из погребений II-VII вв. могильника Шапки (Воронов 2014: 29). Тогда же Ю.Н. Воронов, рассматривая материалы античной эпохи из окрестностей Диоскуриады, скорее всего ошибочно причислил наконечник копья периода поздней античности к более раннему времени (IV в. до н.э. (Воронов 1991: 226-228). Причиной этому, по всей видимости, стало то, что эта находка была сделана В.А. Юшиным на поселении Ахул – Абаа среди подъемного материала эллинистического периода. В 1955 г. М.М. Трапш опубликовал отчет о проделанной 1951 по 1953 гг. работе в Сухумской крепости. В третьем слое им были найдены предметы, относящиеся к I-IV вв. (Трапш 1955: 206-227), а в 1959 г. археолог подготовил отчет о проделанной работе Причерноморской археологической экспедиции в Сухумской крепости (Трапш 1960: 43-45). В 1959 г. будущий археолог с мировым именем, а тогда еще школьник Ю.Н. Воронов передал в Абхазский государственный музей более тысячи предметов из погребений, разрушенных пахотой и эрозией почвы на Шапкинском

могильнике (Воронов 2014: 29). Большая коллекция предметов, в том числе предметов вооружения, переданная им в 1956-1960 гг. составила значительную часть археологической экспозиции Абхазского Государственного музея (Пачулия 1968а: 29).

Очередная партия случайных находок в 1960 г. послужила толчком для начала работы экспедиции Абхазского института языка, литературы и истории им. Гулиа Д.И. АН ГССР. Возглавил ее М.М. Трапш. За годы работы (1960-1967 гг.) в экспедиции в разное время принимали участие: О.Х. Бгажба, Ю.Н. Воронов, М.М. Гунба, В.Б. Ковалевская, В.С. Орелкин, А.С. Четверухин, Г.К. Шамба. Раскопано было около 200 (Воронов 2014: 30), а по другим данным около 400 (Трапш 2017: 23) погребений, расположенных северо-восточнее крепости Шапки (холмы Стекланный, Церковный, Верин, Монетный и Грушевый). Систематические исследования в Цебельде, многочисленные открытия, в том числе предметов вооружения, открыли научному миру новую яркую археологическую культуру, ставшей известной на весь мир как «Цебельдинская культура», а огромный археологический материал стал важнейшим вещественным источником для изучения истории и культуры древних абхазов. В 1960 г. вышла совместная статья Л.Н. Соловьева и Л.А. Шервашидзе, посвященная теме расчистки римских укреплений у Сухумской крепости (Соловьев, Шервашидзе 1960: 45-47). Вслед за этим в ходе исследований были выявлены остатки трех кастелл II-VI вв., фундаменты зданий, многочисленные обломки железных, бронзовых предметов и т.д. В 1961-1963 гг. М.М. Трапш опубликовал предварительные итоги исследований в Цебельде. За первый год раскопок участниками экспедиции было вскрыто более 50 погребений, а к 1962 г. – более 100. Кропотливая работа позволила выявить захоронения двух типов: грунтовые и урновые погребения. Было установлено, что иногда рядом с погребением воина хоронили и коня с принадлежностями сбруи. Описывая предметы вооружения из некрополей, М.М. Трапш подчеркивал исключительно воинственный характер местного

населения того периода (Трапш 1961: 187-190; Трапш 1961а: 45-47; Трапш 1963: 258-277). В 1964 г. З.В. Анчабадзе включил цебельдинские материалы в свою монографию (Анчабадзе 1964: 214-219). Говоря о вооружении, историк оперировал данными М.М. Трапша, перечисляя такие виды, как двулезвийные и однолезвийные мечи, кинжалы, своеобразные топоры, разнотипные втульчатые наконечники копий, черешковые наконечники стрел и умбоны от щитов. В 1964 Ю.Н. Воронов зафиксировал крепость, поселение и могильник в урочище Лар (Азانتская долина). В том же году он передал в Государственный Эрмитаж инвентарь из 20 погребений III-VII вв., доследованных на Абрамовом холме, вблизи крепости Шапки (Воронов 2014: 30). В 1965-1967 гг. изучением могильника Ахаччараху занялся Г.К. Шамба. Исследователь посвятил этой теме целый ряд статей (Шамба 1965; Шамба 1966) и кандидатскую диссертацию (Шамба 1966). Так, например, в статье, опубликованной в «Советской Археологии» он сообщил о тридцати позднеантичных захоронениях некрополя Ахаччархва. В качестве примера автор описал некоторые из них (№ 1- № 3, № 17). Отдельное внимание было уделено топорам цебельдинского типа, аналогичные экземпляры которых на тот момент были выявлены и в Гагрском районе. В 1966 г. Ю.Н. Воронов зафиксировал позднеантичные укрепления, а также поселения на склонах горы Пал и в ущелье Учкура, а в период 1966-1967 гг. выявил многочисленные поселения позднеантичного и раннесредневекового времени в ущелье Гумисты (Каманы, Отсюш, Ахипса и др.) (Воронов 2014: 30-31). В 1967 г. Л.А. Шервашидзе издал «Повесть о городе, взятом волнами» и в популярной форме рассказал о поисках и исследованиях древних развалин на дне Сухумской бухты (Шервашидзе 1967). В 1969 г. вышла из печати «Археологическая карта Абхазии», работы над которой были начаты Ю. Н. Вороновым в 1964 г. Благодаря этому внушительному труду удалось систематизировать описания десятков поселений, крепостей, могильников и отдельных предметов. Важно отметить, что в книге была сделана попытка показать многообразие типов наконечников копий периода поздней античности

и раннего средневековья (Воронов 1969: 43-69, 76-77). Она и сегодня сохраняет свою актуальность, оставаясь настольной книгой каждого отечественного археолога. В том же году М.М. Трапш в своей книге упомянул о раскопанной им сторожевой башне (участок гр. Одынец на правом берегу р. Хариквара (старое название)) в северо – западной части г. Сухум. Помимо этого, исследователь подробно остановился на описании других фортификационных сооружений римского времени, в частности, стен Себастополиса и башне со стенами на морском дне недалеко от устья р. Басла. Последние автор также отнес к оборонительной системе Себастополиса и высказал предположение о существовании на дне Сухумской бухты культурных слоев I – первой половины II вв., которые слабо представлены на суше (Трапш 1969: 314-317). В 1969 г. В.А. Леквинадзе впервые условно использовал понятие «Понтийский лимес» для обозначения линии обороны участка «Восточной границы» Римской империи. Его статья стала первым специальным трудом, затрагивающим тему пребывания римских гарнизонов в Восточном Причерноморье и строительства ими здесь своих крепостей – кастелл, в частности Питиунта, Себастополиса, Зиганиса, Археополя, Фазиса, Апсара и др. Исследователь достаточно подробно остановился на описании римско – византийских кастелл с привлечением письменных источников, таких как Плиний Старший (Секунд), Флавий Арриан, Зосим, *Notitia Dignitatum* и др. Размышления о военно – политической ситуации в регионе привели автора к мысли о возникновении «Понтийского лимеса» как органической части военных преобразований Каппадокии, в подчинении которой в I-III вв. находились римские восточнопричерноморские гарнизоны (Леквинадзе 1969: 75-93). Нельзя не отметить этнографическую работу И.А. Аджинджала, в которой вооружению абхазов был посвящен целый раздел. Автор ограничился общими собирательными понятиями об отдельных видах оружия, разделив их на группы: колющее метательное оружие, предохранительное или оборонительное оружие, холодное оружие и т.д. Из всего написанного явствует, что исследователь рассматривал тему вооружения

сквозь призму этнографии, пытаюсь связать далеко отстоящие друг от друга эпохи. Так, например, говоря о луке и стрелах, И.А. Аджинджал последовательно упомянул кремневые, бронзовые и железные наконечники стрел, тем самым указав на этапность их появления. Затем этнограф перешел к VI в., ошибочно считая лук и стрелы основным оружием у абхазов (абазгов). И в завершение всего автором было дано описание этого оружия в начале XX в. Таким образом, может сложиться ложное впечатление о единой форме лука на территории Абхазии начиная от каменного века до современности (Аджинджал 1969: 393-397). К плюсам работы можно отнести использование абхазской терминологии в названиях оружия.

В 1970 г. Ю.Н. Воронов, А.С. Вознюк и В.А. Юшин опубликовали более 300 предметов из 30 захоронений IV-VI вв. из Апушты. Обозревая предметы вооружения, соавторы назвали два типа боевых топоров, один меч и однолезвийные кинжалы, а также наконечники копий двух разновидностей с продольным выступающим, часто шестигранным в сечении ребром, не доходящим до конца (Воронов, Вознюк, Юшин 1970: 188). Тогда же вышла книга Г.К. Шамба, посвященная анализу материалов из могильника Ахаччарху. В ней были представлены более 200 предметов из 44 захоронений II-VII вв., в том числе воинов (Шамба 1970: 1-110). В 1971 г. М.М. Гунба опубликовал данные археологических раскопок в с. Цебельда, где им было выявлено до 30 погребений на склонах горы Апианча (пос. Мрамба) (Гунба 1971). В этом же году вышла статья по исследованию могильников Цебельдинской культуры в с. Атара Армянская (Бгажба, Бжания, Гунба, Соловьев, Шамба, Шервашидзе 1971). В 1971 г. была опубликована монография М.М. Трапша, посвященная результатам раскопок в Цебельде 1960-1963 гг. Археологом была предпринята первая попытка классификации всех известных на тот момент основных видов вооружения из цебельдинских некрополей. Ими были: кинжал одного типа, мечи трех типов, топоры цебельдинского типа, наконечники копий пяти типов, наконечники стрел трех типов и щиты двух типов. Подчеркивая специфичность

местных топоров и относя их к самобытной цебельдинской культуре, автор назвал главными ее носителями древнеабхазские племена апсилов и абазгов, с чем не согласны некоторые исследователи. В этом смысле интересна и приведенная в книге карта распространения топоров цебельдинского типа. К 1971 г. их находки были известны преимущественно на территории Абхазии, в том числе северо – западнее, в районе современного г. Сочи и в западной Грузии. По подсчетам археолога процент погребений с оружием в цебельдинских некрополях оказался довольно высоким – 32,5 %. Исследования показали, что в период жизни поселения в Цебельде почти все взрослые мужчины являлись воинами. Также следует обратить внимание на предложенную М.М. Трапшем датировку. Она охватывает период II-V вв., что впоследствии было скорректировано другими исследователями в сторону VII в. (Трапш 1971: 143-161, 220). В 1971 г. Ю.Н. Воронов подвел некоторые итоги своих многолетних исследований археологических памятников Абхазии в кандидатской диссертации «История Абхазии с древнейших времен до раннего средневековья (по данным археологии)» и обобщил все известные к тому времени материалы об Апсилии I-VII вв. (Воронов 1971). В то же время Ю.Н. Воронов и В.А. Юшин опубликовали статью о погребении из Цебельды, сдвинув окончательно дату позднейших памятников Апсилии с V в. до VII в. (Воронов, Юшин 1971: 100-105). Помимо этого, вышли работы по новым памятникам Цебельдинской культуры в с. Верхняя Эшера, в урочищах Апушта и Лар, в крепости Шапки, в Апуште и Герзеуле (Воронов 1971а: 378; Воронов 1972: 472). В 1971 г. А.К. Амброз выделил в развитии памятников Абхазии I-VII вв. семь этапов и обозначил наиболее характерные типы вещей для каждого из них. В ходе работы был отобран материал, хорошо поддающийся корреляции. В мужских погребениях характерными стали такие предметы вооружения, как меч, бусина – привеска к мечу, длинный боевой нож (кинжал), умбон и ручка от щита, два наконечника копья, топор и наконечники стрел (Амброз 1971: 106-110). Новые данные разведочных работ в Азантской долине,

у Цибилума и в селе Аацы были опубликованы Ю.Н. Вороновым в 1973 г. (Воронов 1973: 421-422). Тогда же в соавторстве с В.А. Юшиным исследователь публиковал статью о новых памятниках Цебельдинской культуры VI-VII вв., в частности, о материалах из двух семейных кладбищ Шапкинскогo могильника (Церковный холм и Юстинианов холм). В общей сложности в работе подробно были описаны 15 погребений. Из оружия сравнительному анализу были подвергнуты: топоры с расширенным лезвием, обоюдоострые и однолезвийные мечи с ножами, наконечники копий трех типов, наконечники стрел трех типов и ножи. Интересно упоминание среди оружия кирковидного орудия, которое, по словам авторов, было найдено в Цебельде впервые (Воронов, Юшин 1973: 171-191). В 1974 г. Г.К. Шамба публиковал данные археологических разведок в Гагрском районе за 1967 г. (Шамба 1974: 48-65). В этом же году О.Х. Бгажба описал раннесредневековую крепость Ачапара в с. Арасадзых. Исследованиями было выявлено несколько фортификационных построек, которые можно назвать тремя линиями обороны с цитаделью в центре. На территории крепости автором были произведены археологические раскопки, которые показали, что задолго до строительства укрепления здесь проживали люди. Массовые находки керамики VI-VII вв., стали основанием для датировки крепости тем же временем. О.Х. Бгажба также упомянул о подъемном материале, в частности о железном (боевом) топорике – секире. Вместе с остальными находками его датировали позднеантичным и раннесредневековым периодами (V-VII вв.) (Бгажба 1974: 66-77). Стоит отметить, что в другой своей работе автор поместил упомянутый топорик в период развитого средневековья со ссылкой на Б.А. Колчина и В.А. Кузнецова (Бгажба 1977: 45, табл. VI, 20; Колчин 1958: 145-146; Кузнецов 1962: 38, рис. 8, 2). В 1974 г. в «Трудах» Абхазского Государственного музея была напечатана статья Ю.Н. Воронова, посвященная позднеантичным памятникам Цебельдинской культуры в с. Азанта. Ими стали крепость на горе Бат IV-V вв., поселение и могильник. На последнем были исследованы шесть разрушенных

погребений второй пол. III- первой пол. V вв. Погребальный инвентарь некоторых из них включал наконечники копий и топор (Воронов 1974: 204-210). В 1975 г. были опубликованы открытия М.М. Трапша в Цебельде за 1966-1967 гг., а также в Гагрском районе за 1951 г. В первом разделе книги, посвященном культуре горной Абхазии в начале эпохи средневековья, описаны погребальные обряды и инвентарь некрополя Ахьацараху. Вооружению из погребений археолог снова уделил отдельное внимание. Основные виды оружия были представлены мечами трех типов, наконечниками копий шести типов, наконечниками стрел трех типов, топорами двух типов и умбонами от щитов двух типов (Трапш 1975: 1-87, 174-175). Здесь следует отметить наличие некоторых отличий в классификациях типов оружия третьего и четвертого томов трудов М.М. Трапша. Это можно объяснить тем, что монографию «Культура цебельдинских некрополей», вошедшую в третий том, успели подготовить к печати еще при жизни археолога. Поэтому в ней приводится классификация, сделанная самим автором. Четвертый том, напротив, был подготовлен и издан как посмертное издание, материалы которого еще не освещались в печати. По сообщению редакционной коллегии четвертого тома, (Г.А. Дзидзария, А.М. Апакидзе, Ш.Д. Инал-ипа, Л.Н. Соловьев, А.Х. Халиков и др.), исследователем была подготовлена общая таблица по всему оружию, не разделенная по видам. На основе этой таблицы и было произведено видовое и типовое разделение вооружения (Трапш 1975: 86). Следующим памятником, описанным в четвертом томе трудов, стала Анакопийская крепость. Оружие здесь было представлено очень малым количеством. Это наконечники стрел трех типов и пращевые камнями от 2,5 до 5 см в диаметре. К элементам вооружения также был причислен железный гарпунообразный предмет с шипами плохой сохранности (Трапш 1975: 144). И наконец, в том же четвертом томе можно найти интересную информацию о могильниках цебельдинского типа в Гагрском районе. Так, в 1951 г. в с. Хашупсе было обнаружено грунтовое погребение с железными предметами (кинжал, копье, нож).

Последующие вслед за этим раскопки установили наличие могильника первых веков новой эры (Трапш 1975: 174). Второй комплекс из с. Бароновка (старое название) был осмотрен и зарисован М.М. Трапшем в 1962 г. Он состоял из трех железных проушных топоров, двух однолезвийных мечей, наконечника копья и др. предметов VII-VIII вв. (Трапш 1975: 174). Подобные находки представляют большую ценность, поскольку они демонстрируют единую традицию вооружения на территории расселения древних абхазов, как внутри современной Абхазии, так и за ее пределами. Таким образом, к 1975 г. было известно уже о трех могильниках, каждый из которых можно соотнести с древнеабхазскими племенами апсилов, абазгов или санигов. В 1975 г. вышла книга Ю.Н. Воронова, в которой были подведены итоги исследований памятников Апсилии за 30 лет. Наряду с описанием большого числа памятников и различных сфер жизни людей в рассматриваемый период (I-VII вв.), были отдельно рассмотрены вопросы военного дела, оружия и ремесел. Говоря о вооружении, археолог разделил его на наступательное (оружие дальнего и ближнего боя – копья, дротики, лук и стрелы, пращи, топоры, мечи, кинжалы и ножи) и оборонительное (щиты и кольчуга). Интерес представляет краткое описание боевой тактики древних цебельдинцев и сравнение ее с тактикой византийцев. Ю.Н. Воронову также принадлежит первое упоминание находки дуговидного лука, точнее следов его истлевших костяных накладок в одном из погребений. Среди описанных им наконечников копий условно можно выделить пять типов, топоров двух известных типов, мечей условно трех типов, щитов четырех типов, а также разнообразные по форме умбоны и конскую сбрую (Воронов 1975: 1-160). В 1977 г. О.Х. Бгажба опубликовал результаты исследований технологии изготовления оружия и других предметов. Для металлографического анализа рассматриваемого периода были отобраны три меча II-VII вв. и наконечник копья VI в. В результате удалось получить ценные данные, помогающие понять этапность производства оружия, некоторые кузнечные приемы, сравнить местное оружие с зарубежными

аналогами не только типологически, но и технологически (Бгажба 1977а: 152-168). В 1978 г. Ю.Н. Воронов вкратце описал три раннесредневековые крепости: Ахра – Джиху в с. Чхортал, Гумуришскую крепость – городище и Скайсукскую (Наджихскую) крепость – городище. Все три памятника были визуально обследованы в рамках большого исследования фортификационных сооружений вдоль предполагаемой линии Келасурской стены между г. Ткуарчал и с. Пахулан (Бухлоон Агафия). Многочисленный подъемный материал в виде обломков керамики позволил предварительно датировать данные памятники в пределах VIII-X вв. Приведенная автором информация представляет особую ценность, ведь позднеантичные и раннесредневековые крепости юго – восточной части Абхазии археологически очень слабо изучены (Воронов 1978: 178-185). В 1979 г. вышла из печати книга Ю.Н. Воронова, посвященная открытиям в районе г. Сочи и его окрестностей (Воронов 1979а). В данной работе автор сделал попытку собрать уже имеющуюся информацию о местных памятниках, дополнить ее своими наблюдениями и, таким образом, охватить огромный период с древнейших времен вплоть до XVIII в. Полученные данные по археологии и истории края римско – византийского времени весьма интересны и, в какой-то степени, уникальны, поскольку работ подобных масштабов о памятниках Сочи до сих пор не издано. Как известно, значительную часть территории вокруг современного города – курорта занимали саниги. В этом смысле особого внимания заслуживают погребальный комплекс из Мацесты и погребения на северо – восточной окраине Красной поляны (Воронов 1979а: 72-82). В том же году Ю.Н. Воронов и А.С. Вознюк упомянули о находке наконечника копья V-VI в. из могильника Куланьрхуа Гудаутского района (Воронов, Вознюк 1979: 268-274). Подобные экземпляры хорошо известны в апсильских некрополях. Тогда же, Ю.Н. Воронов в соавторстве с В.А. Юшиным проанализировали цебельдинские погребальные комплексы II-IV вв. Подробно рассмотрев материал из 28 апсильских погребений, исследователи определили три основных хронологических этапа –

I-II, III и IV вв. Среди оружия на третьем этапе были выделены: мечи (короткие широкие или длинные узкие), наконечники дротиков, плоские наконечники стрел, топоры (первоначально с молоточковидным обухом, округлым проухом, узкой лезвийной частью; затем вырабатывается тип топора с широкой боевой частью, узкой шейкой и округлым проухом без выступа на обухе), наконечники копий (перо несколько сужается и вытягивается, срединное ребро не доходит до конца пера, двумя резкими возвратами уходя к его основанию вдоль краев, туля укорачивается) и умбоны от щитов (Воронов, Юшин 1979: 181-198).

В 1980 г. О.Х. Бгажба, Ю.Н. Воронова и Н.К. Шенкао написали интереснейшую статью о больших цебельдинских топорах, в частности, исследователями был подробно рассмотрен один из типов этого оружия. В работе приведены данные по основным находкам топоров, насчитывающих на тот момент более 100 экземпляров. В географическом плане их распространение охватывало территории от г. Сочи (РФ) до пос. Уреки (ГР, южнее г. Поти). Рассматриваемый тип цебельдинских топоров был разбит на три подтипа. Главным выводом авторов о распространении общей для них формы в Абхазии стало предположение о привнесении оружия, т.к. оно появилось на рассматриваемой территории в почти завершенном своем виде. Важными данными также являются результаты металлографического анализа некоторых изделий. Так, например, выяснилось, что топоры изготавливали из железа и стали хорошего качества. Помимо этого, исследователями приведены убедительные доводы относительно применения цебельдинских топоров в бою, что позволяет рассматривать их как оружие и ближнего боя, и дальнего, по аналогии с франкскими метательными топорами (Бгажба, Воронов, Шенкао 1980: 84-93). В 1980 г. стали известны некоторые итоги работ цебельдинской археологической экспедиции за 1977 г. Археологами были детально исследованы и раскопаны башни № 1, 2 и 3, остатки двух храмов и около 20 погребений на прилегающем к крепости могильнике. Как и во всех других случаях, захоронениям мужчин сопутствовали топоры, наконечники копий,

ножи, умбон и др. предметы (Воронов, Гунба, Бгажба, Хрушкова 1980: 244-251). В «Полевых археологических исследованиях за 1978 г.» 1981 г. были опубликованы сразу две статьи, посвященные фортификационным памятникам Абхазии в рассматриваемое время. В одном случае речь шла о Пицундском городище, где был заложен 22-ой раскоп, в результате чего удалось впервые выявить культурный слой конца I- первой пол. II вв. (Лордкипанидзе 1981: 119-124). В другом случае – основное внимание было сосредоточено вокруг расшифровки сложной воротной системы Цибилиума и доисследования башни № 3. Кроме этого авторами велись работы параллельно на двух кладбищах могильника. В ходе раскопок удалось исследовать серию погребений с оружием (кинжалы, наконечники копий, ножи) и одно конское захоронение IV-VI вв. (Воронов, Гунба, Бгажба, Хрушкова, Шенкао 1981: 175-183). В 1982 г. были опубликованы очередные результаты исследований Цибилиума, которые не внесли существенных поправок в определении времени постройки и функционирования крепости (в рамках VI в.). Иная картина вырисовалась на одноименном могильнике. В отчетном сезоне удалось выявить 50 погребений. Из кремационных захоронений исследователи выделили комплекс № 5, в котором нашли широкий железный меч с бронзовым круглым навершием и бронзовой прорезной бляхой с изображением свастики, топор цебельдинского типа, наконечник копья и др. предметы IV в. Интересны два ингумационных мужских погребения VI-VII вв. без предметов вооружения и керамики. Помимо работ в Цебельде экспедицией были осуществлены разведки в Кодорском ущелье. В 1 км юго – западнее от с. Георгиевское (старое название) исследователями было зафиксировано раннесредневековое (VIII-X вв.) поселение, а также многочисленные остатки жилых построек и ацангуар в урочищах Абылраху, в районе оз. Квараш, Малый Гуараб, в ущелье р. Шоу и т.д. Керамический материал некоторых из этих построек также был датирован периодом раннего средневековья (Воронов, Бгажба, Шенкао 1982: 63-68). В 1982 г. вышла книга Ю.Н. Воронова и В.Б. Левинтаса «По древним тропам

горной Абхазии», где были подробно описаны маршруты, пройденные авторами с северо – запада на юго – восток через субальпийские зоны Гагрского, Бзыбского, Чедымского, Абхазского и Главного Кавказского хребтов. Особое внимание Юрием Николаевичем уделялось жертвенникам – святилищам, а также ацангуарам, время бытования которых он отнес к раннему средневековью. Последние были представлены незначительным количеством трехперых наконечников стрел VIII-IX вв. и др. предметами. Особого внимания заслуживает описание жертвенника на перевале Напра, где авторами было собрано около 15 000 наконечников стрел. И хоть они, в большинстве своем, были отнесены к XIII в., т.е. к зрелому средневековью, все же эти данные весьма ценны для оружейников. Немного ранее, в 1978 г. некоторые из этих наконечников были подвергнуты металлографическому анализу, который показал, что кузнецы средневековой Абхазии (XI-XIV вв.) могли изготавливать их из чистого железа, неравномерно науглероженной стали, из малоуглеродистой, средне – и высокоуглеродистой стали, с использованием поверхностной двух – и односторонней цементации и с возможной нормализацией (Воронов, Левинтас 1982: 49, 14-19; Бгажба, Воронов 1978: 186-198).

Накопленный за годы исследований археологический материал, уже давно указывал на наличие большого ассортимента предметов вооружения в могильниках Абхазии II-VII вв. В рамках больших исследований археологами неоднократно создавались классификации оружия, известного на тот момент. Однако, всеобъемлющей работы, посвященной только вооружению древнеабхазских воинов, не существовало до 1982 г. Белое пятно в оружейноведении Абхазии рассматриваемого периода удалось заполнить Ю.Н. Воронову и Н.К. Шенкао, опубликовав большую статью «Вооружение воинов Абхазии IV-VII вв.». Несмотря на указанную в заглавии датировку, в работе был рассмотрен материал начиная со II в. Авторы подробно остановились на каждом виде оружия, указав свое видение типологии наконечников копий и

дротиков, стрел, топоров, мечей и кинжалов, щитов, умбонов и конской сбруи. Причину столь массового использования оружия, отраженного в погребальном обряде апсилов, абазгов, санигов и мисимиян, археологи связали с общностью материальной культуры на варварской периферии позднеимского и ранневизантийского культурного мира. Особо значимую роль в этом сыграла эпоха великого переселения народов, когда нескольких десятилетий было достаточно для перемещения отдельных предметов, или технических новшеств на огромные расстояния (Воронов, Шенкао 1982: 121-165). С момента публикации статьи минуло уже 37 лет, однако же, приведенные в ней данные, не перестали быть актуальными в научном мире. Более того, данная работа по-прежнему остается главным источником? по вооружению воинов Абхазии IV-VII вв. В 1984 г. был опубликован автореферат диссертации Ю.Н. Воронова на соискание ученой степени доктора исторических наук. Главным результатом исследования явилась впервые разработанная на основе корреляционного метода схема развития основных форм материальной культуры Восточного Причерноморья на протяжении 1500 лет (Воронов 1984: 35). В 1984 г. вышел отчет о работе Цебельдинской археологической экспедиции за 1981 г. В рамках исследования археологи продолжили копать в крепостях Цибилиум и Шапки, а также на могильнике апсилов. На последнем было выявлено 45 захоронений III-VII вв. В одном из ранних комплексов – кремации в урне обнаружен богатый набор железного оружия и орудий труда (боевой и плотничий топоры, садовый топор, цалда, мотыги, наконечники копий и дротиков) (Воронов, Бгажба, Шенкао, Логинов 1984: 74-77). В 1985 г. исследователи апсильских древностей вновь поделились результатами своих работ на указанных выше памятниках. За отчетный год на могильнике было раскопано 70 погребений III-VII вв. Из ранних погребений особенно интересно совместное захоронение воина и женщины в урнах рядом с конем. Вокруг урн стояло семь керамических сосудов; лежали короткий железный меч – гладиус, боевой и рабочий топоры, цалда, два наконечника копья. Все перечисленное, в свою очередь,

располагалось вдоль спины и холки коня, стреноженного перед помещением в могилу (Воронов, Бгажба, Шенкао 1985: 65-67). В 1985 г. вышла очередная статья о памятниках Цебельды, в частности крепости Шапки, объектом исследования которой в 1981-1982 гг. стала башня № 3, занимающая одно из главных положений в оборонительной системе данного участка. В ходе археологических раскопок в башне были зафиксированы погребения VII-VIII вв. и произведены обмеры самого сооружения, результатом которого стал вывод автора о полном совпадении в технике, конструкциях, размерах отдельных деталей укреплений Шапки и Цибилума (Воронов, Бгажба 1985: 27-34). Там же опубликована статья З.В. Агрба, посвященная археологическим раскопкам на Пицундском мысе. Одним из объектов исследования стала башня № 19 города – крепости Питиунта (Агрба 1985: 35-37). В 1985 г. в «Известиях» О.Х. Бгажба посвятил статью исследованию дамасских мечей IV-VI вв. из Абхазии. Подобная исследовательская работа в рамках рассматриваемой территории, была проделана впервые. Помимо краткого исторического очерка с использованием источников, Олегу Хухутовичу удалось изучить сам технологический процесс и разгадать природу узоров на мечах, образующихся после сплетения вместе железных и стальных прутьев. Главным выводом историка? стало предположение о том, что каждый второй апсилийский меч мог оказаться изготовленным из дамасской, стали, а их появление в Абхазии возможно связывать, как с размещением римских гарнизонов в здешних крепостях, так и с высоким уровнем металлургии железа в регионе (Бгажба 1985: 74-77). В 1986 г. А.К. Амброз посвятил статью исследованию кинжалов V в. с двумя выступами на ножнах. В рамках сравнительного анализа этой особенности были рассмотрены и аналогии из Абхазии, которые автор назвал самыми поздними находками (вторая пол V – начало VI вв.) (Амброз 1986: 28-35). В 1987 г. была опубликована совместная статья Ю.Н. Воронова и О.Х. Бгажба о работе отряда Цебельдинской экспедиции Абхазского института им. Гулиа Д.И. АН Грузинской ССР в крепости Шапки в 1983 г. Работы велись в

башне № 1, в храме и на Шапкинском могильнике, где удалось доследовать частично разрушенные погребения III-IV вв. Погребальный инвентарь содержал, помимо прочего, топоры, наконечники копий и меч (Воронов, Бгажба 1987а: 18-22). Особый интерес вызывает публикация о двух всаднических захоронениях из Цебельды второй пол. – конца V в. и второй пол. VI – начала VII вв. Они, как и другие аналогичные погребения, были отнесены к апсильской дружинной знати. Опираясь на археологический материал, полученный за время работы Цебельдинской экспедиции в 1977-1986 гг., исследователи пришли к выводу о том, что мужское боеспособное население Апсилии состояло из многочисленных пехотинцев и малых числом всадников. Важным аспектом, затронутым в статье, является идеологическая сторона погребального культа. Как явствует из погребения № 2, несмотря на принятие христианства в 30-х годах VI в. знатные апсилы продолжали сохранять традиционные верования и обычаи (Бгажба, Воронов 1987: 70-74). В 1987 г. Н.Ш. Кигурадзе, Г.А. Лордкипандзе и Т.Т. Тодуа в совместной статье рассмотрели керамические фрагменты с клеймами XV римского легиона из Пицундского городища, найденные в 1957 г., 1961 и 1985 гг. Новые находки, по заключению соавторов, подтвердили участие солдат названного легиона в строительстве оборонительных сооружений Питиунта в конце II – начале III вв. при Коммодe или Септимии Севере. Помимо этого, исследователи привели интересные данные по прямым аналогиям, найденной в питиунтской пятиугольной башне № 18 металлической части тарсионной метательной машины типа балисты IV в. (Кигурадзе, Лордкипандзе, Тодуа 1987: 88-92). В том же году в журнале «Византийский временник» вышла статья, посвященная главной крепости Апсилии – Цибилиуму. В ней авторы привели подробное описание оборонительных (двойная линия обороны, три главные башни), жилых (казарма), хозяйственных (склад, водопровод, цистерны для воды, винохранилище) и культовых (храмовый комплекс) сооружений западного утеса. Выявленный археологический материал весьма ценен. Помимо

привычных уже предметов вооружения авторами были упомянуты наконечник крупной стрелы с шипами и свинцовым стабилизатором (наконечник плюмбаты) и свыше сотни обломков панцирных пластин, появление которых было связано с событиями 550 г. Интересен также и свисток, сделанный из отростка оленьего рога. Факт его нахождения внутри крепости и конструктивные особенности, не позволяющие использовать этот предмет в качестве музыкального инструмента, дают основания рассматривать данный свисток, как сигнальное приспособление. Согласно выводам исследователей, изучение апсильских крепостей показало, что в их строительстве принимали участие византийские инженеры и строительные отряды, а причиной их возведения при местных поселениях было единство интересов Византии и аборигенов в защите границ империи (Воронов, Бгажба 1987: 116-132). В 1988 г. теми же авторами была опубликована интереснейшая статья о культуре апсильцев во II в. до н.э. – II в. н.э. В ней приведены описания восьми женских захоронений, характеризующих культуру апсильцев до и в момент упоминания о них античных авторов. Таким образом, по утверждению исследователей, поселение и могильник Цибилиум являются памятником, где археологически прослежена преемственность обитания членов одной общины на протяжении почти 1000 лет (Бгажба, Воронов 1988: 45-47). Эти выводы, по всей видимости, легли в основу следующей совместной статьи авторов, опубликованной в 1989 г. К ним добавились и новые находки чернолощеной посуды и других изделий на восточном утесе Цибилиума, датируемых временем не позднее VIII-VII вв. до н.э., а также аналогичные изделия VI-I вв. до н.э. из различных частей крепости. Все эти материалы, по мнению авторов, могут свидетельствовать о прямой преемственности между цебельдинской позднеантичной и колхидской эллинистической культурами, что не вызывает сомнений (Бгажба, Воронов 1989: 98-101). В том же году была опубликована книга М.М. Гунба «Абхазия в I тыс. н.э. В ней автор затронул тему ремесла, в рамках которого привел свою типологию вооружения рассматриваемого периода. Топоры традиционно были

разделены на два основных типа, наконечники копий на пять типов, мечи на четыре типа. Большую часть предметов вооружения М.М. Гунба, как и М.М. Трапш, связал с развитием местной металлургии и преемственностью в традиции выработки форм (Гунба 1989: 64-67).

В 1990 г. вышла очередная статья Ю.Н. Воронова в соавторстве с тремя археологами. Темой исследования стали новые погребения апсилов из окрестностей Цебельды. Интересна находка двух железных наконечников копий из погребения ВХ – 6. Оно было представлено кремацией воина в урне – пифосе. В тулье одного из наконечников находился подток с гвоздиком. Положение находки указывает на то, что это было сделано умышлено (Воронов, Бгажба 1990: 24-29). Хочется также отметить статью З.А. Хибба из того же сборника, повествующей об исследованиях кромлеха в с. Анхуа. На сопровождающем статью рисунке изображены два наконечника копья рассматриваемого периода. В том же 1990 г. вышел второй сборник статей Археологических открытий в Абхазии за 1986-1987 гг., в который была включена интересная статья по археологическим исследованиям Сухумской крепости в соавторстве М.М. Гунба и Л.Г. Хрушковой (Гунба, Хрушкова 1990: 35-39). Участникам экспедиции удалось зафиксировать два строительных горизонта, один из которых был отнесен к периоду поздней античности (V-VI вв.). Исследования выявили большое количество разнообразных керамических изделий и несколько помещений, одним из которых, по сообщению авторов, была баня. В том же году появились новые данные по металлографическим исследованиям кузнечных изделий из памятников Цебельдинской культуры. Совместная работа О.Х. Бгажба, Н.Н. Тереховой и Л.С. Розановой представляется весьма интересной, поскольку значительное число изученных предметов приходится на оружие II-VII вв. Особого внимания заслуживает приведенная авторами типология наконечников копий. Она представлена восемью основными типами, а некоторые из них поделены на разновидности. Не менее интересна и тема древнеабхазского варианта дамасских мечей IV-VI

вв., которые являются древнейшими находками такого рода на постсоветском пространстве. Качество металла позволило заключить, что рассмотренные изделия являлись продукцией местных квалифицированных мастеров (Бгажба, Терехова, Розанова 1990: 184-195). В 1991 г. о плюмбатах (дротики со свинцовыми грузами) из Пицунды впервые написал Julian Bennett (Джулиан Беннет). Сразу хочется указать на заблуждение автора, распространенное среди европейских коллег благодаря грузинской пропаганде, о том, что Абхазия это часть Грузии. В остальном исследователь привел ценную информацию о находках дротиков этого типа на территориях, где присутствовали воины Римской империи, хотя и описал пицундские экземпляры с ошибками (Bennett 1991: 59-61).

На этом можно закончить обзор второго этапа изучения позднеантичных и раннесредневековых памятников Абхазии. Границей между вторым и третьим этапом стала Отечественная война народа Абхазии 1992-1993 гг., ознаменовавшая собой период застоя в научной работе. Значительное количество ценнейших предметов, в том числе предметов вооружения, было вывезено оккупантами в Грузию, а большая часть того, что осталось, оказалась утерянной навсегда во время пожара Абхазского института в г. Сухум. Однако, несмотря на все невзгоды, многонациональный народ – победитель сумел оправиться от удара и после 1993 г. интенсивное изучение Абхазии продолжилось.

1.3. Постсоветский период (1993-2022 гг.).

В 1994 г. в Москве О.Х. Бгажба опубликовал автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Таким образом, впервые была сделана попытка комплексного монографического исследования железообрабатывающего производства на территории Абхазии на протяжении

почти 2500 лет. Исследователем было уделено отдельное внимание кузнечному ремеслу в позднеантичное и средневековое время, большое количество предметов (более 500 артефактов), в том числе вооружение, были подвергнуты металлографическому анализу. Исследования показали, что местные мастера во II-VII вв. широко использовали железо и различные сорта стали. Данные, приведенные в работе, представляют большую ценность для сравнения местной металлообработки с территориально близкими и синхронными культурами, определения уровня кузнечного ремесла в рассматриваемое время, определения последовательности технологических операций и т.д., не отставая по технологии ни от Рима, ни от Византии (Бгажба 1994). В рамках создания единой системы хронологии для культур Восточной Европы и Кавказа в 1997 г. материалы цебельдинских некрополей были привязаны к периодизации Черняховской культуры, а также к некоторым вельбарским и крымским памятникам. Результатом исследования стало создание непрерывной шкалы, охватывающей период III-VI вв. В основу исследования был положен метод корреляции находок из закрытых комплексов, который исследователи противопоставили, применявшемуся до этого, описательному принципу (простая фиксация и классификация памятников, предметов, погребальных сооружений и т.д.). Авторами монографии было введено такое понятие как «хронологические индикаторы» (ХИ), т.е. группы предметов, достаточно хорошо датированные по аналогиям. Одним из таких ХИ стало оружие и его классификация. О.А. Гей и И.А. Бажан выделили следующие типы оружия: боевые топоры двух основных типов и нескольких подтипов, наконечники копий восьми типов, наконечники стрел пяти типов, мечи трех основных типов и нескольких подтипов, кинжалы двух основных типов, щиты четырех типов и умбоны двух основных типов с дроблением на подтипы (Гей, Бажан 1997). Таким образом, удалось уточнить широкие хронологические рамки некоторых групп предметов апсильской культуры. Вместе с тем, появилась возможность использовать новые данные для датировок других синхронных памятников на

территории Абхазии. Особый интерес в этом смысле представляет сравнение материалов из абазгских некрополей, которые еще предстоит локализовать, и могильников санигов в Гагрском районе.

В 2000 г. в «Абхазоведении» Г.К. Шамба опубликовал статью о древностях Восточной Абхазии, в частности Галского района. В ней автор коротко рассказал о коренных жителях края в I в. и некоторых событиях, имевших место в IV-V вв. и в VII в. (Шамба 2000: 3-12). В том же журнале другой археолог, З.Г. Хондзия, упомянул о случайных находках наконечников копий, сделанных местными жителями в 1990-1991 гг. в с. Куланьрхуа (Хондзия 2000: 34-37, рис. 1, 1). Один из показанных на рисунке наконечников однозначно следует отнести к периодам поздней античности и раннего средневековья. В этом же журнале можно ознакомиться со статьей Б.М. Гунба, посвященной истории Себастополиса. В своей работе исследователь обратился к некоторым источникам по рассматриваемому периоду, а также археологическому материалу, полученному в ходе многолетних раскопок. Помимо этого, автором был сделан небольшой историографический очерк истории изучения памятника (Гунба 2000: 62-79). Возвращаясь к тому же журналу, нельзя не отметить работу М.М. Гунба, в которой рассуждая об автохтонности абхазов, он упомянул древнеабхазские племена апсилов и абазгов (Гунба 2000: 80-90). В 2000 г. Н.К. Шенкао затронул тему дальнего метательного оружия у народа Абаза. Археологом в тезисной форме были приведены все известные факты использования луков и стрел в Абхазии с древнейших времен до XVII в., а главным выводом стало утверждение о самостоятельном изготовлении и совершенствовании метательного оружия в регионе (Шенкао 2000: 42-43). В 2003 г. вышла посмертная обобщающая монография Ю.Н. Воронова «Могилы апсилов», представляющая собой полную публикацию материалов, выявленных на могильнике у главной крепости Апсилии в 1977-1986 гг. Книга разбита на 15 основных глав, в каждой из которых дано подробное описание погребений и приведены рисунки всех находок. Параллельно с этим приведены некоторые

сведения по топографии «семейных» некрополей и об основных публикациях, в которых результаты исследований археолога уже получили частичное освещение.

В 2004, рассматривая некоторые аспекты «военной истории абхазов», М.К. Хотелашвили (Инал-ипа) впервые обращает внимание на необходимость развития военно-исторического источниковедения, как одного из основных способов выявления и сбора материалов по указанной тематике (Хотелашвили (Инал-ипа) 2004: 150-182). Исследовательницей рассматриваются некоторые такие примеры и делаются интересные выводы, тем самым было положено начало осмыслению накопленных знаний о древних абхазах в контексте узкой военной тематики.

В 2006 г. Б.М. Гунба попытался изложить краткую историю раннесредневекового Сухума (Себастополиса), прибегая к помощи античных авторов (Гунба 2006: 50-56). В том же году в Нальчике вышли тезисы доклада о проделанной работе Управления охраны историко – культурного наследия Абхазии в Гагрском районе. Так, командой исследователей в с. Ачмарда было зафиксировано множество разоренных кладоискателями погребений. В ходе исследования некоторых из них удалось обнаружить обломки мечей, наконечников копий и дротиков II-IV вв. (Бжания, Агумаа, Бжания, Хондзия, Сакания, Канделаки, Виноградов 2006: 26). Интерес представляют данные, полученные в ходе исследования могильника в с. Ачандара Гудаутского района и опубликованные А.Ю. Скаковым в соавторстве с А.И. Джопуа в «Материалах и исследованиях Кубани» 2006 г. Погребения, в которых отсутствовали предметы вооружения, были датированы археологами V в. Примечательно, что остальной инвентарь, по мнению авторов, имел некоторые аналогии в некрополях Цебельды (Скаков, Джопуа 2006: 235-251). В том же году наконечники стрел из Цебельды IV-V вв., VI в. были рассмотрены в качестве аналогий для литовских и др. экземпляров в совместной статье Anna Bitner-Wróblewska (Анна Битнер-Рублевская) и Bartosz Kontny (Бартош Конти)

(Bitner-Wróblewska, Kontny 2006: 104-122). В 2007 г. был опубликован небольшой отчет по результатам охранных исследований Управления охраны ИКН Абхазии на Ачмардинском могильнике в Гагрском районе. В отличие от большинства статей подобного рода, в данной работе приведено подробное описание местности, с указанием месторасположения могильника и крепости Хашупсе. С одной стороны, ценная информация позволяет с легкостью локализовать названные памятники для проведения на них работ новым поколением исследователей, с другой – доступ к объектам историко – культурного наследия получают и «черные копатели». Ачмардинский могильник в этом смысле является одним из самых разрушаемых памятников, одной из причин этому стала его близость к границес РФ. В этой связи важно подчеркнуть главный вывод и возможное спасение нашей истории, которое озвучили авторы статьи: «Практика охраны культурного наследия показала, что при отсутствии возможности установить на памятнике надежную сторожевую службу, оптимальной формой спасения объекта пока являются стационарные исследования, длительное пребывание археологов на объекте» (Бжания, Агумаа, Бжания, Виноградов, Канделаки, Сакания, Хондзия 2007: 565). В общей сложности экспедицией было обнаружено около 100 грабительских ям, вокруг которых и была сосредоточена основная работа. В расположенных рядом отвалах исследователям удалось собрать много обломков железных мечей, кинжалов, наконечников копий, дротиков и посохов (подтоков?). Также были исследованы четыре разрушенных погребения и одно не тронутое. Общий погребальный инвентарь состоял из шести наконечников посохов (подтоков?), наконечника копья и железного меча в деревянной обкладке (длина 55 см). Богатый материал могильника, собранный экспедицией, был датирован II-IV вв. (Бжания, Агумаа, Бжания, Виноградов, Канделаки, Сакания, Хондзия 2007: 569). В 2007 г. материалы цебельдинских некрополей были опубликованы М.М. Казанским и А.В. Мастыковой во Франции на французском языке. В работе исследователей была предпринята попытка реконструировать эволюцию

Цебельдинского некрополя, модифицировав разработанную ранее хронологию абхазских древностей О.А. Гей и И.А. Бажана. Погребения Цибилиума были соотнесены с четырьмя стадиями, каждая из которых дробилась на периоды. Таким образом, авторы охватили отрезок времени с 230/240 гг. до конца 6-7 вв. и рассмотрели предметы погребального обряда, дав им более точную датировку (Kazanski, Mastykova 2007). В 2007 г. вышла из печати книга, посвященная двум погребальным памятникам на реке Морской Чулек постгунского времени (вторая пол. V в.). В рамках сравнительного анализа ранневизантийских мечей с инкрустированной гардой в работе приведены аналогии из апсильских могильников Шапка – Верин Холм, а также из г. Гагры – Цихерва (Засецкая, Казанский, Ахмедов, Минасян 2007: 122-141). В 2009 г. вышла совместная статья В.В. Бжания, А.С. Агумаа и др., посвященная проделанной исследовательской работе Управления охраны ИКН Абхазии в 2006 г. Одним из объектов исследования стала, упомянутая выше крепость Ачапара в с. Арасадзых Очамчирского района, где в ходе археологических раскопок было найдено погребение, содержащее железный втульчатый наконечник копья VI в. (Бжания, Агумаа, Барцыц, Бжания, Бирюков, Канделаки, Сакания, Хондзия 2009: 717). Другой интересной локацией стал Ачмардинский могильник в одноименном селе Гагрского района. Там, в ходе исследования грабительских ям, удалось зафиксировать погребение в прямоугольной яме, где лежали скелет коня и кости жертвенных животных. У левой берцовой кости скелета лежали остатки железного меча с деревянной обкладкой (Бжания, Агумаа, Барцыц, Бжания, Бирюков, Канделаки, Сакания, Хондзия 2009: 719). В 2009 г. пицундские плюмбаты были упомянуты в статье А.В. Козленко, посвященной использованию этого вида метательного оружия в римской армии IV-VI вв. Автор подробно рассмотрел письменные источники, упоминающие плюмбаты, а также привел данные современных исследователей по реконструкции таких дротиков и их баллистическим свойствам (Козленко 2009: 290-300).

В 2011 г. в материалах Второй Абхазской Международной конференции, посвященной памяти М.М. Трапша, М.М. Казанский и А.В. Мастыкова вновь коснулись вопросов хронологии цебельдинских некрополей. На этот раз, в рамках сопоставления последних с европейской хронологией исследователи расширили временной отрезок с 170/200 гг. до 640/670 гг. Кроме этого, авторы выделили четыре уровня богатства в погребениях, разделяя тем самым погребальный обряд воинской элиты и рядовых воинов (Казанский, Мастыкова 2011: 102-116). В 2011 г. М.М. Казанский коснулся темы кинжалов с боковыми выступами на ножнах, известных по материалам апсильских погребений, тем самым, дополнив исследование А.К. Аброза, опубликованное в 1986 г. Уже в самом названии статьи автор использовал словосочетание «иранские кинжалы», подчеркивая влияние сасанидской аристократической моды в Закавказье, Армении и Иберии на происхождение этого типа клинкового оружия (Казанский 2011: 146-152). В 2012 г. была опубликована статья В.А. Ньюшкова, где историк поделился своими выводами о ранней этнополитической и социальной системе в Апсилии, параллельно рассматривая и археологический материал из Цебельды (Ньюшков 2012: 46-51). Тогда же вышла статья М.М. Казанского, в которой он поделился своими выводами о происхождении скрамасакса – однолезвийного рубяще – колющего оружия с прямым клинком. Поиски аналогий привели автора, в том числе, и в Абхазию. По мнению Михаила Михайловича, скрамасаксы встречены у апсилов в некрополях Цибилиум, Шапка, Мерхеул, Герзеул и у абазгов в могильниках Анухва и Хашупсе (Казанский 2012: 111-124). В 2013 г. цебельдинский наконечник копья с вертикальным вырезом у основания и топор типа «клевец» были упомянуты в работе Bartosz Kontny (Бартош Конти) для сравнения их с материалами из могильника Чатыр – Даг (Крым). Основываясь на взаимовстречаемости некоторых предметов вооружения (мечи и кинжалы, наконечники копий и дротивов, подтоки, умбоны и т.д.), исследователь пришел к выводу о существовании линии межкультурных связей, соединявших Понтийскую зону

со Скандинавией через круг готских памятников, западно – балтских древностей и пшеворскую культуру (Konty 2013: 196-212). В 2013 г. в тезисах докладов четвертой Абхазской Международной археологической конференции Г.А. Сангулия и Т.М. Кармов рассказали о срочных охранно – спасательных работах на территории заповедника «Хашыпсинская крепость». Исследователями были зафиксированы следы старых и новых грабительских раскопов, найдены многочисленные предметы, не представляющие ценности для кладоискателей и по этой причине выброшенные. Наряду с этими работами проводилось изучение оборонительных сооружений, а также заложен шурф, подтвердивший функционирование крепости в VI-VIII вв. из металлических предметов представляют интерес орнаментированный наконечник ножен кинжала, четырехконечные шипы (триболы, или чеснок), четырехгранные и остроугольные черешковые наконечники стрел, пластины панцирного доспеха, треугольная пектораль и кольцо для сбруи (Сангулия, Кармов 2013: 82-85). В 2014 г. вышла из печати книга А.Н. Габелия «Абхазия в преантическую и античную эпохи», обобщившая ряд исследовательских работ автора. Проведенные им с 1999 по 2004 гг. археологические исследования, выявили остатки ранее не исследованных помещений, культурные слои III-VI вв. и других периодов, несколько безинвентарных погребений VII-VIII вв., VIII-IX вв. Работа обильна иллюстрациями и фотографиями, что значительно облегчает восприятие описываемого материала (Габелия 2014: 399-428). В 2014 г. памятники римского периода в Сухуме, Пицунде, Цебельде, а также некоторых районов Грузии были упомянуты в работе Г. Гамкрелидзе. В свойственной для наших восточных соседей манере, все эти районы автором были преподнесены как части современной Грузинской Республики, что не соответствует действительности в отношении первых трех. Тем не менее, опираясь на известный археологический материал Восточного Причерноморья Гамкрелидзе Г. попытался проследить процесс романизации «Иберо-Колхиды», который отразился, прежде всего, на строительстве городов поздней античности и

раннего средневековья и на керамическом производстве. Интересна также приведенная автором короткая информация по некоторым находкам предметов вооружения, происходящих с территории Грузии. Это наконечники копий разных типов I в. до н.э. – III в. н.э., мечи сарматского типа с кольцевыми навершиями на рукоятках I-III вв., кинжал с четырьмя выступами на ножнах и римский шлем III в. (Gamkrelidze 2014). Все эти предметы представляют большой интерес для сравнения с абхазскими находками оружия рассматриваемого периода. В 2015 г. в Москве вышли материалы международной научной конференции, в которых были напечатаны сразу несколько статей по рассматриваемой тематике. В публикации А.И. Джопуа рассказывалось об Археологической экспедиции Абхазского института гуманитарных исследований АНА в 2001 г. в с. Куланрхуа, где был выявлен могильник периода поздней античности и раннего средневековья. Исследователям удалось изучить 27 захоронений, 15 из них были безинвентарными. В остальных погребениях были отмечены предметы, имеющие сходства с цебельдинскими древностями (Джопуа 2015: 31-33). В том же сборнике И.А. Джопуа обратил внимание на погребения воинской знати конца поздней античности из Цебельдинской долины. Анализируя их, археолог сделал вывод о появлении у апсиров высоко милитаризованного общества и возрастающего имущественного расслоения в рассматриваемое время, что подтверждается работами Ю.Н. Воронова, О.Х. Бгажба и др. (Джопуа 2015: 33-34). Той же темы коснулся историк В.А. Нюшков. Рассуждая о социальной истории древнеабхазских обществ, он верно констатировал тот факт, что, опираясь на данные только погребального обряда и сопровождающих его предметов, трудно сделать однозначные выводы о структуре общества и военно – политической обстановке в регионе (Нюшков 2015: 59-60). С данным мнением трудно не согласиться. Та же мысль прослеживается и в статье О.Х. Бгажба. По его мнению, лишь в рамках комплексного подхода к исследованию можно судить о состоянии древнего общества (Бгажба 2015: 9-10). Там же

опубликована статья о раннесредневековом поселении середины I тыс. на горе Джантух г. Ткуарчал. Данная локация представляет особый интерес для археологической науки поскольку горная зона республики изучена крайне слабо. Шурфовка на площадке поселения дала небогатый керамический материал, который, согласно выводу авторов, имел сходства с цебельдинской посудой. Также был найден один наконечник стрелы. Его датировали IV-V вв. по аналогиям из Цебельды (Кадиева, Скаков, Джопуа 2015: 41-44). Говоря о воинской элите апсилов, нельзя не вспомнить работу М.М. Казанского из того же сборника. По сути она повторяет, написанную ранее, большую статью в соавторстве с А.В. Мастыковой. Основная мысль автора сведена к тому, что воинские погребения Абхазии обладают определенной иерархией, что, в свою очередь, отражает социальную структуру древних социумов. Анализируя погребальный инвентарь, М.М. Казанский выделил в захоронениях апсилов четыре уровня богатства и определил для них четыре хронологические стадии (Казанский 2015а: 44-49). Эта же статья, но в более развернутом виде опубликована автором в другом сборнике (Казанский 2016: 83-101). В 2015 г. темы памятников Цебельдинской культуры в Гудаутском районе с. Куланьрхуа коснулся З.Г. Хондзия. В частности, экспедицией Абхазского института гуманитарных исследований были исследованы четыре погребения в с. Адегуара V-VI вв., остатки жилищ и могильников II-VI вв. в с. Осиаа-рху, раннесредневековое поселение в местечке Аджкаца. В ходе археологических раскопок на участке А.А. Джинджуа был вскрыт ряд погребений, среди которых обращает на себя внимание погребение № 2 (воинское). При костяке был обнаружен с правой стороны железный наконечник копья и меч, извлеченный из ножен еще в древности на 10-15 см. Используя аналогии находок из других районов Абхазии (с. Анухва, с. Ачмарда, г. Гагра (Старая Гагра)), автор сделал вывод об этнической принадлежности памятников Цебельдинской (Абхазской) культуры общим предкам современных абхазов, в частности абазгам, шапсугам, апсилам и мисимиянам (Хондзия 2015: 289-293),

что, на мой взгляд, пока преждевременно в силу малой изученности памятников северо – западной Абхазии. Позже данная статья с незначительными изменениями была опубликована в соавторстве с Г.В. Требелевой (Хондзия, Требелева 2017: 164-173). В 2015 г. М.М. Казанский рассмотрел некоторые, как считается, германские элементы в материальной культуре древнеабхазских племен апсилов, абасгов и санигов. Одними из таких элементов были названы мечевидные наконечники копий с простыми, или гранеными втулками, а также щиты с металлическими умбонами и скрамасаксы. В то же время, среди предметов вооружения из Абхазии некоторые разновидности топоров, в том числе цебельдинского типа, отмечены как заимствованные из римской экипировки. Между тем Михаил Михайлович привел убедительные доводы в отношении неверной трактовки принадлежности обряда трупосожжения, ритуальной порчи оружия и помещения фрагментов кольчуги в погребения к исключительно германской традиции. В своем исследовании автор привел большое количество аналогий по тем или иным предметам вооружения, что представляется крайне необходимым и важным для понимания отличий и совпадений в вооружении варварского населения на периферии римско – византийского мира (Казанский 2015b: 33-60). В 2016 г. была напечатана статья В.А. Ньюшкова, посвященная Цебельдинской культуре и ее связям с остальным миром позднеантичного времени. Автором приведены интересные параллели с синхронными памятниками Черняховской культуры, а также затронуты вопросы распространения предметов вооружения среди варварских племен и представителей римско-византийского мира (Ньюшков 2016: 46-53). Помимо этого, в сборнике были опубликованы и другие статьи исторической направленности. Одна из них коснулась темы юго – восточной границы Абхазии в период раннего средневековья (Гумба 2016: 54-61), а другая – событий 30-х – 80-х гг. VIII в. в Западном Закавказье (Касландзия 2016: 62-73). В том же году О.Х. Бгажба опубликовал статью о кузнечном ремесле и его

социально-экономической характеристике в период, когда древнеабхазское общество во II-VII вв., минуя стадию рабовладения, перешло от «военной демократии» к раннему феодализму в VIII в. К таким выводам автор пришел, основываясь на комплексном подходе, используя данные археологии, металлографии, истории, этнологии и фольклора. Роль кузнеца в обществе, владение им определенными навыками были положены в основу всего исследования, благодаря чему и стало возможным судить о состоянии древнеабхазского социума того времени (Бгажба 2016: 275-280). В 2016 г. М.М. Казанским была изложена альтернативная точка зрения о возможных путях проникновения германских племен к Черному морю через территорию западной части Римской империи. Затрагивая тему обороны «Понтийского лимеса», автор отметил возросшее в конце II – IV вв. количество могил с оружием на Южном берегу Крыма и в Абхазии – регионах понтийской границы Империи. В этой связи были рассмотрены некрополи Южного берега Крыма: Ай-Тодор и Чатыр-Даг – и могильники Цебельдинской культуры. Как и в предыдущих своих работах Казанским был упомянут ряд предметов вооружения, заимствованный как от германцев, так и от римлян, в чем следует видеть влияние варваризованной римской армии, занимавшей прибрежные опорные пункты на Черноморском побережье Кавказа (Казанский 2016а: 58-83). В 2016 г. В.А. Ньюшков сделал интересный обзор событий в Закавказье в период VIII в., затрагивая, в частности, военно – политическую ситуацию вокруг древнеабхазских племенных объединений апсилов и абазгов на фоне усиления Арабского Халифата и его завоевательных походов в Закавказье (Ньюшков 2016а: 35-46). Той же темы историк коснулся и в 2017 г., однако, события в Западном Закавказье уже касались VI в. Это византийско – персидские войны, а также контакты первых и вторых с местным населением. В статье были рассмотрены особенности взаимоотношений абазгов, апсилов и лазов с двумя империями, проведен анализ некоторых источников рассматриваемого периода. Помимо этого, исследователь обратил внимание и

на систему укреплений в центральной Апсилии вместе с ее главной крепостью – Цибилеумом (Тзибила). Одним из выводов автора стало предположение о возможном участии в строительстве здешних укреплений византийских инженеров и рабочих, что не исключало привлечение местного населения (Нюшков 2017: 217-227). В 2017 г. А.И. Джопуа и В.А. Нюшков рассмотрели известные памятники Цебельдинской культуры в Абхазии. В частности, внимание авторов было обращено на северо – западную часть республики, где ранее удалось зафиксировать могильники, поселения, крепость и случайные находки периода поздней античности и раннего средневековья. Анализируя мнения отечественных и российских археологов, исследователи согласились с общим выводом по поводу распространения названной археологической культуры по всей территории Абхазии, включая частично район Западной Грузии. В то же время, открытым остается вопрос являются ли известные находки элементами Цебельдинской культуры, или же они попали к абазгам и санигам в результате торговли и обмена (Джопуа, Нюшков 2017а: 53-55). В том же году вышли материалы четвертой Абхазской Международной археологической конференции, где, упомянутые выше, соавторы Г.А. Сангулия и Т.М. Кармов дали более подробное описание исследовательских работ в Хашыпсинском заповеднике с рисунками находок. Датировка, сделанная на основе заложенного шурфа, была сужена с VI-VIII вв. до VI-VII вв. (Сангулия, Кармов 2017: 197-200). В 2018 г. авторы подробно остановились на рассмотрении упомянутых выше пластин ламеллярного доспеха VI-VIII вв. Проведенный сравнительный анализ находок с цебельдинскими аналогами, а также их сравнение с известными деталями доспехов Восточного Причерноморья, Карпатской котловины и Балканского полуострова привели археологов к мысли об аварском следе, как источнике распространения подобных доспехов (Сангулия, Кармов 2018: 372-373). В сборнике статей 2018 г. А.И. Джопуа и В.А. Нюшковым была опубликована работа, в очередной раз затрагивающая тему «черных археологов» на Ачмардинском могильнике. В

результате оперативных работ сотрудников СГБ и Министерства культуры и охраны историко – культурного наследия Абхазии, у задержанных на месте преступления грабителей, был изъят целый ряд интересных предметов. Среди них: пять мечей, десять наконечников копий и дротиков, один фрагментированный наконечник копья, пять ножей и одна бронзовая гарда (от ножа, или кинжала) ромбической формы. Рассматривая данные предметы вооружения в своей статье, авторы провели небольшой экскурс в историю изучения могильника, а также указали на наличие уже в I тыс. до н.э. коммуникационных связей населения Краснодарского края и Абхазии (Джопуа, Ньюшков 2018а: 51-58). В том же году М.М. Казанский рассмотрел три возможных источника распространения обряда помещения щита в могилу усопшего в Северном и Восточном Причерноморье в позднеантичное время. По мнению исследователя, такими источниками могли быть: влияние воинских обрядов германцев, заимствование погребальной практики у фракийских отрядов римской армии и распространение аристократической моды из римского эллинизированного Средиземноморья. Говоря о находках из Абхазии, автор, в качестве примера, указал на цебельдинский умбон стадии I/1 (170/200 – 260/270) римского типа, подчеркивая его не германское происхождение (Казанский 2018: 133-144). В 2018 г. из печати вышел двухтомный труд (книга и каталог) в соавторстве Г. Гамкрелидзе, В. Шатберашвили, М. Пиртсхалава и М. Чарквиани, в котором были собраны все основные виды вооружения на территории современной Грузии в период между V в. до н.э. и IV в. н.э. (Gamkrelidze 2018). Если не брать во внимание очередную попытку преподнесения территории Республики Абхазии в качестве внутренних земель Грузинской Республики, то авторы проделали очень важную работу для понимания того, чем были вооружены и каким был уровень вооружения у народов, живущих на стыке Европы и Азии. С этой целью в книге были рассмотрены наконечники копий восьми основных типов, подтоки, боевые топоры трех основных типов, мечи и кинжалы, луки и стрелы десяти типов,

щиты, доспехи и т.д. В рамках современных границ Абхазии был использован археологический материал из следующих районов: Гагрский район (р. Бзыбь), Пицундский мыс, Гудаутский район (Калдахуара), Сухумский район (Сухумская гора, Ахул – Абаа, Гуадику, Эшера, Келасур), Гульрипшский район (у. Ольгинское, с. Цебельда), Очамчирский район (Баглан), Гальский район (с. Таглан). Примечательно, что на фоне всех представленных районов Грузии территория нашей страны (Абхазии) в рассматриваемый период выглядит более богатой на находки оружия, среди которого имеются самобытные типы вооружения, например, наконечников копий и дротиков, получивших распространение в первую очередь в зоне обитания древнеабхазских племенных объединений, но никак не древнегрузинских.

Подводя итог третьего этапа историко-археологического изучения рассматриваемой территории, следует отметить, что начался он в условиях полной изоляции Абхазии от всего мира. Тяжелые послевоенные годы не только значительно замедлили развитие научной мысли в стране, в горниле грузино – абхазской войны погибли не только профессионалы археологи, но и богатые фонды археологии, архив и библиотека. Однако, стремление к познанию родного края невозможно было остановить. Отечественные исследователи, несмотря на все трудности послевоенной жизни, продолжили свои изыскания, а участие в научных конференциях, в том числе международных, позволило осветить новые открытия во многих странах мира. В то же время возрос интерес к краю и со стороны зарубежных коллег, в первую очередь из Российской Федерации, Турции, Франции, Германии, Польши и др. Уже с 2000-х гг. началось активное сотрудничество абхазских и российских археологов, которое продолжается и сегодня.

ГЛАВА II. НАСТУПАТЕЛЬНОЕ ВООРУЖЕНИЕ ДРЕВНЕАБХАЗСКИХ ВОИНОВ (II-VII вв.)

На сегодняшний день вопрос о вооружении древних абхазов рубежа эр остается белым пятном в отечественном историческом оружьеведении, как и само направление. Причинами тому являются: недостаточная разработанность классификаций типов оружия, и хорошо датированных мужских погребальных комплексов этого времени, а также отсутствие систематических исследований по данной тематике. Так, например, о характере вооружения можно лишь догадываться, сопоставляя редкие находки последних веков периода ранней античности (II-I вв. до н.э.) и первых веков поздней античности (около II в. н.э.) с событиями, известными по письменным источникам. Большим подспорьем в этой работе выступают открытия и исследования коллег из ближайших к Абхазии регионов, таких как Краснодарский край, Северный Кавказ, Республика Грузия. Похожая картина складывается и с последними веками, рассматриваемого в данной работе отрезка времени (в большей степени с VIII в.), когда предметы вооружения перестают класть в мужские погребения. Поэтому, приводимый в ходе исследования археологический материал в узком смысле можно датировать II-VII вв., что не мешает рассматривать I и VIII века в качестве, своего рода, инерционных периодов, т.е. периодов, когда постепенно прекращалось, а в некоторых случаях наоборот – продолжалось дальнейшее использование того или иного предмета вооружения.

2.1. Копья и дротики.

За годы существования археологической науки в Абхазии открыто большое количество памятников периода поздней античности и раннего средневековья. Если говорить о погребальных памятниках, таких как цебельдинские, хашупсинский, или анухвинский могильники, то среди предметов вооружения, которые попадают исследователям, значительная, если не большая, часть находок представлена наконечниками копий и дротиков. В данной главе мне бы хотелось предложить свое видение типологии этого вида оружия и подробнее остановиться на некоторых технологических особенностях его изготовления, характерных преимущественно для ареала расселения древнеабхазских племенных объединений.

Попытки создания классификации наконечников копий и дротиков в разное время уже предпринимались абхазскими и зарубежными исследователями. По объективным причинам главный акцент всех, перечисленных ниже работ, был сделан на районе села Цебельда, что позволило там выделить и достаточно хорошо изучить в целом местную археологическую культуру рассматриваемого периода. В 1971 г. в монографии М.М. Трапша было определено пять типов наконечников копий из Цебельды III-V вв. (Трапш 1971: 150-151). В 1978 г. М.М. Гунба, работая в том же районе, расширил рамки их бытования до II-VI вв. (Гунба 1978: 79-81), а в 1982 г. Ю.Н. Воронов, в совместной статье с Н.К. Шенкао (Воронов, Шенкао 1982: 124-127), раздвинул эти границы до VII в. Последними авторами также было выделено пять типов наконечников. Свое видение типологии высказали и О.Х. Бгажба, Н.Н. Терехова, Л.С. Розанова, остановившись на восьми основных типах и нескольких подтипах наконечников из Цебельды (Бгажба, Терехова 1990: 185-187). А в «Хронологии эпохи «готских походов»» можно прочесть о девяти типах наконечников копий и дротиков из Абхазии (Гей, Бажан 1997: 11).

В ходе сравнения всех классификаций мною были обнаружены некоторые расхождения авторских выводов. В первую очередь бросалось в глаза отсутствие единой терминологии. Одни и те же типы наконечников

исследователями назывались по-разному. Так, например, листовидная форма пера некоторых экземпляров иногда имеет очертания овала, из-за чего наконечники этого типа (Рис. 2, 11) одни авторы называют наконечниками с «пером овальной формы», помещая их в отдельную группу (Трапш 1971: 150; Гунба 1978: 80), другие – наконечниками с «широким листовидным пером» (Рис. 2, 1-3, 9) (Воронов 2016: 230), в то время, как первые и вторые варианты можно отнести к одному общему типу листовидных наконечников копий и дротиков, разделив его на подтипы. Причиной такой путаницы стали субъективные восприятия каждым исследователем форм наконечников, чего не избежал и автор данной работы. В этой связи считаю возможным расширить типологию данного вида оружия, обращая внимание в первую очередь на срединную часть пера (ребро жесткости/границы), а не на его форму, как это принято делать. Данное деление позволяет акцентировать внимание на функциональных особенностях и технических приемах, применяемых в процессе изготовления наконечников копий и дротиков на рассматриваемой территории.

Копье, в первую очередь, это оружие проникающего характера, а уже потом режущего. Другими словами, в ходе сражения куда важнее было пронзить цель – пробить броню, а уже после увеличить ущерб от раны за счет ширины пера наконечника, т.е. его формы. Усиленная сердцевина металлического наконечника (нервюра) представляет собой следующую эволюционную ступень все той же первобытной палки с заточенным и обожженным концом. В любом варианте исполнения она остается неизменной частью наконечника с момента его изготовления до самого конца эксплуатации. В этом смысле форму пера следует отнести к категории второстепенных признаков. С течением времени она может изменяться по разным причинам, будь то механические воздействия, или влияния моды. В большей степени это касается листовидных наконечников копий и дротиков.

Нельзя не учитывать и тот факт, что археологам часто попадаются фрагментированные экземпляры. В первую очередь страдают втулка и само перо наконечника, от которого, как правило, остается лишь срединная часть.

На этом, пожалуй, стоит остановиться и перейти к типологизации наконечников копий и дротиков, которую можно понимать в широком и узком смысле. В широком смысле мною было выделено девять типов наконечников:

Тип I. Листовидные наконечники копий и дротиков со срединным ребром, достигающим до острия (Рис. 1, 1);

Тип II. Листовидные наконечники дротиков линзовидного сечения (Рис. 1, 2);

Тип III. Наконечники копий и дротиков ромбического сечения (Рис. 1, 3);

Тип IV. Наконечники копий и дротиков ромбического сечения со штамповкой закрытого типа (Рис. 1, 4);

Тип V. Наконечники с вытянутой шейкой и жальцем на конце (Рис. 1, 5);

Тип VI. Наконечники квадратного сечения (Рис. 1, 6);

Тип VII. Наконечники круглого сечения (Рис. 1, 7);

Тип VIII. Наконечники дротиков со свинцовым грузом (Рис. 1, 8);

Тип IX. Переделанные в наконечники копий клинки мечей/кинжалов (Рис. 1, 9).

Если говорить о наконечниках копий и дротиков в узком смысле, то почти каждый из перечисленных типов состоит из множества подтипов.

Тип I. Листовидные наконечники копий и дротиков со срединным ребром жесткости.

Подтип I.1. Лавролистные с ребром жесткости, достигающим до острия. Штамповка открытого типа (Рис. 2, 1, 2);

Подтип I.2. Лавролистные с ребром жесткости, достигающим до острия. Штамповка полуоткрытого типа (Рис. 2, 11);

Подтип I.3. Лавролистные с ребром жесткости, не достигающим до острия. Штамповка закрытого типа (Рис. 2, 6);

Подтип I.4. Лавролистные с граненым ребром жесткости, не достигающим до острия. Штамповка закрытого типа (Рис. 2, 10);

Подтип I.5. Остролистные с ребром жесткости, достигающим до острия. Штамповка полуоткрытого типа (Рис. 2, 3-5). В отличие от первых двух подтипов обладают более выраженным углом перехода (плечиками) от шейки втулки к перу;

Подтип I.6. Остролистные с ребром жесткости, не достигающим до острия. Штамповка закрытого типа (Рис. 2, 7, 9);

Подтип I.7. Остролистные с граненым ребром жесткости, не достигающим до острия. Штамповка закрытого типа (Рис. 2, 8);

Подтип I.8. Листовидные линзовидного сечения. Штамповка закрытого типа (дротики) (Рис. 2, 12, 14, 15);

Подтип I.9. Листовидные линзовидного сечения. Штамповка полуоткрытого типа (Рис. 2, 13).

Тип II. Листовидные наконечники дротиков линзовидного сечения.

Подтип II.1. Лавролистный наконечник дротика линзовидного сечения (Рис. 1, 2).

Тип III. Наконечники копий и дротиков ромбического сечения.

Подтип III.1. Ромбические с вытянутым слегка расширенным пером и острием, имеющим легкий изгиб (Рис. 3, 1, 2, 4);

Подтип III.2. Ромбические с узким вытянутым пером и острием, имеющим легкий изгиб (Рис. 3, 3);

Подтип Ш.3. Ромбические с граненой втулкой, вытянутым пером и острием, имеющим легкий изгиб (Рис. 3, 5);

Подтип Ш.4. Ромбические мечевидные (Рис. 3, 6);

Подтип Ш.5. Ромбические мечевидные с граненой втулкой (Рис. 3, 7-9);

Подтип Ш.6. Ромбические с пламевидным пером (Рис. 3, 10, 11);

Подтип Ш.7. Ромбические с пламевидным пером и граненой втулкой (Рис. 3, 12, 13);

Подтип Ш.8. Ромбические с коротким пером подтреугольной формы (дротики) (Рис. 3, 14, 15);

Следующие два подтипа наконечников копий VIII-X вв. из окрестностей Сочи (Воронов 1979а: 97) добавлены в типологию условно. На сегодняшний день нет точных данных, говорящих об их использовании древнеабхазскими воинами именно в VIII в.

Подтип Ш.9. Ромбические с широким пером у основания и прямым острием (Рис. 3, 16);

Подтип Ш.10. Ромбические с выступами по бокам (Рис. 3, 17).

Экземпляры, о которых пойдет речь ниже, также можно отнести к одному из подтипов третьего типа наконечников, т.к. в их основе лежит ромбовидное сечение и похожие формы. Однако, примененная в ходе их изготовления специфическая техника штамповки, позволяет отнести данные образцы к отдельному типу наконечников копий и дротиков.

Тип IV. Наконечники копий и дротиков ромбического сечения со штамповкой закрытого типа.

Подтип IV.1. Ромбические с прямым вытянутым пером (Рис. 4, 1-3);

Подтип IV.2. Ромбические с вытянутым пером и острием, имеющим легкое скругление (Рис. 4, 4-14);

Подтип IV.3. Ромбические мечевидные (Рис. 4, 14-15);

Подтип IV.4. Ромбические мечевидные с граненой втулкой (Рис. 4, 16);

Подтип IV.5. Ромбические с округлой формой у основания пера (Рис. 4, 17-18);

Подтип IV.6. Ромбические с пламевидным пером (Рис. 4, 19-21);

Подтип IV.7. Ромбические с узким вытянутым пером и юбкой у основания пера (Рис. 4, 25);

Подтип IV.8. Ромбические листовидной формы (Рис. 4, 22-24).

Тип V. Наконечники с вытянутой шейкой и жальцем на конце.

Подтип V.1. Наконечник с граненой втулкой, выраженными плечиками, вытянутой шейкой с переходом от квадратного сечения к круглому и миниатюрным жальцем листовидной формы линзовидного сечения (Рис. 5, 1);

Подтип V.2. Наконечник с втулкой круглого сечения, выраженным переходом к вытянутой шейке квадратного сечения и миниатюрным жальцем листовидной формы линзовидного сечения (Рис. 5, 2);

Подтип V.3. Наконечник с граненой втулкой, плавным переходом к вытянутой шейке круглого сечения и миниатюрным жальцем ромбовидной формы ромбического сечения (Рис. 5, 3);

Подтип V.4. Наконечник с граненой втулкой, выраженным переходом к вытянутой граненой шейке и жалом ромбовидной формы ромбического сечения (Рис. 5, 4).

Тип VI. Наконечники квадратного сечения.

Подтип VI.1. Вытянутые с втулкой квадратного сечения (Рис. 6, 1);

Подтип VI.2. Вытянутые с выраженным переходом от втулки к боевой части (Рис. 6, 3);

Подтип VI.3. Наконечники с выраженным переходом от втулки к боевой части и короткой втулкой (Рис. 6, 4);

Подтип VI.4. Наконечники со скошенным переходом от втулки к боевой части (Рис. 6, 2, 5-6);

Тип VII. Наконечники круглого сечения.

Подтип VII.1. Вытянутые конусообразные наконечники (Рис. 7, 4-6);

Подтип VII.2. Вытянутые с выраженным переходом от втулки к боевой части (Рис. 7, 1);

Подтип VII.3. Наконечники с широкой втулкой и резко сужающейся боевой частью (Рис. 7, 2-3);

Подтип VII.4. Наконечники с закругленным окончанием (Рис. 7, 7);

Тип VIII. Наконечники дротиков со свинцовым грузом.

Подтип VIII.1. Наконечники со свинцовым грузом овальной формы (Рис. 20, 2-4);

Подтип VIII.2. Наконечники со свинцовым грузом биконической формы (Рис. 20, 1).

Тип IX. Наконечники копий вторичного использования.

Подтип IX.1. Клинок с прямым вертикальным вырезом у основания (Рис. 22, 2-4);

Подтип IX.2. Клинок с косым вертикальным вырезом у основания и втулкой (иногда муфтой) для фиксации (Рис. 22, 1).

По мнению Ю.Н. Воронова и Н.К. Шенкао, некоторые из приведенных форм наконечников копий и дротиков первого, третьего и четвертого типов по своему происхождению тесно связаны с формами оружия, используемого на территории Абхазии еще в VI-II вв. до н.э. (Воронов 1975а: 220) и даже в более раннее время. Сюда же можно добавить некоторые подтипы второго, пятого, шестого и седьмого типов наконечников. Все эти экземпляры обладают рядом схожих признаков со своими предшественниками. При этом важно всегда учитывать условность таких «совпадений», ведь речь о прямой

преимущества в данном случае не может быть воспринята однозначно. Одним из объяснений этому служит большой временной разрыв между раннеэллинистическими экземплярами и, например, цебельдинским вооружением периода раннего средневековья. Такой позиции придерживаются и Ю.Н. Воронов с Н.К. Шенкао, допуская возможность «открытия заново» некоторых типов оружия под воздействием иноземных образцов (Воронов, Шенкао 1982: 126).

В то же время, открытая однажды технология производства того или иного предмета вооружения, либо его части, может использоваться в одном регионе на протяжении очень долгого времени вне зависимости от влияний разных культур, изменения этнической картины в регионе и прочих процессов. Так, например, листовидную форму наконечников копий и дротиков из Абхазии хронологически можно отнести к одной из самых древних. Как известно, она фиксируется еще со времен бронзового века и естественным образом переходит в эпоху железа. Несмотря на изменение техники изготовления (переход от литья к ковке), наконечники продолжают снабжать срединным ребром, а в некоторых случаях их втулки остаются незамкнутыми (Рис. 7, 2). Последний признак, присутствующий у разных типов наконечников ранней и поздней античности, рядом исследователей интерпретируется, как дань моде, или прежним традициям. Тем не менее, я допускаю, что в этом вопросе первостепенное значение может иметь функциональная составляющая, позволяющая насаживать наконечник на древки разной толщины за счет увеличения зазора на втулке. Таким образом, становится возможным уточнить, что древние мастера придерживались не просто какой-то традиции предков, а использовали выработанную и проверенную веками технологию, которая со временем по причине унификации вооружения потеряла свое значение.

Тип I. Листовидные наконечники копий и дротиков.

В представленной типологии обращают на себя внимание экземпляры первого типа, подтипов I4 и I7 (Рис. 2, 8, 10). Их можно считать переходными формами от листовидных наконечников, в основе которых вначале лежало линзовидное сечение, к наконечникам второго типа. Эти экземпляры приобрели граненое ребро жесткости, что указывает на изначальное ромбовидное сечение перьев, однако, их форма по-прежнему сохраняет листовидные очертания. Как и некоторые наконечники первого и четвертого типов, данные экземпляры изготавливались с применением штамповки закрытого типа.

Рассмотренные наконечники копий и дротиков первого типа по материалам цебельдинских некрополей были датированы Ю.Н. Вороновым III – началом V вв. (Воронов, Шенкао 1982: 124). Уточненная датировка М.М. Казанского позволяет удревнить некоторые экземпляры до конца II в., в частности, это касается наконечников листовидной формы со штамповкой закрытого типа Цибилиум-1 (погр. 64, 83, 97 и др.) (Казанский, Мастыкова 2008: 106).

Ближайшие аналогии апсилийским листовидным наконечникам на территории Абхазии известны из могильника в с. Ачмарда Гагрского района. Все они происходят из разрушенных в 2016 г. «черными археологами» погребений позднеантичного и раннесредневекового времен. Конфискованные у копателей предметы вооружения были уже опубликованы в статье А.И. Джопуа и В.А. Ньюшкова и отнесены к периоду поздней античности. Однако, исследователями не были учтены все экземпляры (Джопуа, Ньюшков 2018а: 55, 58). Ознакомившись со всеми материалами, мне удалось выявить 10 наконечников копий и дротиков, из них 5 листовидных экземпляров и 2 фрагментированных листовидных наконечника (Рис. 10). В этой связи важно отметить, что в 2006-2007 гг. Ачмардинский могильник уже упоминался в научных статьях, в контексте все тех же грабительских раскопок. Тогда участникам экспедиции Управления охраны историко-культурного наследия Абхазии удалось зафиксировать следы около ста раскопов, в отвалах которых были оставлены керамические и железные предметы. В числе предметов

вооружения были и наконечники копий, однако, ни одна находка оружия не была подробно описана или зарисована. На основании полученных в ходе исследования материалов могильник был датирован II-IV вв. (Бжания, Агумаа, Бжания, Виноградов, Канделаки, Сакания, Хондзия 2007: 566-569). Таким образом, имея синхронные с апсильскими древностями материальные свидетельства последних десятилетий из Ачмарды, можно говорить о распространении схожих предметов вооружения и в северо-западной части Абхазии.

За пределами Абхазии следует отметить находки листовидных наконечников в окрестностях Сочи (погребения VI-VII вв. на Красной Поляне и в с. Веселом) (Рис. 8, 1-2) (Воронов 1979: 78, 115) и в Южноозерейском могильнике (I – первой половины III вв.), недалеко от Новороссийска (Рис. 8, 3-4). Примечательно, что на участке 2, Южноозерейского могильника была найдена дуговидная фибула – брошь, также находящая аналогии в Абхазии (Гавритухин, Пьянков 2003: 187-189, табл. 72: 19, 51).

Похожие экземпляры наконечников известны и в Крыму, так, например, листовидный наконечник с ребром жесткости был найден в одном из погребений IV-V вв. на могильнике античного городища Беляус. Погребенный индивид, а также останки из других захоронений обладали выраженными монголоидными чертами и были увязаны исследователями с тюрками, входившими в гуннский союз (Рис. 8, 5) (Айбабин 2003: 21, табл. 6: 23). Аналогичные экземпляры известны и в Грузии: с. Бандза Мартвильского муниципалитета (Западная Грузия) II в. (Рис. 8, 6) (Gamkrelidze 2018: 19, fig. 2), с. Зеда-Гора муниципалитета Вани (Западная Грузия) I-II вв. (Рис. 8, 7-8) (Gamkrelidze 2018: 73, fig. 2, 3), с. Зеда-Клдеети Зестафонского муниципалитета (юго – восточнее Кутаиси) II в. (Рис. 8, 9) (Gamkrelidze 2018: 98, fig. 1), Модинахская крепость Сачхерского муниципалитета (Западная Грузия) IV в. (Рис. 8, 10) (Gamkrelidze 2018: 105, fig. 13), с. Жинвали муниципалитета Душети (Восточная Грузия) II в. (Рис. 8, 11) (Gamkrelidze 2018: 116, fig. 2), по

всей видимости, к аналогичным наконечникам копий можно причислить и находки II-III вв. из Чхороцкского муниципалитета (Западная Грузия) (Рис. 8, 12, 13 (Gamkrelidze 2018: 155, fig. 5, 6), а также из Цихисдзири (Западная Грузия) IV в. (Рис. 8, 14) (Gamkrelidze 2018: 156, fig. 1); листовидные наконечники периода раннего средневековья известны и в Недзихском могильнике (Восточная Грузия) (Рамишвили 2003: 287-288, табл. 110: 19, 24).

Примечательно, что часть наконечников копий из Грузии была сконцентрирована на территории Мегрелии – области между реками Риони, Цхенисцкали, Ингур и Чёрным морем. По мнению отечественных исследователей, еще в I-II вв. апсилы заселяли значительную часть Колхиды к северу от Фасиса (г. Поти) до Севастополиса, что подтверждается археологическими материалами. В III-V вв. апсильский центр, судя по всему, перемещается в район Цебельды, а в VI в. лазы окончательно оттеснили апсильцев к правому берегу р. Ингур (Бгажба, Лакоба 2015: 94). Таким образом, схожесть наконечников копий и дротиков рассматриваемого и других типов, в том числе других видов вооружения, можно объяснить этническими передвижениями в регионе в первых веках н.э., а также усилением римско – византийской активности на черноморском побережье и в закавказском регионе, в частности.

Тип II. Наконечники дротиков линзовидного сечения.

Наконечник копья второго типа известен в единственном экземпляре (Рис. 10, 8). Он был изъят у черных археологов в районе Ачмардинского могильника и вместе с другими находками передан в Абхазский Государственный музей. Как уже говорилось выше, большинство исследователей датируют этот могильник периодом поздней античности и ранним средневековьем.

Несмотря на скудную информацию по наконечникам этого типа в рассматриваемом отрезке времени, они, как и другие типы имели

распространение и в других районах Абхазии (Гуад-Иху, Гулрыпш) (Воронов 1975а: 218-234, рис. 3, 6, 8, 12).

Тип III. Наконечники копий и дротиков ромбического сечения.

В наконечниках копий и дротиков третьего типа полностью переосмысливается понятие ребра жесткости. Если в листовидных наконечниках нервюра является элементом, на который приходится основная нагрузка во время укола противника, то в наконечниках ромбовидного сечения эту функцию берут на себя грани пера, а увеличенная массивность позволяет использовать такие экземпляры не только против вражеской пехоты, защищенной металлическими доспехами, но с большим успехом и против катафрактариев.

Формы перьев данных наконечников в основном представлены вытянутыми прямыми линиями, иногда плавно сужающимися к острию. Известны также и пламевидные формы (Рис. 3, 10-13). Если первые датируются IV-VII вв., то наконечники копий пламевидной формы встречаются исключительно в комплексах второй половины VI-VII вв. (Воронов 2016: 231; Воронов, Шенкао 1982: 125-126).

Данный тип наконечников копий и дротиков имел широкое распространение по всей территории современной Абхазии. Следует отметить, что к 1979 г. северо-западная часть Абхазии (Гудаутский и Гагрский районы) в археологическом смысле была изучена крайне слабо. На всей этой площади с достаточной определенностью зафиксированы лишь, упомянутая крепость, редкие следы поселений и до десяти могильников (Воронов 1979: 50). На сегодня ситуация кардинальным образом не изменилась. Тем не менее, сомневаться в распространении в этих районах вооружения аналогичного и синхронного цебельдинскому не приходится. В этом смысле представляет интерес упоминание предметов вооружения III-IV вв., в том числе наконечников копий, из разрушенных ингумационных захоронений недалеко от

Ново – Афонского монастыря (Комаров 1882: 1). К сожалению, автор не привел типологических признаков, упомянутых экземпляров. Тем не менее, датировка погребений позволяет предполагать, что среди находок могли быть как листовидные наконечники, так и наконечники ромбического сечения. Как явствует из цебельдинских некрополей, в мужские погребения часто клались наконечники копий и дротиков разных типов.

Из известных упоминаний также следует отметить работу В.А. Куфтина, сообщающего о находках оружия на северном склоне Иверской горы, как он считает, того же могильника (Сушка) (Куфтин 1949: 23).

Наконечник копья ромбического сечения (VI-VII вв.) также был найден в селе Мцара Гагрского района (Воронов 1979: 51, рис. 35, 31).

Известен случай, когда позднеантичный наконечник ромбического сечения обнаружили внутри эшерского кромлеха. Длина сохранившейся части – 37,5 см, наибольшая ширина пера у основания – 9,3 см, диаметр втулки в средней части – 2,8 см (Шамба 1974а: 14, рис. XXVIII, 1). Такого же типа наконечник происходит из башни римского времени на участке гр. Одынец в г. Сухум (Трапш 1969: 345, табл. XLVII, 5).

Для воссоздания возможного образа рядового абасгского воина большой интерес представляет мужское погребение в с. Анхуа Гудаутского района (недалеко от центра Нового Афона), исследованное в 2013 г. археологом Э. Трапш (Рис. 9). Костяк был положен на правый бок, ноги и руки слегка согнуты. Под головой погребенного остриями вверх лежали два наконечника копья ромбического сечения. По своей форме и размерам они идентичны экземплярам из Апсилии периода IV-VI вв. Один из наконечников имел очертания пера пламевидной формы, что характерно для комплексов из Цебельды VI-VII вв. Бронзовая пластинчатая крестовидная фибула, найденная при костяке, также имеет аналогии из цебельдинских погребений V-VI вв. (Могильник Цибилиум – 2, погр.: 280 (4), 283 (7), 315 (5), 327 (14), 406 (26) и

др.) (Воронов 2003: 57, 62, 64, 77). Сама же археолог датировала погребение VIII-IX вв. на основании керамического материала.

Аналогичная ситуация прослеживается в юго-восточной части Гудаутского района (с. Куланьрхуа), где были выявлены погребения, схожие с цебельдинскими по обряду захоронения и содержащие предметы вооружения (Хондзия 2000: 34, рис. 1, 1, 2; Хондзия, Требелева 2017: 167).

Наконечники копий ромбического сечения известны и в Гагрском районе Абхазии (села Хашупсе, Мцары, Ачмарда, Михелрыпш) (Куфтин 1949: 94, рис. 21,4; находки, конфискованные у черных археологов в 2017 г.; Воронов 1979: 54, 55, рис. 37, 32; 38, 14, 15).

Вне Абхазии наконечники третьего типа имеют широкое распространение. Ближайшие аналогии им были найдены на могильнике с. Бжид Туапсинского района Краснодарского края (IV в.) (Рис. 11, 7) (Гавритухин, Пьянков 2003: 190, табл. 74: 27) и могильнике Агойского Аула (Карповка) того же района (Рис. 11, 8) (Миллер 1909: 94, рис. 23, 1). Ромбовидные наконечники копий известны и в Грузии: с. Недзиhi Душетского муниципалитета (III-IV вв.) (Рис. 11, 1-5), Stirfazi (I-V вв.) (Рис. 11, 6) (Gamkrelidze 2018: 110, 132, fig. 1).

Что касается аналогий пламевидных ромбических наконечников, то они хорошо известны в Европе периода миграций и раннего средневековья. Их формы, а также сечения разнятся, однако, общий признак – пламевидные очертания перьев – во всех случаях остается узнаваемым. В качестве примера хочется назвать наконечники копий балтских племен. Несмотря на отдаленные области расселения, в вооружении балтов и древних абхазов прослеживаются определенные параллели. К примеру, можно выделить наконечники пламевидной формы из литовских могильников (V-VI вв.) (Рис. 11, 9) (Седов 1987: 360, 383, 384, 393, 442), или наконечники копий Тушемлинской культуры (восточнобалтская культура) (V-VII вв.) (Рис. 11, 10) (Янин 2006: 430).

Среди прочих пламевидные наконечники из Фонтанеллы (Австрия), Плайдельсхайма, Пфлаумхайма, Шрецхайма и Унтертюрхайма (VI-VII вв.) (Рис. 11, 11-14) (Cociş, Ursuţiu 2012: 43-46).

Все перечисленные примеры объединены одним периодом (раннесредневековым) распространения на обширной территории, в том числе и в Абхазии.

Как мне представляется, с пламевидными наконечниками генетически может быть связан, выделенный выше подтип III₁₀, который представляет собой одну из промежуточных форм между ними и более поздними протазанами (Рис. 12, 2). Последние получили распространение в Европе XVI в. в качестве оружия ландскнехтов, а боковые выступы в некоторых случаях делались даже на клинках средневековых мечей (Рис. 12, 3).

Скорее всего, пламевидная форма наконечников копий может быть связана со спецификой ведения боя, некими боевыми приемами, постоянное совершенствование которых привело к замене округлых очертаний наконечников на более выраженные угловатые расширения у основания пера. Однако, на территории современной Абхазии находки подобных экземпляров крайне скудны. На сегодняшний день известно лишь об одном экземпляре, хранящемся в фондах Абхазского государственного музея (Рис. 12, 1). Место его находки не известно. Большинство же наконечников рассматриваемого типа происходят с территории Северо-Восточного Причерноморья (преимущественно район Сочи и Туапсе) и связываются исследователями со средневековыми адыгскими племенами (Рис. 13) (Шишлов, Кононенко 2006: 7-16).

Появление данного типа наконечников стоит связывать с развитием клинкового вооружения, а именно, с распространением палашей и сабель. Как известно, процесс постепенного перехода от мечей к саблям начинается уже в VII-VIII вв. Судя по древнеабхазским археологическим материалам, можно уверенно говорить о том, что наконечники копий с расширениями у основания

клинки появляются не ранее VIII в. Исследователи датируют аналогичные наконечники периодом развитого средневековья (XI-XIV вв.) (Армарчук 2006: 20, 22, 27, 29; Дружинина 2014: 341). Хотя встречаются и другие точки зрения. Так, Ю.Н. Воронов, рассматривая раннесредневековые памятники в районе г. Сочи, остановился на VIII-X вв., т.е. периоде существования раннефеодального Абхазского царства (Воронов 1979а: 102), что выглядит вполне убедительно. Эту датировку, по всей видимости, разделяет и Овчинникова Б.Б., сравнивая вороновский экземпляр с находкой из крепости Годлик Лазаревского района (Овчинникова 2011: 125).

О похожих наконечниках с боковыми выступами написано немало (Миллер 1909: 96, рис. 24, 7; Голубев 2012: 36-38; Голубев, Схатум, Полицын 2017: 245-252, рис. 2, 12; Горелик 2002: 66 и др.), тем не менее, единого мнения о времени их появления и прямом назначении пока нет. Одной из причин этому можно назвать случайный характер находок. В таких случаях исследователи делают свои выводы, основываясь на общей информации о регионе, сопутствующем археологическом материале и аналогиях. Сегодня благодаря доступности и разнообразию современных поисковых приборов, таких как металлоискатели, «черными археологами» массово уничтожаются памятники археологии. На просторах интернета кладоискатели охотно делятся своими трофеями, выставляя их на продажу. В этой связи мне бы хотелось поделиться серией ранее не опубликованных фотографий и некоторой информацией по наконечникам с боковыми выступами (Рис. 14).

Помимо пламевидной формы у абхазских экземпляров часто встречаются граненые втулки. Иногда число граней может достигать до 9-10 (Рис. 3, 5, 7-9, 12, 13). А в случаях с некоторыми наконечниками пятого типа грани переходят от втулки на удлиненную шейку и доходят до самого пера (Рис. 5, 4). Распространение данного признака в VI в. Ю.Н. Воронов связывает с франкским влиянием, которое могло проявиться через контакты местного

населения с дислоцированными на территории Абхазии варваризованными византийскими войсками (Воронов, Шенкао 1982: 126).

С германским влиянием исследователи также связывают мечевидную форму некоторых абхазских экземпляров наконечников копий (Казанский 2015b: 46-48). Часть из них тоже имеют граненые втулки и относятся к стадии III, т.е. 380/400–440/450 гг. Экземпляры, не имеющие граней на втулках к стадиям II (320/330–400/410 гг.) и III (Казанский 2015b: 46). По замечанию М.М. Казанского копия с «мечевидным» пером и огранкой на втулке в целом характерны для гораздо более северных территорий. В позднеримское время и в раннюю эпоху переселения народов они известны в Южной Скандинавии, на территории Дании и Южной Швеции, а также в бассейне Верхней и Средней Эльбы, где их выделяют в тип Дрезден-Добриц-Гюбс (Dresden-Dobritz/Gübs). В Центральной Европе данные копия сопоставимы с типом Качановский XX/1, периода C2, т.е. приблизительно 250/260–300/320 гг., существующего и позднее, вплоть до эпохи переселения народов и известного у населения пшеворской культуры (Казанский 2015b: 46). Подобные формы перьев встречаются у балтских племен, в частности, восемь из девяти таких наконечников происходят из курганных могильников Восточной Литвы и датированы концом VI-VII вв. Длина наконечников 39-51 см, ширина перьев 3-4 см. Втулки восьмигранные (Рис. 15) (Казакиявичус 1988: 40-42).

Несколько экземпляров с похожими формами перьев были найдены в Керчи и датированы IV-V вв., III-VI вв. Их втулки шести и восьмигранные (Мыц 1981: 133-134; Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров 2006: 120-121).

Тип IV. Наконечники копий и дротиков ромбического сечения со штамповкой.

Описание наконечников этого типа, хотелось бы начать с такого их характерного признака, как штамповка, который начинает проявляться у абхазских экземпляров уже с конца II- начала III вв. и прослеживается до VII в.,

когда оружие в мужских погребениях постепенно исчезает. За неимением единой научной терминологии, которая позволила бы описать этот признак, мною были использованы следующие понятия: «штамповка открытого типа» (Рис. 7.1, 1), «штамповка полуоткрытого типа» (Рис.7.1, 2-3) и «штамповка закрытого типа» (Рис. 7.1, 4-7).

Любой железный листовидный наконечник копья или дротика на определенной стадии изготовления проходил через штамповку того или иного типа. В случае с апсилами, абасгами, санигами и мисимианами, этот прием проделывался и с наконечниками ромбического сечения, что делало их непохожими на оружие других народов.

Имел ли этот признак практическое, декоративное или какое-либо другое значение еще предстоит узнать. Не совсем ясно и то, что именно использовали в качестве штампов древние мастера. Были ли это штампы фиксированных размеров, или же формовка осуществлялась неким универсальным инструментом?

В 2000 г. в Центральном выставочном зале союза художников Абхазии проходила выставка холодного оружия, созданного на базе кузницы «Айнар». Посетителям были представлены реплики таких мастеров – оружейников, как Т.С. Дзидзария, Б.Р. Джапуа и Э. Какава. Среди многообразия оружия в экспозиции были представлены и наконечники копий, изготовленные с применением штамповки закрытого типа (Рис. 7.1, 7). Для реализации этого кузнечного приема мастера собрали специальные матрицы (Рис. 16). В их основе лежали по две металлические пластины с приваренными на каждой стальными вкладышами. После придания наконечнику нужной формы и сечения его еще раз раскаляли и помещали в матрицу, производя серию ударов сверху. Чтобы наконечник не соскочил с центра, клише фиксировали штифтами с четырех сторон. Таким образом, штамповка закрытого типа позволяла сделать два четких отпечатка с обеих сторон от центральной грани наконечника. Между отпечатками формировалось ребро жесткости, имеющее теперь шесть граней. В

результате таких воздействий на наконечник его форма также претерпевала изменения. Расплющенный в ходе штамповки металл расходился в стороны, образуя расширение в нижней части пера. Эти излишки и дальнейшая обработка влияли на окончательную форму изделия. В некоторых случаях древние оружейники оставляли такие расширения в форме юбочки (Рис. 4, 25).

Попытка мастеров воссоздать древнюю технику весьма интересна, поскольку она показала, что для формирования ребра жесткости определенной длины возможно было использовать штамп фиксированной формы и размера. Однако, говоря об апсильских воинах, нельзя не учитывать определенную конвейерность производства, которая к VI в. однозначно имела место в оружейных мастерских. Если спроецировать рассмотренную технологию штамповки на древнеабхазские наконечники копий и дротиков, то получается, что для изготовления известных подтипов этого оружия было необходимо наличие равного количества матричных штампов, каждый из которых мог создавать отпечаток только одной формы и размера. Судя по археологическим находкам данного вида оружия, указанные штампы могли составлять в длину в среднем от четырех до четырнадцати сантиметров.

Как мне представляется, существование такого разнообразия форм и размеров матриц выглядит неубедительно по ряду причин. Во-первых, на сегодняшний день не известно ни одной подобной находки. Во-вторых, их изготовление затрудняет и затягивает весь процесс производства отдельно взятого наконечника, в-третьих, наличие штампов разных размеров на наконечниках одного и того же подтипа с похожими пропорциями придает им своего рода неповторимость, а последний фактор, в свою очередь, логично связать с некими предпочтениями владельца оружия. Другими словами, последняя причина могла носить характер личного заказа оружейнику самим воином. В таком случае поставленную перед мастером задачу проще было бы выполнить универсальным инструментом (возможно двумя-тремя).

Принято считать, что предметы вооружения в большинстве своем интернациональны. Одни и те же виды и типы оружия могут использоваться на огромной территории народами, не имеющими даже прямого контакта друг с другом. Данное замечание применительно, например, к импорту оружия в тот или иной регион, когда товар поставляется в готовом виде. Однако же, если речь идет о производстве оружия на месте, пусть даже изначально по общей технологии, но в разных регионах, то в каждом из них неизбежно проявляются индивидуальные черты и технические решения, влияющие на мелкие детали и делающие оружие по-своему уникальным. В абхазском варианте таким воплощением уникальности становится штамповка закрытого типа, позволяющая выделить самостоятельный тип наконечников копий и дротиков из широко известных наконечников ромбического сечения.

Помимо выделенного признака, получившего массовое распространение в зоне обитания древних абхазов, хочется указать на пару наконечников копий рассматриваемого типа из Мрабмы, у которых имеются интересные особенности. Это глухие отверстия на нервюрах наконечников (Рис. 5). Подобные отверстия ранее не были известны среди цебельдинских древностей. Их удалось выявить случайно в ходе реставрационных работ. Диаметр отверстий до 5 мм, глубина – 8,5 мм. Внутренние стенки прямые, с концентрическими насечками, что указывает на сверление. Отверстия были заполнены песчаной смесью беловатого цвета, похожего на известь. Вперемешку с ржавчиной она покрывала весь наконечник, а также наконечники копий из соседних погребений, что вероятно связано с особенностями здешней почвы. Примечательно, что аналогичные отверстия встречаются и на двух ножах, также из Мрабмы. Из-за отсутствия подробной информации в музейных документах сложно сказать связаны ли все эти находки с одним погребальным комплексом, или же принадлежат разным погребениям. Тем не менее, очевидно, что данные признаки появились на предметах не случайно.

Назначение отверстий так же остается загадкой, имели ли они технологическое значение, или речь идет о символизме? На эти вопросы еще предстоит ответить.

«Народное оружие», к которому можно причислить наконечники копий и дротиков, на протяжении существования Цебельдинской культуры всегда оставалось самым массовым, а большой процент оружия в целом в мужских погребениях говорит в пользу того, что в Апсилии существовал развитый центр оружейного производства. Впрочем, нельзя утверждать, что на территории современной Абхазии центр оружейного производства был сконцентрирован только лишь в земле апсильов. Говоря о местных оружейных центрах, конечно, нельзя игнорировать и тот факт, что их функционирование в рассматриваемый период времени не было изолированным. Безусловно, прямым либо косвенным образом, оно было связано с имперскими оружейными мастерскими, расположенными в местах дислокации римских, а позже византийских войск. Насколько сильным было влияние последних в оружейном производстве пока не определено, поскольку коренное население еще задолго до появления римлян в регионе было хорошо знакомо с техникой обработки черных металлов и разнообразными кузнечными приемами. По всей видимости, наконечники со штамповкой разных типов бытовали на рассматриваемой территории уже во II – начале III вв. (Воронов 2003: 66, рис. 161, 6; Казанский, Мастыкова 2008: 106), а ближе к концу III – началу IV в. штамповка закрытого типа становится обычным явлением среди апсильских наконечников копий и дротиков (Цб-1, п. 177 (10); Цб-12, п. 462 (1)) (Воронов 2003: 41, 89; Воронов, Шенкао 1982: 124-125).

Рассматриваемый тип наконечников имел широкое распространение по всей территории современной Абхазии: в Новом Афоне (пос. Агца) (Воронов 1979: 51, рис. 36, 26), в Гудауте (с. Ачандара, с. Куланурхва, с. Калдахвара) (Воронов 1979: 52-53, рис. 35, 46, 47; 36, 2, 3, 10, 14, 15), в Гагре (с. Михелрыпш) (Воронов 1979: 55, рис. 39, 13).

К этому списку можно добавить ранее не опубликованные материалы, любезно предоставленные мне жителем г. Сухум С. Ажьиба. Среди них топор цебельдинского типа и три наконечника копья: один – со штамповкой закрытого типа (Рис. 17, 1), два – ромбического сечения (Рис. 17, 2-3). Все предметы вооружения имеют прямые аналогии с материалами из цебельдинских некрополей. Находки были сделаны в 2001 г. в ходе мероприятий по разминированию саперами Halo Trusat (благотворительная, некоммерческая организация, занимающаяся обезвреживанием наземных мин и неразорвавшихся снарядов) села Апра (район с. Каманы). Со слов С. Ажьиба, в том же селе саперами было зафиксировано скопление наконечников стрел вокруг одного из старых грушевых деревьев. Также в большом количестве наконечники стрел и копий были найдены саперами на прилегающем к Каманскому храму и «святому» источнику с севера склоне горы, в известняковых расщелинах, засыпанных сверху землей.

Как известно, еще в 60-70-х гг. XX в. в результате разведок Ю.Н. Воронова, проведенных в ущелье р. Гумиста, был выявлен и описан целый комплекс укрепленных поселений (Гвард, Каман 1 и 2, Отсюш 1 и 2, Ахипса 1 и 2, Шубара и др.) и могильников VI-VIII вв. (Воронов 2006: 197-200; Воронов 2010: 385-386, 395, 412). Собранный археологический материал также имел много общего с Цебельдинской культурой. На этом фоне новые находки дополняют наши знания о распространении схожих форм предметов вооружения рассматриваемого периода в Абхазии.

Представляют интерес экземпляры, переданные в Абхазский государственный музей в количестве трех единиц (Рис. 18). Все они вытянутые, два наконечника имеют ромбовидное сечение пера, а один экземпляр прошел через штамповку закрытого типа (Рис. 18, 2). Типологически данные находки близки к перечисленным типам наконечников копий, но случайный характер обнаружения не позволяет сделать точных выводов относительно их датировки. Наконечник копья №1: общая длина – 38,5 см, ширина пера у основания – 3,8

см, длина сохранившейся части втулки – 12 см, диаметр – 1,9 см. Плечики отходят от втулки под углом около 110 градусов. Форма пера имеет треугольные очертания, плавно сужаясь от основания к острию; наконечник копья №2: общая длина – 39 см, ширина пера у основания – 3,7 см, длина сохранившейся части втулки – 8 см, диаметр – 1,6 см. Плечики плавным изгибом переходят в перо. Форма пера имеет треугольные очертания, плавно сужаясь от основания к острию; наконечник №3: общая длина – 44 см, ширина пера у основания – 2,4 см, длина сохранившейся части втулки – 10 см, диаметр – 1,9 см. Перо вытянутое, узкое по всей длине с выраженным ромбическим сечением. От основания пера на высоту до 9 см прослеживается четкая штамповка закрытого типа.

Ближайшие аналогии наконечникам со штампами из Абхазии известны на территории в г. Сочи и его окрестностях. Так, например, идентичные экземпляры происходят из района Красной Поляны и с. Веселое (Воронов 1979а: 78). Здесь стоит отметить, что сходство предметов вооружения из окрестностей Сочи с абхазскими аналогами, включая и массовый керамический материал, свидетельствует о тесных связях местного населения периода поздней античности и раннего средневековья с носителями цебельдинской культуры.

Один из наконечников рассматриваемого типа (III-IV вв.) происходит из могильника Бжид, который, в свою очередь, характеризует сегодня культуру населения Черноморского побережья Кавказа между Новороссийском и Сочи (Гавритухин, Пьянков 2003: 190).

Определенное сходство можно наблюдать между поздними цебельдинскими наконечниками копий рассматриваемого типа и экземплярами, относящимся к хазарским погребениям VII-VIII вв. из п. Кочеток и Красная Горка (Рис. 19, 1) Харьковской области Украины (Комар, Сухобоков 2000). В первую очередь, бросается в глаза, характерная для древнеабхазских наконечников, штамповка полузакрытого типа (Рис. 19, 2). Данный кузнечный

прием, как видно из примеров выше, имел широкое распространение на территории современной Абхазии еще в период поздней античности, в то время, как в хазарских погребениях VII в. наконечники копий практически полностью отсутствуют (Комар, Сухобоков 2000). Другим схожим признаком некоторых хазарских наконечников копий является пламевидная форма, что также находит аналогии среди поздних цебельдинских экземпляров (Рис. 19, 3). Несмотря на то, что подобная форма наконечников в рассматриваемое время встречается на обширной территории от Европы до Азии, в комплексе с первым признаком, она позволяет предполагать наличие определенных связей между древними абхазами и ранними хазарами. Об этом говорят и письменные источники («Мученичество Або Тбилели» (80-е годы VIII в.), летописный свод Картли (XI в.)) (Бгажба, Лакоба 2015: 147). Характер этих связей еще предстоит уточнить, однако, уже сейчас можно говорить о схожих процессах в сфере военного дела, что могло отражаться на формах отдельных предметов вооружения (наконечники копий, клинковое оружие).

Самая отдаленная аналогия происходит из погребения воина конца V – начала VI вв. в городе Хаммельбург (Германия) (Bitner-Wróblewska, Kontny 2006: 104-122). Несмотря на внешнее сходство штампов, данный наконечник обладает двумя отличиями (Рис. 19, 5). Во-первых, угол верхней части штампа более тупой, чем углы у абхазских наконечников, во-вторых, втулка снабжена дополнительными фиксаторами в виде двух Z-образных скоб, что также не встречается среди известных экземпляров наконечников копий из Абхазии, но имеет аналогии (IV в.) в Западной Грузии (Модинахская крепость Сачхерского муниципалитета) (Рис. 19, 4) (Gamkrelidze 2018: 105, fig. 13, 15; 119, fig. 3). Похожие скобы известны из погребения в Бурже в Центральной Галлии, на территории Визиготского королевства (Рис. 19, 6). Захоронение, сочетающее в себе черты как римского, так и германского погребального обряда, датируется 474–507 гг. (Казанский, Перен 2014: 278).

Подобные совпадения вряд ли можно назвать случайными. Очевидно, что встречаемость похожих признаков, как на некоторых типах оружия, так и в элементах одежды (украшения, фибулы и пр.) в столь удаленных друг от друга регионах была обусловлена некими этническими контактами. Для Абхазии это в первую очередь представители римско – византийского мира в лице солдат (варвары – наемники), дислоцированных в здешних крепостях. Примером таких контактов можно назвать щиты с металлическими умбонами и рукоятями – манипулами. Воины Абхазии были единственными в кавказском регионе, кто использовал этот вид защитного вооружения, более типичный для европейских «варварских» народов (кельты, германцы, балты, прибалтийские финны, фракийцы) и для позднеримской армии (Казанский, Мастыкова 2008: 107).

Если посмотреть на такие щиты с точки зрения массовости находок их остатков в европейских погребениях и в погребениях древнеабхазских воинов, то первые, безусловно, выигрывают, однако стоит подменить щиты наконечниками копий и дротиков со штамповкой одного из рассматриваемого типов, то возникает закономерный вопрос. Можно ли считать массовые находки данных наконечников в Абхазии доказательством их изобретения в Абхазии? Думается, что да.

Таким образом, можно заключить, что рассмотренный тип наконечников копий и дротиков из Абхазии эволюционирует в течение пяти столетий, проходя путь от листовидной формы с нервюрой округлого сечения к наконечникам ромбического сечения. Своеобразная штамповка, прослеженная на всем этом пути эволюции, как минимум на Кавказе, может выступать в качестве «этномаркера» и связывать данный тип с древнеабхазскими воинами, а некоторые подтипы наконечников можно использовать как хроноиндикаторы.

Тип V. Наконечники с вытянутой шейкой и жальцем на конце.

Функциональное назначение данных экземпляров, по всей видимости, может быть близко к римским пилумам – метательным дротикам, главной

задачей которых было поражение врага на ближней и средней дистанциях (думается, в пределах 30 м). Помимо этого, пилумы эффективно использовали для обезвреживания противника. Пробивая деревянные щиты, они становились большой проблемой для обороняющихся воинов, ведь избавиться от такого дротика было непросто. Чаще всего пораженные пилумами щиты отбрасывались в сторону, и враг оказывался уязвим для атаки. Однако, если пилум внешне и конструктивно сильно отличается от рассматриваемых наконечников, то метательные дротики, например, германских племен имеют определенные сходства с абхазскими экземплярами. Логическая цепочка, начинающаяся от далеких северных земель и варваров – наемников в рядах римско – византийской армий и заканчивающаяся дислоцированными на черноморском побережье Кавказа имперскими войсками, в том числе отставными ветеранами, часто остававшимися жить неподалеку от мест несения службы, наводит на мысли о возможном влиянии последних на вооружение древнеабхазских воинов. Тем не менее, не стоит забывать, что аналогии наконечникам с вытянутой шейкой и жальцем на конце известны в Скифии, в Прикубанье и в Абхазии еще с V-III вв. до н.э. (Воронов 1975а: 218-234), т.е. задолго до распространения в регионе римского влияния.

Время бытования наконечников рассматриваемого типа (Рис. 5) ограничивается V-VII вв. (Воронов 2003: 47; Воронов, Юшин 1973: 187; Воронов 2016: 302, рис. 1, 9). Помимо района Цебельды наконечник с шестигранной шейкой известен из с. Хуап Гудаутского района и датирован VI-VII вв. (Воронов 1979: 53, рис. 36, 28).

Тип VI. Наконечники квадратного сечения.

Классическая форма представлена монолитным стержнем, с одной стороны которого располагается втулка круглого сечения, а с другой – боевая часть квадратного сечения. В некоторых случаях втулка также имеет четыре грани, при этом самая нижняя ее часть сохраняет круглое сечение (Рис. 6, 1).

Наконечники этого типа хорошо известны еще в памятниках Абхазии IV-II вв. до н.э. (могильник Джантух, Сухумская гора) (Воронов 1975а: 220; Отчеты Скакова А.Ю., Джопуа А.И.). Однако, данные аналогии нельзя рассматривать как прямую преемственность. Еще Ю.Н. Воронов и Н.К. Шенкао в совместной работе отметили возможность «открытия заново» некоторых видов и типов вооружения под воздействием иноземных образцов (Воронов, Шенкао 1982: 126). Эта точка зрения вполне оправдана, учитывая, что со II в. до н.э. по II в. н.э. данные о местной материальной культуре, в частности вооружении, крайне скудны. В тоже время, мнение авторов о разрыве в 600 лет между раннеэллинистической эпохой и соответствующими цебельдинскими комплексами (начиная с IV в.) (Воронов, Шенкао 1982: 126), в течение которого наконечники квадратного сечения якобы совершенно не использовались, можно оспорить. Единственный временной разрыв, в течение которого данный тип наконечников не фиксируется и о котором можно говорить однозначно, укладывается в отрезок II-IV вв.

Ареал распространения наконечников квадратного сечения довольно широк. По наблюдениям М.М. Казанского, были популярны у скандинавских племен (типы Илькер 5 и 11, датированные периодами C3–D1 (300/320-400/410 гг.) или B2/C1 (160-180 гг.)). В ареале Черняховской культуры это оружие известно на территории между Днестром и Сиретом, в Крыму представлено на могильнике Чатыр-Даг, в погребении 12, периодов C2–C3 (250/260-350/370 гг.), на черноморском побережье Северного Кавказа – в материалах Раевского городища (Вознесенская, Левада 1999: 255–256, рис. 4, 1; Мыщ, Лысенко, Щукин, Шаров 2006: 121, рис. 7, 6; Казанский 2015: 50).

В то же время втульчатые четырехгранные наконечники хорошо известны в экипировке воинов Восточной Римской империи с III по VI века (Болгария, Рейн), что позволяет некоторым авторам видеть германский след в появлении этого типа оружия в Абхазии (Казанский 2015: 50).

Хронологические рамки бытования наконечников рассматриваемого типа укладываются в IV-VII вв. (Воронов 2003: 51; Воронов, Шенкао 1982: 127). По мнению М.М. Казанского период распространения некоторых наконечников квадратного сечения соответствует стадям: Цибилиум-1 погребение 251 – I/2 (260/270-330/340 гг.) – III (380/400-440/450 гг.), Цибилиум 1, погребение 248 – II/3 (320/330–360/370 гг.), Цибилиум-1, погребение 250 – II/4 (360/370-370-400/410 гг.), Шапка-Ахьяцараху, погребение 25 – I/2 (260/270-330/340 гг.) и II (320/330-400/410 гг.), Цибилиум-1, погребение 77 – стадия III, Шапка-Абгыдзраху, погребение 14 – IV/9 (450-550 гг.) и др. (Казанский, Мастыкова 2008: 107-109; Казанский 2015: 48-50).

Если не брать во внимание граненую боевую часть наконечников данного типа, то некоторые из приведенных экземпляров имеют определенную связь с коническими наконечниками круглого сечения, о которых речь пойдет ниже (Рис. 6, 5, 6; 7, 2-6). Как известно, последние часто ассоциируются исследователями с подтоками. Поэтому можно допустить, что некоторые аналогичные наконечники квадратного сечения также могли выполнять и эту функцию.

Тип VII. Наконечники круглого сечения.

Главный вопрос по этому типу наконечников остается открытым. В научном сообществе до сих пор нет однозначного мнения о том являются ли они подтоками или же это наконечники дротиков (Рис. 7, 2-7). Исключением является наконечник (Рис. 7, 1) (скорее всего это наконечник дротика).

В захоронениях древнеабхазских воинов конические наконечники встречаются как с наконечниками копий, так и без них. Как мне представляется, с большой долей вероятности следует отнести этот тип к подтокам, т.е. к дополнительным элементам копья. Использование подтоков воинами объясняется по-разному. Это балансировка копья, использование копья в качестве посоха, что увеличивало износостойкость древка и, конечно

же, использование подтока в боевых целях. Многофункциональность подтоков, по всей видимости, привела к появлению у абхазов алабашья (с абх.: «палка крови» или «палка братства»; «алаба» - палка, «ашья» - кровь, брат или «шья» - кровь (Инал-ипа 1969: 391) в более позднее время. Наконечники таких посохов довольно разнообразны и представлены как круглыми и гранеными, так и сложно профилированными формами.

Время бытования данного типа наконечников не ограничивается лишь рамками рассматриваемого периода. В пределах Абхазии они хорошо представлены и в погребениях периода ранней античности (IV-III вв. до н.э.) на Сухумской горе (Воронов 1975а: 220). Самые же ранние находки подтоков у апсильов Ю.Н. Воронов датировал III в. (Воронов 2003: 23, 32, 38; Воронов, Шенкао 1982: 127). По уточненной датировке М.М. Казанского в могилах апсильов подобный инвентарь появляется на стадии I/1 (170/200-260/270 гг.) (Казанский, Мастыкова 2008: 106).

Описывая апсильские подтоки, Ю.Н. Воронов и Н.К. Шенкао называют конец IV в. возможной крайней границей использования этих наконечников в Цебельде. В качестве примера можно назвать погребение 117 могильника Цибилиум-1, где подток лежал в ногах погребенного (Воронов, Шенкао 1982: 127). В то же время, именно это погребение соотносится М.М. Казанским со стадией I/1, т.е. не позже третьей четверти III в. (Казанский, Мастыкова 2008: 106).

В целом наконечники квадратного сечения были датированы Ю.Н. Вороновым и Н.К. Шенкао IV-VII вв., в то время как период распространения наконечников данного типа у М.М. Казанского и А.В. Мастыковой соответствует стадиям I/2 (260/270-330/340 гг.) – III (380/400-440/450 гг.), т.е. заключительный этап их использования сдвигается на целых 150 лет. Подобный разрыв мог быть вызван элементарным отсутствием примеров погребений с рассматриваемым типом наконечников в самой статье и вытекающей отсюда невозможностью расширения приведенной датировки.

Тип VIII. Наконечники со свинцовым грузом.

Среди большого разнообразия наконечников копий и дротиков из Абхазии отдельного внимания заслуживают наконечники со свинцовым грузом.

Интерес представляют находки, сделанные в ходе цебельдинских экспедиций 1981-1982 гг. (Рис. 20, 1) (Воронов, Бгажба, Шенкао, Логинов 1984: 74-77; Воронов, Бгажба, Шенкао. 1985: 65-67). В обоих случаях найденные экземпляры называют наконечниками стрел, не уделяя должного внимания нетипичному утолщению на втулке одного из наконечников. К сожалению, сегодня не представляется возможным увидеть эти находки своими глазами. Однако, из материалов по археологии Цебельды мы узнаем, что утолщение в основании наконечника, найденного в 1981 г., является «свинцовым грузом» (Воронов, Бгажба 1985: 84). Эта деталь упоминается и в другой работе, когда описывая находки из Цибилиума, авторы называют один из экземпляров наконечником крупной стрелы с шипами и свинцовым стабилизатором (Воронов, Бгажба 1987: 126). Все эти данные дают нам основания сделать вывод о принадлежности цебельдинских находок к наконечникам особого типа дротиков, так называемых «плюмбат», т.е. свинцовым дротикам, или дротикам со свинцовым грузом. Последний крепился в месте соединения наконечника и древка. Являясь дополнительным фиксатором двух частей, свинцовый груз увеличивал массу оружия и тем самым обеспечивал дальность его метания до 200 футов (61 м) (Emery 2010).

Наконечники цебельдинских плюмбат были подвергнуты О.Х. Бгажба металлографическому анализу в лаборатории естественнонаучных методов в Москве по методике профессора Б.А. Колчина. Исследования показали, что они изготовлены из высокоуглеродистой стали.

Флавий Вегеций Ренат (IV в.), упоминая плюмбаты, в качестве синонима называл их маттиобарбулами (Королев 2002: 280-281). Считается, что этот

термин происходит от испорченного «*martiobarbula*», т. е. «марсова колючка» (Козленко 2009: 99).

Вегеций рассказывает о происхождении названия и истории распространения плюмбаты: «В Иллирике было два легиона из 6000 человек каждый, которые назывались маттиобарбулами, так как искусно и с большой силой пользовались этим метательным оружием. Диоклетиан (284-305 гг.) и Максимиан (286—305 гг.) сочли нужным за их заслуги и доблесть назвать эти легионы маттиобарбулов один – юпитеровым, другой – геркулесовым. Они носили в своих щитах до пяти маттиобарбул... ранили врагов и их коней, прежде чем дело доходило до рукопашного боя, и даже прежде, чем они подойдут на расстояние полета дротика или стрелы» (Королев 2002: 280-281).

Анонимный автор (IV-V вв.) подробно описывает строение плюмбат двух видов и их применение в бою. Это плюмбаты трибуляты и плюмбаты мамиллаты. Автор называет это оружие дротиком. Резким и сильным броском руки он направлялся в сторону врага: «... (дротик трибулят) причиняет урон двойным способом: либо же, вонзаясь, убивает, либо, если, не поранив цель, падает на землю, то впивается в подошву наступающих, так как каким бы боком он не повернулся, он [всегда] нанесет рану шипом, выступающим с этой стороны» (Thompson 1996). Продолжая описание плюмбат, аноним сообщает, что «наконечник крепился к древку свинцом, а для быстроты полета на конце дротика делалось оперение таким образом, чтобы можно было обхватить его пальцами» (Thompson 1996). Скорее всего, под «быстротой полета» подразумевается балансировка. Общеизвестно, что оперение у стрел обеспечивает устойчивость и прямолинейность в полете.

Более поздний автор Маврикий (VI-VII вв.) в своей «Тактике и стратегии» называет плюмбаты «мартзобарбулами» и указывает на необходимость иметь это оружие, как у тяжеловооруженных воинов, так и у легкой пехоты (Maurikios. *Strategikon*. кн. 12, гл. XVI).

Началом распространения плюмбат в римской армии можно считать конец III в. (Козленко 2009: 99). В VI-VII вв., согласно Маврикию, они продолжают использоваться. Наконечники плюмбат из восточной части Абхазии датируются 550 годом, что соответствует общепринятой хронологии. Слой пожара в апсильской крепости Тцибила (Цибилеум), в котором были найдены эти экземпляры, связывается археологами с событиями VI в., когда Апсилия, как и вся Колхида, стала ареной ирано-византийских войн (Бгажба, Лакоба 2015: 97). Примечательно, что наконечники плюмбат были найдены именно в стенах крепости. Ее удобное расположение на возвышенности, позволяющее контролировать прилегающую территорию со всех сторон, значительно увеличивало дальность полета дротиков. Эту мысль подтверждает Вегеций, рекомендуя использовать метательные дротики при защите стен от нападений противника и при штурме вражеских укреплений (Королев 2002: 364-365; 369). Среди отечественных археологов и историков популярна версия о том, что «крупные стрелы» с шипастыми закаленными наконечниками и свинцовым «стабилизатором» использовали защитники Апсии против боевых слонов персидского полководца Мермероя в 553 г. (Бгажба, Лакоба 2015: 98).

Между тем, следует отметить, что в захоронениях апсильских воинов такие наконечники не встречаются. То же самое касается и других погребений древнеабхазских воинов. Несмотря на данный факт, это оружие, по всей видимости, могло быть использовано коренным населением в различных боевых ситуациях, например, как уже говорилось, при защите крепостей.

Помимо апсильской крепости наконечники плюмбат в количестве четырех экземпляров были найдены вблизи римской крепости Питиунт (г. Пицунда). Как известно, в правление Антония Пия (138-161 гг.) этот район становится крайним северным пунктом Понтийского лимеса. В Питиунте были найдены керамические клейма LEG, [LE]g XV Апполонова легиона, говорящие о

пребывании здесь римской вексилляции вплоть до второй половины III в. (Кигурадзе, Лордкипанидзе, Годуа 1987: 88-92).

Информация о наконечниках плюмбат из Пицунды крайне скудна и запутана. Точное место находки, дата и авторство неизвестны. По устному сообщению сотрудников пицундского музея наконечники были подняты со дна озера Инкит, в полутора километрах от упомянутой крепости и выставлены в экспозиции.

О пицундских наконечниках упоминает Julian Bennett (Bennett 1991: 59-63), который, судя из его статьи, лично посетил здешний музей. Описывая эти экземпляры, Bennett указывает на головки необычной для плюмбат листовидной формы линзовидного сечения (Рис. 20, 2). Однако, приведенные автором характеристики и рисунки наконечников, как выяснилось, не соответствуют выставленным музейным экспонатам. Не совпадают и размеры. Длина наконечников колеблется от 10,9 – 13,3 см.

Несмотря на плохую сохранность железных частей пицундских дротиков, на некоторых экземплярах видны шипы с двух сторон (Рис. 20, 3, 4). По своему внешнему виду данные экземпляры напоминают цибилиумские за исключением свинцовых грузов. В первом случае они имеют примитивную форму и способ крепления к телу дротика. Иными словами, место стыка наконечника и древка было обмотано свинцовыми пластинками, о форме и эстетическом виде которых не заботились. Эту особенность можно объяснить двояко. Мы не знаем точной датировки экземпляров из Пицунды, но пользуясь естественной эволюцией форм от примитивного к «совершенному», резонно предположить дату их изготовления ранее 550 г.

С другой стороны, причиной описанного вида плюмбат элементарно могла стать и спешка в их изготовлении. К этому могла привести неожиданная атака, или длительное отражение осады. Из «Новой истории» Зосима (V в.) мы узнаем об опустошительных набегах готов на Пессиунт (Питиунт) в середине третьего века: «Когда скифы (готы) стали опустошать всё, что было на их пути, жители

понтийского побережья удалились вглубь страны в более укрепленные места, а варвары прежде всего напали на Питиунт – город, окруженный огромной стеной и имевший гавань с отличным причалом.

Когда Сукцессиан (Сукессиан (Бгажба, Лакоба 2015: 113), стоявший во главе местного гарнизона, выступил с бывшими там силами и прогнал варваров, то скифы (готы), теперь опасаясь, чтобы гарнизоны других укреплений, узнав об этом и соединившись с питиунтским отрядом, не уничтожили их окончательно, захватили многие суда, какие смогли, и с величайшей опасностью удалились домой, потеряв многих из своих людей, погибших в сражении под Питиунтом» (Зосим. Новая история. Кн. I. 28; 32-33).

Чтобы объяснить возможную причину, по которой рассматриваемые плюмбаты оказались на дне озера, отдельно хотелось бы остановиться на информации о питиунтской гавани и ее местоположении. Как известно, самым большим озером на территории современной Пицунды является упомянутое оз. Инкит, расположенное в трехстах метрах от моря. Однако, оно не единственное. Вокруг главного озера существует еще восемь озер и водоемов с разной площадью поверхности. Все эти образования протянулись вдоль береговой линии от устья реки Бзыбь в сторону крепости на расстояние около пяти км. Самое восточное озеро Пицунда находится всего в пятистах метрах от крепости Питиунт.

В целом вся пицундская низменность до относительно недавнего времени оставалась крайне заболоченной местностью. Лишь после установления Советской власти здесь были проведены масштабные работы по осушению болот и борьбе с малярией. Учитывая эти и нижеприведенные факторы, можно говорить о том, что в давние времена все эти озера были частью внутренней гавани, имевшей выход в открытое море (Рис. 20, 1, 3). Такое удобное местоположение не могли не учесть греки, при выборе места для строительства города-полиса и, конечно же, оно было стратегически привлекательно для Рима.

С озером Инкит связано немало легенд о том, что оно служило внутренней гаванью античного города Питиуса, и что в IV в. до н. э. здесь стояли корабли великого полководца древности Александра Македонского (Пачулия 1988).

Новый свет на историю пицундского мыса пролили исследования 40-х годов XX в., когда Институтом океанологии АН СССР было начато планомерное изучение Черного моря. Исследователям удалось установить, что начиная с V в. до н.э. происходил довольно быстрый подъем уровня моря. На рубеже нашей эры он уже достиг современного, а к началу IV в. превысил его на один метр. На основании полученных данных была создана карта-схема (Рис. 20, 1), доказывающая, что в античное время в Пицунде действительно существовал внутренний залив, который вполне мог использоваться как естественная гавань. Она доходила до стен римской крепости (Меншиков, Пешков 1980: 23). Вход в гавань располагался в районе между нынешними озерами Инкит и Анышхцра (Инкитская бухта), а уцелевшие здесь развалины сторожевой башни (III в.), могли служить для охраны входа в порт (Пачулия 1964: 110). Таким образом, в период поздней античности Пицундский мыс выглядел совсем иначе, чем мы его привыкли видеть сегодня.

Возвращаясь к нашим наконечникам плюмбат, попробуем сложить всю мозаику в одну картину. Согласно ей готы, после неудачной осады Питиунта, начали искать пути отхода домой. Успев захватить некоторое количество кораблей, пришвартованных в Питиунтской гавани, они начали отплывать. Преследуя остатки варваров по направлению от крепости в сторону современного озера Инкит, защитники Питиунта атаковали их метательными снарядами, среди которых были и плюмбаты. Часть их, возможно, попала в воду, где они и были найдены.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что рассматриваемый тип дротиков в III-VI вв. был на вооружении у римско-византийских легионеров, дислоцированных на территории современной Абхазии. Если на раннем этапе римской экспансии в Закавказье этот тип дротиков использовался

исключительно легионерами в прибрежной зоне, то уже в середине VI века плюмбаты проникают вглубь страны (Цебельдинскую долину, центр исторической Апсилии).

Находки «абхазских» плюмбат можно отнести к тем немногочисленным случаям, когда информация из античных источников подтверждается археологическим материалом и данными океанографии.

Тип IX. Переделанные в наконечники копий клинки мечей/кинжалов.

Современные исследования проблем вооружения древней и средневековой Абхазии неизбежно приводит к переосмыслению некоторых понятий, типологий и выводов. В связи с этим, хотелось бы вновь коснуться ряда находок минувших десятилетий и попытаться интерпретировать их с точки зрения функциональности и предназначения.

Так, в трудах Ю.Н. Воронова мое внимание привлек один необычный экземпляр. Он был обнаружен в ходе раскопок цебельдинского могильника (Цибилиум-8, п. 448 (4)) в ингумационном погребении воина с конем (Воронов 2003: 84). Его перо имело листовидную форму ромбовидно-линзовидного сечения (Рис. 22, 1).

Уникальность экземпляру придавала нетипичная для наконечников копий конструкция, а именно наличие одновременно хвостовика, напоминающего перевернутую латинскую букву V, и втулки. Согласно задумке мастера, хвостовик помещался внутрь втулки, после чего клинок фиксировался в ней штифтом. Помимо того, что наконечник насаживался на древко посредством тульи, раздвоенный хвостовик как бы обхватывал деревянную сердцевину, тем самым усиливая крепление и препятствуя прокручиванию наконечника копьа на древке.

Находки подобного рода в Абхазии представляют большую редкость, поэтому в вопросе датировки погребения следует обратить внимание на остальной инвентарь, а именно железные удила с колесовидными псалиями.

Комплекс был датирован Ю.Н. Вороновым рубежом н.э. (Воронов 2003: 84). Позже эта дата была уточнена И.Р. Ахмедовым. Основываясь на широком круге аналогий конской упряжи в памятниках Северного Кавказа, Верхнего Дона, в Крыму и Северном Причерноморье, автор предложил датировать погребение 448 в пределах второй половины II – первой половины III вв. (Ахмедов 2005: 241). По хронологии М.М. Казанского эта дата падает на стадию I, 1 (170/200 – 260/270 гг.) (Kazanski, Mastykova 2007: 55).

В попытках как-то выделить данное оружие, появилось естественное желание отнести рассматриваемый образец к отдельному типу наконечников. Но это не решало вопроса его необычной конструкции. Что могло побудить древнего мастера на изготовление такого изошренного наконечника копья, тем самым отступая от традиционной технологии производства, проверенной веками? Между тем в случае с цебельдинским наконечником копья лучше говорить не о новом типе оружия, а скорее об исключении из правил. По всей видимости, перед нами образец вторичного использования клинка, в частности меча (или кинжала). Этим вполне можно объяснить и редкость подобных находок. Лишь в случаях критического повреждения меча его могли переделать в кинжал, если сохранялась большая часть клинка с хвостовиком, как у одного из дамасских мечей из Абхазии III-IV вв., или же в наконечник копья, как в цебельдинском варианте.

Складывается впечатление, что перед мастером-оружейником стояла задача сохранить клинок в «первозданном» виде, возможно, для демонстрации. Превращение одного вида оружия в другое могло быть связано с желанием сберечь оружие побежденного врага – символ своей победы, или просто сохранить редкий экземпляр хорошего качества. Как известно, клинковое оружие, в особенности мечи, имели особую ценность во все времена. Обычным явлением, к примеру, был сбор ценного оружия с поля боя и раздел военных трофеев среди победителей.

Зачастую современная теоретическая наука, сталкиваясь с необходимостью интерпретации функциональности и предназначения некоторых предметов, пытается понять их с точки зрения человека своего времени. Однако такой подход не всегда оправдан. Именно поэтому нельзя опрометчиво недооценивать смекалку и опыт мастеров древности. Конструкция рассматриваемого наконечника копья могла стать и результатом точных расчетов, основанных на реальном применении данного оружия в бою. Чтобы попытаться поставить окончательную точку в этом вопросе необходимо провести полевые испытания на прочность копии такого наконечника.

Интерес к описанной находке возрос еще больше, когда в публикации за 1979 г. был найден второй аналогичный экземпляр. Описывая его, О.Х. Бгажба использовал следующую формулировку: «Конец этого уникального наконечника имел вилку, на которую надевалась муфта и кольцо для древка» (Рис. 22, 2) (Бгажба 1979: 86). К сожалению, нет никаких данных о том, как выглядела муфта и кольцо. Из приведенного рисунка видно лишь, что клинок имел сквозное отверстие для крепления к чему-то и глубокий вырез у основания. Как мне представляется, причиной отсутствия некоторых элементов наконечника на рисунках был, как ни странно, металлографический анализ. Автор исследовал конкретные виды и типы предметов. В наконечниках копий основной акцент всегда ставится на боевую часть – перо. Поэтому отдельным «второстепенным» деталям не было уделено достаточного внимания.

В ходе металлографического анализа выяснилось, что наконечник был откован из чистого железа, а затем подвергнут односторонней цементации (насталивание), что может свидетельствовать о хорошем качестве металла.

Точное место находки остается не известным. В своей статье О.Х. Бгажба выражает благодарность за предоставленные из разных районов Абхазии (Келасур, Нижняя Эшера и Бзыбская Абхазия) материалы Ю.Н. Воронову, М.М. Гунба и Г.К. Шамба. Я склонен предполагать, что данный наконечник был обнаружен в одном из двух первых районов.

Датировку наконечника (VI-V вв. до н.э.), как свидетельствует О.Х. Бгажба, давал не он, а сами авторы раскопок, что, по мнению исследователя, наряду с выявленными сотнями железными и стальными изделиями, с точки зрения технологии изготовления характеризует продукцию местного кузнечества в указанный период (Бгажба 1979: 84, 86). Тем не менее, отсутствие каких-либо данных о месте находки и сопутствующем ей материале, не позволяет сделать однозначного вывода по приведенной датировке. К такому заключению меня подтолкнул третий экземпляр наконечника копья, найденный в процессе поисков аналогий за пределами Абхазии.

В начале XX в. в ходе раскопок С.С. Гамченко в с. Кринички Балтского района Одесской области (сегодня Днепропетровская область) были получены материалы, отнесенные им к Черняховской культуре (Сымонович 1960: 239). По сообщению С.С. Гамченко, при раскопках в балке Лабушна посад было найдено семь погребений. В том, что это были именно погребения сомневается Э.А. Сымонович. Опираясь на ряд факторов, исследователь пришел к выводу, что обнаруженный при них инвентарь не типичен для могил Черняховской культуры (Сымонович 1960: 242; Сымонович 1955: 266-268). Не углубляясь в детали полемики, остановимся на описании заинтересовавшего меня предмета. В так называемом погребении № 6, среди прочего инвентаря, С.С. Гамченко был найден железный «кинжал» странной формы (Рис. 22, 3) (Сымонович 1955: 245). Необычность находке придавал глубокий вырез у основания клинка. Судя по имеющимся рисункам, данный экземпляр был без каких-либо отверстий. Упомянув тот же предмет, Сымонович причислил его к «уникальным образцам вооружения», используя формулировку «меч-кинжал с раздвоенной ручкой» (Сымонович 1955: 248). Подробно останавливаться на изучении предмета ни Гамченко, ни Сымонович не стали. Последующие в 1957-1958 годах раскопки в балке Лабушна посад позволили датировать весь инвентарь, найденный на поселении и могильнике III-V вв.

Опубликованные в 1972 году металлографические исследования оружия Черняховской культуры показали, что клинок был откован из слабо науглероженного железа (Вознесенская 1972: 21). На основании этого Г.А. Вознесенская сделала вывод, что подобное явление могло произойти само собой в ходековки. Следовательно, оружие не подвергалось никакой специальной термообработке.

В 1996 г. вышла очередная работа, посвященная оружию Черняховской культуры. Ее авторы, Б.В. Магомедов и М.Е. Левада, также указали на необычную форму «кинжаловидного предмета с обоюдоострым лезвием и двойной рукояткой» (Рис. 22, 4). Исследователи отнесли находку к кинжалам, хотя аналогий и объяснений такой двойной рукоятке у данного вида оружия им не было известно (Магомедов, Левада 1996: 306).

Как видно из рисунка, форма второго клинка из Абхазии имеет большое сходство с днепровским аналогом, за исключением наличия сквозного отверстия. По какой-то причине, его просто не успели сделать. Однако, одинаковые вырезы у оснований двух клинков однозначно указывают на единый подход в изготовлении этого вида оружия. Здесь важно отметить, что схожесть памятников Черняховской культуры с синхронными памятниками Цебельды уже ни раз отмечалась исследователями. Так, в Аписилии, по сообщению М.М. Трапш встречены прогнутые двучленные лучковидные фибулы, поясные пряжки с утолщением впереди, отмечается и сходство в способах захоронения (Трапш 1971: 217). Ю.Н. Воронов упоминает о поступлении в Цебельду в конце IV в. прогнутых «лебяжинских» фибул, возникших на Боспоре в результате проникновения туда черняховских элементов (Воронов 1975: 85). Похожего мнения по датировке придерживается М.М. Казанский, относя малую двупластинчатую фибулу восточногерманского типа к стадии III (380/400 – 440/450 гг.) (Казанский, Мастыкова 2011: 108). Также отмечается близость некоторых форм цебельдинских и черняховских (III-IV вв.) умбонов от щитов (Воронов, Шенкао 1982: 134). О сходстве разных

видов вооружения между двумя культурами говорится и в «Хронологии эпохи «готских» походов» (Гей, Бажан 1997:18-28). Подобные сходства О.Х. Бгажба объясняет не только культурно-историческими связями, но и принадлежностью к единой римско-византийской провинции (Бгажба 1994: 20).

Приведенные примеры демонстрируют, насколько сильно представители Цебельдинской культуры были интегрированы в глобальные экономические, политические и военные процессы своего времени. Логично было бы предположить, что и рассматриваемые экземпляры появились в двух культурах в результате неких прямых, или косвенных контактов их носителей, однако, возникает противоречие. С одной стороны, существует два очень похожих друг на друга клинка, с другой – два варианта датировки с разницей почти в десять веков. При выборе более ранней датировки (VI-V вв. до н.э.) в качестве обоснования использовалась технологическая сторона кузнечного процесса, в более поздней (III-V вв.) – синхронность двух культур и вытекающая из этого совокупность однотипных предметов в двух противоположных уголках Черного моря. Вторичное использование, как вооружения, так и любых других предметов было и остается по сей день естественным явлением в человеческой культуре. Однако, насколько велика вероятность того, что техника переделывания клинков в наконечники копий, применялась столетиями, не претерпев при этом никаких изменений? По моему мнению, с которым согласился О.Х. Бгажба, есть все основания пересмотреть датировку второго наконечника копья из Абхазии в сторону его омоложения и перешагнуть рубеж эр.

Случаи вторичного использования клинков хорошо известны и в других странах. Все они датируются первыми веками и позже. Находки так называемых «копий-мечей» встречаются на обширной территории от Лебедевского могильника в Западном Казахстане (II-IV вв.) (Рис. 23, 1) (Мошкова 1989: 197) до территории Пшеворской культуры в Польше (Рис. 23, 2) (Bartosz Kontny 2013: 197; Kokowski 2000: 307, fig. 5). Один из последних

наконечников был найден в Белгородской области России (Рис. 22, 3) (Радюш 2014: 236). К тому же типу наконечников копий следует отнести и находку из степного погребения второй половины V в. недалеко от г. Энгельс в Поволжье (Рис. 23, 4) (Амброз 1989: 40). Наконечник аналогичной конструкции происходит из могильника Дюрсо, п. № 248. Его датировали началом VIII в. и описали следующим образом: «Наконечник копья скован из двух деталей: массивное ромбическое в сечении перо и втулка, свернутая из листа с ободком по краю» (Рис. 23, 5) (Дмитриев 2003: 202, 253).

Интересные данные по теме вторичного использования клинкового оружия приводит польская исследовательница К. Чарнецкая (Czarnecka, 2019-2010. 111-132). Неглубокие вырезы у оснований описанных ею клинков компенсировались надежной фиксацией боевой части внутри втулки несколькими штифтами (Рис. 23, 6). Этот пример технологического решения имеет прямое сходство с наконечниками из Абхазии.

Из всех рассмотренных экземпляров наконечники копий из Абхазии и Днепроградской области выглядят наиболее архаичными, а датировка цебельдинского наконечника (170-270 гг.) позволяет рассматривать историческую Апсилию, как территорию, где впервые мог появиться способ двойной фиксации клинка (втулка + раздвоенный хвостовик) на древке.

Обзор упомянутых находок будет не полным, если не провести одну важную, как мне кажется, параллель. Наконечники копий с вертикальными вырезами у оснований клинков получают распространение в тот же период, что и клинки с горизонтальными вырезами, известные в литературе как «кинжалы/мечи с боковыми вырезами» (Рис. 24). По этой теме опубликовано уже немало работ, поэтому нет смысла подробно останавливаться на описании и версиях об их предназначении. Отмечу лишь, что датировка клинков имеет широкий диапазон от II-III вв. (Сокольский 1954: 159; Казанский 2014: 107) до XII вв. (Левада 2006: 195; Радюш 2014: 232). Их происхождение большинством авторов связывается с Северным Кавказом, а именно сармато-аланским миром

(Хазанов 1971: 17; Иштванович, Кульчар 2009 143; Храпунов 2010: 538 и др.). Территория распространения ограничивается на востоке Кемеровской областью, на западе Словенией и Францией, а на севере Тульской областью и Татарстаном (Радюш, 2014: 232, 235). Все это пространство покрывает и те районы, где были найдены рассматриваемые в данной работе наконечники копий. Однако, несмотря на свое широкое распространение, в Абхазии находки клинков с боковыми вырезами не известны. Тем не менее, давно установлено и не подлежит сомнению существование налаженных межкультурных и торговых давних связей абхазов с северокавказскими соседями через горные перевалы. Следовательно, эти связи можно рассматривать, как возможность распространения техники вертикального глубокого выреза у основания клинка, или уже собранного в наконечник копья оружия, в северо-западном направлении, в частности в ареале распространения Черняховской культуры.

Главным объединяющим признаком для всех типов обозначенных клинков является наличие вырезов. Разница состояла лишь в размере клинка и выборе способа его фиксации на втулке, древке, или меж двух пластин деревянной рукояти.

Вдобавок ко всему сказанному, хочется отметить, что традицию делать те или иные вырезы на клинках, наконечниках копий, а также наконечниках стрел не следует связывать исключительно с античным или раннесредневековым периодами, ибо этот технический прием имеет, на мой взгляд, более древнюю историю. По всей видимости, свое начало он берет еще в неолитическое время в разных частях мира (Рис. 25, 3-6) и продолжает использоваться в последующие эпохи (Клещенко 2018: 91, рис. 1). Территория современной Абхазии в этом смысле не была исключением. Здесь зафиксированы ранне-неолитические наконечники стрел с так называемым выемчатым основанием (Рис. 25, 1) (Воронов 2009: 293), которые продолжают использоваться и в период существования дольменной культуры (Рис. 25, 2) (Воронов 2009: 196).

По мере развития у древнего человека навыков обработки камня выемки, скорее всего, становились более глубокими и аккуратными. В одних случаях это привело к появлению классического глубокого вертикального выреза, как, например, у наконечников стрел из черного и дымчато-прозрачного обсидиана из Триалети (Рис. 25, 7-9) (Жоржикашвили, Гогадзе 1974: 89), а в других – к появлению боковых вырезов.

Техника вертикальных вырезов известна и в более позднее время. К уникальным образцам можно отнести бронзовые «зажимные» наконечники копий периода VIII-VII вв. до н.э. из могильника Нижняя Коя в Минусинской котловине Красноярского края (Рис. 26) (Членова 1979: 138; Радлова 1894: 110). Эти экземпляры заслуживают отдельного внимания, поэтому останавливаться на их подробном обзоре в данной статье я не буду.

Возвращаясь к интересующему нас хронологическому периоду, отметим, что на основе всех имеющихся данных можно говорить пока лишь о четырех основных способах переделки клинков мечей/кинжалов. Каждый из них представлен характерным признаком:

1. Вертикальный глубокий вырез от основания клинка к острию;
2. Вертикальный неглубокий вырез от основания клинка к острию;
3. Черенок/хвостовик с одним (на черенке) / двумя (на черенке и клинке) отверстиями для фиксации, или без них;
4. Черенок/хвостовик и боковые вырезы у основания клинка.

Таким образом, становится очевидным, что использование тех или иных вариантов вырезов являлось распространенным приемом реанимирования поврежденного ценного оружия периода поздней античности и раннего средневековья. Дальнейшее исследование локальных вариантов технологического процесса производства вооружения позволит расширить общую картину распространения отдельных видов оружия в рассматриваемый период.

Период I-VII вв. в пределах территории современной Абхазии характеризуется высоким уровнем развития ремесел, среди которых особое место занимала металлообработка. Металлографический анализ апсилийских наконечников копий и дротиков II-VII вв. указывает на присутствие в местном обществе опытных кузнецов-оружейников. Окончательное выделение кузнеца из общей ремесленной среды и появление специализаций в этой отрасли производства произошло в Абхазии, как считается, уже в V-VII вв. (Бгажба 2015: 9-10; Бгажба 2016: 276), а вместе с этим развивался и институт ученичества для приобретения необходимого опыта в данной профессии. Свободной ковкой они могли получать цельностальные и цельножелезные изделия, пакетный металл, многослойные сварные лезвия, знали технологию наварки, цементации, нормализации и термообработки (Бгажба 1977а: 159, табл. VII, 20). Наконечники копий и дротиков мастера изготавливали, как правило, целиком из железа или сырцової стали, т.е. можно говорить о наиболее простых технологических приемах. В некоторых случаях острие цельножелезного наконечника могло проковываться более тщательно, чем весь наконечник. На это указывают мелкие и средние зерна феррита (Бгажба 1982: 32). Тем самым кузнецы усиливали боевую часть пера, делая ее более прочной и износостойкой. Помимо этого, известны случаи, когда одни экземпляры подвергали поверхностной цементации (создание на режущее-колющей части наконечника сталистого слоя) (Бгажба, Терехова, Розанова 1990: 191), а другие – сваривали из трех стальных полос («пакетный металл») (Бгажба 1977а: 156-157). Следов термической обработки (закаливанию) выявлено не было (Бгажба, Терехова, Розанова 1990: 191).

2.2. Топоры.

История топора берет свое начало еще со времен палеолита. Начиная от своих «примитивных» каменных форм, этот вид ударно-рубящего

орудия/оружия претерпел значительные изменения и дал толчок для появления многих других орудий. В отличие от копья, или меча, топор можно рассматривать как универсальный инструмент, т.к. его потенциал не ограничивается использованием исключительно в военных целях. Во все времена, независимо от своих габаритов и форм, топоры выступают как хозяйственные орудия или предметы вооружения, а в случае с древнеабхазскими воинами правомерно использовать такое понятие как «народное оружие» ведь частота их находок в мужских погребениях рассматриваемого периода очень велика и может соперничать лишь с наконечниками копий и дротиков.

Для территории современной Абхазии II-VII вв. характерны несколько типов топоров. Формы некоторых из них, по мнению ряда исследователей, могут восходить к периодам раннего железного века и ранней античности, другие – известны только в слоях римско-византийского времени. Таким образом, к раннему средневековью на территории расселения древних абхазов было известно множество разновидностей этого оружия, отличающихся друг от друга не только внешне, но и по назначению. В целом, можно выделить две основные группы: топоры с молоточковидным обухом и топоры с широким ассиметричным лезвием с расширением в нижней части в виде бородки.

Особое внимание исследователи уделяют второму типу, получившему свое название по месту первой находки в Цебельде – т.н. топоры цебельдинского типа. Отправной точкой в их изучении следует считать начало XX в., когда одни из первых экземпляров цебельдинских топоров были переданы ботаником Ю.Н. Вороновым в Тифлисский музей (Куфтин 1949: 93). Позже, в ходе работ Цебельдинской археологической экспедиции (1960-1967 гг.) было выявлено сорок топоров этого типа (Трапш 1971: 147-148), а в 1980 г. их уже было известно свыше ста экземпляров (Бгажба, Воронов, Шенкао 1980: 85).

С каждой новой находкой топора цебельдинского типа расширялся и ареал его распространения. Основная же концентрация находок приходится на

историческую Апсилию, центр которой принято видеть в главной крепости апсильов Цабале (Цибила), а также ряде других крепостей, расположенных неподалеку. Все эти укрепления стояли на некогда оживленном пути на Северный Кавказ и охраняли одно из ответвлений Великого шелкового пути («Даринский путь») (Бгажба, Лакоба 2015: 96), который стал функционировать после начала ирано-византийских войн в VI в.

Накопленный археологический материал позволил исследователям разработать несколько классификаций цебельдинских топоров с привязкой к хронологии позднеантичной и раннесредневековой Абхазии. Так, например, в своей работе «Культура цебельдинских некрополей» М.М. Трапш ограничивается общим описанием находок, обозначив нижнюю дату их бытования IV в. Не выделяя прямо подтипы, автор, тем не менее, различает более ранние формы с длинной трубчатой проушиной со свисающей в виде бородки широкой лопастью и более поздние массивные топоры с толстой широкой шейкой и косым срезом в сравнительно широкой части лопасти. Также представляют интерес и указанные исследователем размеры находок, что соответствует детальному сравнению размеров и форм топоров, приведенных в данной работе (длина от 14 до 18 см, ширина лопасти от 9 до 13,5 см, диаметр проушины в среднем 2,7х4 см, толщина под проушиной от 1,3 до 2 см) (Трапш 1971: 147-148. Табл. V, 2; XX, 5; XXI, 7; XXII, 9; XXXIV, 3; XLVII, 1).

В 1980 г. выходит совместная статья О.Х. Бгажба, Ю.Н. Воронова и Н.К. Шенкао «О больших цебельдинских топорах», в которой указаны все известные на тот момент места находок топоров и выделены четыре их типа:

1. Топоры со сравнительно узким лезвием еще без среза нижнего угла;
2. Топоры с овально-прямоугольным проухом с плоской тыльной частью и удлиненной тульей;
3. Топоры с овальным проухом и широким лезвием со срезом на нижнем угле;

4. Топоры с вытянутой шейкой, расширенным лезвием и выгнутым верхним контуром.

На основании 28 погребальных комплексов с топорами этих четырех типов авторами разрабатывается первая непрерывная хронология: тип 1 – IV в., тип 2 – IV-V вв., тип 3 – V-VI вв. и тип 4 – VI-VII вв. (Бгажба, Воронов, Шенкао 1980: 84-86, рис. 1-3).

В классификации вооружения воинов Абхазии (IV-VII вв.) Ю.Н. Воронов и Н.К. Шенкао определяют два основных типа топоров из Цебельды. К первому типу относятся экземпляры с широким асимметричным лезвием, так называемые цебельдинские, которые в свою очередь делятся на два подтипа:

I1. Топоры с угловатым обухом и насадочным отверстием;

I2. Топоры с округлым обухом.

Ко второму типу причисляются топоры с узким лезвием и молоточковидным обухом. Все приведенные примеры датируются соавторами не ранее IV в. и не позднее VII в. В статье особняком стоят топоры с узким симметричным лезвием, «топор-кирка» и «кирковидное» орудие. Время их бытования также не выходит за указанные рамки. Таким образом, исследователи обозначают всего пять типов и несколько подтипов топоров (Воронов, Бгажба, Шенкао 1982: 127-129, рис. 3).

В 1989 г. М.М. Гунба также называет два основных типа топоров позднеантичной и раннесредневековой Абхазии. Это топоры-молотки удлиненной пропорции, с четырехгранной молоточной частью обуха, с незначительным расширением лопасти, с овальной проушиной и топоры со слегка вытянутой лобной частью и дуговидной, свисающей лопастью лезвия. Рассматривая пропорции отдельных экземпляров, исследователь относит одни подтипы к оружию, а другие – к орудиям труда (Гунба 1989: 63-64).

На этом можно закончить общий обзор отечественной литературы по классификации древнеабхазских топоров, однако, он не будет полным без упоминания некоторых работ зарубежных авторов, в частности, совместной

публикации О.А. Гей и И.А. Бажан, в которой приведена наиболее дробная классификация топоров рассматриваемого периода. Они также выделяют две основные группы:

I. Топоры с узким лезвием и молоточковидным обухом. Датируются 230/240-310/320 гг.;

II. Топоры с широким асимметричным лезвием (собственно цебельдинские топоры) (Гей, Бажан 1997: 10).

В обоих случаях отмечены аналогии данных типов в европейских древностях римского и раннесредневекового времени, однако, типология первой группы топоров авторами опускается со ссылкой на их немногочисленность и одновременность в Абхазии. В рамках исследования она рассматривается как единый хроноиндикатор. Гораздо интереснее дело обстоит со второй группой. Их типология строится не на форме обухов, как это сделано у Ю.Н. Воронова и Н.К. Шенкао, а на их длине. По этому признаку вторая группа делится на типы:

II. Топоры с удлиненным обухом (Гей, Бажан 1997: табл. 1: II, 4, 5; XII-4). Датируются 240-270 гг.;

II. Топоры с коротким обухом.

Топоры второго типа в свою очередь подразделяются на три варианта по форме лезвия:

1. Лезвие не очень широкое. Имеет едва намеченный приостренный боковой выступ (Гей, Бажан 1997: табл. 1: II, 6; XII-23). Датируется 310-355 гг.;

2. Лезвие широкое с боковым выступом (Гей, Бажан 1997: табл. 1: II, 7; ИС);

3. Лезвие широкое. Имеет отчетливо выраженный боковой выступ с как бы срезанным краем- «бородкой» (Гей, Бажан 1997: табл. 1: II, 8, 9; ИС).

Интересна также классификация М.М. Казанского, в которой были рассмотрены топоры из пяти регионов: территория распространения Черняховской культуры (Украина, Молдавия, Румыния); юго-западная часть Крыма, т.е. скифо-сарматский некрополь инкерманского типа и германский Ай-

Тодор; греко-сарматское царство Киммерийского Босфора в восточном Крыму и на Таманском полуострове; район греческого города Танаис в устье Дона; Абхазия (Исторические Апсилия, Абазгия и Санигия).

Обобщая известные автору находки топоров, им было выделено три основных типа и три подтипа:

1. Тип Компанийцы;
2. Тип Воронов-Шенкао;
3. Тип Цебельдинский.
 - 3.1. Топоры с удлиненным обухом;
 - 3.2. Топоры с коротким обухом;
 - 3.3. Топоры с коротким обухом и треугольным срезом в нижней части бородки.

Приведенные классификации довольно хорошо показывают многообразие форм топоров из Абхазии. У одних экземпляров прослеживаются уникальные для понтийского региона древнеабхазские черты, в других – видится иноземное влияние, или даже импорт. Тем не менее, ни одна из типологий не отражает всего разнообразия известных в Абхазии топоров. Это обусловлено поставленными исследователями задачами и вполне соответствует им. Именно поэтому нельзя говорить о том, что одна классификация верна, а другая нет. Напротив, разные подходы и взгляды способствуют более полному пониманию сути вопроса и призваны, в конечном счете, определить общую для всех классификацию.

Предпринятая мною попытка деления топоров по ряду признаков привела к созданию более дробной и широкой классификации, в которой уделяется внимание, как хронологии, так и формам рассматриваемого вида оружия. Она включает в себя топоры основных известных в Абхазии типов. В качестве критерия деления на типы и подтипы была выбрана классификация О.А. Гей и И.А. Бажан. Как сказано выше, ее исследователи впервые использовали принцип деления топоров, в первую очередь, по длине обуха,

а уже потом по ширине лезвия и другим признакам. Такой подход мне представляется наиболее подходящим.

Для удобства работы мною была создана таблица с указанием размеров и датировок 116 топоров. Большим подспорьем в этой работе стала монография Ю.Н. Воронова «Могилы апсидов» (Воронов 2003), а также ряд других работ (Шамба 1965: 262-266; Трапш 1971; Бгажба, Терехова, Розанова 1990: 184-195 и др.).

В первую очередь, мое внимание было обращено на топоры с молоточковидным обухом. Как явствует из примеров классификаций, авторы ограничиваются лишь упоминанием отличных от цебельдинского типа форм топоров (топоры с молоточковидным обухом), не уделяя им должного внимания. Исключением, пожалуй, является статья Ю.Н. Воронова и Н.К. Шенкао, в которой приводятся (но не рассматриваются подробно) пять основных вариантов рассматриваемого вида оружия и работа М.М. Казанского, где эти топоры соответствуют типам Компанийцы и Воронов-Шенкао.

Тип I. Топоры с молоточковидным обухом:

I. С вытянутым прямоугольным обухом, округлым либо овально-прямоугольным проушным отверстием и ассиметричным лезвием. Этот подтип делится по профилю щек обуха на пять групп:

I.1. Топор с округлым профилем щек сверху и снизу (Рис. 27, 1, 6, 8, 11, 12);

I.2. Топор с прямоугольными выступами на профиле щек (сверху и снизу) (Рис. 27, 3);

I.3. Топор с треугольными выступами на профиле щек (сверху и снизу) (Рис. 27, 5);

I.4. Топор со ступенчатым переходом к обуху (больше в верхней части, меньше в нижней) (Рис. 27, 2, 13, 15);

I.5. Топор с волнообразным контуром (Рис. 27, 9, 7).

И2. С коротким прямоугольным обухом, иногда заканчивающимся шляпкой в виде расширения на конце и ассиметричным лезвием. Этот подтип делится по форме лезвия на две основные группы, внутри которых встречаются признаки, схожие с первым подтипом:

И2.1. Топор с округлым профилем щек (сверху и снизу, или только снизу) (Рис. 27, 4, 16-18);

И2.2. Топор с вытянутой шейкой (Рис. 27, 10);

И2.3. Топор с округлым профилем щек сверху и снизу и срезом на бородке (Рис. 27, 20, 21).

И3. Топоры с длинным обухом (Рис. 27, 14, 105-108, 109).

Данный тип топора встречается в погребениях древнеабхазских воинов начиная с последней четверти II – середины III вв. и бытует до V в. Исключением является подтип 1.3, известный в Абхазии только в VI-VII вв. Самыми ранними формами молоточковидных топоров в Абхазии являются экземпляры без среза в нижней части лезвия. Последний признак фиксируется лишь с IV-V вв.

Принято считать, что топоры с молоточковидным обухом имеют прототипы в материалах памятников раннего железного века на территории Абхазии (Бгажба, Терехова, Розанова 1990: 190; Каландадзе 1954: табл. IX, 13; X, 1; Трапш 1969: рис. 4; табл. II, 6, 9, 11; табл. VI, 8; табл. IX, 6; табл. XIX, 10, 11). В предыдущем разделе уже говорилось о необходимости учитывать условность таких выводов, поскольку речь о прямой преемственности форм топоров вряд ли может идти из-за большого временного разрыва. Железные топоры – «прототипы» раннего железного века, о которых идет речь, по некоторым своим признакам гораздо ближе к топорам позднего бронзового века (т.н. колхидским топорам). На это указывает форма их лезвия и верхний контур тела топоров. В то же время наличие общих признаков у отдельных экземпляров двух периодов не позволяет отвести идею, пусть о далекой, но связи

технологий изготовления оружия этого типа, распространившейся на обширной территории за пределами современной Абхазии.

Гораздо ближе к рассматриваемому типу топоров стоят образцы из таких понтийских регионов, как Северное Причерноморье, Грузия, Крым, Украина, Молдавия, Румыния и некоторых областей Европы (Германия, Галлия) (Магомедов, Левада 1996: 308; Голубев, Исайкин 2015: 62, рис. 1). В этой связи хочется еще раз обратиться к классификации топоров М.М. Казанского. Их концентрация приходится, как правило, на южные области Крымского полуострова и ареал распространения Черняховской и частично Вельбарской культур (Kazanski 1994: 456-458; Магомедов, Левада 1996: 308). Как известно, все эти области входили некогда в орбиту римской, а после византийской внешней политики и выступали, в частности территория современной Абхазии, в качестве провинций обширной империи.

Представляют интерес находки из византийской крепости Петра (Аджарская АР Грузии), сделанные археологами в 2017 г. Среди них пять топоров, рассматриваемых типов (3 – с молоточковидным обухом, 2 – цебельдинского типа) (Рис. 32). Все они находят прямые параллели с материалами из Абхазии II-VII вв.

Несколько обособленно, как уже говорилось, стоят топоры типа 1.3 VI-VII вв. Они малочисленны (Лар, Цебельда, Цибилиум) и, помимо прямоугольного обуха, имеют иногда кирковидное (Рис. 27, 105), или же тляковидное окончание (обух) (Рис. 27, 106, 108). Последние признаки указывают на вполне самостоятельный тип топора, не имеющего аналогий в Абхазии в более раннее время. По мнению Ю.Н. Воронова, Н.К. Шенкао, прототипами классических цебельдинских топоров могут являться «римские боевые топоры, изображения которых сохранились на колонне Траяна в Риме (II в.)» (Воронов, Шенкао 1982: 128). Какие именно топоры имеются ввиду, к сожалению, не очень ясно, т.к. на колонне можно различить несколько их вариантов. Зато обращает на себя внимание наиболее часто встречающийся тип топора, очень похожий на

рассматриваемые экземпляры. Здесь важно отметить, что данные римские топоры, судя по изображениям сцен на памятнике, используются воинами в качестве универсальных инструментов. С одной стороны, такими топорами воины вооружены в битве с племенами даков, причем для нанесения ударов используются и лезвийная, и кирковидная стороны (Рис. 33, 3, 5). С другой – римляне в традиционном военном обмундировании теми же топорами рубят лес (Рис. 33, 1, 2), а развернув топор заостренной стороной, обрабатывают участок скалы, либо каменистой почвы (Рис. 33, 4) (Cichorius 1896; 1900; Morell, Gori 1752). Такие мотивы, показывающие работу хозяйственного характера, довольно часты. Таким образом, можно сделать вывод, что и древнеабхазские экземпляры имели двойное назначение. Примечательно, что найдены они были как в погребениях, так и внутри крепости Цибилеум, а также крепости Ачапара Очамчирского района (подъемный материал) (Бгажба 1974: 76; Воронов 2016: 290, рис. 9, 23).

Тип II. Топоры с длинной тульей и широким лезвием.

II1. Топор с уплощенным обухом, дугообразным контуром, с выраженным срезом на бородке и плавно сужающейся вытянутой тульей с трапециевидным вырезом у основания (Рис. 28, 23, 22);

II2. Топор с уплощенным обухом, дугообразным, или выгнутым контуром и площадкой в районе проушины, с небольшим срезом на бородке, или без такового, с прямой, или плавно сужающейся вытянутой тульей (Рис. 28, 25, 26);

II3. Топор с уплощенным обухом, дугообразным контуром, с небольшим срезом на бородке, или без такового, с прямой вытянутой тульей (Рис. 28, 31);

II4. Топор с уплощенным обухом, дугообразным контуром и площадкой в районе проушины, с выраженным срезом на бородке, с прямой, или плавно сужающейся вытянутой тульей (Рис. 28, 29, 30);

II5. Топор с уплощенным обухом, дугообразным контуром, с выраженным срезом на бородке и плавно сужающейся укороченной тульей (Рис. 28, 28);

IIб. Топор с округлым обухом, дугообразным контуром, с выраженным срезом на бородке и прямой вытянутой тульей (Рис. 28, 24, 27).

Тип III. Топоры с короткой тульей, широким лезвием и выраженным срезом на бородке.

III1. С прямым/дугообразным контуром.

III1.1. Топор с округлым обухом (Рис. 29, 41, 45, 51, 93, 74, 53, 68, 57, 36, 81, 59, 63, 65, 47, 78);

III1.2. Топор с уплощенным обухом (Рис. 29, 80, 34, 39, 48, 61, 54, 35, 71).

III3.3. Топор с глубоким вырезом и сильно скругленным лезвием (Рис. 29, 69).

III2. С площадкой в районе проушины.

III2.1. Топор с округлым обухом (Рис. 30, 79, 46, 42, 50, 75, 56, 64, 60, 72, 85, 84, 58, 32, 77, 62, 66, 67, 49, 76, 83, 89, 87, 88, 91, 90, 55);

III2.2. Топор с уплощенным обухом (Рис. 31, 82, 37, 44, 38, 40, 73, 86, 70, 52, 43, 33).

Тип IV. Топоры с короткой тульей без среза на бородке.

IV1. С дугообразным контуром.

IV1.1. Топор с округлым обухом (Рис. 31, 101, 95);

IV1.2. Топор с уплощенным обухом (Рис. 31, 97, 103).

IV2. С прямым контуром и уплощенным обухом (Рис. 31, 94).

IV3. С площадкой в районе проушины.

IV3.1. Топор с округлым обухом (Рис. 31, 102, 98, 104);

IV3.2. Топор с уплощенным обухом (Рис. 31, 96, 99, 100).

Как видно из приведенных примеров, время появления топоров цебельдинского типа рядом авторов сводится к IV в., раньше которого подобные образцы на территории Абхазии якобы не были известны. В то же

время Г.К. Шамба, рассматривая погребения могильника Ахаччарху, в частности урновое захоронение с типичным для апсилийских воинов инвентарем (в том числе топором цебельдинского типа), подчеркивает, что последний относится к наиболее раннему из известных позднеантичных памятников нагорной Абхазии, а именно к III-IV вв. (Шамба 1965: 266). Интересно, что и сам Ю.Н. Воронов в своей более поздней работе, где описана большая часть всех раскопанных им погребений, также выделяет серию ранних комплексов. Так, несколько экземпляров топоров классического цебельдинского типа происходят из погребений воинов III в. могильника Цибилиум-1, Цибилиум-10 (п. 64 (10), п. 97 (5), п. 162 (27), п. 456 (6)), два экземпляра из погребений III-IV вв. (Цибилиум-12, п. 462 (1), п. 463 (2)) (Воронов 2003: 23, рис. 30, 6; 29, рис. 50, 11; 38-39, рис. 79, 10; 86, рис. 216, 14; 89, рис. 218, 14; 221, 19]. По уточненной хронологии М.М. Казанского и А.В. Мастыковой погребальный инвентарь данных захоронений соответствует стадии I/1 (170/200-260/270 гг.) (Казанский, Мастыкова 2011: 106). Следовательно, наиболее ранние находки топоров цебельдинского типа (тип II) можно датировать последней четвертью II-серединой III вв., что делает их бытование синхронным топорам с молоточковидным обухом и соответствует появлению техники штамповки закрытого, открытого и полуоткрытого типов на наконечниках копий и дротиков из Абхазии.

Несмотря на факт распространения похожих форм топоров на периферии Римской, а позже Византийской империй, можно говорить о некотором своеобразии древнеабхазских экземпляров. В первую очередь это касается топоров классического цебельдинского типа (типы III и IV), которые произошли, судя по всему, от топоров с длинной тульей и широким лезвием (тип II). Последние, как мне представляется, в силу своей массивности и наличия вытянутой уплощенной со стороны обуха тульей следует относить изначально к рабочим топорам. Если придерживаться версии о привнесении этого варианта топора извне в местную древнеабхазскую культуру, то

становится понятным, что новая форма была довольно быстро адаптирована под здешние потребности. Это привело к укорочению тульи и появлению выраженного среза на бородке топоров. Процесс этого перевоплощения происходит в течение всего IV в., заходя в V в.

Как можно убедиться на примере с римскими топорами (подтип I.3), ничто не мешает считать цебельдинские (тип II) такими же универсальными: рубка деревьев, обработка древесины и использование в бою. Некоторые экземпляры цебельдинских топоров (типы III и IV) можно рассматривать даже в качестве метательного оружия. Об этом неоднократно упоминают отечественные исследователи, сравнивая их с синхронными (V-VI вв.) метательными топорами франков (т.н. франциски) (Воронов, Шенкао 1982: 128; Бгажба, Воронов, Шенкао 1980: 87-89). Одним из аргументов для подобных параллелей служат изображения топоров цебельдинского типа на культовом Гуарапском камне в Гулрыпшском районе (Рис. 35) (Орелкин 1977: 199-218). Сами топоры не были бы так интересны, если бы ни одно обстоятельство – изображение рукояти топора, длина которой, по мнению исследователей полностью совпадает с длиной рукоятей топоров из франкских могил (Бгажба, Воронов, Шенкао 1980: 87). Тем не менее, не отметая идею об использовании топора в качестве метательного оружия, представляется возможным оспорить интерпритацию гуарапского рисунка с рукой, держащей топор. Если сопоставлять длины рукоятей между цебельдинским и франкским топорами, то и собственно топоры (металлические части) должны соответствовать неким стандартам. Массивность топора, которая прослеживается в абхазском варианте, в данном случае противоречит подобному функционалу. В этом смысле гуарапское изображение топора напоминает больше рабочий плотницкий инструмент.

Аналогии цебельдинским топорам встречаются в таких пунктах Северо-Восточного Причерноморья, как Красная Поляна, г. Сочи (Россия), г. Зугдиди, пос. Уреки Озургетского муниципалитета, пос. Пичвнари, Цихисдзири Кобулети, Джилети (Грузия) (Трапш 1971: 148; Бгажба, Воронов, Шенкао 1980:

84-85; Воронов 1979а: 97, рис. 52; M. Vickers, Kakhidze 2001: 87, fig. 41; Gamkrelidze 2018: 201).

Согласно выводам М.М. Трапш, за пределами Западного Закавказья топоров интересующего типа не известно (Трапш 1971: 148). Судя по опубликованным археологическим материалам, на сегодняшний день ситуация не особо изменилась. Научные публикации о древнем вооружении причерноморского населения ограничиваются, как правило, описательным и сравнительным анализами. Цебельдинский тип по-прежнему сохраняет свой неповторимый стиль. Однако, если такие выводы можно сделать по топорам III и IV типов, то тип II, благодаря случайной находке (возможно, связанной с «черными» археологами) расширил зону своего распространения до Республики Крым. Уникальный для Абхазии тип топора с длинной тульей и трапециевидным вырезом у основания, опубликованный в единственном экземпляре (Рис. 28, 23), был обнаружен вместе с другим инструментом, похожим на римский универсальный топор с тяпкообразным окончанием, недалеко от г. Севастополь (Рис. 34).

Как известно, в середине I в. до н.э. в результате победы над Митридатом VI Евпатором Рим сумел установить контроль над Северным Причерноморьем и Крымом. А в 60-х годах I в. н.э. на берегах последнего закрепляются римские войска и строятся крепости, главной из которой становится Херсонес. Эти события отражены в тексте античного автора того времени Иосифа Флавия: «Зачем говорить о гениохах и колхах, о племени тавров, боспорцах и живущих вокруг Понта и Меотиды народах, которые раньше не признавали даже и собственного владыки, а теперь держатся в подчинении тремя тысячами гоплитов, и сорок военных кораблей поддерживают мир на несудоходном прежде и суровом море...» (Латышев 1947: 335). Факт находки таких инструментов в непосредственной близости от мест дислокаций римских гарнизонов наводит на мысль о возможной связи древнекрымских и древнеабхазских топоров с этими гарнизонами.

Другой интересной разновидностью топоров из Абхазии являются т.н. цалды (груз.), или айгуш (абх.). Согласно интерпретации Г.К. Шамба, это орудия труда, предназначенные для рубки хвороста и расчистки полей от кустарников, колючек и других мелколиственных растений. Тем не менее, находки таких топоров в мужских воинских погребениях позволяют рассматривать их как часть снаряжения, необходимого для передвижения в условиях горной и пересеченной местности, преодоления участков с густой растительностью и обустройства лагеря. Нельзя исключать, что подобная форма топора могла применяться и в качестве оружия. История знает немало примеров, когда в одном предмете вооружения совмещалось несколько функций, в том числе возможность зацепить врага. Таким топором, как айгуш, можно было и бить, и стаскивать кавалеристов клювовидным концом лезвия, или вырывать противника из боевого строя, тем самым нарушая его. Также думается, что таким топором вполне успешно можно было пробивать легкий доспех.

Говорить о типологии айгуш рассматриваемого периода довольно проблематично, учитывая малое количество находок и плохую степень их сохранности. Из Цебельды таких топоров известно всего пять экземпляров (Воронов 2003). Два других топора были найдены в с. Лата Гулрыпшского района и в с. Атара Очамчирского района (Хотелашвили 1974: 39-40). Основное деление айгуш на типы можно произвести по наличию небольшого молоточковидного обуха. Проушное отверстие у всех экземпляров овальное, иногда каплевидное.

Тип V. Айгуш.

V1. Топор с узким лезвием, носок которого загибается книзу (Рис. 36, 110, 112, 113, 116);

V2. Топор с узким лезвием, носок которого смотрит вверх (Рис. 36, 111);

Vз. Топор с молоточковидным обухом, узким лезвием, носок которого загибается книзу (Рис. 36, 114, 115).

Хронологически все цебельдинские топоры данного типа можно отнести к тому же времени, что и самые ранние типы, рассмотренных выше топоров, т.е. к последней четверти II – середине III вв. Лишь один экземпляр (Рис. 36, 113) датируется III-IV вв. Латские и атарские топоры более поздние и укладываются в IV-VI вв.

В отличие от перечисленных выше типов топоров, население Абхазии продолжает использовать айгуш и сегодня. Длина рукоятей некоторых из них достигает 116 см. Внешне этот топор очень похож на свои более древние формы (Рис. 35), которые появились, судя по археологическим находкам, в Юго-Восточном Причерноморье (ближе к современной Аджарии, включая Орду) еще в эпоху поздней бронзы (Шамба 2005: 40). Г.К. Шамба высказывает интересное предположение, которое, как мне представляется, напрямую может быть связано с территорией расселения апсилов. Речь идет о двух железных цалдах из слоев I в. до н.э., типологически близким к бронзовым экземплярам (Микеладзе 1990: табл. XVI. 1-12, табл. XXIII, 4, 15). Автор приходит к выводу о том, что «среди жителей окрестностей Сухум-Эшера жила группа ремесленников-кузнецов, возможно, вышедшая из земель Юго-Восточного Причерноморья» (Шамба 2005: 41-42). Указанные территории, в частности Аджария, находятся в непосредственной близости от Поти (Фасис), который в первых веках представлял крайнюю южную зону расселения древних абхазов апсилов – потомков гениохов. Здесь не будет лишним напомнить, что еще в первой половине XX в. грузинская исследовательница Н.В. Хоштария, основываясь на археологическом материале кремационных могильников типа Чхороцку (I-III вв., Западная Грузия), пришла к выводу о принадлежности его апсилам (Воронов 1975: 5, 136, рис. 50). В то же время, граница между апсилами и абазгами (возможно, что санигами, коих в I в. упоминает рядом с апсилами Плиний Секунд) (Подосинов, Скржинская 2011: 183)) проходила в

районе г. Новый Афон (Воронов 1971: 26), т.е. территория между Эшерой и Афоном это ни что иное, как приграничная зона, чем и объясняется появление топоров рассматриваемого типа здесь. Иначе говоря, под «группой ремесленников-кузнецов» следует понимать неких представителей гениохийских племен, на месте которых уже в I в. Плиний Старший помещает апсилов. Данный вывод подтверждается двумя известными апсильскими могильниками в с. Верхняя Эшера (Воронов 1975: 41) и согласуется с мнениями Г.К. Шамба, М.М. Трапш и Ю.Н. Воронова о том, что апсильская культура обнаруживает преемственную связь с предшествующей ей колхидско-кобанской культурой (культурно-исторической общностью) (Трапш 1971: 212; Воронов 1975: 135; Шамба 2005: 41). Следовательно, распространение цалды (айгуш) происходило от Фасиса до Себастополиса и далее, на северо-запад среди древних предков абхазов и родственных им племен. Помимо территории Абхазии данные топоры имели распространение и у населения, жившего вдоль побережья Черного моря севернее и северо-западнее Абхазии до выселения их в Турцию в XIX в. (Хотелашвили 1974: 38-39).

Говоря о качестве металла, из которого сделаны топоры, правомерно отметить общий высокий уровень обработки черных металлов в Абхазии. Исследования показывают, что древние мастера в совершенстве владели кузнечными приемами и прежде всего это видно при изучении предметов вооружения. Сравнение разных техник изготовления и качества основных видов оружия, а также типов оружия внутри отдельных групп, указывает на существование взаимосвязи между функцией оружия (применение в бою) и технологией его изготовления. Так, например, металлографический анализ выявил различия в технологии изготовления оружия дальнего и ближнего боя. Наконечники копий и дротиков изготавливались, как правило, целиком из железа или сырцовый стали, т.е. использовались наиболее простые технологические схемы. В особенности это касается наконечников стрел, которые, зачастую, можно считать «одноразовыми». В то же время, в процессе

изготовления оружия ближнего боя, к которому относятся топоры, использовались в основном технологические схемы, улучшающие рабочие качества изделий (поверхностная цементация, цементация рабочего края, наварка стального лезвия на железную основу, пакетирование, дамаскирование и т.д.) (О.Х. Бгажба, Н.Н. Терехова, Л.С. Розанова 1990: 191, 193). Металлографический анализ нескольких топоров с молоточковидным обухом, к примеру, показал, что они цельностальные. Откованы из среднеуглеродистой стали хорошего качества. Изделия также подвергали локальной закалке лезвия в холодной среде (Бгажба 1982: 31).

Таков обзор одного из самых популярных видов оружия на территории позднеантичной и раннесредневековой Абхазии. Обновленная и уточненная типология топоров (преимущественно апсильских) позволяет по-новому взглянуть на многообразие форм этого оружия внутри каждой отдельной группы. Такой подход крайне важен для последующих сравнений цебельдинских экземпляров с топорами из других районов Абхазии, в частности, и Понтийского региона, в целом. Помимо этого, уточненная датировка, связанная, прежде всего, с появлением новых форм топоров у древних абхазов в конце II – начале III веков объединяет их по времени распространения с наконечниками копий и дротиков, изготовленных при помощи штамповки разных типов. Данное наблюдение вполне согласуется с общепризнанной датой зарождения Цебельдинской археологической культуры во II в. и позволяет усматривать во всех этих процессах единый механизм развития, характерный для общеабхазской культуры во всем регионе.

2.3. Мечи и кинжалы.

История меча в современном понимании этого слова восходит ко времени освоения человеком металла, но массовое распространение это оружие получает только с бронзового века. С тех пор форма и размеры меча

претерпевают многочисленные изменения. Менялось и сырье, из которого их изготавливали. С развитием металлургии железа качество колюще-рубящего и режущего оружия значительно повышается. Для одних народов и целых империй меч становится неотъемлемой частью вооружения, у других – возводится в культ. Для территории современной Абхазии в рассматриваемое время меч приобретает особое значение и зачастую связывается исследователями с социальным статусом мужчины-воина.

Первая классификация этого вида оружия в древней Абхазии сделана в 1971 г. М.М. Трапш. Основываясь на цебельдинских находках, исследователь выделяет два основных типа мечей: двулезвийные и однолезвийные. По сечению и длине первые делятся им на короткие с ромбическим сечением, с плавно сужающимся к острию клинком, язычковидным черенком и длинные с плоскоовальным (линзовидным) сечением, с едва заметно сужающимся к острию клинком, переходящим к брусковидному черенку под углом. Хронологически однолезвийные мечи датируются М.М. Трапш не позднее V в., в то время как двулезвийные – III-IV вв. При этом автор допускает и более раннее их бытование на территории Абхазии, в I-II вв. (Трапш 1971: 144-147).

В 1982 г. Ю.Н. Воронов и Н.К. Шенкао в совместной работе по вооружению древних цебельдинцев расширяют хронологические рамки бытования мечей до VII в. (26 захоронений IV-VII вв. с мечами) и выделяют три типа: 1) двулезвийные клинки с долом; 2) двулезвийные клинки линзовидно-ромбовидного сечения; 3) однолезвийные клинки. Помимо этого, авторы называют и четвертую разновидность меча II-III вв. (с кольцевым навершием на рукояти), не включая его в основную типологию (Воронов, Шенкао 1982: 128-131). Эту же типологию в 2002 г. поддерживает Г. А. Амичба, рассматривая в своей работе историю народного хозяйства и социально-экономических отношений Абхазии в эпоху раннего средневековья (VI-X вв.). Для территории Апсилии IV-VII вв. исследователь определяет три основных типа мечей (Амичба 2002: 127-128).

В том же году О.Х. Бгажба разделяет известные на тот период мечи на две основные группы: двулезвийные и однолезвийные. Примечательно, что автор обращает отдельное внимание на самый ранний вариант двулезвийного меча сарматского облика (II в.) и один из наиболее поздних (VII в.) экземпляров с двумя долами (Бгажба 1982: 27). Этими датами, в общем, и ограничивается хронология мечей до сих пор.

В 1989 г. о древнеабхазских мечах пишет М.М. Гунба, называя их самым крупным оружием. Исследователь, основываясь на ранее опубликованных материалах, выделяет уже четыре основных типа мечей: 1) двулезвийные, длинные, с острым концом; 2) однолезвийные короткие мечи; 3) двулезвийные мечи с кольцеобразным навершием и брусковидным перекрестием; 4) меч из с. Анхуа – единственный известный экземпляр, у которого приблизительно на 25 см от рукояти клинок однолезвийный со спинкой толщиной 0,4—0,5 см, а остальная часть – двулезвийная. В плане хронологии, М.М. Гунба допускает бытование двулезвийных мечей в пределах II-IV вв., что совпадает с мнением М.М. Трапш о ранних формах мечей (Гунба 1989: 66).

Наиболее подробную типологию данного вида оружия в 1997 г. предлагают О.А. Гей и О.А. Бажан. Их классификация произведена исключительно по форме лезвия на четыре основных типа и два подтипа: 1) более короткие и широкие мечи, предназначенные для колющих ударов в ближнем бою (римские гладиусы); 2) длинные мечи, предназначенные для рубящих ударов; 3) мечи с линзовидным сечением (распадаются на два подтипа: а) с уплощенным лезвием и плавным переходом от лезвия к рукояти; б) с выраженным линзовидным сечением лезвия и Т-образным переходом от лезвия к рукояти); 4) мечи с ромбовидным сечением (Гей, Бажан 1997: 11). При этом мечи с кольцевым навершием исследователи не рассматривают.

На основе перечисленных классификаций мною была разработана более подробная типология мечей:

Тип. I. Двулезвийные мечи.

Подтип I1. Мечи с кольцевым навершием на черенке и брусковидной гардой (Рис. 37, 1-3);

Подтип I2. Мечи с двумя и более долами (Рис. 38, 2, 3, 5, 17, 26);

Подтип I3. Мечи с одним долом (Рис. 38, 1, 4, 6-14, 16, 18-21, 23, 24);

Подтип I4. Мечи ромбовидного сечения (Рис. 37, 5-7);

Подтип I5. Мечи призматического/линзовидного сечения (Рис. 39);

Подтип I6. Меч однолезвийно-двулезвийный (Рис. 38, 22).

Тип II. Однолезвийные клинки.

Подтип II1. Клинки треугольного сечения с долом (Рис. 40, 20, 21, 23);

Подтип II2. Клинки треугольного сечения без дола (Рис. 40, 1-19, 22, 24).

Тип III. Кинжалы.

Подтип III.1 Кинжалы линзовидного сечения с широким клинком у основания и плавным сужением к острию (Рис. 39, 2-3);

Подтип III.2. Кинжалы линзовидного сечения с прямым широким по всей длине клинком (Рис. 39, 3);

Подтип III.3. Кинжалы линзовидного сечения с прямым узким по всей длине клинком (Рис. 39, 1);

Подтип III.4. Кинжалы ромбовидного сечения с прямым клинком (Рис. 37, 8).

Мечи с кольцевым навершием на черенке и брусковидной гардой хронологически наиболее ранние. Они восходят к сарматской культуре и представляют большой интерес для изучения эволюции вооружения народов Северо-Восточного Причерноморья, в частности Колхидского и Боспорского царств. Длительные торговые и иные взаимоотношения между первыми и вторыми при участии греческих городов-полисов обусловили большой приток различных видов вооружения на территорию современной Абхазии, в частности, мечей указанного типа. По замечанию А.М. Хазанова этот тип мечей и кинжалов представляется наиболее однообразным по форме, технике изготовления и размерам (Хазанов 1971: 5). Известные в Абхазии экземпляры

относятся к первому типу мечей с параллельными лезвиями, сужающимися ближе к острию, по классификации А.В. Симоненко. Именно они чаще всего попадают исследователям в Северном Причерноморье, Азиатской Сарматии (Симоненко 2015: 43), а также в Крыму. Подобные находки зачастую оказываются частью выразительных, хорошо датированных комплексов Понтийского региона, что делает их весьма интересными для сравнения с абхазскими аналогиями. К этому типу можно отнести случайно найденный в Цебельде обломок меча с кольцевым навершием, датированный Ю.Н. Вороновым и Н.К. Шенкао II-III вв. (Рис. 37, 1) (Воронов, Шенкао 1982: 128).

Считается, что окончательное формирование мечей и кинжалов данного типа произошло уже в III в. до н.э., а уже на рубеже эр они появляются в Закавказье и на Северном Кавказе (Хазанов 1971: 9-10). Типологически близкие мечи хорошо известны по погребениям I-II вв. на Боспоре (Сокольский 1954: 149-50; Горбенко, Косяненко 2011: 134-136, рис. 2, 3).

Самыми близкими к Абхазии известными мечами с кольцевым навершием являются, пожалуй, мечи из окрестностей города Сочи, территория которого была частью места расселения многочисленного союза племен гениохов (Рис. 37, 2-3). Эти мечи также имеют брусковидную гарду, а меч №2 – параллельные лезвия (Воронов 1979а: 61-71). Датируются находки последними веками до н.э., что демонстрирует устойчивость связей между жителями причерноморской полосы и степями Восточной Европы в лице сарматов. Как известно, особое место в этих взаимоотношениях играла мода на определенные виды оружия. Эту точку зрения разделяет и М.М. Трапш, подчеркивая, что воинственные сарматы оказывали существенное воздействие на общественно-политическую жизнь населения соседних территорий (Трапш 1971: 146). Первыми веками датируются мечи из с. Чхари Тержольского муниципалитета (I-II вв.) (Рис. 37, 9), с. Жинвали Душетского муниципалитета (II в.) (Рис. 37, 10), с. Зеда-Гора Ванского муниципалитета (I-II вв.) республики Грузия (Рис. 37, 11) (Gamkrelidze, Shatberashvili, Pirtskhalava, Charkviani, Davlianidze 2018: 152-153;

114, 116; 72-73). Одним из примеров может быть ингумационное погребение № 226 могильника Опушки, расположенного в 15 км к востоку от Симферополя. Вплотную к правой бедренной кости погребенного лежал меч с кольцевым навершием (Рис. 37, 4)). Он был помещен в деревянные ножны, покрытые красной кожей. Время погребения, по мнению автора, не выходит за пределы второй половины I-первой половины II вв. (Храпунов, Стоянова 2019: 323-324). Такие же мечи выставлены в экспозициях государственного историко-археологического музея-заповедника им. В.Д. Фелицина в г. Краснодар (Рис. 41, 1), музее истории города-курорта Сочи (Рис. 41, 2, 3) и в др. городах России. Представляет интерес и меч, переданный в сочинский музей в 2020 г. (Рис. 41, 4). Вместе с другими артефактами он был конфискован у черных копателей, поэтому о точном месте находки и датировке сказать что-либо сложно. Типологически данный экземпляр можно отнести к рассматриваемой группе, как и меч с Красной Поляны, опубликованный Б.Б. Овчинниковой (Овчинникова 2008: 390, рис. 1).

Возвращаясь к исследованию А.М. Хазанова, следует обратить внимание на размеры, рассмотренных им экземпляров мечей и кинжалов (130 единиц). Их получилось разделить на шесть групп, среди которых выделяется три наиболее часто встречающиеся группы 300-400 мм (33 экз.), 400-500 мм (52 экз.) и 500-600 мм (24 экз.) (Хазанов 1971: 5). Как видно, доминирующую позицию занимает группа клинков от 400 до 500 мм, что объясняется автором, как увеличение господства короткого меча с кольцевым навершием, пришедшего на смену длинному мечу с серповидным навершием в I в. до н.э. – I в. н.э. (Хазанов 1971: 44-45). Довольно близка характеристика коротких мечей с кольцевым навершием у Н.И. Сокольского – от 400 до 650 мм в I-II вв. для Боспора (Сокольский 1954: 151). Для территории Абхазии находки предметов вооружения этого времени крайне скудны, поэтому можно только предполагать, что и здесь данный тип мечей имел широкое распространение, учитывая известные сегодня массовые экземпляры клинкового оружия более

раннего времени (Воронов 1975а: 218-234, рис. 5). Постепенное исчезновение сарматского вооружения, в частности мечей с кольцевым навершием, а также ножей с кольцевым навершием из древнеабхазских погребений является важным показателем глубоких изменений, связанных с активизацией новой военно-политической силы в Северо-Восточном Причерноморье в лице Римской империи. Уже в 170/200-260/270 гг., судя по апсильским погребениям из Цебельды, количество клинков от 400 до 500 мм (без кольцевого навершия) в разы уменьшается, а клинков свыше 600 мм (без кольцевого навершия) – увеличивается (Табл. 2). В это же время, ближе к последней четверти третьего века, в погребениях апсиров отмечается несколько клинков нового типа (Рис. 38, 2-3, 17). Некоторые из них исследователи связывают иногда с позднеантичными гладиусами (Цб. – 1, п. 97, Цб. – 1, п. 102, Цб. – 3, п. 456) (Воронов 2003: 29). Один из клинков достигает в длину – 78 см, в ширину – 6,5 см (Рис. 38, 17). Клинок меча имеет семь долов, а рукоять, судя по остаткам древесины, была снабжена четырьмя поперечными ребрами и бронзовым пластинчатым круглым навершием (Воронов, Шенкао 1982: 136, рис. 7, 9). Подобный тип рукояти хорошо известен на примере римского клинкового оружия тех времен. Однако, как известно, классических гладиусов в Абхазии до сих пор не найдено.

Прежде чем приступить к описанию остальных типов мечей и поиску их аналогий считаю необходимым разобраться в терминологии, которую применяют к клинковому оружию. Что именно следует понимать под словом «меч» в рассматриваемый период времени и где проходит граница между мечом, кинжалом и ножом? Чтобы определиться в этих вопросах я обратился к вооружению римских легионеров. Как известно, после победы над понтийским царем Митридатом VI Евпатором Рим утвердил свои позиции на Черном море. Как считается, между 27 г. до н.э. – 19 г. н.э. происходит переименование Диоскурии в Севастополис, в период правления римского императора Октавиана, получившего титул Августа-Севастоса в 20-х г. I в. до н.э. (Бгажба,

Лакоба 2015: 81). К первым векам относится и выделение своеобразной Цебельдинской культуры, развитие которой обусловлено постепенным вовлечением местного населения в имперскую политику в регионе. Таким образом, начиная с рубежа эр, история римско-византийских взаимоотношений с древними абхазами полностью укладывается в рассматриваемый в данной работе период (II-VII вв.), что позволяет, проследив эволюцию римского вооружения, в частности мечей, допустить проведение некоторых параллелей с клинками из Абхазии.

Главным наступательным оружием римского legionera периода ранней империи (27 год до н. э. — 284 год н. э.) оставался gladio (по лат. gladio – меч), минимальная длина клинка которого могла достигать примерно 430 мм, а общая длина – около 600 мм (Cascarino 2008: 139-144). Для удобства классификации римских мечей в научный оборот были введены названия основных типов gladii по месту их первых находок. А.В. Банников называет три разновидности этих мечей: 1) традиционный gladius hispaniensis; 2) gladius типа Mainz; среди образцов этого типа выделяется, в свою очередь, 6 подгрупп (классический, Fulham, Sisak, Muhlbach, Wederath, Haltern-Samulodunum); 3) gladius типа Pompei. Все они отличаются друг от друга формами и размерами.

Археологические находки свидетельствуют, что уже с конца II в. в римских войсках все большее распространение получает длинный и узкий меч – спата. Слово «спата» могло быть позаимствовано римлянами из греческого языка, где «σπαθί[ον] τό» означает «меч», «сабля», «шашка», «шпага» (Хориков, Малев 1980). Длина клинков спат периода ранней империи, как правило, не опускалась ниже 60 см, достигая 70-90 см при ширине клинка 5-6 см в III-IV вв. (Табл. 3, 2) (Feugère 2008: 147, 246; Cascarino 2008: 160; Банников 2015: 361). На первых порах спатами пользовались только всадники, однако, существует мнение, что в конце II в. они появляются на вооружении и у legionerov

(погребение легионера в Лионе), а уже с середины III в. спата полностью вытесняет гладиус (Feugère 1994: 159; Банников 2015: 362).

Таким образом, рассматривая отрезок времени с I по III вв., становится очевидным, что у римлян существовало два вида мечей – короткие (гладиусы) и длинные (спаты). Последние продолжают бытовать и позднее. Примечательно, что Вегеций в «Кратком изложении военного дела», перечисляя снаряжение тяжеловооруженного войска IV в., упоминает спаты («спафы») и полуспаты (Флавий Вегеций Ренат. Кондратьев 1940: 250), т.е. короткие мечи.

Не будет лишним отметить, что помимо мечей в экипировку некоторых легионеров могли входить и обоюдоострые широкие кинжалы пугио. В период со II в. до н.э. до середины-конца III веков н.э. их длина увеличилась с 280 до 400 мм (Thomas 2012: 12). В то же время, с начала II в. наблюдается спад моды на пугио, что увязывается некоторыми исследователями с появлением клинков иного типа, размеры которых теперь могли достигать 450 мм и более. Следовательно, граница между мечом и кинжалом, или коротким мечом в римское время, может быть установлена в промежутке от 400 до 600 мм, где 400-500 мм это еще кинжал, а 500-600 мм – меч.

В своем исследовании Майк Томас делает предположение о том, что так же, как гладиус был вытеснен спатой, так и кинжалы пугио могли быть заменены полуспатами, т.е. разновидностью коротких мечей, о которых сообщает Вегеций в IV в. (Thomas 2012: 24). Как бы там ни было, вывод Майка Томаса представляется весьма интересным, поскольку общая длина ряда клинков из Абхазии в указанное время уверенно занимает размерный ряд от 400 до 600 мм. При этом их нельзя в полной мере отнести ни к синхронным мечам – из-за недостаточной длины, ни к классическим двулезвийным кинжалам – из-за однолезвийности клинков. Эти относительно короткие клинки сочетают в себе специфические признаки, характерные для разных видов оружия, в том числе простых ножей. А частые случаи нахождения с длинными мечами позволяет рассматривать их, как вспомогательное оружие, которым было удобно

пользоваться, в том числе и в бытовых условиях. Поэтому в качестве основного критерия для разделения между двумя видами клинкового оружия мною была выбрана именно длина, а затем форма и количество лезвий. Для кинжалов такой длиной стала отметка до 450 мм, для коротких мечей – от 450 до 600 мм, для длинных мечей – от 600 мм и более.

Для большей наглядности мною были рассмотрены 114 клинков, опубликованных в монографии Ю.Н. Воронова «Могилы апсиров» (Воронов 2003), произведено их разделение по длине на группы, а данные представлены в таблице. Должен отметить, что масштабы, указанные в этой работе, могут не совпадать с масштабами из других публикаций. Так, например, в «Могилах апсиров» на рисунке 50,9 изображен меч, напоминающий римский гладиус. Согласно масштабу, его размер составляет всего 36,6 см, что не дотягивает до размера самого короткого помпейского гладиуса. В то же время, в совместной с Н.К. Шенкао статье Ю.Н. Воронов приводит другой масштаб этого клинка – 79,2 см, а описывая инвентарь погребения, указывает на длину этого меча в 78 см (Воронов, Шенкао 1982: 136, рис. 7, 9). Аналогичные несоответствия размеров наблюдаются на рисунках 18,1 и 20,9,10 (Воронов, Шенкао 1982: 151, 155). Поэтому нельзя исключать возможных расхождений между данными из таблицы и реальными размерами клинков. Тем не менее, данное обстоятельство, на мой взгляд, не является критичным, т.к. в основном разделение по длине совпадает с дроблением на основные типы клинков.

Исследование клинков из апсирских погребений показывает, что разница между ножами, кинжалами, короткими мечами и классическими мечами зачастую довольно размыта. Тем не менее, из общего числа известных находок I-VII вв. в Цебельде возможно выделить семь групп клинков по их длине (Диагр. 1). Разделение на группы осуществлено по принципу плавного увеличения размера клинков (на 1-3 мм в длину вместе с хвостовиком) до того экземпляра, длина которого резко превышает параметры предыдущих (на 19-77 мм в длину вместе с хвостовиком) (Табл. 4).

К первой группе относятся клинки ножей длиной от 65 до 222 мм. Здесь отмечается наиболее плавное, в сравнении с другими группами, увеличение размера ножей на 1-3 мм, реже на 7 мм. Такая картина прослеживается на протяжении всего периода существования Цебельдинской культуры. Далее следует первый разрыв, обозначивший разделение между первой и второй группами. Это одиночный клинок ножа с общей длиной 251 мм, не предназначенный для использования в бою. Вторая группа представлена серией клинков с плавным приростом длины от 270 до 306 мм, после чего появляется второй разрыв до 330 мм, обозначивший разделение между второй и третьей группами. Третья группа выделяется серией клинков с плавным приростом длины от 330 до 398 мм, после чего отмечается очередной разрыв до 420 мм. Четвертая группа представлена всего лишь тремя клинками с плавным приростом длины от 420 до 447 мм. Пятая группа клинков состоит из двух экземпляров общей длиной от 522 до 531 мм. За ней идет следующий разрыв в виде одиночного клинка в 608 мм. Далее наблюдается плавный прирост длины клинков от 640 до 800 мм, образующими шестую группу с последующим разрывом до 844 мм. Седьмая группа клинков характеризуется наибольшей длиной – от 844 до 964 мм.

Несмотря на разницу в пропорциях, при сравнении отдельных клинков из каждой группы четко прослеживается типологическая связь между ними, так, экземпляры второй группы (№ 1, 3, 5), третьей группы (№ 2, 3, 5, 6, 8, 9, 10), четвертой группы (№ 3), пятой группы (№ 2) относятся к одному типу однолезвийных клинков; экземпляры четвертой (№1 и 2) и шестой (№ 13) групп иногда связываются с римскими гладиусами; клинки второй группы (№ 2, 4), третьей группы (№ 1, 4) правильнее назвать классическими кинжалами из-за их длины и двусторонней заточки лезвия.

Таким образом, из всех групп наилучшим образом определяются однозначно, как отдельные типы: группа ножей, чьи размеры могут варьироваться от самых малых до 250 мм в среднем, группа мечей под номером

семь – от 844 до 964 мм, шестая группа мечей покороче – 640-800 мм, а также клинок меча промежуточного размера – 608 мм. Все остальные клинки длиной от 270 до 530 мм можно условно отнести к кинжалам (в сторону с наименьшей длиной), или коротким мечам (в сторону с наибольшей длиной).

Некоторые из рассмотренных клинков, как это отмечалось выше, имеют одностороннюю заточку лезвия и напоминают большие ножи, снабженные металлической гардой. Подобные характеристики позволяют исследователям связывать этот вид оружия с германскими скрамасаксами (Казанский 2012: 113-114; М.М. Kazanski, Mastykova, Périn 2002: 175-176, fig. 12, 6; 13, 5-8, 10; 14), что несколько противоречиво, ведь классическая форма сакса или скрамасакса (с мощным обухом до 1 см толщиной и резко скошенным к острию концом) на территории Абхазии не встречается. Следовательно, сравнивая отдельные виды оружия германцев и древнеабхазских воинов, подобную терминологию следует использовать с некоторой осторожностью. Мода на короткие, относительно двулезвийных мечей, однолезвийные клинки имела место на обширной территории приблизительно в одно и то же время. Такую закономерность отмечает и И.Р. Ахмедов, подчеркивая, что синхронное появление однолезвийных клинков в европейских древностях, а также в Центральной России, Северо-Восточном Причерноморье и западной части Северного Кавказа может быть связано с одними и теми же событиями (Ахмедов 2010: 322, 338). Поэтому, естественно, что помимо общих признаков (формы и размеры клинков, материал рукоятей, декор ножен и т.д.), неизбежно проявлялись и региональные отличия в производственной практике. Следовательно, наименование любого предмета, связанное с одной культурой, вряд ли может быть применено к предмету из другой культуры только лишь на основании условного совпадения отдельных параметров, в данном случае длины клинков. К тому же, в своей статье М.М. Казанский допускает возможность распространения данного вида оружия на территории Абхазии, в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе из Византии или

византийско-сасанидской зоны, так же называя его скрамасаксом, чего не может быть в принципе (Казанский 2012: 117; М.М. Казанский 2012а: 333). Таким образом, термины «сакс», «скрамасакс» и пр. не следует рассматривать в разрыве с одноименным германским племенем и максимум ближайшими к нему соседями. В конце концов, классические двулезвийные мечи, получившие большую популярность во всем мире и имевшие широчайшие хронологические рамки бытования, остались в большинстве культур просто мечами, т.е. без привязки к чьей-то этнической терминологии. Хотя таковая, без сомнения, имеется у многих. У римлян, например, это «гладиусы», что в переводе на русский, как раз и означает слово «меч», но, несмотря на это, никто из исследователей не называет гладиусами мечи позднего средневековья.

Кроме того, в указанную длину (400-650 мм) укладывается и группа сарматских коротких двулезвийных мечей I-II вв. по классификации Н.И. Сокольского (Сокольский 1954: 151), которые так же использовались в качестве вспомогательного оружия. А они, в свою очередь, восходят к более ранним формам, распространенным в Понтийском регионе задолго до появления здесь германских племен, римлян и персов. Следовательно, практика вооружения помимо основного оружия и вспомогательным, относительно коротким мечом/кинжалом, имеет здесь давнюю традицию.

Говоря о двулезвийных цебельдинских мечах, как длинных, так и коротких, М.М. Трапш относит их к III-IV вв., указывая при этом на аналогии из таких могильников Абхазии, как Хашупсе, Мерхеул, Атара и т.д. В этой связи хочется упомянуть некоторые находки мечей, описанные Г.К. Шамба и датированные им в пределах первой половины I тыс. н.э. по боспорским аналогиям Н.И. Сокольского (Шамба 1974: 48-62, рис. 3, 6; 15, 5; 19, 1-2). Первым в списке археолога идет Хашупсинский могильник в Гагрском районе, где была исследована мужская ингумация. В погребение входило два меча. Один из них двулезвийный линзовидного сечения с клинком, переходящим к хвостовику почти под прямым углом, без перекрестия, с едва заметно

сужающимися к острию лезвиями. Длина сохранившегося фрагмента – 55 см, ширина – 4,5 см. Вместе с мечом найдено навершие в виде шайбы (диаметром около 3,5 см) со сквозным отверстием (Шамба 1974: 51). Наличие в погребении второго однолезвийного клинка позволяет датировать весь комплекс не ранее IV-V вв. Похожий двулезвийный меч был найден на могильнике Лапста недалеко от одноименной реки в Гагрском районе. Его длина – 69 см (Шамба 1974: 55). Другими интересными экземплярами являются два меча линзовидного сечения из гагринского комплекса длиной 66 и 65 см, шириной – 4,2 см. На одном из мечей сохранилось железное брусковидное перекрестие длиной 6,2 см, толщиной – 0,7 см (Шамба 1974: 62). Нельзя обойти стороной и конфискованные у черных копателей находки в 2016 г., среди которых пять мечей (Джопуа, Ньюшков 2018а: 55). Несмотря на то, что оружие уже было опубликовано в 2018 г. подробного его описания до сих пор не сделано. Поэтому будет уместно привести полную характеристику этих мечей в данном разделе.

1. Меч двулезвийный призматического сечения (с уплощением в средней части шириной от 2,5 до 2 см) (Рис. 42, 3). Общая длина – 76 см, ширина у основания клинка – 4,5 см, а в средней части – 4 см, максимальная толщина клинка 0,5 см, длина хвостовика – 8,3 см, максимальная ширина – 2,6 см, толщина – 0,6 см. Плечики у места перехода клинка к черенку косые (имеют плавный изгиб);

2. Меч двулезвийный призматического сечения (с уплощением в средней части шириной около 2,5 см) (Рис. 42, 2). Общая длина – 75,8 см, ширина у основания клинка – 4,5 см, а в средней части – 3,7 см, максимальная толщина клинка 0,6 см, длина хвостовика – 12 см, максимальная ширина – 2,2 см, толщина – 0,6 см. в средней части сохранился железный штифт для крепления деревянной рукояти. Плечики у места перехода клинка к черенку идут под прямым углом;

3. Меч двулезвийный, в сечении похож на уплощенную линзу, или призму (Рис. 42, 1). Состоит из двух фрагментов, острие утеряно. Общая длина около 60 см, ширина у основания клинка – 5,2 см, а в средней части – 5,1 см, максимальная толщина клинка 0,7 см, длина хвостовика – 12,5 см, максимальная ширина – 3,5 см, толщина – 0,6 см. Плечики у места перехода клинка к черенку имеют плавный изгиб;

4. Фрагмент двулезвийного меча (хвостовик и клинок) не определенного сечения, уплощенный (Рис. 42, 5). Общая длина – 18 см, ширина у основания клинка – 5 см, максимальная толщина клинка 0,7 см, длина хвостовика – 9,2 см, максимальная ширина – 2,5 см, толщина – 0,7 см. Плечики у места перехода клинка к черенку идут под прямым углом;

5. Однолезвийный меч треугольного сечения (Рис. 42, 2). Общая длина – 53 см, ширина у основания клинка – 3,1 см, а в средней части – 2,8 см, максимальная толщина клинка 0,6 см. Длина железной линзовидной гарды – 5,9 см, высота – 0,9 см, толщина – 1,2 см. Хвостовик обломан, длина – 5,7 см, максимальная ширина – 2 см, толщина – 0,6 см, на конце сохранилась медная заклепка длиной – 1,3 см с шляпкой диаметром 0,8 см. Плечики у места перехода клинка к черенку идут под прямым углом.

Типологически все пять мечей характерны для периодов поздней античности и раннего средневековья и с большой долей вероятности могут быть отнесены к IV-V вв., в особенности это касается однолезвийного меча. Этот тип клинкового оружия получает широкое распространение у апсилов только к середине V в.

В силу слабой изученности памятников Западной части Абхазии, приведенные примеры представляют большую ценность для понимания общего уровня вооружения автохтонного населения древней Абхазии и характера связей между ними и остальными представителями всего Северо-Восточного Причерноморья.

Выводы М.М. Трапш относительно датировок абхазских двулезвийных мечей не противоречат хронологии, выдвинутой Ю.Н. Вороновым и Н.К. Шенкао (Воронов, Шенкао 1982: 129-130). Ранее мною приводилась типология клинкового оружия этих авторов. Согласно ей двулезвийные мечи с долом на территории Абхазии бытовали в течение IV-VII вв., сосуществуя с мечами линзовидного и ромбовидного сечения. Вторые и третьи, в свою очередь, имеют прямую связь с более ранними мечами. Таким образом, согласно выводам авторов, можно выделить отрезок времени между III-IV вв., когда появляются новые типы клинкового оружия, как, например, мечи с широким долом. По уточненной хронологии М.М. Казанского, эти процессы становится возможным сдвинуть ближе ко II в., что вполне оправдано, учитывая появление и развитие в это время топоров цебельдинского типа. Кроме того, такая датировка совпадает с хронологией Цебельдинской культуры в целом и соответствует сравнительному анализу М.М. Трапш цебельдинского клинкового оружия с мечами близкого типа из других районов Северо-Восточного Причерноморья, таких как станица Усть-Лабинская Краснодарского края (погребение II в.), поселок Колосовка вблизи г. Майкопа (погребения I-III вв.), Керчь (склепы II в.), Таманский полуостров (I-II вв.), Западная Грузия (погребения первых веков могильника Чхороцку) и др. (Трапш 1971: 145). В целом, на всей этой территории, включая Абхазию, отмечается увеличение длины мечей до 70 см и более. Из приведенных исследователем ссылок большой интерес представляет статья Н.И. Сокольского, в которой рассматривается эволюция боспорских мечей, начиная с периода ранней античности до IV в. н.э. Среди двулезвийных мечей II-III вв. хочется отметить экземпляр из раскопок В.В. Шкорпила 1902 г. в Керчи (Сокольский 1954: 158, табл. VIII, 1). Его длина – 80 см, а максимальная ширина клинка – 5 см, что соответствует древнеабхазским клинкам. У меча также сохранилась бронзовая гарда в форме ромба, что является довольно редким явлением, т.к. большинство мечей Северо-Восточного Причерноморья находят без перекрестья. Эта

особенность сближает керченский меч с цебельдинским аналогом второй половины VI в. из раскопок Ю.Н. Воронова 1968-70-х годов Шапкинського могильника (Церковный холм-4, погребение 5) (Воронов, Юшин 1973: 176, 191. Рис. 5, 27) (подробная характеристика меча приведена ниже). Его длина составляет 88,5 см, максимальная ширина – 5 см. Далее можно отметить сходства и по другим предметам из погребений. Вместе с мечом из Керчи было найдено глиняное навершие от рукояти в виде уплощенного шарика (3x2 см), второй клинок (меч-кинжал) длиной 35 см и железный умбон с рукоятью от щита. Такой же набор инвентаря сопровождал и погребенного из Цебельды, за исключением конского костяка рядом с могилой ЦХ-4 – 5. Н.И. Сокольский видит в керченском мече переходную форму к более поздним мечам (III-IV вв.), в оправе которых бронза применялась чаще (Сокольский 1954: 159), что согласуется с датировкой Ю.Н. Воронова и В.А. Юшина. Это подтверждается также сходством оправы ножен (U-образная бутероль) цебельдинского и фанагорийского (IV в.) мечей (Сокольский 1954: 159, табл. IX, 1).

К первой половине V в. относятся мечи похожего типа с бронзовыми ромбовидными перекрестиями из могильников Юго-Западного Крыма: Лучистое (склеп 88) (Айбабин, Хайрединова 2017: 108, рис. 81, 1; 82, 1-3). Пятым веком можно датировать и погребение 500 из Кисловодской котловины (Дмитриев 1979: 226, рис. 10, 1). По мнению некоторых исследователей, этот тип мечей мог появиться уже в I в. н. э. у сармат и алан в Средней Азии и Нижнем Поволжье, затем распространиться у воинов Боспора, а в эпоху великого переселения народов вместе с аланами – далеко на запад (Хазанов 1971: 21-22; Скрипкин 1990: 130-132). Надо полагать, что появление мечей с ромбовидной гардой на территории Абхазии обусловлено схожими процессами. Так, например, к стадии III (380/400-440/450 гг.) по хронологии М.М. Казанского относятся трехлопастные «гуннские» стрелы, металлическое зеркальце с центральной петлей, аланский сосуд, а также единственный случай искусственной деформации черепа у погребенного (Казанский, Мастыкова

2011: 108). Все эти элементы связаны с гуннской и аланской культурами и указывают на прямые контакты народов с обеих сторон Кавказского хребта.

Особого внимания заслуживает серия мечей с металлическими накладками в месте перехода от черенка к клинку, образующими что-то вроде стакана (Рис. 43, 1-3). В Абхазии известно четыре таких экземпляра: могильник Абгыздраху, погребение 12 (Трапш 1971: 35, табл. VI, 15); погребение на участке В. Смыра в с. Анухва (Гунба 1978: 77, табл. XLVII, 3; Воронов 1979); могильник Абгыздраху, погребение 44 (Трапш 1971: 68, табл. XXII, 17); могильник Шапка – Церковный холм 4, погребение 5 (Воронов, Юшин 1973: 172, рис. 5, 27). В отечественной литературе отсутствуют какие-либо внятные объяснения о функциональной роли данных металлических элементов. Как правило, авторы ограничиваются лишь общим описанием мечей с накладками. В одних случаях их называют утолщениями у основания клинков, или утолщениями с узенькими змеевидными выступающими головками (Трапш 1971: 35, 68), в других – накладками из железных пластинок, концы которых имеют якоревидную форму («украшение»), или фигурными накладками, приваренными к лезвию ниже перекрестья (Гунба 1978: 77; Воронов, Шенкао 1982: 130). Необычный внешний вид мечей с накладками послужил даже основой для создания современной реплики меча «Апсилика» мастерами-оружейниками Б.Р. Джапуа, Э.Л. Какава и Т.С. Дзидзария для первого президента Республики Абхазия В.Г. Ардзинба (Рис. 42, 1а-2а). В этом случае накладки из дамасской стали позиционируются как «усиливающие» место перехода от клинка к черенку. Здесь важно отметить, что задуманы и изготовлены они были вместе с мечом, т.е. являлись неотъемлемой частью меча с самого начала.

Для более полной характеристики трех экземпляров мечей мною были проведены их обмеры. Характеристики четвертого меча приведены по рисунку и описанию М.М. Трапш.

Могильник Абгыздраху, погребение 44. Меч двулезвийный призматического сечения (с уплощением в средней части шириной около 2,5

см) (Рис. 43, 3). Кончик меча утрачен. Общая длина 87,5 см, максимальная ширина 4,7 см, толщина 0,4 см. Плечики у места перехода к черенку косые (имеют плавный изгиб). Стакан линзовидного сечения, высота стакана вместе с грибовидной головкой 15,7 см, высота грибовидной головки (ножка и шляпка) 3,5 см, ширина ножки грибовидной головки 1 см, ширина шляпки 1,7 см, высота 1,5 см. Толщина стакана по всей длине 0,7 см. Стакан плавно переходит в черенок, с максимальной толщиной 0,6 см и шириной 2 см. На конце черенка сохранился гвоздик для крепления накладки рукояти. Навершие меча выполнено в виде известковой плоской бусины кольцеобразной формы, диаметр окружности – 3,3 см, у конца – 2,5 см.

Погребение из с. Анхуа. Меч двулезвийный призматического сечения (с уплощением в средней части шириной около 2 см) (Рис. 43, 2). Часть меча, начиная от плечиков на 23 см однолезвийная. Толщина обуха в этом месте 0,6-0,5 см. Длина сохранившегося фрагмента меча 64 см, ширина 3,9 см, толщина 0,4 см. Плечики у места перехода к черенку косые (имеют плавный изгиб). Форма стакана повторяет сечение клинка в этой части (треугольник). Высота стакана вместе с грибовидной головкой 11,4 см, высота грибовидной головки (ножка и шляпка) 4,4 см, максимальная ширина ножки грибовидной головки у основания 2 см, минимальная ширина (под головкой) – 0,5 см, ширина шляпки – 2,7 см, ширина отростков шляпки в средней части – 0,4-0,5 см. В центре шляпки имеется штифт высотой 0,2 см, диаметром 0,35 см. Толщина стакана у основания 0,6 см и увеличивается ближе к грибовидной головке до 0,9 см за счет коррозии металла. Стакан частично разрушен, с одной стороны отсутствует часть шляпки грибовидной головки, а с другой – головка утрачена полностью. Максимальная толщина черенка 0,6 см, ширина – 2,3 см. В этом месте оставшаяся часть стакана отходит от плоскости меча. С этой же стороны видно, что клинок меча, заходя в стакан, начинает сужаться. На черенке сохранился след от гвоздика для крепления накладки рукояти.

Могильник Шапка – Церковный холм 4, погребение 5. Меч двулезвийный призматического сечения (с уплощением в средней части шириной около 2,5 см) (Рис. 43, 1). Общая длина 88,5 см, максимальная ширина 5 см, максимальная толщина клинка 0,4 см. Плечики скрыты под гардой. Стакан прямоугольной формы, высота вместе с грибовидной головкой 7,2 см, ширина 4,6-5 см (стакан частично утрачен), высота грибовидной головки (ножка и шляпка) 4,5 см, ширина ножки грибовидной головки 1,3 см, диаметр круглой шляпки 2,5 см. Максимальная толщина стакана у основания ножки грибовидной головки 1,1 см. С одной из сторон стакана, в его средней части видны две плохо сохранившиеся серебряные пластинки. Максимальная толщина черенка 0,7 см, ширина – 2,6 см. Под гардой сохранились древесные следы от рукоятки. Гарда бронзовая в форме ромба, длина 6 см, ширина 2,1 см, толщина 0,5 см. Со стороны черенка сохранился овальный отпечаток от деревянной рукояти 4,1x1,9 см. Рядом с мечом найдена хрустальная бусина (навершие рукояти).

Могильник Абгызраху, погребение 12. Меч двулезвийный призматического сечения (с уплощением в средней части) (Рис. 43, 4). Общая длина – 75,5, максимальная ширина – 5,8 см. Плечики у места перехода к черенку косые (имеют плавный изгиб). Стакан (утолщенная часть) с обеих сторон имеет прямоугольные язычковидные выступы, направленные в сторону острия клинка. Навершием рукояти меча служила кварцевая бусина округлой формы, диаметр – 2,1 см, диаметр отверстия – 6 мм (Трапш 1971: 35, табл. VI, 15).

Загадка металлических накладок на мечах, возможно, не была бы разгадана еще какое-то время, если бы ни исследование одного катакомбного погребения № 33 могильника Кичмалки II в районе Кабардино-Балкарской Республики. В состав погребального инвентаря входили длинный двулезвийный меч с портупейной крупной янтарной бусиной-подвеской и короткий двулезвийный кинжал с серебряной позолоченной орнаментированной накладкой на ножны и

U-образной бутеролью (Рис. 44). Оба клинка были снабжены т.н. подпрямоугольными муфтами линзовидного сечения с дуговидным краем (Ахмедов, Васильева, Хаврин 2015: 13-16; Ахмедов, Васильева, Хаврин 2016: 238). Местоположение муфт и общие характеристики данных клинков находят много общего с экземплярами из Абхазии, о чем упоминают и сами авторы.

С целью получения новых данных меч и кинжал были подвергнуты рентгенографическому исследованию, которое показало, что муфты являются следами ремонта, т.е. в древности клинки были обломаны в районе перекрестья и реставрированы путем скрепления двух частей (клинок и хвостовик) пластинами и круглыми в сечении сквозными штифтами (Рис. 45, 1-1а, 2-2а).

Предположение авторов о том, что абхазские клинки могут быть отремонтированы тем же способом, что и клинки из могильника Кичмалки II, послужили поводом для их рентгенографического исследования в одном из отделений Сухумской городской клинической больницы (Рис. 45, 3). Из фондов и экспозиции Абхазского Государственного музея мною были отобраны три из четырех вышеупомянутых меча. Рентгеновские снимки каждого из них показали, что клинки также были отремонтированы в древности. На снимке меча из погребения 44 могильника Абгьдзраху видно три четких круглых силуэта: один в центре грибовидной головки стакана, а два других по углам (Рис. 43, 3). Над ними хорошо просматривается горизонтальная линия излома клинка. Второй меч, из погребения 5 могильника Шапка – Церковный холм-4, судя по снимку, имеет уже четыре аналогичных силуэта: один в центре грибовидной головки стакана, две по бокам стакана, ближе к его середине, и четвертый на уровне плечиков меча на одной оси с первым силуэтом (Рис. 43, 1). Третий меч, из с. Анухва, с первого взгляда выделяется своей необычностью. Это и наличие одновременно однолезвийной и двулезвийной частей клинка, и причудливая форма грибовидной головки его стакана, напоминающая якорь, а также семь силуэтов от штифтов на рентгеновском снимке. Традиционно первый силуэт просматривается в центре головки

стакана, а все остальные попарно в три ряда поднимаются к плечикам меча, повторяя форму клинка, которая начинает резко сужаться под накладками. На черенке меча, ближе к концу, также хорошо виден след от гвоздика/заклепки, скрепляющего накладку рукояти. Ближе к плечикам меча наблюдается три похожих отпечатка, выстроенных вертикально, возможно следы ремонта черенка (Рис. 43, 2).

Надо полагать, что и меч из погребения 12 могильника Абгызраху (Рис. 43, 4), который мне не удалось найти, был так же отремонтирован в древности.

Что касается аналогий отремонтированным клинкам с использованием металлических накладок, то сегодня их известно довольно мало. Здесь сразу следует отметить, что приведенный в работе Ю.Н. Воронова и Н.К. Шенкао пример позднееримского меча из Польши, который якобы имеет «нечто подобное» (накладки?), на самом деле таковых не имеет (Воронов, Шенкао 1982: 130; Antoniewicz, Kaczynski, Okulicz 1958: tabl. V, 1). Зато авторами статьи о двух мечах из могильника Кичмалки II приводится несколько примеров реставрации клинков более простыми способами. Первый способ, когда к обломанному клинку черенок прикреплялся при помощи заклепок. Это погребение гуннского времени из Федоровки (Рис. 43, 5) или позднееримский меч III в. типа Лауриакум-Хромовка из скопления А в Иллерупе (Рис. 43, 6). Второй способ, когда сохранившийся фрагмент черенка наращивался при помощи вставленного в разрез раскованного штыря, например, меч типа Майнц первых веков н.э. из Ядовники Мокре в Польше (Ахмедов, Васильева, Хаврин 2016: 243; Засецкая 1994: 186, табл. 34, 1; Miks 2007: 622, kat. A321, 16, taf. 105; Biborski, Grygiel 2014: fig. 2). Другой пример меча происходит из упомянутого склепа 88, п. 5 могильника Лучистое Юго-Западного Крыма. Его клинок вставлен в пропиленную нижнюю часть черенка и укреплен заклепкой (Айбабин, Хайрединова 2017: 108, рис. 82, 1). Этот способ реставрации также можно отнести к простым. С конструктивной точки зрения, представляет интерес еще один клинок из Цебельды (Рис. 43, 7) (Бгажба, Терехова, Розанова

1990: 191). Авторы статьи называют его кинжалом, уточняя при этом, что изначально изделие было мечом с дамасским строчечным орнаментом. Кроме того, к его клинку грубо прикреплена железная рукоять плохого качества. Место стыка хорошо читается на рисунке в виде горизонтальной линии и отмечено стрелкой. Как мне представляется, если все перечисленные мечи и кинжал подвергнуть металлографическому анализу, то все они могут оказаться дамасскими, т.к. это объясняет желание воинов сохранить дорогой предмет вооружения.

Приведенные примеры демонстрируют насколько ценным было клинковое оружие для воина. При поломке меча или кинжала его не выкидывали и не пускали на вторсырье, а старались дать вторую жизнь. В случае с рассмотренными мечами из Абхазии древними мастерами была сохранена изначальная форма и функциональное назначение данного вида оружия. Скорее всего, это обусловлено характером поломки, местом излома и длиной сохранившегося клинка. В тех случаях, когда повреждалась часть клинка ближе к хвостовику, меч оставался мечом – для него изготавливали стакан из двух пластин железа и соединяли с хвостовиком. При этом могло даже происходить небольшое наращивание длины клинка. Однако, в археологии известны примеры, когда излом клинка приходился приблизительно на середину. В таких случаях функциональное назначение клинкового оружия могло изменяться. Мною уже затрагивалась тема вторичного использования клинкового оружия, когда из его обломков делали наконечники копий. Два таких экземпляра известны и в Абхазии. Помимо этого, следует упомянуть и клинки с горизонтальными вырезами, известные в литературе как «кинжалы/мечи с боковыми вырезами у основания лезвия» и имеющие хронологический диапазон от II-III вв. до XII в. (Сокольский 1954: 159; Казанский 2014: 107; Левада 2006: 195; Радюш 2014: 232). Как мне представляется, немалую часть этих клинков, получившую широкое распространение, также следует относить к оружию, в которое вдохнули вторую жизнь. Несмотря на то, что в Абхазии

находки клинков с боковыми вырезами не известны, существование налаженных межкультурных и торговых связей древних абхазов с северокавказскими соседями через горные перевалы не подлежит сомнению, а близость некоторых таких находок к рассматриваемой в работе территории говорит сама за себя (Гавритухин, Пьянков 2003: табл. 75, 55; табл. 77, 17, 18; табл. 82, 28). Здесь следует отметить, что главный смысл всего сказанного заключается не столько в территории, на которой был найден тот или иной артефакт, не столько в его хронологии, сколько в самом факте ремонта и адаптации оружия для дальнейшего использования. Хотя большая часть рассмотренных предметов вооружения периодов поздней античности и раннего средневековья была введена в научный оборот еще в советское время, перед нами только сейчас начинают открываться такие стороны оружейного производства, как ремонт и переделка, которые еще предстоит познать полностью.

Интересную группу представляют мечи с высокой, или как ее называют, широкой гардой (могильник Шапка – Верин Холм (Рис. 46, 1) (Воронов, Шенкао 1982: 158, рис. 23, 4) – одно поле, образованное горизонтальной линией квадратов или ромбов, соединенных углами; погребение из Гагры (р. Цихерва) (Рис. 46, 2) (Воронов 1979: табл. 37, 21) – два декоративных концентрических поля. По классификации М.М. Казанского они относятся к типам I и V и могут быть датированы второй половиной V- первой половиной VI веков (Засецкая, Казанский, Ахмедов, Минасян 2007: 122-136). Аналогии этим мечам известны на могильнике Дюрсо. Это два меча V в. из погребений 479 (мужская ингумация) и 13 (засыпка конского погребения) (Дмитриев 1979: 223, рис. 8, 11, 12; 218, рис. 2, 19, 20). Один меч IV-V вв. из катакомбы 10 могильника 2 у Лермонтовской Скалы (Кисловодская котловина) (Рунич 1976: 261, 263, рис. 3, 19-21). К этому же типу относится меч V в. из Карачаево-Черкесии (Прокопенко 2018: 162-163, фото 1, 2). По сообщению М.М. Казанского мечи с широкой (высокой) гардой, украшенной перегородчатой инкрустацией,

наиболее хорошо представлены в районах Восточной Европы. Это два меча из Пятигорья: Мокрая Балка, погребение 123 (Афанасьев, Рунич 2001: рис. 151, 1-4; Казанский, Мастыкова 2001: 145). Один меч с Кубани (раскопки Н. Лимберс), один с Тамани (Zengel 1987; Böhner 1948: 148. Abb. 2, 4; Menghin 1995: 26-27. Abb. 37), один из Керчи, коллекция Алексеева (Засецкая 1982: 30, рис. 6, 7) и один из погребения Дмитриевка в Северо-Восточном Приазовье (ОАК за 1904 г.: 123, рис. 215). За пределами Северо-Восточного Причерноморья и Западного Кавказа М.М. Казанский отмечает единичные находки мечей: Большой Буйнакский курган в Северном Дагестане, погребение 18 (Абрамова 1980: рис. 7, 20), Покровск-Восход в саратовском Поволжье (Засецкая 1994: табл. 32, 6; Werner 1956: taf. 40), Паннонхалма в Западной Венгрии (Tomka 1986: 452-456), Альтлюсхейм на Рейне (Garscha 1936; Werner 1956: taf. 1, 2; Garscha 1960), фрагмент гарды неизвестного происхождения в Археологическом музее Дижона (Escher 2003: fig. 1), Бежа в Южной Португалии (Raddatz 1959; Dannheimer 1961; Koenig 1981: 346-350, taf. 51, 52). Рассмотренные исследователями варианты инкрустаций на гардах мечей позволяют рассматривать такие центры их распространения, как Византия и сасанидский Иран. В первом случае такое утверждение не может вызывать острых противоречий, учитывая места дислоцирования римских, а позже византийских воинских контингентов на Черноморском побережье Кавказа. Во втором – нельзя не учитывать военной активности Ирана в Закавказском регионе. Своеобразными отголосками иранской политики можно считать некоторые кинжалы из апсильских погребений конца IV- первой половины V вв. (Цибилуум-1, п. 57, 61) (Рис. 37, 8) (Воронов 2003; Казанский 2011: 146-152). Отличительной чертой этих экземпляров являются четыре выступа по бокам ножен, предназначенные для крепления к ноге. Подобный способ крепления хорошо известен на Востоке, а наиболее древние модели таких кинжалов происходят с Алтая, где они датируются III-II вв. до н.э. (Кубарев 1981: 44-47). Кроме этого, рукоять кинжала из детского погребения 61

могильника Цибилиум-1 также имеет аналогии, которые связывают с восточным, возможно, сасанидским влиянием. Такие типы рукоятей известны на Боспоре Киммерийском (Рис. 46, 4) (Керчь, погребения 145. 1904 и Глинище 1896 г.), на Урале, в Поволжье (Рис. 46, 6, 7) (Муслюмово, Тураево) и в Южной Сибири (Тугозвоново) (Вона 2002: 199, fig. 5), а их прототипы известны на Ближнем Востоке уже в III в., например, в Пальмире (Kazanski 1991: 123-139, fig. 3, 9).

Нередко, при описании погребального инвентаря, исследователи упоминают крупные бусы-подвески, или навершия рядом с длинными мечами. Принято считать, что эти декоративные элементы венчали рукояти клинкового оружия (Трапш 1971: 68, 93). В Абхазии такие подвески выполнены чаще всего из пасты (Цб-2, 399), цветного стекла и янтаря, а с V – середины VI в. – из горного хрусталя (Цб-1, п. 257) (Воронов, Шенкао 1982: 130; Воронов 2003: 48, 52, 76). По мнению А.М. Хазанова, крупные бусы чаще всего встречаются или у острия клинка – в этом случае они оформляли конец ножен, или у рукояти – и тогда они служили чем-то вроде подвесок (Хазанов 1971: 25). В Абхазии известны случаи, когда аналогичные по форме и размеру бусы из хрусталя клали и в женские погребения V-VI вв. (Цб-1, 31, 89, 113) (Воронов 2003: 16, 27, 31), где они входили предположительно в состав ожерелий. Такое, по сути, двойное назначение многогранных хрустальных изделий отмечает и М.М. Гунба в с. Атара Армянская Очамчирского района. В двух женских погребениях конца IV-V вв. были найдены пять таких бусин (погребение №1 – 2 шт., №4 – 3 шт.) (Гунба 1975: 110, 115, табл. I, 9, 10; IV, 28, 29, 31). Исследователем приводится и подробное описание изделий. Диаметр бусин 3-4 см, толщина – 1,3-2,3 см, диаметр отверстий – 0,7-0,8 см. У первых двух количество граней доходит от 18 до 22 (Гунба. Там же). Известны случаи находок бусин с 26 гранями (Трапш 1971: 38).

Популярность подобных бусин у мужчин и женщин из Цебельды может объясняться не только их красотой, но и предполагать существование неких

представлений об уникальных магических или целительных свойствах таких предметов. В этой связи хочется упомянуть работу известного британского исследователя Эварта Окшотта «Военная археология» (Окшотт 2004). В ней автор допускает возможную связь бус-подвесок из археологических комплексов (200-600 гг.) с загадочными «камнями жизни» из саг северных народов, например, исландские. «То, что эти предметы обнаруживаются очень часто и постоянно в одном месте: у рукояти меча, — подсказывает очевидный ответ — они крепились ремнем или шнурком либо непосредственно к ней (рукояти) (на манер шишечки), либо к верхней части ножен» (Окшотт. Там же). Одним из таких примеров является меч из Клейн-Хуниген в Швейцарии. Согласно преданиям, рану, нанесенную мечом, можно было исцелить только «камнем жизни». Нельзя исключать, что похожие свойства подобным украшениям приписывали и древние цебельдинцы, которые вероятно контактировали с германцами — носителями данных религиозных представлений через византийские гарнизоны.

По сообщению Н.И. Сокольского, материал из которого изготавливали навершия для мечей мог быть довольно разнообразен: золото, халцедон, оникс, янтарь, дымчатый топаз, кость, стекло, паста различных цветов, алебастр, агат, серебро, дерево и даже обожженная глина (Сокольский 1954: 154). По мнению Ю.Н. Воронова и Н.К. Шенкао появление таких декоративных элементов характеризует эпоху великого переселения народов, что требует уточнения. Скорее всего, авторами имеется в виду определенная форма наверший и материал для их изготовления, т.к. практика использования подобных элементов засвидетельствована в более раннее время, еще в I-III вв., например, на Боспоре. Н.И. Сокольский даже делает предположение, что все длинные сарматские мечи изготавливались с навершиями «поговидного» типа (т.е. уплощенными). Их наличие способствовало уверенной фиксации рукояти в ладони при нанесении удара (Сокольский 1954: 155).

Археологическое и теоретическое исследование клинкового оружия из Абхазии было бы неполным без многочисленных металлографических анализов, которые проводил историк и археолог О.Х. Бгажба (по методике Б.А. Колчина и А.К. Антейна) в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР (ныне РАН). Изучение кузнечной продукции в целом и мечей в частности показало, что территория Абхазии является одним из очагов древней металлургии на Кавказе, а металлургическое и металлообрабатывающее ремесло развивалось не изолированно, испытывая на себе влияние различных культур (Бгажба 1977а: 152-153). Одной из них была сарматская культура. На сегодняшний день сложно сказать были ли мечи сарматского типа произведены в Абхазии, или же они являются предметами импорта. Тем не менее, полученные металлографические данные позволяют понять общий уровень металлургии, как на рассматриваемой территории, так и в Северном Причерноморье, а также в степях того времени. Один из фрагментов сарматских мечей, датированный О.Х. Бгажба II в., был рассмотрен в его статье (Бгажба 1977а: 155). Анализ показал, что клинок откован из неравномерно науглероженной стали, а содержание углерода на рабочих частях доходит до 0,8-0,9 %. Шлаковых включений мало, что говорит о хорошей ковке. Кольцевое навершие, которое выступает характерным признаком подобного типа мечей, изготовлено путем оттяжки верхнего конца рукояти, который затем загибался и сваривался с последней кузнечным способом. Данный прием, как и изготовление сарматских мечей целиком, хорошо описан в совместной статье Б.А. Шрамко, Л.А. Солнцева и др. Авторами установлено, что сарматские кузнецы владели такими технологическими приемами, как пакетирование, цементация, сварка двух- и трехслойных лезвий из металла с различной степенью науглероженности, наварка согнутой пополам заготовки перекрестия и пр. (Шрамко, Солнцев, Степанская, Фомин 1974: 190). Некоторые из этих приемов были известны и древнеабхазским металлургам в VI-I вв. до н.э. (Бгажба 1979: 87). Данные технологические решения, как

показала практика, хорошо зарекомендовали себя и фиксируются в разное время у многих народов.

Результаты металлографических исследований О.Х. Бгажба говорят о том, что часть апсильских мечей откована из чистого железа. В некоторых случаях можно наблюдать сварку из двух полос железа с разной науглероженностью. Иногда, для улучшения качества лезвия могли цементировать. Кроме того, применялся «пакетный металл» с последующей цементацией и закалкой в холодной среде (меч из Пышты) (Бгажба 1982: 27-28).

С конца IV- середины V вв. в могилах древнеабхазских воинов появляются однолезвийные клинки. Один из таких экземпляров VI-VII вв., отнесенный мною к подтипу III, был так же подвергнут металлографическому анализу (Бгажба 1977а: 156). Исследование показало, что меч ближе к острию сварен из пяти пластинок железа с последующей цементацией. Качество сварки хорошее. Затем клинок был подвергнут локальной цементации в районе обуха и острия. Содержание углерода доходит до 0,6 %. Участок меча ближе к рукоятке откован из чистого железа. Затем в тех же местах подвержен локальной цементации. Таким образом, чередование более твердого и мягкого металла обеспечивало клинку большую износостойкость в режущей части с сохранением достаточной гибкости в районе перекрестия, что получалось, вероятно, не всегда. Наличие дола придавало клинку дополнительную жесткость и уменьшало общий вес оружия.

Вершиной кузнечного мастерства можно считать группу древнеабхазских двулезвийных мечей, выполненных в технике сварочного дамаска, или сварочной узорчатой стали. Это название происходит от одноименного города Дамаск, который становится центром высококачественного оружия в годы правления римского императора Диоклетиана (284-305 гг.). Появление на рассматриваемой территории дамасских мечей было обусловлено целым рядом факторов. Во-первых, это высокий уровень металлообработки в регионе, что подтверждается археологическим и металлографическим материалами. Во-

вторых, позднеантичная Абхазия, была тем районом, где располагались римские, а затем византийские крепости, входившие в т.н. «Понтийский лимес», что обеспечивало тесный контакт местного населения с легионерами и римскими мастерами-оружейниками (Бгажба 1985: 76). Подобные контакты наблюдаются по всему понтийскому региону и зачастую хорошо прослеживаются по части вооружения. Считается, что в III в. мечи из дамасской стали не имели широкого распространения. Расцвет их бытования приходится на VII-VIII вв. (Антейн 1973: 27; Бгажба 1985: 75). В этой связи, в качестве примера, можно упомянуть еще один меч IV-VI вв. из Цебельды (Бгажба 1977а: 155, табл. VI), металлографический анализ которого показал наличие повторяющегося узора вдоль всего клинка. Такой характерный рисунок получался в зависимости от количества и степени сплетения сваренных вместе железных светлых и стальных темных полос (0,7-0,8 % науглероженности), напоминающее девичью косу. Влияло на узор и место разреза заготовки. Весь клинок целиком никогда не делался из дамасской стали. Лезвия меча выполнены из обычной стали, что придавало ей большую твердость и режущие качества, в то время как центральная часть меча отвечала за вязкость и упругость клинка при ударе. Железные полосы под микроскопом имеют в структуре мелкое зерно феррита, что свидетельствует о высоком качествековки. Сварочные швы чистые и тонкие. Интересно, что рисунки на цебельдинских мечах повторяют все виды узоров, которые встречаются на самых ранних нидамских мечах (III в.), что делает их самыми ранними мечами на территории бывшего СССР (Бгажба 1977а: 155; Бгажба 1982: 28; Бгажба 1985: 75-76; Гаврилов 2011: 111). Самый простой узор – строчечный (линейный – самый простой), затем угловой (V-образный), двойной угловой (W-образный) и наконец, самый сложный – в виде букета, или розы (также называется цветочным узором).

В общей сложности О.Х. Бгажба удалось исследовать шесть таких мечей из захоронений III-IV вв. Очень важно, что все они происходят из различных

регионов Абхазии: Восточной (с. Цебельда- 2 экз. Ю.Н. Воронов, О.Х. Бгажба) Центральной (урочище Пышта в Эшере – 2 экз. С.З. Лакоба), Западной (с. Ачандара – 2 экз. Б. Сагария) (Бгажба 2020).

Немаловажным является вопрос о месте производства дамасских мечей, найденных в Абхазии. Были ли они изготовлены на месте, или же представляют импорт? Последнего, конечно, нельзя исключать, ведь мечи могли попасть в местные поселения через приморские римские крепости – кастеллы, такие как Питиунт, Себастополис и Зиганис, в канабах которых, возможно даже, трудились древнеабхазские кузнецы-оружейники. Такие мастера вполне подходят на роль того ремесленного моста, по которому новые технологии начали проникать вглубь региона. Косвенными доказательствами этих процессов можно считать, найденные в с. Эшера два меча с технологическим браком, представляющие имитацию дамасских клинков (Бгажба 2020). Определенным аргументом в эту пользу, как мне представляется, могут выступать и отремонтированные с помощью металлических накладок мечи, которые из-за критических повреждений, возможно, не подходили для дальнейшего использования с точки зрения имперского воина, но нашедшие вторую жизнь в руках аборигенных мастеров. Не исключено, что такие клинки имели определенный спрос на вторичном рынке, откуда они могли попасть, например, через перевальные пути на Северный Кавказ.

Концентрация большого количества клинкового оружия в области расселения древних абхазов создает необходимость подробного изучения вопроса его эволюции. На примере описанных выше находок и классификаций становится возможным выделить несколько этапов, в ходе которых менялись формы и размеры преимущественно мечей, что, несомненно, является отражением развития военной стратегии в местной воинской среде в период II-VII вв. Главным источником информации в этой области всегда было и остается изучение древних захоронений. Однако, с конца VII – нач. VIII вв. вооружение в погребениях древнеабхазских воинов начинает встречаться все

реже и, в конце концов, исчезает на длительное время. Думается, что изменения, коснувшиеся погребального обряда (на примере могил апсилов), могут быть связаны с полной фактической христианизацией населения в регионе, чего не было еще в VI в. во время официального принятия новой религии. Поэтому вопрос о дальнейшем развитии форм мечей и кинжалов выглядит весьма размыто. По сообщению Ю.Н. Воронова, в промежутке между VIII и X веками вооружение абхазов представлено лишь редкими находками трёхлопастных наконечников стрел, топорами и саблями (Воронов 2016: 290). Последние, стоит отметить, представляют собой качественно новый тип клинкового оружия, появление которого ознаменовало начало заката эпохи меча на Кавказе. Между тем, именно на VII в. приходится расцвет бытования дамасских мечей в Абхазии (Бгажба 1985: 75). Таким образом, последние столетия, рассматриваемого мною периода, представляются крайне интересными для реконструкции вооружения местного населения. Особенно актуальной данная тема становится в контексте образования к 786 г. раннефеодального Абхазского царства со всеми предшествующими и последующими политическими событиями. О развитии клинкового вооружения у древних абхазов в это время можно говорить по находкам новых форм данного вида оружия на сопредельных территориях. Ими становятся, упомянутые выше, сабли и палаши. Впервые они отмечаются у паннонийских авар, которые в VII в. стали применять сначала палаши, а затем и кривые легкие сабли. Впоследствии эту моду переняли хазары, несколько укоротив сабли и фактически вернувшись к однолезвийным палашам — правда, при этом они стали наклонять ручку палаша по отношению к лезвию клинка (Нефедов 2008: 440; Комар, Сухобоков 2000). Современные кинематические исследования показали, что коэффициент полезного действия меча составляет лишь 45%, в то время как эффективность сабли — более 80% (Нефедов 2008: 440-441). Похожего результата можно добиться и при ударе палашом, а благодаря изогнутой рукояти клинок более надежно сидит в руке. Новые формы

клинкового оружия стали настоящим открытием своего времени и получили быстрое распространение, хотя окончательные формы палаша и сабли сформировались гораздо позже и имели региональные отличия. Говоря о территории современной Абхазии, можно предположить, что уже к концу VII – нач. VIII вв. процесс перехода к палашам и саблям был запущен. На это указывают признаки, в основе которых лежала все та же идея улучшения боевых характеристик оружия:

1. Постепенное увеличение длины двулезвийных мечей делало их более удобными для применения в конном бою;
2. Распространение прямых однолезвийных клинков (более 60 см);
3. Смещение вертикальной оси рукояти однолезвийных клинков в сторону лезвия для увеличения КПД удара;
4. Снабжение однолезвийных клинков т.н. фальшлезвием на острие;
5. Появление характерных для сабель округлых расширений на концах гарды.
6. Современные исследования, в том числе в полевых условиях, доказывают связь подобных нововведений с распространением у всадников стремян и, вероятно, седел нового типа, что позволяло вкладывать в удар всю массу тела. Отражением этих нововведений можно считать изображение стремян на алтарной плите из Цебельды;
7. Тесные (в том числе кровнородственные) контакты Абхазского царства и хазар, с которыми связывают появление сабель в Восточной Европе.

Все перечисленные явления демонстрируют исключительную адаптивность и оригинальность древнеабхазской военной мысли, большую вовлеченность местного населения в глобальные военно-политические и экономические процессы периодов поздней античности и раннего средневековья. По этой причине особого внимания заслуживают последние столетия, рассматриваемого в данной работе периода, т.к. появление новых форм клинкового вооружения этого времени выступает неотъемлемой частью целого

ряда событий, приведших в итоге к образованию к 786 г. раннефеодального независимого Абхазского царства.

2.4. Метательное оружие.

Оружие дальнего боя.

Общеизвестно, что лук со стрелами относится к наступательному или оборонительному оружию дистанционного боя. На территории современной Абхазии лук использовали для охоты еще в эпоху мезолита (Бгажба, Лакоба, 2007: 22). Важнейшим показателем боевых свойств лука всегда являлась дальноточность, позволившая ему долгое время оставаться одним из основных видов боевого и охотничьего оружия абхазов вплоть до второй половины XIX века (Аджинджал 1969: 393). Нужно отметить, что с рубежа нашей эры до середины IV в. лук и стрелы в погребальном снаряжении древнеабхазских воинов почти не встречаются (Воронов, Шенкао, 1982: 124). От этого времени дошло лишь несколько примитивных плоских наконечников стрел (Рис. 49, 1-2).

С конца IV в., согласно археологическим материалам, происходит усиление роли лука и стрел, приобретающих облик, характерный для смежных районов Причерноморья (Воронов, Шенкао 1982: 124). Тем не менее, это оружие в регионе в рассматриваемое время фиксируется все еще плохо. Классический лук (дуговидной формы (Рис. 47, 1)) (Воронов, Шенкао 1982: 122) зафиксирован в Цебельде лишь однажды, когда в погребении второй половины V - первой половины VI вв. были отмечены следы его истлевших костяных накладок (Рис. 52, 31).

Общеизвестно, что тело лука изготовливалось из дерева. Недолговечность деревянной основы считается главной причиной отсутствия лука в захоронениях. Объяснение этого факта плохой сохранностью оружия выглядит неубедительно. Так, в погребениях Центральной Азии скифского времени, где в

условиях мерзлоты деревянные детали предметов сохраняются превосходно, в частности, древки стрел, нет ни одной находки лука (Грач 1980: 75). Костяные и бронзовые детали, которые предположительно могут быть связаны с луком, также единичны. Как мне представляется, обладая таким универсальным орудием, было бы нецелесообразно класть его в могилу без веских на то оснований. Скорее всего, лук так же, как и меч, ценился особенно и мог передаваться по наследству. Эта теория в той или иной степени может подтверждаться особым отношением предков абхазов к кузнице и инструментам, используемых в ней: наковальня, клещи и молот. В переводе с абхазского – «три руки» (хнапык). Они неприкосновенны для посторонних лиц и передаются по наследству от отца к сыну, замечает В.Г. Ардзинба (Ардзинба 1988). Помимо сократительности данных предметов важной составляющей здесь выступает их практичность и польза, которые могут служить поколениям.

Чтобы изготовить лук порой требовались годы, а по-настоящему качественно сделанное оружие всегда было в почете. Эту точку зрения разделяет А.М. Хазанов: «Сложные луки описываемых типов были очень дорогим оружием. Этнографические материалы свидетельствуют, что для их изготовления требуется много лет. Не случайно они так редки в погребениях» (Хазанов 1971: 35). Именно практичность позволила луку оставаться востребованным на протяжении тысячелетий. Лук оставался основным орудием охоты вплоть до появления огнестрельного оружия. Несмотря на это, еще в начале XX в. простым луком и стрелой абхазы продолжали стрелять форель в горных реках (Инал-ипа 1969: 217).

Несмотря на скудную информацию о форме «абхазского» лука, несколько изображений этого оружия на рассматриваемой территории мною были зафиксированы. Все они относятся к цебельдинскому району. Два предмета с изображениями классического лука – серебряная одночленная фибула IV в. (Рис. 48, 1) и перстень с печаткой IV в. (Рис. 48, 2), были найдены в могилах (погр. 192, 248) (Воронов 2003: 42-43, 50). Третий предмет относится к более

позднему периоду - это алтарная плита из т.н. Вороновской церкви с изображением святого Евстафия Плакиды (Рис. 48, 3) (Хрушкова 1980: 58), украшавшая когда-то ее фасад.

В первом случае, можно разглядеть сцену погони богини Виктории на колеснице за всадником, который держит в руке лук. Оружие представлено в виде изогнутой дуги без тетивы, размером от головы до бедер. Во втором различается нацарапанное изображение лучника. Сам лук представлен в виде простой дуги, концы которой соединяются тетивой. Длина оружия равняется участку тела от головы до колен.

Более четкое изображение этого оружия мы можем видеть на плите с Евстафием Апсилийским. Внизу плиты запечатлен всадник на охоте. Он сидит на оседланной лошади с богатой сбруей, держит в руке натянутый лук, а другой рукой указывает вперед (Владимиров 1900: 10-11). На рельефе сразу узнается классический лук в виде дуги. Однако, размеры его относительно тела всадника значительно меньше, чем в предыдущих примерах. Его длина не превышает длины человеческой руки. Впрочем, изображения на цебельдинской плите, как на перстне и на браслете нельзя назвать сверхточными. Тем не менее, форма лука везде остается одинаковой – дуговидная.

По замечанию Л.Г. Хрушковой: «Ни в одном из памятников сцена чуда св. Евстафия не обладает столь ярко выраженными восточными чертами, как на цебельдинской плите... Евстафий одет как сасанидский вельможа» (Хрушков 1980: 59). Восточные черты видны в одеяниях, богатой конской сбруе и даже типах лиц, однако, сам лук к этому стилю явно не относится. Для сравнения ниже приведены разновременные сасанидские изображения, на которых лук имеет два ярко выраженных плеча (Сцена охоты на позолоченном серебряном блюде, изображающего Хосрова I Ануширвана, VI в. (Рис. 47, 2); Сасанидские воины. Серебряное блюдо из собрания Гос. Эрмитажа (Рис. 47, 3); Сасанидская ткань VI-VII веков. Берлин. Художественно-промышленный музей (Рис. 47, 4); Сцена охоты на серебряном блюде «Бахрам Гур и Азадэ» (Рис. 47, 5).

Ценность перечисленных изображений заключается в форме лука, которая в восточном варианте представлена двумя дугами, а в цебельдинском – одной дугой. Надо полагать, что именно эта форма лука была распространена в среде местных воинов в рассматриваемое время. Кроме того, допуская возможность усиления луков, не будет ошибочным говорить о существовании нескольких вариантов данного вида оружия – простых и сложносоставных луков.

По версии Л.Г. Хрушковой цебельдинская алтарная плита датируется рубежом VIII-IX вв. (Хрушков 1980: 58-60). Эта точка зрения опровергается А.А. Салтыковым. Ученый, проведя систематизацию стилистических особенностей каменных икон, указывает дату не позже 2-ой половины VI-VII вв. (Воронов 1998: 234-237). Того же мнения придерживается Шенкао Н.К. (Шенкао, 2000: 42-43).

Суммируя имеющиеся данные, найденные остатки «апсильского» лука можно отнести к так называемой «гуннской» разновидности. Этот тип лука приходит на смену «скифскому» луку на рубеже н.э. и становится популярным у многих народов. Характерной особенностью «гуннского» лука является наличие костяных накладок для того, чтобы сделать определенные части негнушимися. Как уже говорилось ранее, следы именно таких накладок были найдены при раскопках Ю.Н. Вороновым в Цебельде.

Термины «скифский», «гуннский», а также «апсильский» следует понимать, как условные обозначения типов луков, бытовавших на обширных территориях в разное время. На сегодняшний день очень сложно определить точку начала распространения того или иного типа оружия. Поэтому следует придерживаться того мнения, что общая мода на вооружение способствовала проникновению нововведений в уже сложившуюся базу производства отдельно взятых регионов, таких как Апсилия, Абасгия и др.

Технологию производства деревянных луков в наши дни успешно воссоздал в Абхазии мастер оружейного дела Б.Р. Джапуа (Рис. 49-51). В своей мастерской ему удалось повторить все этапы изготовления луков, как простых,

так и сложносоставных, с использованием кости и рога. Испытания в полевых условиях показали высокую производительность и дальноточность изделий. Это, в свою очередь, стало первым шагом в становлении абхазского клуба лучников «Афырхы» в 2016 г., который насчитывает ныне несколько десятков человек.

Костяные накладки.

Дошедшие до нас остатки цебельдинского лука указывают на особую конструкцию, т.н. сложносоставной лук. Древние цебельдинцы, как и их соседи, делали его из нескольких соединенных вместе частей разных пород дерева, или из дерева и рога попеременно. Помимо указанного комплекса второй половины V – первой половины VI в., обломки костяных накладок были обнаружены при раскопках Цибилиума, в башнях № 2 и № 3, в слое, датированном серединой и второй половиной VI в. (Воронов, Шенкао, 1982: 122).

Костяные накладки использовались для укрепления деревянной основы, предохраняя ее от поломок в местах наибольшего напряжения. На рисунке, приведенном Ю.Н. Вороновым, с внутренней стороны пластин хорошо виден сетчатый орнамент (Рис. 52, 31), который делался с целью обеспечить наибольшее сцепление с древком лука через клеевую основу. Такой же точки зрения придерживается А.М. Хазанов (Хазанов 1971: 28).

Уже в начале нашей эры сложный лук с костяными накладками встречается на обширной территории. Наиболее близкие аналогии были найдены в Краснодарском крае, ст. Усть-Лабинская, кург. № 29 (Отчеты Археологической Комиссии за 1902 г.: 73), в Ростовской области, с. Калиновка, кург. № 7/1, 11/2, 28/2, 36/1 (Хазанов 1971: 28); в с. Харьковка, погр. 1-12, (Государственный Исторический музей, инв. №58702), в Волгоградской области, Абганеры, кург. № 3 (Рыков 1931), в Астраханской области, Нижний Баскунчак, кург. № 2. Концевые накладки имеют длину 30 и 24,5 см при ширине 1,5 см, срединных

накладок две – 21 и 19,5 см при ширине 3 см. Длина лука 140 см (Хазанов 1971: 28), в Крыму, Тиритака (Хазанов 1971: 28); в Керчи, склеп № 154 (Государственный Эрмитаж, инв. № 1820/333), в Дагестане, п. Манас, кург. № 2 (Раскопки Смирнова К.Ф. в 1951 г.). Похожие костяные накладки известны и в Северной Осетии. Они также имеют насечки в виде прямых линий (Абрамова 1975: 213-233).

Костяные накладки на лук наиболее часто встречаются в погребениях позднесарматского времени и в памятниках IV-V вв. (Абрамова 1975: 213-233). Цебельдинская находка была датирована второй половиной V-первой половиной VI вв.

Наконечники стрел.

Можно без преувеличения сказать, что стрелы - самый многочисленный продукт производства. Во время археологических раскопок на территории Абхазии их было обнаружено очень много (Аджинджал 1969: 394). Если воин мог нести два - три копья, то стрелы умещались в колчан десятками. Изготовление одного наконечника требовало меньших затрат времени, сил и металла.

Можно выделить следующие типы стрел.

Тип I. Плоские наконечники (Рис. 52, 1-2, 1а-2а).

Тип II. Тульевые наконечники.

II1. Конические (Рис. 52, 3);

II2. Линзовидные (Рис. 52, 4);

II3. Четырехгранные (Рис. 52, 5);

II4. Трехлопастные (Рис. 52, 6-9).

Тип III. Черешковые трехлопастные наконечники.

III1. Вытянутые с параллельными гранями (Рис. 52, 14, 19);

III2. Треугольные (Рис. 52, 13, 15, 17, 22-25);

III3. Ромбовидные (Рис. 52, 10-12, 16, 18, 20-21).

Тип IV. Черешковые бронебойные наконечники.

IV1. Четырехгранные (Рис. 52, 26, 28);

IV2. Круглые (Рис. 52, 27);

IV3. Шипастые (Рис. 52, 29);

IV4. Линзовидно-ромбовидные (Рис. 52, 30).

Металлографический анализ 10 наконечников с территории исторической Апсолии показали, что технология их изготовления была простой (Бгажба 1983: 82-83). Наконечники откованы в основном из чистого железа. Возможно и в этом случае, равно как и с копьями, о качестве наконечников стрел особо не заботились, так как в большинстве случаев они были одноразовыми.

В IV в., как правило, использовались лишь кованые конические и плоские наконечники. С конца IV - начала V вв. в Цебельде широко распространяются разнообразные черешковые наконечники. По замечанию Ю.Н. Воронова, некоторые из них являются показателем определенных связей с Северным Кавказом. Оттуда, по его мнению, в Цебельду из Алании проникают трехлопастные наконечники стрел, характеризовавшие местную культуру в V-VI вв. (Воронов 1975: 144).

Похожие наконечники появляются на Кубани уже на рубеже нашей эры. Причем датируются они одним временем с найденными там же мечами сарматского типа. В период между I в. до н.э. и II в. н.э. происходит постепенное вытеснение втульчатых наконечников стрел трехлопастными черешковыми (Анфимов 1951: 205).

Учитывая общеизвестное влияние сарматской культуры на территории Северного Причерноморья, Прикубанья, а также Северного Кавказа, можно предположить, что этот тип наконечников был перенят северокавказцами и уже оттуда попал на территорию современной Абхазии. Впрочем, не исключено и северо-причерноморское влияние на регион.

Отдельное внимание обращает на себя так называемый двурогий наконечник (абх. – афырхы). В рассматриваемый период в древнеабхазских

погребениях этот тип практически не встречается. Однако, он изображен на упомянутой выше алтарной плите из Цебельды, в сцене охоты св. Евстафия Апсилийского (Рис. 53, 1а). Как уже отмечалось, относительно датировки плиты нет единого мнения. Суммируя две версии, мы имеем отрезок времени в четыреста лет (VI-IX вв.). С большей долей вероятности, исключая VI и VII века, можно предполагать, что первое появление афырхы происходит не ранее VIII-IX вв. среди исследователей можно встретить и более поздние датировки. Так О.Х. Бгажба указывает дату XI-XIII вв. (Замок Баграта, цебельдинское поселение, жертвенник на перевале Напра, (рис. 53, 4-7)) (Бгажба 1982: 38), Ю.Н. Воронов – XIII-XIV вв. (окрестности Сочи – курганный могильник Варданэ, (рис. 53, 1-2)) (Воронов 1979а: 106), на Северном Кавказе также встречается датировка XIII-XIV вв. (рис. 53, 3) (Горелик 2008: 136-140).

ГЛАВА III. ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ

Защитное вооружение представляет одну из интереснейших тем исторического оружиеведения и военной археологии. Призванное защитить

человека от травм различной степени тяжести, оно неразрывно связано с эволюцией наступательного вооружения. В самом общем смысле защитное вооружение можно разделить на два основных типа 1) доспехи, т.е. предметы личной защиты, которые носятся на теле: шлемы, нагрудники, панцири, кольчуги, поножи и пр.; 2) дополнительные элементы защиты – щиты. Материалом и для первых, и для вторых в разное время служили: дерево, кожа, рог, кость, металл и даже плотная ткань.

III.1. Доспехи.

Гибкость кольчуги по сравнению с пластинчатой броней, относительно небольшой вес и хорошая защита от скользящих и случайных ударов обеспечили ей широкое распространение в воинской среде с древнейших времен вплоть до появления огнестрельного оружия. Назначение этого вида доспеха точно описал автор X-XI вв. Аль-Бируни: «Кольчуги предназначены для посрамления оружия (врага) в бою, они защищают от того, чем действуют противники, и от ударов, срубающих голову» (Аль-Бируни 1963: 231). Однако, несмотря на свою популярность, в общем, и явное знакомство древнеабхазских воинов с кольчугой в частности, в местных погребениях этот доспех встречается крайне редко. Более того, не известно ни одного случая нахождения цельной кольчуги.

Вообще доспехи на территории Абхазии в рассматриваемое время представлены крайне слабо. Лишь в единичных случаях в древнеабхазских могилах встречаются отдельные фрагменты кольчуги. Причем в некоторых случаях их клали в женские погребения (Цибилиум-1, п. 267, Цибилиум-2, п. 294, 351, стадия III (380/400-440-450) по Казанскому) (Воронов 2003; Казанский, Мастыкова 2011: 108). Помимо этого, небольшие обрывки были обнаружены в крепости Цибилиум в слое середины VI в. (Рис. 54, 1), что связывается исследователями с присутствием персидского гарнизона в

Цибиллиуме (Воронов, Шенкао 1982: 134; Гунба 1983: 36, 37; Воронов, Бгажба 1987: 121, 124).

Типологически все эти фрагменты представлены тремя типами кольчужных колец:

1) **Бронзовые уплощенные кольца на заклепках** (Рис. 54, 1). Наружный диаметр (крест на крест) – 1,6-1,7 см, 1,7-1,7 см, 1,7-1,8 см, 1,9-1,9 см, ширина колец – 0,15-0,3 см, толщина – 0,09-0,1 см. Диаметр шляпок заклепок – 0,2-0,3 см. Нахлест в месте стыка – 0,6 см;

2) **Железные уплощенные кольца на заклепках** (Рис. 54, 2). Наружный диаметр – 1,5-1,5 см, 1,6-1,7 см, 1,8-1,9 см, ширина колец – 0,2-0,3-0,4 см, толщина – 0,2 см. Диаметр шляпок около 0,3 см;

3) **Железные сведенные кольца округлого сечения** (Рис. 54, 2). Наружный диаметр – 1,15-1,2 см, 1,2-1,3 см, 1,3-1,3 см, 1,3-1,4 см, 1,5-1,6 см, толщина – 0,15-0,2 см.

Появление кольчужных фрагментов в апсильских могилах, по всей видимости, является отражением некой обрядовости, не проявляющейся ранее в местных захоронениях. В то же время, это явление нельзя назвать уникальным, т.к. подобные погребальные действия производились и в других уголках позднеантичного и раннесредневекового мира. Так, например, по данным М.М. Казанского, фрагменты кольчуги были найдены в мужском погребении № 10 могильника Цемесская Долина на Северном Кавказе, датированного второй половиной II в. (Казанский 2015: 37-38; Малышев 2008: 28-30). Помимо этого, погребения с кольчугой встречаются на могильниках славянской культуры Колочин, на Днепровском Левобережье, в могильнике Лебязье, у волжских финнов, например, на могильниках армиевского типа, на поселении середины VI в. Юрьевская Горка, в бассейне Мсты и др. (Казанский 2015: 38; Казанский 2008а: 309; Казанский 2011а: 44). В качестве погребального инвентаря кольчуги известны и в скандинавском мире (Казанский 2008а: 309).

На фоне богатого погребального оружейного инвентаря апсиллов, с которым мало кто может сравниться на черноморском побережье Кавказа в рассматриваемое время, отсутствие кольчуги может привести к мысли о ее непопулярности в местной среде. Тем не менее, данное обстоятельство не может выступать в качестве доказательства того, что такой доспех не использовался аборигенами вовсе. По справедливому замечанию Ю.Н. Воронова, простым объяснением отсутствия кольчуги в мужских погребениях могла быть ее дороговизна (Воронов, Шенкао 1982: 134). В связи с чем, вероятно, класть ее в могилу допускалось в очень редких случаях. Отмечу в качестве примера, очевидно, привилегированное погребение 61 подростка из могильника Цибилиум-1 (Воронов 2003: 22-23, рис. 28). Несмотря на социальный статус покойника и богатый могильный инвентарь (меч, кинжал, наконечник копья, щит с умбоном и металлическими обивками рукояти, нож и т.д.), какой-либо вид доспеха в захоронении отсутствовал.

Другими элементами доспехов, найденными в Цабале, являются панцирные пластины. Непосредственно в крепости Цибилиум, в слое пожара середины VI в., их было обнаружено свыше ста (Рис. 54, 2; 56-61) (Гунба 1983: 36, 37; Воронов, Бгажба 1987: 125). Их формы и сохранность различны. В основном это фрагментированные, реже целые пластины, спекшиеся вместе по несколько штук. Часть железных пластин, по сообщению М.М. Гунба, украшенная фигурной обивкой из бронзовых накладок, принадлежала прямоугольному (30x40 см) предмету (Рис. 61, 2), обнаруженному под завалом сгоревших балок помещения № 1 (Гунба 1983: 37). Сохранность данной находки оказалась крайне плохой, из-за чего археолог не смог определить ее назначения. Тем не менее, приведенное исследователем описание, позволяет предположить, что этот предмет мог представлять собой нагрудник панцирного доспеха. Некоторые его детали удалось собрать вместе, в результате чего стало ясно, что изогнутые полукругом накладки из цветного металла образуют повторяющийся узор в виде волн. Основываясь на схематической зарисовке находки М.М.

Гунба, несмотря на отсутствие большей части доспеха и иных формообразующих деталей, мною была предпринята попытка реконструкции общего вида пластины (Рис. 62). В этой работе большую помощь мне оказал мастер-оружейник Б.Р. Джапуа.

Стоит отметить, что приведенная реконструкция не претендует на роль точной реплики изделия, но призвана создать более полное представление о самой находке у исследователей, учитывая отсутствие прямых аналогий таких нагрудников в рассматриваемое время. Так же нет четкой уверенности в том, был ли этот доспех предназначен для человека, поскольку авторы находки связывают ее с защитой боевого коня. «Консультации с тбилискими, московскими, а затем и западноевропейскими специалистами не помогли – здесь таких изделий до сих пор известно не было. Наконец, благодаря публикации в Токио результатов исследований японских археологов в Иране, удалось установить, что подобные пластины входили в состав конского доспеха персов» (Воронов 2009: 532-533). Эту идею, по мнению Ю.Н. Воронова, подтверждает и своеобразный уздечный набор из того же помещения, обнаруженный рядом с железным крюком и обуглившимся обломком дверной коробки (предполагается, что перед началом пожара уздечка висела рядом с выходом в сторону крепостного винохранилища). В пользу конского доспеха могут выступать некоторые наблюдения, сделанные мною в ходе его сборки. В частности, тонкие волнообразные накладки из цветного металла, которые украшают железные пластины, вероятно, выполняли не только декоративную функцию, но и практическую, являясь своеобразными «ловушками» для наконечников копий и стрел, возможно клинкового оружия и топоров. Другими словами, попадая острием наконечника в эти элементы, оружие теряло часть ударной силы, или вовсе соскальзывало в сторону, не достигая своей цели. Как мне кажется, именно в этой механике кроется ответ о принадлежности доспеха коню, а не человеку. Примерив такой функционал к воину, мы создаем для последнего лишь проблему, т.к. сила сопротивления, с которой он столкнется,

способна выбить его из седла, дезориентировать, что может иметь фатальные последствия. Но стоит одеть в такой доспех коня и ситуация становится полностью зеркальной – вражеский копейщик, пытаясь поразить животное, попадая в один из многочисленных стыков на поверхности доспеха, сталкивается с движущейся против него силой, от которой может потерять свое оружие, или даже быть опрокинутым. Хорошим наглядным примером подобных столкновений, а вместе с тем и защиты, являются европейские позднесредневековые рыцарские турниры. Особое внимание хотелось бы обратить на такой элемент доспеха, как грангарда. Ее поверхность зачастую украшалась тонкими полосками металла, образующими сетку с ромбовидными, иногда квадратными сегментами, предназначенными для «захвата» наконечника копья (Рис. 63). При попадании в грангарду рыцаря, он часто оказывался сбитым с коня, несмотря даже на наличие стремян. Похожие нагрузки испытывал бы и раннесредневековый воин из Цабала, что представляется крайне нелогичным.

Весьма интересна группа прямоугольных пластин с восемью отверстиями по два в каждом углу и выступающим с одной стороны крючком (Рис. 60). Аналогий им также не известно. Традиционно основными характеристиками для морфологического сравнения панцирных пластин выступает их часто схожая форма, толщина, количество и порядок расположения отверстий, однако, наличие крючков резко выделяет экземпляры из Абхазии на общем фоне. Секрет их функционального назначения, как мне представляется, кроется в направленности крючков наружу. На это указывает и линзовидный изгиб каждой такой пластины, который увеличивал вероятность соскальзывания прямого удара оружием колюще-режущего типа. Крючки в таком случае можно рассматривать как дополнительную защиту. Думается, что они были способны, как минимум смягчить прямой удар, или даже остановить его, выполняя роль своеобразных «отбойников». Подобное объяснение, правда, входит в противоречие с вопросом принадлежности таких пластин человеческому

доспеху, т.к. можно предположить, что при зацепе о них упертого в землю копья, или даже простых веток кустарника, испытывая определенную силу сопротивления, всадник вполне мог оказаться на земле. Поэтому, как и в случае с описанной выше большой панцирной пластиной, нельзя исключать, что пластинки с крючками могли составлять конский доспех. В таком случае их функциональное назначение приобретает обоснованное объяснение – при непосредственном контакте с врагом, будь то пехотинец или кавалерист, крючки наносили определенный урон, царапая и разрывая все на своем пути.

В 2022 г. свой вариант панцирного доспеха с такими пластинами предложил мастер-оружейник Б.Р. Джапуа, презентовав его верхнюю часть на отчетной выставке Союза кузнецов-оружейников «Х-НАПЫ» (Рис. 65). В состав доспеха вошла нагрудная часть с фиксацией на спине, а также наплечники. В качестве соединительных элементов использована кожа и шелковая нить.

Остальные варианты панцирных пластин из Цабала представлены довольно распространенными типами. На некоторых из них хочется остановиться подробнее и сравнить с аналогами из других стран, ведь на тему защитного вооружения написано уже немало научных работ (Богомолов 1997: 79-84; Борисенко, Худяков 2002; Горбунов 2002: 62-78; Горелик 1993: 149-179; А.Ф. Медведев 1959: 119-134 и многие др.). И все же, несмотря на такое обилие литературы и попыток реконструировать тот или иной вариант панцирного доспеха, среди исследователей нет единой точки зрения относительно системы крепления пластин, выделении общих форм, устоявшейся терминологии, применяемой для их обозначения (Худяков, Соловьев 1987: 137-138). В большинстве случаев это связано с редкостью находок цельных панцирных доспехов. Как правило, археологам попадаются отдельные пластинки, или наборы пластин, как в случае с цебельдинской находкой. Поэтому основным способом изучения такого материала становится сравнительный анализ.

Мною были отобраны наиболее сохранившиеся панцирные пластины, а также некоторые их фрагменты, позволяющие говорить о возможной форме

изделий. В результате удалось выделить свыше тридцати панцирных элементов (Рис. 64). Как и в случае с мечами, приведенные в публикациях масштабы пластин отличаются от их реальных размеров в среднем на 1 см по вертикали. Поэтому я старался произвести обмеры всех интересных фрагментов лично (описание приводится в Приложении). Но это удавалось сделать не всегда, т.к. некоторые фрагменты пластин не уцелели. В таких случаях перед началом описания стоит восклицательный знак. Это значит, что приведенные параметры могут немного отличаться от оригинальных. Вся работа была проделана в фондах Абхазского Государственного музея, за что хочется поблагодарить директора музея А.И. Джопуа и руководителя Отдела Древней истории и Средних веков Д. Ахба.

Хорошо узнаваемыми являются пластины вытянутых форм, представляющие собой элементы доспеха воина. Помимо Цебельдинской крепости отдельные такие экземпляры представлены в крепости Хашупсы Гагрского района. Там найдено семь железных пластин, две из которых *in situ* (Сангулия, Кармов 2013: 84; Г.А. Сангулия, Сангулия, Кармов 2018: 372). Приведенные Г.А. Сангулия и Т.М. Кармовым параметры пластин (ширина – 2 см, длина – 6-8 см, от 5 до 10 круглых отверстий с боковым вырезом), похожи на описание IV и VI типов по классификации Г.В. Кубарева и Д.В. Журавлева. Однако, отсутствие каких-либо изображений хашупсинских пластин не позволяет сказать что-либо определенное о них. В то же время, сравнение авторами своих находок с панцирными пластинами из Керчи говорит в пользу того, что они соответствуют некоторым из семи керчинских типов. В этом смысле панцирный доспех из парного катакомбного погребения в г. Керчи (втор. пол. VI- начало VII вв.) вызывает особый интерес для сравнения с цебельдинскими находками (Arendt 1932: 49–55). Его подробным изучением занялись научные сотрудники Государственного исторического музея г. Москва и Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН г. Новосибирск. В ходе исследования удалось определить, что образующие

панцирь пластины, представлены семью основными типами (Кубарев, Журавлев 2012: 135-141). Своими формами некоторые из керченских пластин, по мнению авторов, соответствуют цебельдинским, что позволяет отнести последние к типам: I, IV и VI (Выделены зеленым. Рис. 55, 1) (Кубарев, Журавлев 2012: 141).

Тип I. Пластины прямоугольных очертаний с округлыми краями (Рис. 55, 1, 2). Размеры: длина – 10,6 см, ширина – 2,1 – 2,3, толщина – 0,2 см. Имеют вырезы в центральной части как с левой, так и с правой стороны. Снабжены десятью отверстиями;

Тип IV. Пластины прямоугольных очертаний с округлыми краями (Рис. 55, 6, 7) Однако, они имеют вырез в нижней части и скошенную по отношению к вырезу сторону основания. Размеры: длина – 7,9 – 8 см, ширина – 2,1 – 2,3, толщина – 0,2 – 0,3 см. Имеют вырезы, как с левой, так и с правой стороны. Снабжены семью отверстиями;

Тип VI. Пластины прямоугольных очертаний с округлыми краями (Рис. 55, 10 – 12). Размеры: длина – 6,4 – 6,5 см, максимальная ширина – 1,8, толщина – 0,2 см. Имеются следующие разновидности пластин: вырезы в верхней части как с левой, так и с правой стороны (Рис. 55, 11, 12), а также вырезы в верхней части с обеих сторон (Рис. 55, 10). Снабжены шестью отверстиями.

Помимо разработанной типологии, авторы статьи приводят ценные сведения о способе соединения пластин между собой. Вероятно, что цебельдинские панцирные пластины, как и хашупсинские, соединялись по тому же принципу, а именно: «Пластины всех типов соединены внахлест, налегая друг на друга на 0,6 – 0,9 см, что при общей ширине каждой пластины максимально в 2,3 см представляет собой очень плотное их скрепление. Ряды пластин всех типов окантовывались по периметру полосой кожи – на каждой стороне шириной до 0,7 см. С оборотной стороны для более плотного скрепления пластин и с тем, чтобы кожаный ремешок не перетирался, на парные боковые отверстия накладывались две кожаные полосы шириной 1,6 –

1,8 см. Они идут параллельно через весь ряд, а уже поверх этих полос – скрепляющий пластины кожаный ремешок. Пластины шестого типа скреплялись веерообразно, за верхние отверстия. Как следствие, у ряда из пластин этого типа кожаная окантовка имеется только сверху. В результате реставрационных работ исследователям удалось склеить небольшой монолит из 3 рядов, свернутых «гармошкой» (Рис. 55, 5, 6). Длина первого ряда составила 31 см и не является окончательной. Установлено, что почти все типы пластин (I, II, IV–VI) имеют разнонаправленные вырезы. Полосы пластин одних и тех же типов скреплялись между собой вырезами в одну сторону. В центре панциря между собой эти полосы скреплялись таким образом, чтобы вырезы пластин были направлены друг на друга. Эти полосы скрепляла одна прямая пластина, которая подкладывалась под них (Рис. 55, 5)» (Кубарев, Журавлев 2012: 139).

На территории Восточной и Центральной Европы к керченскому панцирю наиболее близки защитные доспехи аварского круга. К их числу принадлежит первоначально целый и наиболее известный среди специалистов панцирь из Нидерштотцингена (Niederstotzingen) в Германии (погребение 12а, погребение 12b/c). Захоронение, в котором он был найден, датировано около 610 г. (Paulsen 1967; Кубарев, Журавлев 2012: 141-142). По мнению ряда исследователей, подобный род защитного вооружения попал в Европу именно через авар (Paulsen 1967: 132; Thordeman 1933: 254; Hofer 1996; Сангулия, Кармов 2018: 373), что следует увязывать с его центрально- или среднеазиатским происхождением.

Что же касается цебельдинских панцирных пластин, то археологи, как отмечалось выше, связывают их с пребыванием персидского гарнизона в одноименной крепости и событиями середины VI в. Так, согласно письменным источникам, начальник персидского гарнизона, расположившись в Тзибиле благодаря лазскому «магистру» Тердету, возжелал жену начальника этой крепости, которая по происхождению своему была апсилийка, и совершил над ней насилие. Узнав об этом, муж этой женщины ночью убил обидчика и

перебил всех его воинов. Вследствие этого апсилы отпали от колхов (т.е. лазов) (Прокопий Кессарийский. Книга VIII (книга IV войны с готами). 10, 1-7).

Интересно, что Аммиан Марцелин, автор IV в., описывает персов следующим образом: «Сами они производили впечатление людей из железа: полоски железа, точно прилаженные по форме частей тела, одевали надежным покровом весь корпус» (Amm. Marc. XXIV. 2. 10); «Персы выставили против нас панцирных всадников в таком тесном строю, что при каждом движении тела тесно облегающие члены пластинки слепили глаза встречным» (Amm. Marc. XXIV. 6. 8). Данное упоминание доказывает, что еще до событий VI в. сарацины уже имели на вооружении панцирную защиту. Следовательно, панцирь из Цебельды вполне мог принадлежать им. Кроме того, нужно отметить, что в слое пожара внутри Тзибилы археологами была найдена и персидская монета Кавада. Таким образом, собранные артефакты становится возможным сопоставить с событиями 550 г., описанными в древнем источнике, что само по себе является редким совпадением и большой удачей.

3.2. Щиты и умбоны.

Последними в перечне предметов защитного вооружения древнеабхазских воинов стоят щиты. По данным Ю.Н. Воронова и Н.К. Шенкао всего на территории Абхазии выявлено 26 погребений со щитами, из которых 23 комплекса содержали круглые умбоны (металлические кованые накладки сферической или конусообразной формы для защиты кисти руки), а также окованные металлом рукояти щитов (Воронов, Шенкао 1982: 132). Большая часть всех находок относится к могилам апсилов и сосредоточена в восточной части страны.

Как правило, деревянные погребальные предметы сохраняются довольно плохо, поэтому в ходе раскопок исследователям приходится иметь дело лишь с небольшими фрагментами древесины и следами древесного тлена. Во многом

благодаря последнему, а также некоторым металлическим элементам обивки удалось определить четыре формы щитов древних цебельдинцев:

1. Прямоугольный без умбона (40x60 см, 50x70 см) (Рис. 66, 4);
2. Шестиугольный с умбоном (80x50 и грани по 20 см) (Рис. 66, 3);
3. Овальный с умбоном (75x50 см) (Рис. 66, 1);
4. Круглый с умбоном (60-70 см) (Рис. 66, 2).

В отличие от описанных выше видов доспехов, щиты в основном представлены именно в погребениях древнеабхазских воинов. Это дает основания для вывода о том, что такой вид защиты у них был основным.

Наиболее интересными деталями щитов представляются, конечно, умбоны. Их изучение имеет большое значение для развития отечественного оружиеведения и военной археологии, т.к. данные элементы защиты, зачастую, представляются более информативными в плане хронологии, чем наконечники копий и топоры, поскольку их формы менее унифицированы и бытуют сравнительно не так долго. К такому выводу приходят и О.А. Радюш со К.Н. Скворцовым, обозревая умбоны европейского Барбарикума (Радюш, Скворцов 2008: 122-123), что не может не вызывать интереса, учитывая схожесть, как форм умбонов (Щукин 2010: 25-26), так и других предметов, в том числе отдельных предметов вооружения. Например, можно отметить параллели в популярности щита, как основного, или даже единственного предмета защитного вооружения у германцев и апсиров (Радюш, Скворцов 2008: 122-123). На данное сходство указывает и М.М. Казанский, сравнивая щиты с умбонами некоторых германских племен с апсирскими (Kazanski 2013: 508-509).

В статье Ю.Н. Воронова и Н.К. Шенкао приводится 14 разновидностей умбонов. Большая их часть сделана из железа и только два из бронзы (Рис. 66, 6-18). Хронологически все эти экземпляры отнесены абхазскими исследователями к IV-VII вв. и связаны с влиянием позднеримской и ранневизантийской военных сред (Воронов, Шенкао 1982: 132-133). Сегодня

эти хронологические рамки можно расширить, что уже было сделано мною в других разделах данной работы. По мнению М.М. Казанского, обычай помещения щита в могилу становится широко распространенным в Абхазии уже в III в. и обусловлено это, по всей видимости, теми же процессами, которые происходили в Крыму и в меньшей степени в Северо-Западном Причерноморье и на могильниках черняховской культуры (Казанский 2018: 133). Наиболее ранний металлический умбон из Абхазии, по версии М.М. Казанского, был найден археологом М.М. Гунба, уже на стадии I/1 (170/200 – 260/270 гг.) по хронологии цебельдинской культуры, в погребении – кремации с мечом у с. Шаумяновка (Рис. 66, 18а), правда сам археолог датировал весь комплекс IV в. (Казанский 2018: 134; Гунба 1978: 60-61, табл. XLVIII, 8). Более ранняя версия датировки основывается на типологическом сходстве шаумяновского умбона, если верить реконструкции М.М. Гунба, с образцами римских полусферических умбонов, типа Zielsing M-R1 (Kazanski 1994: 437). Изображения умбонов этого типа можно встретить на известной колонне императора Траяна (II в.), которая прославляет захват римлянами Дакии, нынешней Румынии (Рис. 67, 2).

Кроме того, обращает на себя внимание необычная для позднеантичного времени (по версии М.М. Гунба) форма меча. Его очертания напоминают клинки мечей с брусковидными навершиями и треугольной формы лезвиями периода ранней античности (IV-III вв. до н.э.) (Воронов 1975а: 218-234). Можно предположить, что они, как и сарматские мечи с кольцевыми навершиями, были в обиходе у местных воинов до II-III вв. В таком случае, ранняя датировка погребения из Шаумяновки с полусферическим умбоном выглядит более убедительной и демонстрирует постепенную интеграцию новых предметов вооружения в местную воинскую среду через римских легионеров. Последний тезис не является единственно возможным. Так, например, М.М. Казанский не исключает еще два возможных источника обряда помещения щита в могилу. Это влияние воинских обрядов германцев, или заимствование этой погребальной практики у фракийских отрядов, дислоцированных в первых

веках в Херсонесе (Kazanski 1991a: 501, 502; Казанский 2018: 135-136). Как бы там ни было, связь этих культур выглядит вполне реальной, учитывая взаимовстречаемость некоторых предметов вооружения, как в современном Крыму, так и в Абхазии.

Рассмотренные в данной главе примеры не позволяют представить в полной мере набор защитного вооружения древнеабхазского воина в рассматриваемое время. Однако, по частым находкам в могилах апсилов остатков щитов возможно констатировать, что этот вид защиты оставался основным на протяжении длительного времени. Помимо этого, апсилам и родственным им абасгам, санигам и мисимианам были хорошо известны нательные доспехи, такие как кольчуга и панцирь, хотя бы потому, что они широко использовались воинами империй, с которыми местным приходилось неоднократно иметь дело. Из-за недостаточной изученности вопроса сегодня нельзя сказать с уверенностью о широкой доступности доспехов в древнеабхазской воинской среде. Тем не менее, обладание металлическими доспехами состоятельными и знатными представителями цебельдинского общества представляется более чем вероятной. Как известно, к VI в. апсилы были вооружены самым современным для своего времени оружием, из чего можно заключить, что оно не было дешевым. И именно дороговизна такого снаряжения может быть объяснением отсутствия металлических доспехов в погребениях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что военная мысль древних абхазов представляла собой сложный и живой механизм, который чутко реагировал на все новейшие достижения научно-технического прогресса своего времени, что во многом предопределяло социальный и культурный уклад жизни местного населения. В условиях быстро меняющейся военно-политической картины позднеантичного и раннесредневекового мира, данная особенность (адаптивность) обеспечила не только сохранение самобытности, но и способствовала становлению в VIII в. раннефеодального Абхазского царства, а позже – еще большему укреплению независимой абхазской государственности.

В этой связи, весь комплекс вооружения древнеабхазских воинов следует воспринимать, как постоянно развивающийся организм, в котором, на фоне общих для Понтийского региона процессов, имело место и локальное своеобразие, выраженное в формах некоторых видов предметов вооружения. На примере вооружения преимущественно древних цебельдинцев (апсиллов) представляется возможным сделать следующий вывод: вооружение древних абхазов подразделялось, как обычно, на наступательное и оборонительное. В первом случае это оружие дальнего и ближнего боя, такие как копья, дротики, лук и стрелы, топоры, мечи, кинжалы, отчасти ножи, и, возможно, праща. Во вторую группу входят щиты и доспех. Во все мужские захоронения обычно клались два (иногда три) наконечника копий, топор или меч (иногда оба), нож. В некоторых погребениях зафиксированы элементы деревянных щитов с железными умбонами, колчаный набор и элементы конской сбруи. Таким образом, вооружение древних абхазов для своего времени отличалось большим разнообразием и не уступало качеством своим аналогам из других регионов древнего мира. На основании сотен изученных погребений можно заключить, что каждый боеспособный мужчина был воином, что характерно для такой формы организации общества, как «военная демократия». Особенно интересным выглядят некоторые цебельдинские мужские могилы, в которые помимо характерного оружия клались и кузнечные инструменты. Данные

предметы могут говорить о том, что кузнец и воин, по крайней мере, до VI в. были одним лицом, а кузнечное ремесло оставалось общинным. Погребальный инвентарь мужских погребений позволяет говорить о следующем порядке использования оружия в бою: вначале на дальних дистанциях выпускались стрелы и металась пращевые камни, а также метательные топоры. Затем противника поражали метательными копьями и дротиками. Когда враги сходились в рукопашном бою, в дело шли мечи, боевые топоры и более тяжелые копья.

Так как понятие «вооружение» в широком смысле является интернациональным, т.е. имеет определенные схожие прогрессивные черты по видам и типам оружия, качеству его изготовления и т.д. у разных народов, то и в узком смысле характер вооружения древних абхазцев следует рассматривать, как общеабхазский.

Началом интересующих меня процессов можно считать победу Римской империи над Понтийским царством в 60- гг. до н.э., последующее за этим строительство прибрежных крепостей вдоль Черноморского побережья в первых веках н.э. и укрепление границ империи в провинциях, одной из периферий которых стала территория современной Абхазии. Как сообщает Иосиф Флавий (I в.): «Зачем говорить о гениохах и колхах, о племени тавров, боспорцах и живущих вокруг Понта и Меотиды народах, которые раньше не признавали даже и собственного владыки, а теперь держатся в подчинении тремя тысячами гоплитов, и сорок военных кораблей поддерживают мир на несудоходном прежде и суровом море» (Иосиф Флавий, II, XVI, 4). К I в. до н.э. относится первое упоминание о санегах (санигах), которых исследователи обычно рассматривают как вариант древнеабхазских «гениохов». В этом смысле первые века н.э. представляются особенно интересными в плане эволюции вооружения. Именно с этого времени наблюдаются угасающие инерционные процессы, с одной стороны, и постепенный переход местной военной мысли на новые рельсы прогресса, с другой. В частности, укрепление

Рима в регионе совпадает с завершающим этапом сарматской культуры, оказавшей за прошедшие столетия существенное влияние на облик причерноморских воинов. Не случайно в некоторых местных погребениях, датируемых I-II вв., с одной стороны, все еще встречаются характерные предметы вооружения, такие как мечи и ножи с кольцевыми навершиями, но с другой – появляются и новые формы оружия: копья и дротики с наконечниками, имеющими штамповку нескольких разновидностей, топоры (цебельдинский тип) с длинной тульей и свисающей вниз бородкой. В то же время, судя по данным археологии, и происходит формирование узнаваемого облика Цебельдинской материальной культуры, элементы которой хорошо известны во всех районах Абхазии и за ее границами.

Расширение имперской зоны влияния происходило, по всей видимости, вначале в пределах римских крепостей-кастеллов вдоль морского побережья, но вскоре проникло вглубь региона, что объясняется удобным геостратегическим положением Закавказья в целом и охраной кавказских перевалов на территории современной Абхазии, в частности. Среди известных фортификационных сооружений того времени на рассматриваемой территории известны такие укрепления, как Себастополис (I в.), Питиунт (втор. пол. II в.), Зиганис (втор. пол. II в.). Как известно, в I веке н.э. Себастополис был крайним пунктом римского господства в Восточном Причерноморье. Позже, между 132 и 152 гг., римские легионеры были дислоцированы в Питиунте, чем и завершилось оформление римской границы в Восточном Причерноморье, которую часть исследователей условно называет «Понтийским лимесом» (В.А. Леквинадзе), другие – «Кавказской» (М.П. Спейдел), или «Понтийско-Кавказской» границей (Т.Т. Тодуа) (Леквинадзе 1969: 75-90; Спейдел 1985: 134-140; Speidel 1986, 657- 660; Тодуа 2005:11-12). В отечественной научной литературе встречаются и такие понятия, как «внешний лимес», под которыми подразумеваются, в том числе, названные крепости, и «внутренний лимес» юстиниановского времени: Трахея, Цабал, Тцахар, – и др. (Воронов, Бгажба).

Учитывая все сказанное, взаимодействие местной и иноземной культур было неизбежным, ведь Себастиополис располагался по пути через Цебельдинскую долину, т.е. центр Аписии, к Клухорскому перевалу. Данный перевальный путь (совр. Военно-Сухумская дорога) известен также под названием Даринский путь, ставший одним из ответвлений Великого шелкового пути, связывавший побережье с Северным Кавказом. Кроме того, известно, что в период ирано-византийских войн (VI-VII вв.) помимо Даринского начали функционировать еще два ответвления: мисимианский – бассейн Ингура, который вел в Фазис, а также дорога абасгов, ведущая в Питиунт. Таким образом, взаимоотношения между Аписией и населением Себастиополиса способствовали превращению первой в органическую часть средиземноморского культурного мира. Аналогичные процессы происходили и у ближайших соседей апсильев. Так, например, абасги и саниги, между которыми располагался Питиунт, по всей видимости, имели налаженную систему взаимоотношений с римским гарнизоном и купеческой прослойкой на территории канабы города-крепости. Общеизвестно, что постоянные военные лагеря привлекали торговцев и ремесленников разной направленности, которые продавали легионерам необходимые вещи, предметы, продукты и оказывали услуги. Среди таких лиц, несомненно, были и представители аборигенных народов, например, кузнецы и воины. Данные выводы не противоречат тем изменениям в римской военной организации, затронувшим прежде всего систему комплектования имперской армии в разные годы. Для увеличения количества новобранцев императоры начали постепенно проводить политику урбанизации и предоставления гражданских прав жителям городов новых романизированных провинций с одной стороны, а также пополнения вспомогательных отрядов армии не гражданами (перегринами) – с другой. Все это создавало предпосылки для налаживания выгодных обеим сторонам взаимоотношений, где одни брали на себя охранные функции за щедрые денежные выплаты и доступ к разнообразному импорту, а другие – получали

определенные гарантии, а также возможность пополнения своих вооруженных сил из среды местных воинов.

Произошедшие в последующие века события: нашествие готов в III в., появление на исторической арене гуннов и Великое переселение народов, начавшееся в IV в., ослабление и, в конечном счете, падение Западной Римской империи в V в., усиление византийского присутствия в VI в., - так же не могли пройти бесследно для народов, населяющих Северо-Восточное Причерноморье. Появившиеся в эти века на территории современной Абхазии крепостные сооружения, главным из которых в Апсилии стала крепость Цибилиум, а также археологические находки с местных поселений и могильников выступают неопровержимыми доказательствами этому. Не случайно каждая из крепостей Апсилии построена на территории местных поселений (Воронов, Бгажба 1987: 131). Это, в свою очередь, подразумевает задействование большого человеческого ресурса, что было бы невозможно без лояльного отношения к иноземцам местных жителей и активного участия последних в строительстве.

Вероятно, в ходе подобного рода взаимодействий появилась необходимость в таких новых формах орудий/оружия, как топоры цебельдинского типа. Их универсальность особенно точно подчеркивается следующими функциональными определениями: расчистка и прокладка дорог, заготовка топлива, сооружение засек и твердей, наведение мостов, починка транспортных средств, проведение восстановительных и осадных работ и т.д. (Воронов, Бгажба, Шенкао 1980: 88-89).

Вовлечение апсилов, абазгов, санигов и мисимиан в римскую, а позже византийскую систему обороны способствовало появлению у них прослойки профессиональных воинов, а вместе с тем выделению привилегированного слоя общества. На это однозначно указывает богатый погребальный инвентарь некоторых могил, а также конские захоронения, сопровождающие могилы воинов. В это же время, вероятно между VI-VII вв., у апсилов происходит

второе крупное разделение труда, т.е. появляются специализации в области ремесла, в частности, кузнечного дела.

Завершающим этапом интересующих меня процессов можно считать вторую половину VIII в. – образование раннефеодального независимого Абхазского царства. Несмотря на то, что уже к концу VII вв. вооружение в местных воинских погребениях исчезает, что следует связывать с усилением роли христианства и распространением нового погребального обряда, логично предполагать определенную инерционность в моде на основные виды вооружения. Кроме того, создание единого государства во главе с царем Леоном II, двоюродным братом византийского императора Льва Хазара по материнской линии, несомненно, является своеобразным рубежом вследствие необходимости проведения военных реформ, ведь централизация власти подразумевает определенную унификацию видов и типов оружия, а также внедрение новых способов комплектования и организации войска.

Таким образом, предметы вооружения II-VII вв. являются ценными источниками, которые дают разносторонние сведения о своём времени, показывают высокий уровень развития производственных сил, методов производства, а также эволюцию вооружения не только у древних абхазов, но и, в сравнении с ними, у других народов Северо-Восточного Причерноморья. Комплексное изучение вооружения и военного дела должно стать одним из основных источников для раскрытия истории древней Абхазии и тех регионов и государств, с которыми она была связана в историческом и культурном отношении. Всестороннее раскрытие данного направления имеет самое прямое отношение к изучению глобальных исторических процессов, имевших место в рассматриваемое время в самых дальних уголках мира. Являясь пазлом большой мозаики, тема вооружения древнеабхазских воинов способна дополнить общемировое представление об уровне и способах вооружения народов в позднеантичное и раннесредневековое время.

Античные и средневековые источники.

1. **Агафий Миринейский.** О царствовании Юстиниана / Пер., ст. и примеч. М. В. Левченко. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
2. **Аль-Бируни.** Собрание сведений для познания драгоценностей. Минералогия (перевод А.М. Беленицкого). АН СССР. М., 1963.
3. **Аммиан Марцелин.** Римская история. Книга XXII. 8. 16 // Кулаковский Ю.А., Сонни А.И. Издание третье. «Алетейя». Санкт-Петербург, 2000.
4. **Аноним.** О стратегии: Византийский военный трактат VI века / Изд. подг. В. В. Кучма. — СПб.: Алетейя, 2007.
5. **Зосим.** Новая история. Кн. I. 28; 32-33. // Болгов Н.Н. Белгород, 2010.
6. **Иосиф Флавий.** Иудейская война. II. Перевод Я. Л. Чертка 1900 г.
7. **Прокопий из Кессарии.** Война с готами. (перв. С.П. Кондратьева). М., 1950.
8. **Флавий Вегеций Ренат.** Краткое изложение военного дела. (перев. С.П. Кондратьева). Книга II. 15. ВДИ. 1940.
9. **Флавий Вегеций** // Королев К. Военная мысль античности. Сочинения древнегреческих и византийских авторов. Москва – Санкт-Петербург, 2002.
10. **«Анонимный» реформатор.** A roman reformer and inventor. Oxford, Clarendon Press, 1952. X-XI. Перевод Лазарева С.А. 2000.
11. **Notitia dignitatum:** accedunt Notitia urbis Constantinopolitanae et laterculi prouinciarum. Berolini. Apud weidmannos. Mdcclxxvi. Otto Seeck. 1876. Перевод Ткаченко А.А.
12. **Maurikios.** Strategikon. Первоисточник сочинений о военном искусстве императора Льва Философа и Н. Маккиавелли. Перевод капитан Цыбышев. С.-Петербург, 1903.

Список использованной литературы.

1. **Абрамова 1975:** Абрамова М.П. Катакомбные погребения IV-V вв. н.э. из Северной Осетии. Советская археология. Т.1. М., 1975.
2. **Абрамова 1980:** Абрамова М.П. Буйнакский курган // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980.
3. **Агрба 1985:** Агрба З.В. Археологические раскопки 1981 г. на территории мыса Пицунда. АОА. «Мецниереба». Тбилиси, 1985.
4. **Аджинджал 1969:** Аджинджал А.И. Из этнографии абхазов. Сухуми, 1969.
5. **Айбабин 2003:** Айбабин А.И. Степь и Юго-Западный Крым // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М., 2003.
6. **Айбабин, Хайрединова 2017:** Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Юго-Западный Крым в эпоху Великого переселения народов // Крымские готы страны Дори (III-VII вв.). Симферополь, 2017.
7. **Альбов 1893:** Альбов Н. Этнографические наблюдения в Абхазии. Живая старина. Т. 3, 1893. С. 297-329.
8. **Амброз 1971:** Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. СА. №2. М., 1971. С. 96-123.
9. **Амброз 1973:** Амброз А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV-VIII вв.). // СА. №4. М, 1973. С. 81-98.
10. **Амброз 1986:** Амброз А.К. Кинжалы V в. с двумя выступами на ножнах. СА. № 3. М., 1986.
11. **Амброз 1989:** Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V-VII вв. М., 1989.
12. **Амичба 2002:** Амичба Г.А. Абхазия в эпоху раннего средневековья (Очерки по истории народного хозяйства и социально-экономических отношений в VI-X вв.). Сухум, 2002.
13. **Антейн 1973:** Антейн А.К. Дамасская сталь в странах бассейна Балтийского моря. Рига, 1973.

- 14. Анфимов 1951:** Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станции Усть-лабинской. Материалы исследования по археологии СССР №23. М., 1951.
- 15. Анчабадзе 1964:** Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии. М., 1964.
- 16. Ардзинба 1988:** Ардзинба В. Г. К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов) // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988. С. 263-306.
- 17. Армарчук 2006:** Армарчук Е.А. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. М., 2006.
- 18. Афанасьев, Рунич 2001:** Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. Морская Балка. Дневник раскопок. № 1. М., 2001.
- 19. Ахмедов 2005:** Ахмедов И.Р. Конский убор из некрополей Цебельдинской долины (к истории сложения «понтийского» стиля узды в эпоху Великого переселения народов) // II Городовские чтения. М., 2005.
- 20. Ахмедов 2010:** Ахмедов И.Р. Короткие однолезвийные мечи из Никитинского могильника на Оке // Germania—Sarmatia. II. Kaliningrad—Kursk, 2010. С. 319-340.
- 21. Ахмедов, Васильева, Хаврин 2015:** Ахмедов И.Р., Васильева Е.Е., Хаврин С.В. Новое погребение аланской знати постгунского времени из Кабардино-Балкарии // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы международной научной конференции. М., 2015.
- 22. Ахмедов, Васильева, Хаврин 2016:** Ахмедов И.Р., Васильева Е.Е., Хаврин С.В. Клинковое оружие из погребения 33 могильника Кичмалка II в Кабардино-Балкарии. КСИА. Вып. 244. М., 2016.
- 23. Банников 2015:** Банников А.В. Эволюция римского вооружения в период Империи (I–IV вв.) // Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 15. Санкт-Петербург, 2015.

- 24. Башкиров 1925:** Башкиров А.С. Археологическая экспедиция (предварительное сообщение). Бюллетень АБНО, № 9-10. Сухуми, 1925.
- 25. Башкиров 1925а:** Башкиров А.С. Археологические изыскания в Абхазии за лето 1925 г. «Второй краеведческий съезд Черноморского побережья и Западного Кавказа». Батум. 1925.
- 26. Башкиров 1926:** Башкиров А.С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г. Известия АБНО. Вып. IV. Сухум, 1926.
- 27. Бгажба 1967:** Бгажба О.Х. История изучения средневековых памятников Абхазии. МАА. 1967.
- 28. Бгажба, Бжания, Гунба, Соловьев, Шамба, Шервашидзе 1971:** Бгажба О.Х., Бжания В.В., Гунба М.М., Соловьев Л.Н., Шамба Г.К., Шервашидзе Л.А. Археологические исследования в Абхазии. «А0-1970». 1971.
- 29. Бгажба 1974:** Бгажба О.Х. О крепости Ачапара (с. Арасадзых Очамчирского района). МАИА. «Алашара». Сухуми, 1974.
- 30. Бгажба 1977:** Бгажба О.Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII-XIV вв.). «Алашара». Сухуми, 1977.
- 31. Бгажба 1977а:** Бгажба О.Х. О кузнечном ремесле в древней Абхазии (VI в. до н.э.-VII в. н.э.). Известия. VI. Тбилиси. 1977.
- 32. Бгажба, Воронов 1978:** Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Материалы по средневековому кузнечному ремеслу из горной Абхазии (жертвенник на перевале Напра) // Известия. VII. Тбилиси, 1978.
- 33. Бгажба 1979:** Бгажба О.Х. О металлообрабатывающем ремесле в античной Абхазии (VI-I вв. до н.э.) // Известия. VIII. АБИЯЛИ. Тбилиси, 1979.
- 34. Бгажба, Воронов 1980:** Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Памятники села Герзеул. Сухуми, 1980. С. 13-14.
- 35. Бгажба, Воронов, Шенкао 1980:** Бгажба О.Х., Воронова Ю.Н., Шенкао Н.К. О больших цебельдинских топорах. ТАГМ. Вып. V. Сухуми, 1980.
- 36. Бгажба 1982:** Бгажба О.Х. По следам кузнеца Айнара. «Алашара». Сухуми, 1982.

- 37. Бгажба, Воронов 1982:** Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. История изучения археологии Абхазии (до 1975 г.). «Мецниереба». Тбилиси, 1982.
- 38. Бгажба 1983:** Бгажба О. Х. Черная металлургия в древней и средневековой Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 1983.
- 39. Бгажба 1985:** Бгажба О.Х. Мечи из «дамасской стали» в Абхазии. Известия. XIII. Тбилиси, 1985.
- 40. Бгажба, Воронов 1987:** Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Два всаднических захоронения апсилов из Цебельды. ТАГУГ. Т. V. «Алашара». Сухуми, 1987.
- 41. Бгажба, Воронов 1988:** Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Материалы по культуре апсилов II в. до н.э. – II в. н.э. ТАГУГ. Т. VI. «Алашара». Сухуми, 1988.
- 42. Бгажба, Воронов 1989:** Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. К вопросу об автохтонности апсилов. ТАГУГ. Т. VII. Сухуми, 1989.
- 43. Бгажба, Терехова, Розанова 1990:** Бгажба О.Х., Терехова Н.Н., Розанова Л.С. Кузнечные изделия из памятников Цебельдинской культуры. СА. № 3. М., 1990.
- 44. Бгажба 1994:** Бгажба О.Х. История железообрабатывающего производства в Западном Закавказье (I тыс. до н.э. – середина II тыс. н.э.). Автореф. М., 1994.
- 45. Бгажба, Лакоба 2007:** Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум, 2007. 392 с.
- 46. Бгажба, Лакоба 2015:** Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. Учебник для 10–11 классов общеобразовательных учебных заведений. Сухум: Министерство образования и науки РА, 2015. 464 с.
- 47. Бгажба 2015:** Бгажба О.Х. Социально – экономическая характеристика кузнечного ремесла в Абхазии (II-VII вв.) // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья:

археологические данные. Материалы международной научной конференции. М., 2015.

48. Бгажба 2016: Бгажба О.Х. Социально-экономическая характеристика кузнечного ремесла в Абхазии. КСИА. Вып. 244. М., 2016.

49. Бгажба 2020: Бгажба О.Х. Дамасские мечи III–IV вв. из Абхазии – вершина ручного кузнечного творчества // Проблемы традиционной художественной культуры горских народов. Военная и героическая тематика в этническом искусстве. АБИГИ. Сухум, 2020.

50. Бжания 1967: Бжания В.В. История археологического изучения памятников энеолита и ранней бронзы в Абхазии. МАА. 1967.

51. Бжания, Агумаа, Бжания, Хондзия, Сакания, Канделаки, Виноградов 2006: Бжания В.В., Агумаа А.С., Бжания Д.С., Хондзия З.Г., Сакания С.М., Канделаки Д.А., Виноградов А.Ю. Работы в Гагрском районе Абхазии. XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Нальчик, 2006.

52. Бжания, Агумаа, Бжания, Виноградов, Канделаки, Сакания, Хондзия 2007: Бжания В.В., Агумаа А.С., Бжания Д.С., Виноградов А.Ю., Канделаки Д.А., Сакания С.М., Хондзия З.Г. Охранные исследования в Гагрском районе. АО 2005. М., 2007.

53. Бжания, Агумаа, Барцыц, Бжания, Бирюков, Канделаки, Сакания, Хондзия 2009: Бжания В.В., Агумаа А.С., Барцыц Р.М., Бжания Д.С., Бирюков Ю.Д., Канделаки Д.А., Сакания С.М., Хондзия З.Г. Исследования Управления охраны историко – культурного наследия. АО 2006. М., 2009.

54. Богомолов 1997: Богомолов Г.И. Панцирный доспех с городища Канка // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 28. Самарканд, 1997.

55. Борисенко, Худяков 2002: Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Опыт типологической классификации деталей панцирного доспеха средневековых кочевников Центральной Азии // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2002.

- 56. Вайнштейн 1966:** Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве). СЭ, 1966. №3. С. 60-81.
- 57. Вайнштейн 1972:** Историческая этнография тувинцев. М., 1972.
- 58. Владимиров 1900:** Владимиров К.А. Древности черноморского побережья Кавказа. С.-Петербург, 1900.
- 59. Вознесенская 1972:** Вознесенская Г.А. Техника обработки железа и стали // МИА. №187. М., 1972.
- 60. Вознесенская, Левада 1999:** Вознесенская Г.А., Левада М.Е. Кузнечные изделия из могильника Чатырдаг: попытка типологического анализа и технология производства // Сто лет черняховской культуре / Левада М.Е. (сост). Киев, 1999.
- 61. Воронов 1969:** Воронов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969.
- 62. Воронов, Вознюк, Юшин 1970:** Воронов Ю.Н., Вознюк А.С., Юшин В.А. Апуштинский могильник IV-VI вв. в Абхазии. СА. I. М., 1970.
- 63. Воронов 1971:** Воронов Ю.Н. История Абхазии с древнейших времен до раннего средневековья (по данным археологии), автореф. канд. дисс. Москва, 1971.
- 64. Воронов 1971а:** Воронов Ю.Н. Разведки в Абхазской АССР. «АО-1970». 1971.
- 65. Воронов, Юшин 1971:** Воронов Ю.Н., Юшин В.А. Погребение VII в. из с. Цебельда в Абхазии. КСИА. 128. М., 1971.
- 66. Воронов 1972:** Воронов Ю.Н. Разведочные работы в Абхазской АССР. «АО-1971. 1972.
- 67. Воронов 1973:** Воронов Ю.Н. Археологические разведки в Абхазии. «АО-1972». 1973.
- 68. Воронов, Юшин 1973:** Воронов Ю.Н., Юшин В.А. Новые памятники Цебельдинской культуры в Абхазии // СА. №1. М., 1973.

- 69. Воронов 1974:** Воронов Ю.Н. Позднеантичные памятники села Азанта. ТАГМ. IV. 1974.
- 70. Воронов 1975:** Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975. 160 с.
- 71. Воронов 1975а:** Воронов Ю.Н. Вооружение древнеабхазских племен в VI-I вв. до н.э. // Скифский мир. Киев, 1975.
- 72. Воронов 1977:** Воронов Ю.Н. Древности военно-сухумской дороги. Сухуми, 1977. 76 с.
- 73. Воронов 1978:** Воронов Ю.Н. О трех раннесредневековых крепостях Южной Абхазии. Известия. VII. «Мецниереба». Тбилиси, 1978.
- 74. Воронов, Вознюк 1979:** Воронов Ю.Н., Вознюк А.С. Новые археологические находки в Гудаутском районе Абхазской АССР. СА. № 1. М., 1979.
- 75. Воронов, Бшин 1979:** Воронов Ю.Н., Юшин В.А. Ранний горизонт (II-IV вв.) в могильниках Цебельдинской культуры. СА. № 1. М., 1979.
- 76. Воронов 1979:** Воронов Ю.Н. Материалы по археологии Абасгии и Санигии II-VII вв. // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1979. С. 49-58.
- 77. Воронов 1979а:** Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодарское книжное изд-во, 1979.
- 78. Воронов, Бгажба 1979:** Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Новые материалы VII в. из могильников Абхазии. КСИА. Вып. 158. М., 1979. С. 67-71.
- 79. Воронов, Бгажба, Шенкао 1980:** Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х., Шенкао Н.К. О больших цебельдинских топорах. Труды Абхазского государственного музея. Вып. V. Сухуми, 1980. С. 84-93.
- 80. Воронов, Гунба, Бгажба, Хрушкова 1980:** Воронов Ю.Н., Гунба М., Бгажба О.Х., Хрушкова Л.Х. Итоги работ цебельдинской археологической экспедиции. ПАИ в 1977 г. Тбилиси, 1980.

81. Воронов, Гунба, Бгажба, Хрушкова, Шенкао 1981: Воронов Ю. Н., Гунба М. М., Бгажба О. Х., Хрушкова Л. Г., Шенкао Н. К., Логинов В. А. Раскопки в Цебельде. ПАИ в 1978. Тбилиси, 1981. С. 175-183.

82. Воронов 1982: Воронов Ю.Н. Древности Азантийской долины. Тбилиси, 1982. 73 с.

83. Воронов, Бгажба, Шенкао 1982: Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х., Шенкао Н.К. Археологические исследования в Кодорском ущелье. ПАИ в 1980 г. Тбилиси, 1982.

84. Воронов, Левинтас 1982: Воронов Ю.Н., Левинтас В.Б. По древним тропам горной Абхазии. «Алашара». Сухуми, 1982.

85. Воронов, Шенкао 1982: Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV-VII вв. // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII вв. Советско – венгерский сборник. М., 1982.

86. Воронов 1984: Воронов Ю.Н. Восточное Причерноморье в железном веке (Вопросы хронологии и интерпретации памятников VIII в. до н.э. – VIII в. н.э.). М., 1984.

87. Воронов, Бгажба, Шенкао, Логинов 1984: Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х., Шенкао Н.К., Логинов В.А. Работы Цебельдинской экспедиции. ПАИ в 1981 г. Тбилиси, 1984.

88. Воронов, Бгажба, Шенкао 1985: Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х., Шенкао Н.К. Исследования Цибилиума и его окрестностей. ПАИ в 1982 г. Тбилиси, 1985.

89. Воронов, Бгажба 1985: Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Исследования средневековых памятников в Цебельде. АОА. «Мецниереба». Тбилиси, 1985.

90. Воронов, Бгажба 1985а: Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Материалы по археологии Цебельды. Тбилиси, 1985.

91. Воронов, Бгажба 1987: Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Крепость Цибилиум – один из узлов Кавказского лимеса юстиниановской эпохи. Византийский временник. Т. 48. «Наука». Москва, 1987.

- 92. Воронов, Бгажба 1987:** Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Крепость Цибилеум – один из узлов Кавказского лимеса юстиниановской эпохи. Византийский временник. Т. 48. «Наука». М., 1987.
- 93. Воронов, Бгажба 1987а:** Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Исследования апсильских памятников юго – западной части Цебельдинской долины. АОА. «Мецниереба». Тбилиси, 1987.
- 94. Воронов, Бгажба 1990:** Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Новые погребения апсильцев из окрестностей Цебельды. АОА 1985. Тбилиси, 1990. С. 24-29.
- 95. Воронов 1991:** Воронов Ю.Н. Новые материалы античной эпохи из окрестностей Диоскуриады. СА. №1. М., 1991. С. 225-234.
- 96. Воронов 1998:** Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия. «Алашара». Сухум, 1998.
- 97. Воронов 2002:** Воронов Ю.Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V-XIV вв.) // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва – Магнитогорск, 2002.
- 98. Воронов 2003:** Воронов Ю.Н. Могилы апсильцев. Москва, 2003. 239 с.
- 99. Воронов 2006:** Воронов Ю.Н. Научное наследие. Том I. Сухум, 2006. 456 с.
- 100. Воронов 2009:** Воронов Ю.Н. Научные труды в семи томах. Т. II. Сухум, 2009.
- 101. Воронов 2010:** Воронов Ю.Н. Научные труды. Том III. Сухум, 2010.
- 102. Воронов 2014:** Воронов Ю.Н. Научные труды. Т. IV. Сухум, 2014. 408 с.
- 103. Воронов 2016:** Воронов Ю.Н. Научные труды в семи томах. Сухум. Т. V. Сухум, 2016.
- 104. Габелия 2014:** Габелия А.Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи. Сухум, 2014.
- 105. Гаврилов 2011:** Гаврилов А.Н. Дамасские мечи V-VII вв. н.э. из Шиловского района Рязанской области. Военная археология. Вып. 2. М., 2011.

106. Гавритухин, Пьянков 2003: Гавритухин И.О, Пьянков А.В. Могильники III-IV вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М., 2003.

107. Гей, Бажан 1997: О.А. Гей, И.А. Бажан. Хронология эпохи «готских» походов (на территории Восточной Европы и Кавказа). М, 1997. 144 с.

108. Гзелишвили 1947: Гзелишвили И.А., Остатки кремации, погребенные в сосудах в Абхазии. САНГ. 1-2. Тбилиси, 1947.

109. Голубев 2012: Голубев Л.Э. Новая находка позднесредневекового наконечника копья с треугольными выступами // Вопросы истории Поурупья. Материалы краевой научной конференции, посвященной 50-летию открытия и изучения Ильичевского городища. Вып. 1. Отрадная. 2012.

110. Голубев, Исайкин 2015: Голубев Л.Э, Исайкин В.М. Находка топора эпохи Великого переселения народов из окрестностей с. Крепостной Краснодарского края // V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар, 2015.

111. Голубев, Схатум, Полицын 2017: Голубев Л.Э., Схатум Р.Б., Полицын Е.Б. Адыгское воинское погребение на реке Алепси в Туапсинском районе Краснодарского края // Материалы IV Абхазской международной археологической конференции, посвященной археологу-кавказоведу Л.Н. Соловьеву. «Кавказ и Абхазия в древности и в средневековье: взаимодействие и преемственность культур». АБИГИ. Сухум, 2017.

112. Горбенко, Косяненко 2011: Горбенко А.А., Косяненко В.М. Статус погребенных с оружием в I-II вв. н.э. // Проблемы археологии Кавказа (К 70-летию Ю.Н. Воронова). Сухум, 2011.

113. Горбунов 2002: Горбунов В.В. Панцирь из Татарских могил (реставрация и реконструкция) // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002.

114. Горелик 1993: Горелик М.В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н.э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993.

115. Горелик 2002: Горелик М.В. Армии монголо-татар X-XIV веков. Воинское искусство, оружие, снаряжение. М. 2002.

116. Горелик 2008: Горелик М.В. Аланский воинский комплекс золотоордынского времени. XXV «Крупновские чтения» по арх. Сев. Кавк. Владикавказ, 2008.

117. Грач 1980: Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.

118. Гумба 2016: Гумба Г.Д. Еще раз о восточной границе Абхазии в раннем средневековье // Абхазоведение. Вып. X. АБИГИ. Сухум, 2016.

119. Гунба 1975: Гунба М.М. Археологические раскопки в Очамчирском районе в 1970 году. Известия. IV. Тбилиси, 1975.

120. Гунба 1978: Гунба М.М. Новые памятники Цебельдинской культуры. «Мецниереба». Тбилиси, 1978.

121. Гунба 1983: Гунба М.М. Раскопки башни № 2 и помещения № 1 // Археологические исследования в Цебельде (результаты раскопок 1977 г.). Тбилиси, 1983.

122. Гунба 1989: Гунба М.М. Абхазия в I тыс. н.э.: Социально-экономические и политические отношения. Сухуми, 1989.

123. Гунба 2000: Гунба Б.М. Из истории изучения древнего Себастополиса (Сухума) // Абхазоведение. «Алашара». Сухум, 2000.

124. Гунба 2006: Гунба Б.М. Сухум раннесредневековой эпохи // Абхазоведение. Вып. IV. Сухум, 2006.

125. Гунба 1971: Гунба М.М. Археологические раскопки в с. Цебельда в 1969 г. «Археологические исследования в Грузии в 1969 г.». Тбилиси, 1971.

126. Гунба 1989: Гунба М.М. Абхазия в I тыс. н.э. (Социально – экономические и политические отношения). «Алашара». Сухуми, 1989.

127. Гунба, Хрушкова 1990: Гунба М.М., Хрушкова Л.Г. Археологическое исследование Сухумской крепости. АОА. «Мецниереба». Тбилиси, 1990.

128. Гунба 2000: Гунба М.М. Об автохтонности абхазов в Абхазии // Абхазоведение. «Алашара». Сухум, 2000.

129. Джопуа 2015: Джопуа А.И. Новый могильник поздней античности и раннего средневековья в с. Куланрхуа (Гудаутский район, Абхазия) // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы международной научной конференции. М., 2015.

130. Джопуа 2015: Джопуа И.А. Позднеантичные погребения и социальный состав населения Абхазии // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы международной научной конференции. М., 2015.

131. Джопуа, Ньюшков 2017: Джопуа А.И., Ньюшков В.А. Исследования отечественных краеведов и археологов в Абхазии в первой пол. XX в. (до 1941 г.). Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 9. Ставрополь, 2017.

132. Джопуа, Ньюшков 2017а: Джопуа А.И., Ньюшков В.А. Памятники цебельдинской культуры на территории Абхазии. Археология и этнография Кавказа и Крыма. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 2017.

133. Джопуа, Ньюшков 2018: Джопуа А.И., Ньюшков В.А. Изучение позднеантичных и раннесредневековых памятников археологии Абхазии с 2000 по 2013 гг. // Историко-археологический альманах. Армавир – Краснодар – Москва, 2018.

134. Джопуа, Ньюшков 2018а: Джопуа А.И., Ньюшков В.А. Межэтнические связи населения Краснодарского побережья Черного моря и Абхазии. Сборник научных статей в честь археолога Пьянкова А.В. Армавир – Краснодар, 2018.

135. Дмитриев 1979: Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска. СА. № 4. М., 1979.

136. Дмитриев 2003: Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – Эталонный памятник древностей V-IX вв. // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV-XIII вв.). М., 2003.

137. Дружинина 2014: Дружинина И.А. Два типа древкового оружия Северо-Западного Кавказа // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы международной конференции. М., 2014. С. 340-343.

138. Жоржикашвили, Гогадзе 1974: Жоржикашвили Л., Гогадзе Э. Памятники Триалети эпохи ранней и средней бронзы. «Мецниереба». Тбилиси, 1974.

139. Засецкая 1982: Засецкая И.П. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков. М., 1982.

140. Засецкая 1994: Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: Эллипс Лтд. Санкт-Петербург, 1994.

141. Засецкая, Казанский, Ахмедов, Минасян 2007: Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. Санкт-Петербург, 2007. 212 с.

142. Инал-ипа 1965: Инал-ипа Ш. Д. Абхазы (историко-географические очерки). Изд. 2-е. Сухуми. 1965.

143. Инал-ипа 1969: Инал-ипа Ш. Абхазы. Сухуми, 1960.

144. Иштванович, Кульчар 2009: Иштванович Э., Кульчар В. Мечи/кинжалы с боковыми вырезами в Карпатском бассейне // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб. 2009.

145. Кадиева, Скаков, Джоуа 2015: Кадиева А.А., Скаков А.Ю., Джоуа А.И. Поселение Джантух в Восточной Абхазии: К вопросу о социальном статусе ремесленников эпохи Великого переселения народов // Социальная

стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы международной научной конференции. М., 2015.

146. Казакиявичус 1988: Казакиявичус В. Оружие балтских племен II-VIII веков на территории Литвы. Вильнюс, 1988.

147. Казанский, Мастыкова 2001: Казанский М.М., Мастыкова А.В. Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V-VI вв. // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М., 2001.

148. Казанский, Мастыкова 2008: Казанский М.М., Мастыкова А.В. Федераты и империя: эволюция некрополя Цибилиум (II-VII вв.) // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Сухум, 2008.

149. Казанский 2008a: Казанский М.М. Оружие «западного» и «южного» происхождения в лесной зоне России и Белоруссии в начале средневековья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 1. Тула, 2008.

150. Казанский, Мастыкова 2009: Казанский М.М., Мастыкова А.В. Привилегированные погребения у федератов Восточной Римской империи на территории Абхазии (II-VII вв.) // Научные ведомости Белгородского Гос. Университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. № 9(64). Вып.11. Белгород, 2009. С. 25-31.

151. Казанский 2010: Казанский М.М. «Вождеские» погребения гуннского времени с мечами // Краеугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. I. М., 2010. С. 307-320.

152. Казанский 2011: Казанский М.М. Иранские кинжалы V в. из некрополя Цибилиум // Проблемы археологии Кавказа. Сухум, 2011.

153. Казанский 2011a: Казанский М.М. О славянском панцирном войске (VI-VII вв.) // Stratum Plus. № 5. Кишинев, 2011.

154. Казанский, Мастыкова 2011: Казанский М.М., Мастыкова А.В. Федераты и империя: эволюция некрополя Цибилиум (II-VII вв.) // Вторая

Абхазская Международная археологическая конференция. Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. АБИГИ. Сухум, 2011.

155. Казанский 2012: Казанский М.М. О происхождении скрамасакса // Другая Русь. Чудь, меря и инии языци. STRATUM plus. № 5. Кишинев, 2012.

156. Казанский 2012a: Казанский М.М. К истории парадного клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на Северном Кавказе: кинжал и скрамасакс // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала, 2012.

157. Казанский 2014: Казанский М.М. Гелон с косою: о древковом оружии эпохи переселения народов. Stratum plus. № 6. Кишинев, 2014.

158. Казанский, Перен 2014: Казанский М.М., Перен П. «Королевские» и Вождеские» погребения раннемеровингского времени в Галии: состояние исследований // КСИА. Вып. 234. М., 2014.

159. Казанский 2015: Казанский М. Германские элементы в материальной культуре Абхазии в позднеримское время и в эпоху переселения народов // Scripta antiqua. Т. IV. М., 2015. С. 33-60.

160. Казанский 2015a: Казанский М.М. Иерархия «воинских» погребений в Абхазии (II-VII вв.) и возможности социальной реконструкции // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы международной научной конференции. М., 2015.

161. Казанский 2015b: Казанский М.М. Германские элементы в материальной культуре Абхазии в позднеримское время и в эпоху переселения народов. SCRIPTA ANTIQA. Т. IV. М., 2015.

162. Казанский 2016: Казанский М.М. Иерархия «воинских» погребений в Абхазии (II-VII вв.) и возможности социальной реконструкции // Краткие сообщения института археологии. Вып. 244. М., 2016.

163. Казанский 2016а: Казанский М.М. «Понтийский лимес» в эпоху Позднеримской империи и северные варвары // *Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии*. Вып. XXI. Симферополь, 2016.

164. Казанский 2018: Казанский М. Погребения со щитом в Северном и Восточном Причерноморье позднеантичное время: истоки обряда // *Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения ученого-кавказоведа Ю.Н. Воронова*. Сухум, 2018. С. 133-144.

165. Каландадзе 1954: Каландадзе А.Н. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, 1954.

166. Касландзия 2016: Касландзия Н.В. О ситуации в Западном Закавказье в 30-80-х гг. VIII в. (К вопросу о достоверности сведений грузинского писателя XI в. Джуаншера Джуаншериани) // *Абхазоведение*. Вып. X. АБИГИ. Сухум, 2016.

167. Кигурадзе, Лордкипанидзе, Тодуа 1987: Кигурадзе Н.Ш., Лордкипанидзе Г.А., Тодуа Т.Т. Клейма XV легиона из Пицундского городища // *ВДИ*. М., 1987.

168. Кирпичников 1966: Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1: Мечи и сабли, IX—XIII вв. М.-Л., «Наука», 1966.

169. Кирпичников 1966: Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв. М.-Л., «Наука», 1966.

170. Кирпичников 1971: Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 3: Доспех, комплекс боевых средств IX—XIII вв. Л., «Наука», 1971.

171. Кирпичников, Медведев 1985: Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение // *Древняя Русь: Город, замок, село*. Археология СССР, М., «Наука». 1985. С. 298 – 364.

172. Клещенко 2018: Клещенко А.А. Кремневые выемчатые наконечники стрел эпохи средней бронзы Предкавказья // *Кавказ в системе культурных*

связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения». Карачаевск, 2018.

173. Кожухов 1999: Кожухов С.П. Закубанские катафрактары // Материальная культура Востока. М, 1999. С. 159–189.

174. Козленко 2009: Козленко А.В. Пломбата в римской армии IV-VI вв. Античный мир и археология. Вып. 13. Саратов, 2009.

175. Колчин 1958: Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА. 32. М., 1958.

176. Комар, Сухобоков 2000: Комар А.В., Сухобоков О.В. Вооружение и военное дело Хазарского каганата // Восточноевропейский археологический журнал. 2 (3), март-апрель. 2000.

177. Комаров 1882: Комаров А.В. Краткий обзор последних археологических находок в Кавказском крае. ИКОИА. I. 1882.

178. Комаров 1884: Комаров А.В. Краткий обзор археологических находок в Кавказском крае за 1882 г. ИКОИА. II. 1884.

179. Королев 2002: Королев К. Военная мысль античности. Сочинения древнегреческих и византийских авторов. Москва – Санкт-Петербург, 2002.

180. Кубарев 1981: Кубарев В.Д. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981.

181. Кубарев, Журавлев 2012: Кубарев Г.В., Журавлев Д.В. Доспех из катакомбного погребения с Госпитальной улицы города Керчи (из раскопок 1891 года профессора Ю.А. Кулаковского // Вестн. Новосиб. Гос. Ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 5: Археология и этнография. С. 135–146.

182. Кузнецов 1962: Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. МИА. 106. М.-Л., 1962.

183. Куфтин 1949: Куфтин Б.А. Материалы к археологии Колхиды. Т. I. Тбилиси. 1949.

184. Кучма 2007: Кучма В.В. О стратегии. Византийский военный трактат. СПб.: Алетейя, 2007. 160 с.

185. Латышев 1947: Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Флавий Иосиф. О войне иудейской. II, 16, 4. ВДИ. 4 (22). М. – Л, 1947.

186. Левада 2006: Левада М.Е. Кинжалы типа Хазанов-V в Среднем Поднепровье // Боспорские чтения. Боспор КИММЕРИЙСКИЙ и варварский мир в период античности и средневековья. VII. Керчь, 2006.

187. Леквинадзе 1969: Леквинадзе В.А. «Понтийский лимес». Вестник древней истории. № 2. «Наука». ВДИ. М., 1969.

188. Лордкипанидзе 1981: Лордкипанидзе Г. Результаты исследования XXII раскопа Пицундского городища (Предварительное сообщение). ПАИ в 1978 г. Тбилиси, 1981.

189. Магомедов, Левада 1996: Магомедов Б.В., Левада М.Е. Оружие черняховской культуры // Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии. Вып. V. Симферополь, 1996.

190. Малышев 2008: Малышев А.А. Апургиане на юго-востоке Азиатского Боспора: (по материалам Цемдолинского некрополя). Некрополи Черноморья. Т. II. М., 2008.

191. Медведев 1959: Медведев. К истории пластинчатого доспеха на Руси // СА. № 2. М., 1959.

192. Медведев 1966: Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (Лук и стрелы, самострел). VIII–XIV вв. М., «Наука», 1966.

193. Меншиков, Пешков 1980: Меншиков В.Л., Пешков В.М. Берег Пицунды: факты и гипотезы. «Мысль». М., 1980.

194. Микеладзе 1990: Микеладзе Т. К археологии Колхиды (эпоха средней и поздней бронзы - раннего железа). Тбилиси, 1990. 108 с.

195. Миллер 1909: Миллер А.А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. ИАК. 33. 1909.

196. Мошкова 1989: Мошкова М.Г. Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. «Наука». М., 1989.

197. Мыц 1981: Мыц В.Л. Могильник IV-V вв. на южном склоне г. Чатырдаг // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Киев, 1981.

198. Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров 2006: Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В. Чатыр – Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. Санкт-Петербург, 2006. 208 с.

199. Нефедов 2008: Нефедов С.А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М., 2008.

200. Ньюшков 2012: Ньюшков В.А. К типологии ранней этнополитической и социальной системы в Апсилии // Абхазоведение. Вып. VII. АБИГИ. Сухум, 2012.

201. Ньюшков 2015: Ньюшков В.А. Элита древнеабхазских обществ Западного Закавказья на рубеже средневековья (VI в.) // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы международной научной конференции. М., 2015.

202. Ньюшков 2016: Ньюшков В.А. Цебельдинская культура в историко-культурном контексте позднеантичного мира // Абхазоведение. Вып. X. АБИГИ. Сухум, 2016.

203. Ньюшков 2016а: Ньюшков. В.А. Абхазия и арабский халифат в первой половине VIII в. «Война и мир в истории Кавказа». Материалы Международной научной конференции, посвященной 20-летию Победы народа Абхазии в Отечественной войне 1992-1993 гг. АБИГИ. Сухум, 2016.

204. Ньюшков 2017: Ньюшков В.А. Военно – политическая история Абхазии на рубеже раннего средневековья. Третьи Международные Иналиповские чтения. АБИГИ. Сухум, 2017.

205. Овчинникова 2008: Овчинникова Б.Б. Краснополянские сокровища города Сочи // Россия и мир: панорама исторического развития. Сборник

научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2008.

206. Овчинникова 2011: Овчинникова Б.Б. Сокровища древнего города Сочи (случайные находки и поступления) // Археологические записки. Вып. 7. Ростов-на-Дону, 2011.

207. Окшотт 2004: Окшотт Эварт. Археология оружия. От бронзового века до эпохи Ренессанса / Пер. с англ. М.К. Якушиной. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 398 с.

208. Орелкин 1977: Орелкин В.С. Культовый памятник древнего скотоводства абхазов // Известия. VI. Тбилиси, 1977. С. 199-205.

209. Отчеты Археологической Комиссии за 1902 г.

210. Отчеты Археологической Комиссии за 1904 г.

211. Пачулия 1964: Пачулия В.П. В краю золотого руна. «Наука». М., 1964.

212. Пачулия 1968: Пачулия В.П. Охрана и пропаганда памятников культуры Абхазии. «Под знаменем Октября». Сухуми, 1968.

213. Пачулия 1968а: Пачулия В.П. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. «Наука». М., 1968.

214. Пачулия 1988: Пачулия В.П. Жемчужина Причерноморья. М., 1988.

215. Подосинов, Скржинская 2011: Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Книга VI, 14. М., 2011.

216. Прокопенко 2018: Прокопенко Ю.А. Парадный византийский меч с инкрустированной гардой, обнаруженный на территории Карачаево-Черкесии (параллели с находками в Крыму и Абхазии) // Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения ученого-кавказоведа Ю.Н. Воронова. Сухум, 2018. С. 162-165.

217. Радлова 1894: Радлова В.В. Сибирские древности. Т. I. Санкт-Петербург, 1894.

218. Радюш, Скворцов 2008: Радюш О.А., Скворцов К.Н. Находки деталей щитов в ареале самбийско-натангийской культуры // Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Калининград, 2008. С. 122-157.

219. Радюш 2014: Радюш О.А. О северной границе распространения так называемых «кинжалов с вырезами» // Stratum plus. № 4. Кишинев, 2014.

220. Рамишвили 2003: Рамишвили Р.М. Грузия в эпоху раннего средневековья (IV-VIII вв.). Материальная культура // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М., 2003.

221. Ростовцев 1907: Ростовцев М.П. Новые латинские надписи юга России. ИАК. 33. 1907.

222. Рунич 1976: Рунич А.П. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины. СА. № 3. М., 1976.

223. Рыков 1931: Рыков П.С. Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г., Изв. НВИК, т. IV, 1931.

224. Сангулия, Кармов 2013: Сангулия Г.А., Кармов Т.М. Охранно – спасательные работы на территории Хашыпсинского заповедника Гагрского района. IV Абхазская Международная археологическая конференция: Кавказ и Абхазия в древности и в средневековье: взаимодействие и преемственность культур. Тезисы докладов. Сухум, 2013.

225. Сангулия, Кармов 2017: Сангулия Г.А., Кармов Т.М. Охранно – спасательные работы на территории Хашыпсинского заповедника Гагрского района. Материалы IV Абхазской Международной археологической конференции. АБИГИ. Сухум, 2017.

226. Сангулия, Кармов 2018: Сангулия Г.А., Кармов Т.М. Новая находка раннесредневекового ламеллярного доспеха на территории Абхазии. XXX «Крупновские чтения». Карачаевск, 2018.

227. Седов 1987: Седов В.В. Латышские племена. Латгалы // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.

228. Сизов 1889: Сизов В.И. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. МАК. II. 1889.

229. Симоненко 2015: Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. Киев, 2015.

230. Скаков 1998: Скаков А. Ю. Семантика топора и стрелы у древнего населения Кавказа. // Военная археология: оружие и военное дело в исторической перспективе. СПб. 1998. С. 44-47.

231. Скаков, Джопуа 2006: Скаков А.Ю, Джопуа А.И. Могильник Абасгов в Бзыбской Абхазии // Материалы и исследования по Археологии Кубани. Вып. 6. Краснодар, 2006.

232. Скаков 2016: Скаков А.Ю. Археология в Абхазии в начале XXI века: сотрудничество российских и абхазских ученых. Материалы Международной научной конференции. Сухум – Москва, 2016.

233. Скрипкин 1990: Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Изд-во Саратовского университета. Саратов, 1990.

234. Сокольский 1954: Сокольский Н. И. Боспорские мечи. МИА. № 33. М., 1954.

235. Соловьев 1947: Соловьев Л.И. Диоскурия – Севастополис – Цхум. ТАГМ. Вып. 1. Сухуми, 1947.

236. Соловьев, Шервашидзе 1960: Соловьев Л.Н., Шервашидзе Л.А. Предварительное сообщение о расчистке комплекса сооружений на набережной у Сухумской крепости в конце 1958 и первой пол. 1959 гг. «НСПИПАИ-1959». 1960.

237. Соловьев, Трапш 1961: Соловьев Л.Н., Трапш М.М. Археологические исследования в Абхазии за 40 лет Советской власти. ТАИ. XXXII. 1961.

238. Спейдел 1985: Спейдел М.П. Граница Кавказа, гарнизоны Апсара, Петры и Фазиса во II в. н.э. - Мацне. Серия истории. Тбилиси, 1985.

239. Стражев 1925: Стражев В.И. Руинная Абхазия. Сухум. 1925.

- 240. СЫМОНОВИЧ 1955:** СЫМОНОВИЧ Э.А. Глиняная тара на поселениях Черняховской культуры. СА. XXVI. М., 1955.
- 241. СЫМОНОВИЧ 1960:** СЫМОНОВИЧ Э.А. Памятники черняховской культуры в с. Криниччи // МИА. №82. М., 1960.
- 242. Тодуа 2005:** Тодуа Т.Т. Римский мир и Колхида. Тбилиси, 2005.
- 243. Трапш 1955:** Трапш М.М. Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951-1953 гг. СА. XXIII. М., 1955.
- 244. Трапш 1960:** Трапш М.М. Предварительные итоги археологических раскопок в Сухуми в 1959 г. «НСПИПАИ-1959». 1960.
- 245. Трапш 1961:** Трапш М.М. О некоторых итогах археологических исследований в селе Цебельда Сухумского района. ТАИ. XXII. 1961.
- 246. Трапш 1961а:** Трапш М.М. Раскопки памятников апсило-абасгской культуры в Цебельде в 1960 г. «НСПИПАИ-1960». 1961.
- 247. Трапш 1963:** Трапш М.М. Некоторые итоги раскопок Цебельдинских некрополей в 1960-1962 гг. ТАИ. XXXIII-XXXIV. 1963.
- 248. Трапш 1969:** Трапш М.М. Древний Сухуми. Труды. Т. II. Сухуми, 1969.
- 249. Трапш 1971:** Трапш М.М. Культура Цебельдинских некрополей. «Мицниерба». Т. III. Тбилиси, 1971.
- 250. Трапш 1975:** Трапш М.М. Материалы по археологии средневековой Абхазии. Труды. Т. IV. Сухуми, 1975.
- 251. Трапш 2017:** Трапш М.М. Труды. Т. I. Сухум, 2017.
- 252. Уварова 1891:** Уварова П.С. Кавказ (Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок). Путевые заметки. II. Москва, 1891.
- 253. Хазанов 1971:** Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- 254. Хондзия 2000:** Хондзия З.Г. Новые археологические находки в с. Куланьрхуа // Абхазоведение. «Алашара». Сухум, 2000.

255. Хондзия 2015: Хондзия З.Г. Новые материалы Цебельдинской культуры в Западной Абхазии. V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар, 2015.

256. Хондзия, Требелева 2017: Хондзия З.Г., Требелева Г.В. Памятники Цебельдинской культуры в селе Куланырхуа. Кавказ и Закавказье. Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2017. С. 164-173.

257. Хориков, Малев 1980: Хориков И.П., Малев М.Г. Новогреческо-русский словарь. М., 1980.

258. Хотелашвили 1974: Хотелашвили М.К. Земледельческие орудия Абхазии античного и раннесредневекового времени. МАИА. Сухуми, 1974.

259. Хотелашвили (Инал-ипа) 2004: Хотелашвили (Инал-ипа) М.К. Страницы военной истории абхазии (Материалы к институту военного отходничества у древних абхазов) // Абхазоведение. Сухум, 2004. С. 150-182.

260. Храпунов 2010: Храпунов И.Н. Оружие из могильника Нейзац // TERRA Barbarica. Monumenta Archaeologica Barbarica, Series Gemina, Tomus II Łódź-Warszawa, 2010.

261. Храпунов, Стоянова 2019: Храпунов И.Н., Стоянова А.А. Исследования могильника Опушки в 2018 г. // История и археология Крыма. Вып. XI. Симферополь, 2019.

262. Хрушкова 1980: Хрушкова Л.Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. Тбилиси, 1980.

263. Худяков, Соловьев 1987: Худяков Ю.С., Соловьев А.И. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987.

264. Членова 1979: Членова Н.Л. Нижняя Коя – новый могильник Карасукской эпохи в Минусинской котловине. СА. № 3. М., 1979.

265. Чернявский 1878: Чернявский В.И. Из исследований в юго-западном Закавказье. ИРГО. XIII. V. 1878.

266. Чернявский 1879: Чернявский В.И. Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно. «Протоколы Подготовительного комитета V AC в Тифлисе». Москва. 1879.

267. Шамба 1965: Шамба Г.К. Позднеантичные погребения нагорной Абхазии. СА. №2. М., 1965. С. 262-266.

268. Шамба 1966: Шамба Г.К. Население нагорной Абхазии в позднеантичную эпоху (по археологическим материалам некрополя Ахаччарху), автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1966.

269. Шамба 1966а: Шамба Г.К. Новые археологические открытия в Цебельде. «Алашара». 3. 1966.

270. Шамба 1970: Шамба Г.К. Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми. 1970.

271. Шамба 1974: Шамба Г.К. Археологические разведки в Гагрском районе. МАИА. 1974.

272. Шамба 1974а: Шамба Г.К. Эшерские кромлехи. «Алашара». Сухуми, 1974.

273. Шамба 2000: Шамба Г.К. По следам древностей Восточной Абхазии // Абхазоведение. «Алашара». Сухум, 2000.

274. Шамба 2005: Шамба Г.К. Древний Сухум. Сухум, 2005.

275. Шенкао 2000: Шенкао Н.К. XLIV итоговая научная сессия (25-28 апреля). Тезисы докладов. Сухум, 2000.

276. Шервашидзе 1967: Шервашидзе Л.А. Повесть о городе, взятом волнами. «Алашара». Сухуми, 1967.

277. Шервашидзе 1968: Шервашидзе Л.А. Абхазия в искусствоведческой - литературе. «Под знаменем Октября». Сухуми. 1968.

278. Шишлов, Кононенко 2006: Шишлов А.В., Кононенко А.П. На заре цивилизации. Новороссийск – город-герой. Краснодар, 2006.

279. Шрамко, Солнцев, Степанская, Фомин 1974: Шрамко Б.А., Солнцев Л.А., Степанская Р.Б., Фомин Л.Д. Технология сарматских мечей. СА. I. М., 1974.

280. Щукин 2004: Щукин М.Б. Умбон из кургана «Садовый» под Новочеркасском // Археолог: детектив и мыслитель. Санкт-Петербургский государственный университет, 2004.

281. Щукин 2010: Щукин М.Б. Ранние вандалы // Германия – Сарматия. П. Калининград – Курск, 2010.

282. Янин 2006: Янин В.Л. Археология. М., 2006.

Бюллетень Распорядительного Комитета Первого съезда деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа. № 3. Сухум, 1924.

283. Antoniewicz, Kaczynski , Okulicz 1958: Jerzy Antoniewicz, Marian Kaczynski, Jerzy Okulicz. Wyniki badań przeprowadzonych w 1956 roku na cmentarzysku kurhanowym w miejsc. Szwajcaria, pow. Suwałki // Wiadomości Archeologiczne. T. XXV/1-2. Warszawa, 1958.

284. Arendt 1932: Arendt W. Beiträge zur Entstehung des Spangenharnisches – Ein alttürkischer Waffenfund aus Kertsch // Zeitschrift für historische Waffen- und Kostümkunde, Gesamtfolge Bd. 13 (Neue Folge, Bd. 4). S. 49–55.

285. Bona 2002: Bona I. Les Huns: Le grand empire barbare d'Europe IVe-Ve siècle. Paris, 2002. 240 p.

286. Cascarino 2008: Cascarino G. L'esercito Romano. Armamento e organizzazione. Vol. II: Da Augusto ai Severi. Rimini, 2008.

287. Czarnecka 2009-2010: Czarnecka K. Nietypowe groty włóczni ze schyłku starożytności z ziem polskich. Eccentric Late Roman /Migration Period lanceheads from Poland. Wiadomości Archeologiczne, t. LXI, 2009–2010.

288. Cichorius 1896: Cichorius Conard. Erster Tafelband: «Die Reliefs des Ersten Dakischen Krieges», Tafeln 1-57, Berlin: Verlag von Georg Reimer, 1896.

289. Cichorius 1900: Cichorius Conard: Zweiter Tafelband: «Die Reliefs des Zweiten Dakischen Krieges», Tafeln 58-113, Berlin: Verlag von Georg Reimer, 1900.

290. Cociș, Ursuțiu 2012: Cociș Sorin. Adrian Ursuțiu. Migration period and early medieval cemeteries at Fantanele (Bistrița-Năsăud County). Volume 5. Cluj-Napoca, 2012.

291. Emery 2010: Emery John. Experimenting with plumbatae and observations on their behavior. University of Wisconsin-La Crosse, 2010.

292. Escher 2003: Escher K. Objets mobiliers du Ve siècle découverts sur le territoire du deuxième royaume burgonde // Burgondes, Alamans, Francs et Romains. Besançon, 2003. S. 41-50.

293. Feugère 1994: Feugère M. Casques antiques. Les visages de la guerre de Mycènes à la fin de l'Empire romain. Paris, 1994.

294. Gamkrelidze 2014: Gamkrelidze Gela. ARCHAEOLOGY OF THE ROMAN PERIOD OF GEORGIA (Iberia-Colchis). Essay & Catalog. The Journal of the Otar Lordkipanidze Centre of Archaeology of the Georgian National Museum. Tbilisi, 2014. 139 p.

295. Gamkrelidze 2018: Gamkrelidze Gela, Shatberashvili Vakhtang, Pirtskhalava Marine, Charkviani Maya. Weapons and Armour in Georgia (5th century BC - 4th century AD). I. Tbilisi. 2018; Gela Gamkrelidze, Vakhtang Shatberashvili, Marine Pirtskhalava, Maya Charkviani. Weapons and Armour in Georgia (5th century BC - 4th century AD). II. Catalogue. Tbilisi. 2018. 295 p.

296. Garscha 1936: Garscha F. Das völkerwanderungszeitliche Fürstengrab von Altlußheim // Germania. Vol. 20. 1936. P. 191-197.

297. Garscha 1960: Garscha F. Zum Grabfund von Altlussheim // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Vol. 7. 1960. P. 315-318.

298. Godłowski 1972: Godłowski Kazimierz. Badania na cmentarzysku z okresu rzymskiego w Kryspinowie, pow. Kraków // Sprawozdania Archeologiczne, t. XXIV. Wrocław, 1972.

299. Bennett 1991: Julian Bennett. Plumbatae from Pitsunda (Pityus), Georgia, and some observations on their probable use // Journal of Roman Military Equipment Studies 2, 1991. P. 59-63.

300. Biborski, Grygiel 2014: Biborski M., Grygiel M. The roman sword from the przeworsk culture cemetery at Jadowniki mokre, Małopolskie province // Honoratissimum assensus genus est armis laudare / Red.: R. Madyda-Legutko, J. Rodzińska-Nowak. Kraków: Historia Iagellonica, 2014.

301. Bitner-Wróblewska, Kontny 2006: Bitner-Wróblewska A., Kontny B. Controversy about three-leaf arrowheads from Lithuania. Archeologia Lituana. 7, 2006. P. 104-122.

302. Böhner 1948: Böhner K. Das Langschwert des Frankenkönigs Chiderich // Bonner Jahrbücher. 1948.

303. Dannheimer 1961: Dannheimer H. Zum Germanengrab von Beja-Pax Julia // Germania. 39. 1961.

304. Hofer 1996: Hofer N. Bewaffnung und Kriegstechnologie der Awaren // Hunnen und Awaren. isenstadt, 1996.

305. Kazanski 1991: Kazanski M. A propos des armes et des éléments de harnachement «orientaux» en Occident à l'époque des Grandes Migrations (IVe-Ve s.). Journal of Roman Archaeology. Vol. 4. 1991. P.123-139.

306. Istvánovits, Kulcsár 1992: Istvánovits E., Kulcsár V. Pajzsos temetkezések a Dunától keletre eső kárpát-medencei Barbaricumban //Nyíregyházi Jósa András Múzeum Evkönyve. XXX–XXXII (1987–1989). Nyiregyhaza, 1992.

307. Kazanski 1991a: Kazanski M. Contribution à l'histoire de la défense de la frontière pontique au Bas-Empire. Travaux et Mémoires. 11. 1991.

308. Kazanski 1994: Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // Beiträge zur römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lubin –Marburg, 1994.

309. Kazanski, Mastykova, Périn 2002: Kazanski M., Mastykova A., Périn P. Byzance et les royaumes Barbares d'Occident au début de l'époque mérovingienne // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum. – Archeologický Ústav Akademie věd České Republiky Brno. – Brno, 2002.

310. Kazanski, Mastykova 2007: Kazanski M., Mastykova A. TSIBILIIUM II. La nécropole apside de Tsibilium L'étude du site. BAR International Series 0000, 2007. 164 p.

311. Kazanski 2013: Kazanski M. Barbarian military equipment and its evolution in the late Roman and Great migration periods (3rd-5th c. A.D.) // War and warfare in late antiquity. Leiden-Boston, 2013. P. 493-521.

312. Koenig 1981: Koenig G. Wandalische Grabfunde des 5. Und 6. Jhs. // Madrider Mitteilungen. № 22. 1981. P. 299-360.

313. Kokowski 1996: Kokowski A. W kwestii rozprzestrzeniania się umbr z facetowaną pokrywą (typ Dobrodzień) // Z badań nad genezą regionalizmu kulturowego społeczeństw kujaw. Poznań; Kruszwica; Inowrocław, 1996.

314. Kokowski 2000: Kokowski A. Polsko-niemiecki przyczynek do ratowania zabytków z Radawy w woj. podkarpackim // *Materiały i Studia Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego*. XXI. 2000. s. 303–307.

315. Kontny 2007: Kontny Bartosz. Foreign influences on the weaponry of Bogaszewo and Sudovian cultures. The case of the shafted weapon. *Archaeologia Baltica*. 8. Klaipėda, 2007. 394 p.

316. Konty 2013: Kontny Bartosz. New Traces to Solve the Riddle: Weapons from Chatyr-Dag in the Light of Current Research // *INTER AMBO MARIA. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea*. Kristiansand – Simferopol. “DOLYA” Publishing House, 2013.

317. Menghin 1995: Menghin W. Schwerter des Goldgriffspathenhorizonts im Museum für Vor- und Frühgeschichte. Berlin: *Acta Praehistorica et Archæologica*. 1994-1995.

318. Paulsen 1967: Paulsen P. Alamannische Adelsgräber von Niederstotzingen. Stuttgart Verlag Müller & Gräff Kommissionsverlag, 1967.

319. Pelliot 1926: Pelliot P. Рец. на L. de Noëttes. *T'oung Pao*. XXIV. 2-3. Leiden, 1926. P. 260, 261.

320. Raddatz 1959: Raddatz K. Das völkerwanderungszeitliche Kriegergrab von Beja, Südportugal // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*. Bd. 6. Mainz, 1959. S. 142-150.

321. McGeer 2008: McGeer Eric. *Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century*. Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2008. 405 p.

322. Miks 2007: Miks Christian. *Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit*. Randen / Westf.: Leidorf. (Kölner Studien zur Archäologie der römischen Provinzen; Bd 8.). 2007.

323. Morell, Gori 1752: Morell, Andreas. Gori, Antonio Francesco. *Columna Trajana Exhibens Historiam Utriusque Belli Dacici A Trajano Caesare Augusto Gesti* — Amsterdam, 1752.

324. Pleiner R. 1967: Pleiner R. *Die Technologe des Schmiedes in der GroBmährischen Kultur // Slovenska archeoldgia. XV-1. Bratislava*

325. Seeck 1876: Seeck Otto. *Notitia dignitatum. Accedunt Notitia urbis konstantinopolitanae et Laterculi prouinciarum. Berolini. Apud weidmannos. MDCCCLXXVI (1876).*

326. Speidel 1986: Speidel M.P. *The Caucasus Frontier. Second Century Garrisons at Apsarus, Petra and Phasis. - Studien zu den Militärgrenze Roms III. (13. Internationaler Limeskongress. Aalen, 1983). Stuttgart, 1986.*

327. Tomka 1986: Tomka P. *Der hunnische Fürstenfund von Pannonhalma // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Vol. 38. 1986. P. 423-488.*

328. Thomas 2012: Mike Thomas. *PUGIO - GLADIUS BREVIS EST. Newport, Monmouthshire, 2012.*

329. Thompson 1996: Thompson E.A. *A Roman reformer and inventor: being a new text of the treatise De rebus bellicis with a translation and introduction. Oxford: Clarendon Press. Chicago, Illinois, MCMXCVI, 1996.*

330. Thordeman 1933: Thordeman B. *The Asiatic Splint Armour in Europe // Acta Archaeologica. Vol. 4. 1933.*

331. Vickers, Kakhidze 2001: Vickers M., Kakhidze A. *The British-Georgian Excavation at Pichvnari 1998: the «Greek» and «Colchian» cemeteries // Anatolian studies. Vol. 51. 2001.*

332. Werner 1956: Werner J. *Beiträge zur Archäologie des Attila-Reichies. Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wiissenschaften. München, 1956.*

333. Zengel 1987: Zengel E. Prunkschwert // Germanen, Hunnen und Avaren.
Schätze Der Völkerwanderungszeit. Nürnberg, 1987.

Список сокращений

АБНИИ - Абхазский научно-исследовательский институт имени Д.И. Гулиа АНГССР, Сухум.

АБНО - Абхазское научное общество, Сухум.

АГМ - Абхазский государственный музей, Сухум.

АСГООПК - Абхазский Совет Грузинского общества охраны памятников культуры, Сухум.

ВВ - Византийский Временник, Л.

ВГМГ - Вестник Государственного музея Грузии, Тбилиси.

ВДИ - Вестник древней истории, М.

ГАИМК - Государственная Академия истории материальной культуры.

ГИМ - Государственный Исторический музей, М.

ЗКОИРГО - Записки Кавказского отделения Русского Географического общества, Тифлис.

ЗМ - Зугдидский музей, Зугдиди.

ИАНО - Известия Абхазского научного общества, Сухум.

ИГАИМК - Известия Государственной Академии истории материальной культуры.

ИИД - Институт истории им. И.А. Джавахишвили АН ГССР, Тбилиси.

ИНИИК - Известия Научно-исследовательского института кавказоведения. Тбилиси.

ИКОИА - Известия Комиссии обследования и изучения Абхазии, Сухум.

КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР, М.-Л.

МАО - Материалы по археологии Абхазии, Тбилиси.

МАГК - Материалы по истории Грузии и Кавказа, Тбилиси.

МАК - Материалы по археологии Кавказа, М.

МИА - Материалы и исследования по археологии СССР, М.

СА - Советская археология, М.

САНГ - Сообщения АН ГССР, Тбилиси.

СМИА - Сборник материалов по истории Абхазии, Сухум.

ТАГМ - Труды Абхазского государственного музея, Сухум.

ТАИ - Труды Абхазского Института языка, литературы и истории имени Д.И. Гулиа АН ГССР, Сухум.

ТСГПИ - Труды Сухумского государственного педагогического института, Сухум.

ТГТУ - Труды Тбилисского государственного университета, Тбилиси.

Список иллюстративного материала

Рис. 1 – основные типы наконечников копий и дротиков: **1** - могильник Абгыздраху-35 (III-IV вв.) - *Воронов, Шенкао 1982: 124, рис. 2, 16*; **2** - могильник в с. Ачмарда Гагрского района (IV-VII вв.?) - *изъято у черных археологов*; **3** - могильник Цибилиум-1, погр. 190 (V в.) - *Воронов 2003: 42, рис. 91, 17*; **4** - могильник Шапки (IV-VII вв.) - *Воронов 1975: 90-91, рис. 29, 5*; **5** - могильник Церковный Холм-4 – 6 (сер. – втор. пол. VI в.) - *Воронов 1973: 176, рис. 6, 19*; **6** - могильник Хашупсы, Гагский район (III-IV вв.) - *Шамба 1974: 50, рис. 3, 9*; **7** - могильник Цибилиум-2, погр. 420 (V в.) - *Воронов 2003: 79, рис. 201, 20*; **8** – крепость Цибилиум, с. Цабал Гулрыпшского района (сер. VI в.) - *Воронов 1987: 127, рис. 8, 26*; **9** - могильник Цибилиум-8, погр. 448 (I в. до н.э. – I в. н.э.) - *Воронов 2003: Рис. 211, 29.*

Рис. 2 – листовидные наконечники копий и дротиков: **1** - могильник Юстинианов Холм-5 - 1 Воронов (III-IV вв.) - *Шенкао 1982: 124, рис. 2, 12*; **2** - могильник Юстинианов Холм-5 – 1 (III-IV вв.) - *Воронов, Шенкао 1982: 124, рис. 2, 13*; **3** - могильник Абгыздраху-35 (III-IV вв.) - *Воронов, Шенкао 1982: 124, рис. 2, 16*; **4** - могильник Цибилиум-1, погр. 162 (III в.) - *Воронов 2003: 38-39, рис. 79, 6, 8*; **5** - могильник Цибилиум-1, погр. 162 (III в.) - *Воронов 2003: 38-39, рис. 79, 7, 9*; **6** - могильник Цибилиум-1, погр. 163 (IV в.) - *Воронов 2003: 39, рис. 80, 9*; **7** - могильник Цибилиум-12, погр. 462 (III-IV вв.) - *Воронов 2003: 89, рис. 218, 15*; **8** - могильник Цибилиум-12, погр. 462 (III-IV вв.) - *Воронов 2003: 89, рис. 218, 16*; **9** - могильник Ачаччарху-12 (III-IV вв.) - *Воронов, Шенкао 1982: 124, рис. 2, 1*; **10** - могильник Цибилиум-1, погр. 64 (III в.) - *Воронов 2003: 23, рис. 30, 8*; **11** - могильник Абгыздраху, погр. 3 (III-IV вв.) - *Трапи 1971: 150, табл. II, 10*; **12** - могильник Цибилиум-1, погр. 67 (III-IV вв.) - *Воронов 2003: 38-39, рис. 31, 19*; **13** - могильник Цибилиум-1 - *Воронов 2003: 14, рис. 4, 16*; **14** - могильник Цибилиум-1, погр. 177 (III-IV вв.) - *Воронов 2003: 41, рис. 89, 4*; **15** - могильник Цибилиум-1, погр. 77 (V в.) - *Воронов 2003: , рис. 37, 6.*

Рис. 3 – наконечники копий и дротиков ромбовидного сечения: **1** – могильник Абгыздраху-54 (IV-VII вв.) - *Воронов, Шенкао 1982: 125-126, рис. 2, 20*; **2** - могильник Ахьацарху-47 (IV-VII вв.) - *Воронов, Шенкао 1982: 125-126, рис. 2, 27*; **3** - могильник Шапки (IV-VII вв.) - *Воронов 1975: 90-91, рис. 29, 12*; **4** - могильник Цибилиум-1, погр. 190 (V в.) - *Воронов 2003: 42, рис. 91, 17*; **5** - могильник Церковный Холм-4 – 6 (сер. – втор. пол. VI в.) - *Воронов 1973: 176, рис. 6, 18*; **6** - могильник Апианча-4/19 (IV-VII в.) - *Воронов, Шенкао 1982: 124-125, рис. 2, 32*; **7** - могильник Цибилиум-2, погр. 383 (V в.) - *Воронов 2003: 73, рис. 181, 5*; **8** - с. Цабал Гулрыпшский район - *фонды АГМ*; **9** - могильник Шапки (IV-VII вв.) - *Воронов 1975: 90-91, рис. 29, 8*; **10** - могильник Абгыздраху-47 (V-VII вв.) - *Воронов, Шенкао 1982: 124-125, рис. 2, 34*; **11** - могильник Шапки (IV-VII вв.) - *Воронов 1975: 90-91, рис. 29, 1*; **12** - могильник в с. Мархяул Гулрыпшского района - *Воронов 2009: 462-465, рис. 9, 6*; **13** – там же; **14** - Красная поляна (VI-VIII вв.) - *Воронов 1979: 94-97, рис. 52, 21*; **15** - могильник Цибилиум-1, погр. 180 (V в.) - *Воронов 2003: 41, рис. 84, 26*; **16** - Сочинский район Краснодарского края РФ (VIII-X вв.) - *Воронов 1979: 97, рис. 52, 6*; Сочинский район Краснодарского края РФ (VIII-X вв.) - *Воронов 1979: 97, рис. 52, 24*.

Рис. 4 – наконечники копий и дротиков ромбовидного сечения со штамповкой: **1** – могильник Абгыздраху-13 (IV-VI вв.) - *Воронов, Шенкао 1982: 124-125, рис. 2, 29*; **2** - могильник Шапки (IV-VII вв.) - *Воронов 1975: 90-91, рис. 29, 5*; **3** - могильник Шапки (IV-VII вв.) - *Воронов 1975: 90-91, рис. 29, 5*; **8** - могильник Абгыздраху-13 (IV-VI в.) - *Воронов, Шенкао 1982: 124-125, рис. 2, 30*; **12** - могильник Ахьацарху-35 (IV-VI вв.) - *Воронов, Шенкао 1982: 124-125, рис. 2, 17*; **13** - могильник Апианча-4/19 (IV-VI в.) - *Воронов, Шенкао 1982: 124-125, рис. 2, 31*; **14** - могильник Цибилиум-1, погр. 332 (V в.) - *Воронов 2003: 65, рис. 153, 9*; **15** - могильник Шапки (IV-VI вв.) - *Воронов 1975: 90-91, рис. 29, 7*; **16** - могильник Цибилиум-1, погр. 155 (V в.) - *Воронов 2003: 37, рис. 76, 9*; **17** - могильник Цибилиум-1, погр. 223 (IV в.) - *Воронов 2003: 47, рис. 105, 10*; **18** -

могильник Цибилиум-1, погр. 236 (IV в.) - *Воронов 2003: 49, рис. 109, 11; 19* - могильник Шапки (IV-VII вв.) - *Воронов 1975: 90-91, рис. 29, 11; 20* - могильник Абгыздраху-47 (VI-VII вв.) - *Воронов, Шенкао 1982: 124-125, рис. 2, 34; 21* - могильник Цибилиум-1, погр. 223 (IV в.) - *Воронов 2003: 47, рис. 105, 9; 22* - могильник Цибилиум-1, погр. 251 (IV в.) - *Воронов 2003: 51, рис. 118, 14; 23* - могильник Цибилиум-1, погр. 118 (IV в.) - *Воронов 2003: 32, рис. 52, 30; 24* - могильник Цибилиум-1, погр. 366 (IV-V вв.) - *Воронов 2003: 69, рис. 170, 8; 25* - с. Цабал Гулрыпшский район – частная коллекция.

Рис. 5 – наконечники дротиков с жальцами: **1** - могильник Церковный Холм-4 – 6 (сер. – втор. пол. VI в.) - *Воронов 1973: 176, рис. 6, 19; 2* - могильник Цибилиум-1, погр. 218 (V-VI вв.) - *Воронов 2003: 47, рис. 103, 6; 3* - могильник Шапки (втор. пол. IV-VII вв.) - *Воронов, Шенкао 1982: 124-125, рис. 2, 7; 4* - могильник Шапки (IV-VII вв.) - **Воронов 1975: 90-91, рис. 29, 9.**

Рис. 6 – наконечники дротиков квадратного сечения: **1** - могильник Хашупсы (III-IV вв.) - *Шамба 1974: 50, рис. 3, 9; 2* - могильник Ахьацарху-47 (IV-VII вв.) - *Воронов, Шенкао 1982: 124-125, рис. 2, 26; 3* - могильник Цибилиум-1, погр. 250 (IV в.) - *Воронов 2003: 51, рис. 84, 4; 4* - могильник Цибилиум-1, погр. 168 (V-VI вв.) - *Воронов 2003: 39, рис. 117, 9; 5* - могильник Цибилиум-1, погр. 251 (IV в.) - *Воронов 2003: 51, рис. 118, 13; 6* - могильник Юстинианов Холм-5 – 1 (IV в.) - *Воронов, Шенкао 1982: 124-125, рис. 2, 14.*

Рис. 7 – наконечники дротиков и подтоков круглого сечения: **1** - могильник Цибилиум-2, погр. 420 (V в.) - *Воронов 2003: 79, рис. 201, 20; 2* - *Воронов, Бгажба, Шенкао 1982: 26-27; 3* - могильник Цибилиум-10, погр. 456 (III в.) - *Воронов 2003: 86-87, рис. 216, 10; 4* - могильник Шапки (IV-VII вв.) - *Воронов 1975: 90-91, рис. 29, 3; 5* - могильник Цибилиум-1, погр. 162 (III в.) - *Воронов 2003: 38-39, рис. 79, 7, 9; 6* - могильник Шапки (IV-VII вв.) - *Воронов 1975: 90-91, рис. 29, 4; 7* - могильник Цибилиум-1, погр. 162 (III в.) - *Воронов 2003: 38-39, рис. 79, 6, 8.*

Рис. 7, 7.1 – варианты штамповок на наконечниках копий и дротиков;

Рис. 8 – аналогии листовидных наконечников копий и дротиков: **1, 2** – Красная Поляна и с. Веселое, Сочи Краснодарского края (VI-VII вв.) - *Воронов 1979: 78, 115*; **3, 4** - Южноозерейский могильник, близ Новороссийска (I – первой половины III вв.) - *Гавритухин, Пьянков 2003: 187-189, табл. 72: 19, 51*; **5** - могильник городища Беляус (IV-V вв.) - *Айбабин 2003: 21, табл. 6: 23*; **6-14** – Грузия: с. Бандза Мартвильского муниципалитета (II в.), с. Зеда-Гора муниципалитета Вани (I-II вв.), с. Зеда-Клдеети Зестафонского муниципалитета (II в.), Модинахская крепость Сачхерского муниципалитета (IV в.), с. Жинвали муниципалитета Душети (II в.), муниципалитет Чхороцку (II-III вв.), Цихисdziри (IV в.), Недзихский могильник (раннее средневековье) - *Gamkrelidze 2018: 19, 73, 98, 105, 116, 155, 156*; *Рамшвили 2003: 287-288, табл. 110: 19, 24*.

Рис. 9 – археологические раскопки и находки Э. Трапш в с. Анхуа Гудаутского района в 2013 г. (фото предоставлены Э. Трапш);

Рис. 10 – археологические предметы, изъятые у черных археологов в с. Ачмарда Гагрского района (фонды АГМ);

Рис. 11 – аналогии наконечников ромбического сечения и наконечники копий пламевидной формы: **1-5** – Грузия: с. Недзихи Душетского муниципалитета (III-IV вв.) - *Gamkrelidze 2018: 110, 132*; **6** - Stirfazi (I-V вв.) - *Gamkrelidze 2018: 110, 132, fig. 1*; **7** - могильник с. Бжид Туапсинского района Краснодарского края (IV в.) - *Гавритухин, Пьянков 2003: 190, табл. 74: 27*; **8** - могильник Агойского Аула (Карповка) Туапсинского района Краснодарского края - *Миллер 1909: 94, рис. 23, 1*; **9** – могильники в Литве (V-VI вв.) - *Седов 1987: 360, 383, 384, 393, 442*; **10** - Тушемлинская культур (V-VII вв.) - *Янин 2006: 430*; **11-14** - Фонтанелла (Австрия), Плайдельсхайма, Пфлаумхайма, Шрецхайма и Унтертюрхайма (VI-VII вв.) - *Cociş, Ursuţiu 2012: 43-46*.

Рис. 12 – **1** - наконечник копья ромбического сечения с боковыми выступами из Абхазии (случайная находка); **2** – протазан из Италии (XVI в.) - *аукцион*

Hermann Historica; **3** - мечи с «парирующими крюками» (XVI в.)- *Оружейная палата в Дрездене*.

Рис. 13 – вооружение адыгского воина, включающий наконечник копья ромбического сечения с боковыми выступами - *Шишлов, Кононенко 2006: 7-16*;

Рис. 14 – находки предметов вооружения черными археологами: **1** – Северный Кавказ, р. Чепси; **2** – наконечники копий; **3** – инвентарь из трех погребений, выполненных по обряду кремации.

Рис. 15 – наконечники копий ромбического сечения - *Казакявичус 1988: 40-42*;

Рис. 16 – реконструкция штампов для копий, произведенная мастерами-оружейниками на кузнице «Айнар»;

Рис. 17 – случайные находки наконечников копий из Абхазии (фонды АГМ);

Рис. 18 – наконечники копий ромбического сечения, один из которых имеет штамповку закрытого типа - *Джопуа, Ньюшков, Счастный 2022*;

Рис. 19 – аналогии наконечников копий со штамповкой: **1** - п. Кочеток и Красная Горка Харьковской области Украины (VII-VIII вв.) - *Комар, Сухобоков 2000*; **2, 3** – наконечники копий из апсильских могильников – *см. в типологии*; **4** - Модинахская крепость Сачхерского муниципалитета в Грузии (IV в.) - *Gamkrelidze 2018: 105, fig. 13, 15; 119, fig. 3*; **5** - Хаммельбург в Германии (конец V – начало VI вв.) - *Bitner-Wróblewska, Kontny 2006: 104-122*; **6** - Бурж в Центральной Галлии (474–507 гг.) - *Казанский, Перен 2014: 278*.

Рис. 20 – наконечники дротиков со свинцовым грузом из Абхазии и Европы: **1** – наконечники плюмбат, найденные в ходе цебельдинских экспедиций 1981-1982 гг. (сер. VI в.) - *Воронов, Бгажба, Шенкао, Логинов 1984: 74-77; Воронов, Бгажба, Шенкао. 1985: 65-67*; **2-4** – случайные находки наконечников плюмбат из Пицунды (III-IV вв.) - *Экспозиция музея Пицундского Государственного Историко-Архитектурного заповедника «Великий Питуунт»*; **5** – европейские наконечники плюмбат.

Рис. 21 – реконструкция береговой линии пицундского мыса: **1** – карта-схема Пицундского мыса - *Меншиков, Пешков 1980: 23*; **2, 3** – авторские карты-схемы.

Рис. 22 – наконечники копий вторичного использования из Абхазии: **1** – Цибилиум-8, п. 448 (4) (I в. до н.э. – I в. н.э.) - *Воронов 2003: Рис. 211, 29*; **2** – случайная находка - *Бгажба 1982, рис. 2, №180*; **3** – с. Кринички Балтского района Днепропетровской области III-V вв. - *Сымонович 1955: 245*; *Вознесенская 1972: 21*; *Магомедов, Левада 1996: 306*.

Рис. 23 – аналогии наконечников копий вторичного использования: **1** – Лебедевский могильник в Западном Казахстане (II-IV вв.) - *Мошкова 1989: 197*; **2** - Пшеворская культура в Польше - *Bartosz Kontny 2013: 197*; *Kokowski 2000: 307, fig. 5*; **3** - Белгородская область в России - *Радюш 2014: 236*; **4** – найден недалеко от г. Энгельс в Поволжье (втор. пол.V в.) - *Амброз 1989: 40*; **5** - могильник Дюрсо, п. № 248 (нач. VIII в.) - *Дмитриев 2003: 202, 253*; **6** – наконечники из Польши - *Czarnecka, 2019-2010. 111-132*.

Рис. 24 – пример двулезвийных клинков с вырезами по бокам;

Рис. 25 – кремневые и обсидиановые наконечники стрел с вертикальными вырезами: **1** – кремневый наконечник стрелы - *Воронов 2009: 293*; **2** - кремневый наконечник стрелы - *Воронов 2009: 196*; **3-6** - кремневые наконечники стрел - *Клещенко 2018: 91, рис. 1*; **7-9** - наконечники стрел из черного и дымчато-прозрачного обсидиана из Триалети - *Жоржикашвили, Гогадзе 1974: 89*.

Рис. 26 – бронзовые «зажимные» наконечники копий периода VIII-VII вв. до н.э. из могильника Нижняя Коя в Минусинской котловине Красноярского края - *Членова 1979: 138*; *Радлова 1894: 110*.

Рис. 27 – 31 – типология топоров из Абхазии - (*ссылки см. в каталоге*);

Рис. 32 – находки предметов вооружения с территории Грузии - <https://sputnik-georgia.ru/>;

Рис. 33 – фрагменты сцен с использованием римского топора на колонне Траяна: **1-2** – рубка леса; **3-5** – битва римлян с племенами даков; **4** – обработка скалы, либо каменистой почвы - *Cichorius 1896; 1900; Morell, Gori 1752*.

Рис. 34 – случайная находка топора цебельдинского типа и кирковидного топора из Крыма;

Рис. 35 – изображение топора цебельдинского типа на гуарапском камне - *Орелкин 1977: 199-218*; типология топоров айгуш: **1** – г. Батуми в Грузии; **2** – с. Мачара Гулрыпшского района; **3** – г. Гудаута, **4** – с. Дзыгута Сухумского района, **5, 6** – Эшерское городище, **7-9** – с. Цабал Гулрыпшского района, **10** – с. Лата Гулрыпшского района, **11** – с. Атара Очамчирского района.

Рис. 36 – типология топоров айгуш: **110** - могильник Цибилиум-1, погр. 83 (III в.) - *Воронов 2003: 26, рис. 40, 11*; **112** - могильник Цибилиум-10, погр. 456 (III в.) - *Воронов 2003: 86, рис. 216, 7*; **113** - могильник Цибилиум-12, погр. 462 (III-IV вв.) - *Воронов 2003: 89, рис. 218, 12*; **116** – могильник Цибилиум-12, погр. 463 (III-IV вв.) - *Воронов 2003: 89, рис. 221, 23*; **111** - Могильник Цибилиум-1, погр. 162 (III в.) - *Воронов 2003: 38, рис. 79, 13*; **114** - Село Лата Гулрыпшского района; **115** - Село Атара Гулрыпшского района - *Хотелашвили 1974: 38-39*.

Рис. 37 – типология мечей из Абхазии: **1** – случайная находка меча с кольцевым навершием из Цебельды (I-II вв.) - *Гунба, 1978: 79, табл. XLVII, 5; Воронов, Шенкао 1982: 128*; **2, 3** – мечи с кольцевыми навершиями из окрестностей города Сочи (II в. до н.э. – рубеж эр)- *Воронов 1979а: 61-71*; **4** - погребение № 226 могильника Опушки, расположенного в 15 км к востоку от Симферополя (втор. пол. I-пер. пол. II вв.) - *Храпунов, Стоянова 2019: 323-324*; **5** - могильник Цибилиум-1, погр. 77 (V в.) - *Воронов, 2003: рис. 37, 10*; **8** - могильник Цибилиум-1, погр. 61 (V в.) - *Воронов, 2003: рис. 28, 3*; **9-11** - с. Чхари Тержольского муниципалитета (I-II вв.), с. Жинвали Душетского муниципалитета (II в.), с. Зеда-Гора Ванского муниципалитета в Грузии (I-II вв.) - *Gamkrelidze, Shatberashvili, Pirtskhalava, Charkviani, Davlianidze 2018: 152-153; 114, 116; 72-73*.

Рис. 38 – типология мечей с долами из Абхазии: **1** - могильник Цибилиум-1, погр. 136 (IV-V вв.) - *Воронов, 2003: рис. 73, 22*; **2, 3, 17** – мечи типа «гладиусов» из могильника Цибилиум-1, погр. 102 (III-IV вв.), Цибилиум-3, погр. 456 (III в.), Цибилиум-1, погр. 97 (III в.) - *Воронов, 2003: 29, рис. 60, 26; 216, 13; 50, 9*; **4** - могильник Апушта, погр. 2 (IV-VI вв.) - *Воронов 1982: 48, рис. 21, 34*; **5** - с. Ачандара (III в.) - *Гунба, 1978: табл. L, 10*; **6** - могильник Цибилиум-1, погр. 275 (IV в.) - *Воронов, 2003: рис. 129, 17*; **7** - могильник Цибилиум-1, погр. 257 (V в.) - *Воронов, 2003: рис. 120, 18*; **8** - могильник Цибилиум-2, погр. 356 (IV в.) - *Воронов, 2003: рис. 129, 17*; **9** - могильник в с. Мачара (IV-VII вв.) - *Бгажба, Воронов, 1980: рис. 9, 1*; **10** - могильник Цибилиум-2, погр. 349 (V в.) - *Воронов, 2003: рис. 162, 12*; **11** - могильник Цибилиум-2, погр. 312 (IV в.) - *Воронов, 2003: рис. 145, 11*; **12** - могильник Абгыдзраху, погр. 12 (III-IV вв.) - *Трапи, 1971: 144, табл. VI, 15*; **13** - могильник Азанта (V-VI вв.) - *Воронов, Бгажба, 1990: рис. 24, 18*; **14** - могильник Верин холм (втор. пол. VI-перв. пол. VII вв.) - *Воронов, Шенкао 1982: рис. 23, 3*; **15** - могильник Ахаччархва, погр. 1 (III-IV вв.) - *Шамба, 1965: 262-266, рис. 2, 6*; **16** - могильник Цибилиум-2, погр. 399 (V в.) - *Воронов, 2003: рис. 191, 7*; **18** - могильник Абгыдзраху, погр. 27 (III-IV вв.) - *Трапи, 1971: 144, табл. XI, 9*; **21** - могильник Цибилиум-1, погр. 61 (V в.) - *Воронов, 2003: рис. 28, 1*; **22** – с. Анухва (кон. V-пер. пол. VII вв.) - *Воронов, 2016; Гунба, 1978: 78, табл. XLVII, 3*; **23** – могильник Церковный холм-4, погр. 5 (сер.-втор. пол. VI в.) - *Воронов, Юшин, 1973: рис. 5, 27*; **24** - могильник Цибилиум-1, погр. 250 (IV в.) - *Воронов, 2003: рис. 117, 11*; **25** - урочище Пышта, с. Верхняя Эшера (VII в.) - *Воронов, Бгажба, 1979: рис. 1, 1, 1a*; **26** - Гудаута (VII в.) - *Воронов, Бгажба, 1979: рис. 1, 22*; **27** - могильник Лар, погр. 1 (втор. пол. VI-перв. пол. VII вв.) - *Воронов 1982: рис. 13, 4*.

Рис. 39 – типология мечей линзовидного сечения из Абхазии: **1** - могильник Цибилиум-1, погр. 28 (кон. III-пер. пол. IV вв.) - *Воронов, 2003: рис. 5, 27*; **2** - могильник Цибилиум-2, погр. 295 (IV-V вв.) - *Воронов, 2003: рис. 138, 13*; **3** -

могильник Абгыздраху, погр. 44 (IV в.) - *Трапи* 1971: 143, табл. XLVI, 5; **4** - могильник Лар, погр. 5 (IV в.) - *Воронов* 2009: 395-396, рис. 15, 11; **5** - могильник Цибилиум-2, погр. 295 (IV-V вв.) - *Воронов*, 2003: рис. 138, 14; **6** - Апианча, погр. 40 (втор. пол. III-IV вв.) - *Гунба*, 1978: табл. XXXIX, 5; **7** - могильник Цибилиум-1, погр. 119 (IV в.) - *Воронов*, 2003: рис. 60, 9; **8** - могильник Цибилиум-1, погр. 236 (IV в.) - *Воронов*, 2003: рис. 109, 13; **9** - могильник Цибилиум-1, погр. 60 (V в.) - *Воронов*, 2003: рис. 25, 25; **10** - могильник Абгыздраху, погр. 13 (III-IV вв.) - *Трапи*, 1971: 144, табл. VII, 8; **11** - могильник Ахьацараху, погр. 6 (III-IV вв.) - *Трапи*, 1971: 144, табл. XXXIV, 11; **12** - могильник Цибилиум-1, погр. 133 (V в.) - *Воронов*, 2003: рис. 69, 9; **13** - могильник Цибилиум-1, погр. 155 (V в.) - *Воронов*, 2003: рис. 76, 10; **14** - могильник Цибилиум-1, погр. 229 (IV в.) - *Воронов*, 2003: рис. 107, 9; **15** - могильник Цибилиум-1, погр. 248 (IV в.) - *Воронов*, 2003: рис. 116, 24; **16** - могильник Ахаччархва, погр. 1 (III-IV вв.) - *Шамба*, 1965: 262-266, рис. 2, 6; **17** - Апианча, п. 19 (III-IV вв.) - *Гунба*, 1978: табл. XVIII, 1; **18** - могильник Цибилиум-1, погр. 183 (IV в.) - *Воронов*, 2003: рис. 83, 19; **19** - мик-он Мацеста, Сочинский район Краснодарского края РФ (II в.) - *Шамба*, 1970: рис. 1, 10; **20** - мик-он Мацеста, Сочинский район Краснодарского края РФ (III в.) - *Воронов*, 1979: рис. 38, 1; **21** - могильник Церковный холм-4, погр. 4 (сер.-втор. пол. VI в.) - *Воронов*, *Юшин*, 1973: рис. 4, 30.

Рис. 40 – типология однолезвийных клинков из Абхазии: **1** - могильник Цибилиум-1, погр. 180 (V в.) - *Воронов*, 2003: рис. 84, 24; **2** - могильник Цибилиум-2, погр. 295 (IV-V вв.) - *Воронов*, 2003: рис. 138, 12; **3** - могильник Цибилиум-2, погр. 420 (V в.) - *Воронов*, 2003: рис. 201, 22; **4** - могильник Цибилиум-1, погр. 171 (V в.) - *Воронов*, 2003: рис. 85, 9; **5** - Апианча, погр. 40 (втор. пол. III-IV вв.) - *Гунба*, 1978: табл. XXXIX, 4; **6** - могильник Цибилиум-3, погр. 429 (V в.) - *Воронов*, 2003: рис. 206, 9; **7** - могильник Цибилиум-2, погр. 383 (V в.) - *Воронов*, 2003: рис. 181, 6; **8** - могильник Цибилиум-2, погр. 399 (V в.) - *Воронов*, 2003: рис. 191, 8; **9** - могильник Апушта, погр. 23 (IV-V вв.) -

Воронов, 1982: рис 28, 32; 10 - могильник Цибилиум-1, погр. 85 (V в.) - *Воронов, 2003: рис. 41, 8; 11* - могильник Цибилиум-3, погр. 435 (V в.) - *Воронов, 2003: рис. 209, 12; 12* - могильник Церковный холм-4, погр. 5 (сер.-втор. пол. VI в.) - *Воронов, Юшин, 1973: рис. 5, 26; 13* - могильник Цибилиум-1, погр. 77 (V в.) - *Воронов, 2003: рис. 37, 9; 14* - могильник Цибилиум-2, погр. 310 (VI в.) - *Воронов, 2003: рис. 142, 6; 15* - могильник Верин холм, погр. 5 (втор. пол. V в.) - *Воронов, Бгажба, 1990: рис. 23, 2; 16* - могильник Юстинианов холм-3, погр. 2 (нач. VII в.) - *Воронов, Юшин, 1973: рис. 11, 17; 17* - могильник Церковный холм-4, погр. 7 (рубеж VI-VII вв.) - *Воронов, Юшин, 1973: рис. 7, 22; 18* – Анухва (кон. V- пер. пол. VII вв.) - *Воронов, 2016; Гунба, 1978 табл. XLVII, 2; 19* - могильник Церковный холм-4, погр. 6 (сер.-втор. пол. VI в.) - *Воронов, Юшин, 1973: рис. 6, 20; 20* - могильник Абгыздраху (III-V вв.) - *Трапиш 1963: 264, рис. 5, 2; 21* - могильник в с. Мачара (VI-VII вв.) - *Бгажба, Воронов, 1980: рис. 9, 2; 22* - могильник Абгыздраху, погр. 47 (V в.) - *Трапиш, 1971: 144, табл. XXV, 4; 23* - могильник Цибилиум-2, погр. 362 (V в.) - *Воронов, 2003: рис. 169, 2; 24* - могильник Цибилиум-3, погр. 434 (IV в.) - *Воронов, 2003: рис. 208, 16.*

Рис. 41 – мечи с кольцевыми навершиями из музеев г. Сочи Краснодарского края;

Рис. 42 – **1-5** - клинки с ачмардинского могильника Гагрского района; **1а, 2а** - реплика апсильского меча, подаренного первому президенту Республики Абхазия В.Г. Ардзинба;

Рис. 43 – мечи со следами ремонта из Абхазии и их аналогии: **1** - могильник Шапка – Церковный холм 4, погребение 5; **2** - погребение из с. Анхуа Гудаутского района; **3** - могильник Абгыздраху, погребение 44; **4** - могильник Абгыздраху, погребение 12; **5** - погребение гуннского времени из Федоровки; **6** - меч III в. типа Лауриакум-Хромовка из скопления А в Иллерупе; **7** - клинок из Цебельды - *Бгажба, Терехова, Розанова 1990: 191.*

Рис. 44 – клинки из могильника Кичмалка II в Кабардино-Балкарской Республике – *Ахмедов, Васильева, Хаврин 2015: 13-16; Ахмедов, Васильева, Хаврин 2016: 238;*

Рис. 45 – рентгенографическое исследование древнеабхазских мечей и их сравнение с аналогиями из Кабардино-Балкарии;

Рис. 46 – сравнение декоративных элементов на мечах из Абхазии: **1** – могильник Шапки-Верин холм (втор. пол. VI-перв. пол. VII вв.) - *Воронов, Шенкао 1982: рис. 23, 3;* **2** – Гагра-Цихерва (VI-VII вв.) – *Воронов 1979;* **3-7** – мечи персидского типа – *Вона I.*

Рис. 46а – реконструкция процессов изготовления железных предметов по Р. Плейнеру;

Рис. 47 – изображение древнеабхазского воина с луком дуговидной формы; изображения луков восточного типа на монетах, блюде: **1** – рисунок Б.Р. Джапуа; **2** - сцена охоты на позолоченном серебряном блюде, изображающего Хосрова I Ануширвана VI в.; **3** - сасанидские воины. Серебряное блюдо - *собрание Гос. Эрмитажа;* **4** - сасанидская ткань VI-VII вв. - *Берлин. Прага. Художественно-промышленный музей;* **5** - аверс монеты Кумара- гупты I. В руках царя можно видеть «сасанидский» лук (около 416— 450 гг. н.э.) - *Национальный музей, Дели;* **6** - монета Аршака II - правителя Парфии из династии Аршакидов, сына и преемника основателя династии Аршака I (247-211 гг. до н.э.).

Рис. 48 – изображение лука на предметах, найденных в ходе археологических раскопок в Абхазии: **1, 2** – импортная серебряная одночленная фибула (IV в.) и перстень с печаткой (IV в.) - *Воронов, 2003: 42–43, 50, погр. 192, 248;* **3** – алтарная плита с изображением святого Евстафия Плакиды из с. Цабал - *Хрушкова, 1980: 58.*

Рис. 49 – процесс изготовления простого лука мастером-оружейником Б.Р. Джапуа;

Рис. 50 – простые луки из акации, изготовленные мастером-оружейником Б.Р. Джапуа;

Рис. 51 – обучение школьников стрельбе из луков в Гудаутском районе;

Рис. 52 – наконечники стрел: **1, 2** (III-IV вв.) - *Воронов, Шенкао 1982: 122-124*, рис. 1, 1; **1a** (III-IV вв.) – *Воронов 2003: 44*, рис. 97, 12, 14; **3** - (кон. IV-V вв.) - *Воронов, Шенкао 1982: 122-124*, рис. 1, 2; **4** - (кон. IV-V вв.) *Воронов, Шенкао 1982: 122-124*, рис. 1, 3; **5** - (кон. IV-V вв.) *Воронов, Шенкао 1982: 122-124*, рис. 1, 4; **6** - (сер. VI в.) *Воронов, Шенкао 1982: 122-124*, рис. 1, 25; **7** - (сер. VI в.) *Воронов, Шенкао 1982: 122-124*, рис. 1, 26; **8** - (сер. VI в.) *Воронов, Шенкао 1982: 122-124*, рис. 1, 27; **9** - (сер. VI в.) *Воронов, Шенкао 1982: 122-124*, рис. 1, 28; **10** – (VI в.) *Воронов, Шенкао 1982: 122-124*, рис. 1, 13; **12** - (VI в.) *Воронов, Шенкао 1982: 122-124*, рис. 1, 12; **13** - (VI в.) *Воронов, Шенкао 1982: 122-124*, рис. 1, 9; **14** - (кон. IV-V вв.) *Воронов, Шенкао 1982: 122-124*, рис. 1, 7; **15** - (кон. IV-V вв.) *Воронов, Шенкао 1982: 122-124*, рис. 1, 8; **16** - (кон. IV-V вв.) *Воронов, Шенкао 1982: 122-124*, рис. 1, 10; **17** - (кон. IV-V вв.) *Воронов, Шенкао 1982: 122-124*, рис. 1, 11; **18** - (VI в.) *Воронов, Шенкао 1982: 122-124*, рис. 1, 14; **19** - (сер. VI в.) *Воронов, Шенкао 1982: 122-124*, рис. 1, 16; **20** - (сер. VI в.) *Воронов, Шенкао 1982: 122-124*, рис. 1, 23; **21** - (сер. VI в.) *Воронов, Шенкао 1982: 122-124*, рис. 1, 24; **22** - (сер. VI в.) *Воронов, Шенкао 1982: 122-124*, рис. 1, 17; **23** - (сер. VI в.) *Воронов, Шенкао 1982: 122-124*, рис. 1, 18; **24** - (сер. VI в.) *Воронов, Шенкао 1982: 122-124*, рис. 1, 19; **25** - (сер. VI в.) *Воронов, Шенкао 1982: 122-124*, рис. 1, 20; **26** - (сер. VI в.) *Воронов, Шенкао 1982: 122-124*, рис. 1, 21; **27** - (сер. VI в.) *Воронов, Шенкао 1982: 122-124*, рис. 1, 22; **28** – (кон. IV-V вв.) *Воронов, Шенкао 1982: 122-124*, рис. 1, 5; **29** - (кон. IV-V вв.) *Воронов, Шенкао 1982: 122-124*, рис. 1, 6; **30** – (сер. VI в.) *Воронов, Шенкао 1982: 122-124*, рис. 1, 15; **31** - костяные обкладки лука (IV в.) - *Воронов, Шенкао 1982: 122-124*;

Рис. 53 – 1-7 – двуругие наконечники стрел «афырхы» («абырзал») из разных мест Абхазии; **1а** – изображение двурукого наконечника на алтарной плите из Цебельды - *Хрушкова, 1980: 58.*

Рис. 54 – фрагменты кольчуги и панцирные пластины из Цебельды (фотоархив семьи Ю.Н. Воронова);

Рис. 55 – сопоставление панцирных пластин из Абхазии и Керчи - *Кубарев, Журавлев 2012: 135-141;*

Рис. 56 – 61 – панцирные пластины из крепости Цибилиум (фотоархив семьи Ю.Н. Воронова);

Рис. 62 – авторская реконструкция части доспеха, обнаруженного в ходе раскопок крепости Цибилиум - *Гунба 1983: 37;*

Рис. 63 – европейский доспех с грангардой - [https://ru.pinterest.com/pin/365143482295266098/;](https://ru.pinterest.com/pin/365143482295266098/)

Рис. 64 – основные типы панцирных пластин из Абхазии;

Рис. 65 – реконструкция панцирного доспеха мастером Б.Р. Джапуа;

Рис. 66 – типология древнеабхазских щитов и умбонов (IV-VII вв.) - *Воронов, Шенкао 1982: 132-133;*

Рис. 67 – изображения щитов с умбонами на колонне Траяна; карта распространения конических умбонов - *Cichorius 1896; 1900; Morell, Gori 1752.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

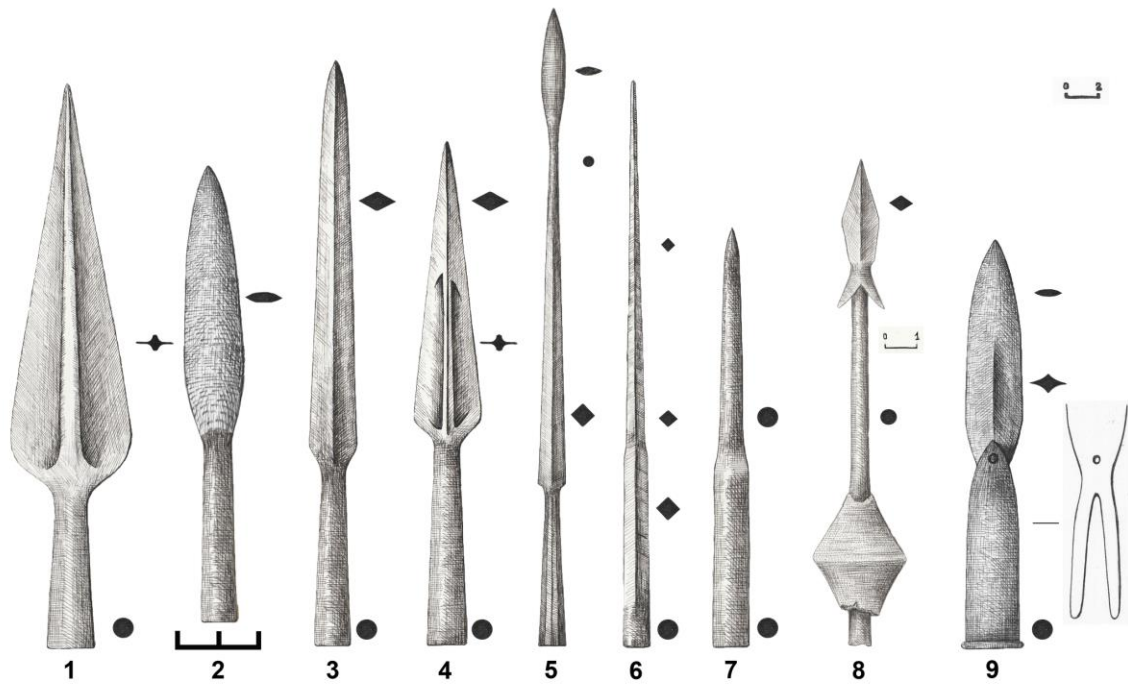

Рис. 1

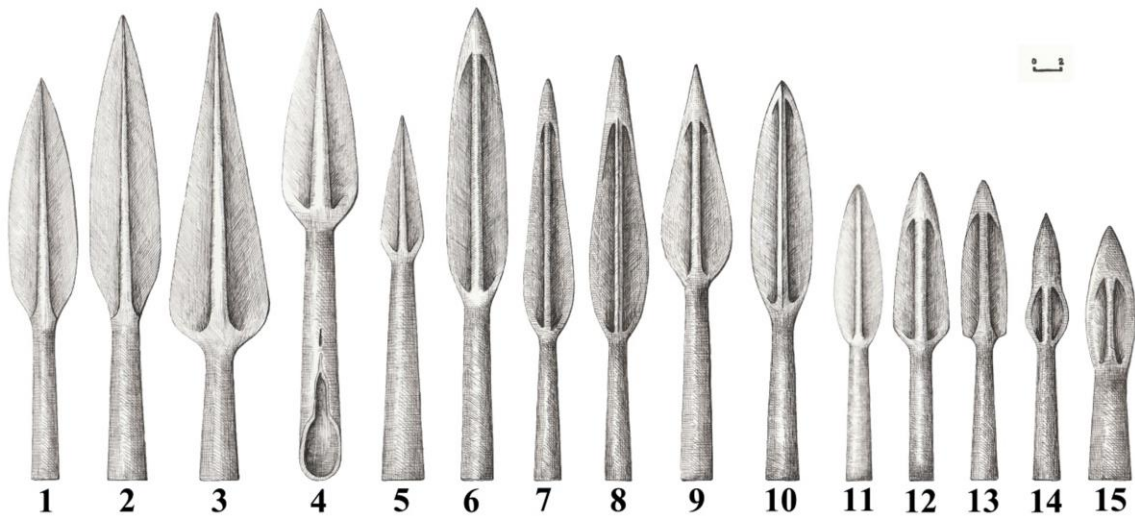

Рис. 2

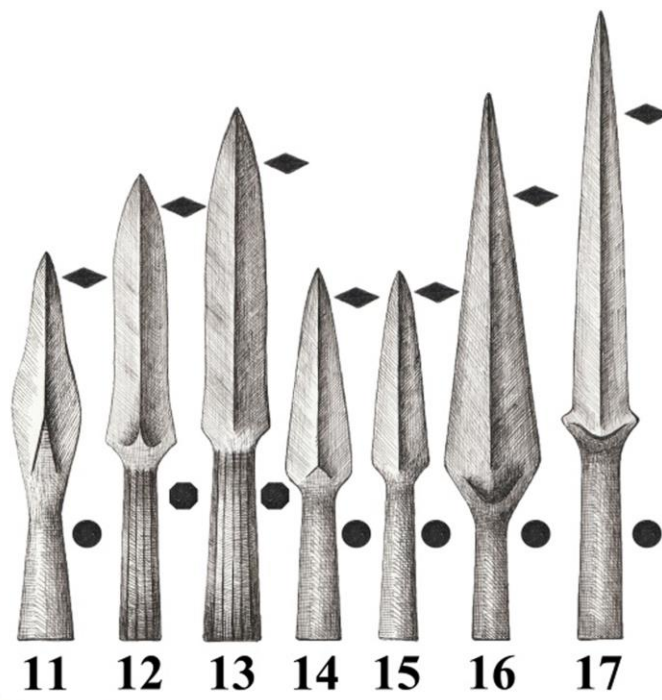
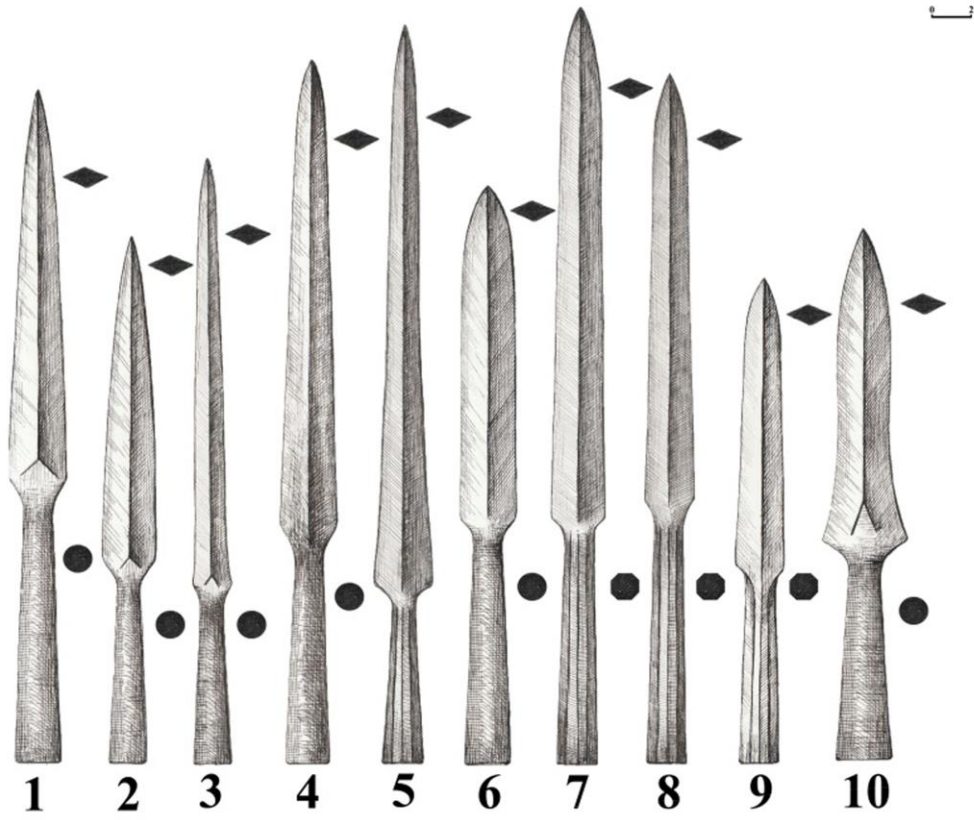

Рис. 3

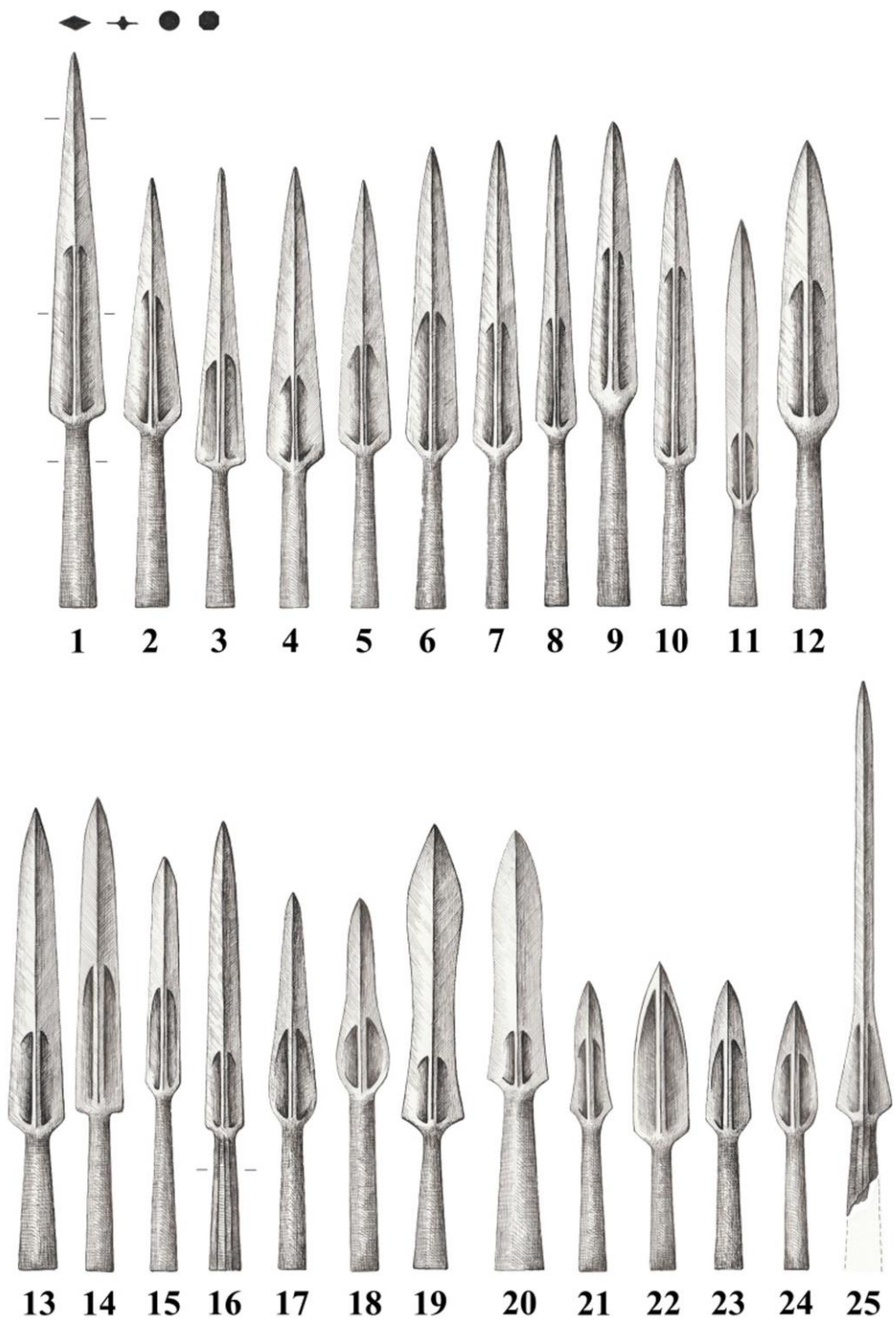

Рис. 4

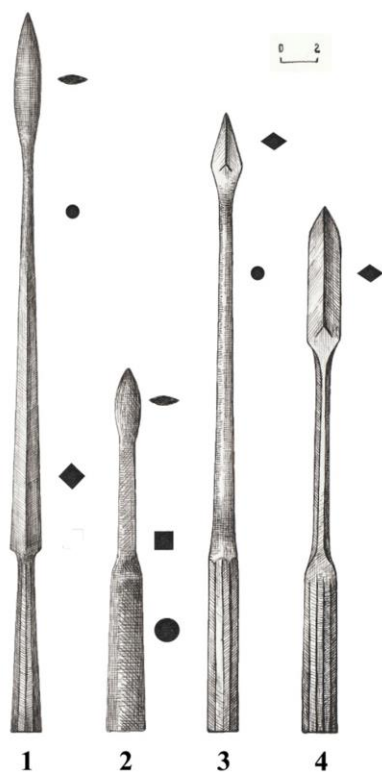

Рис. 5

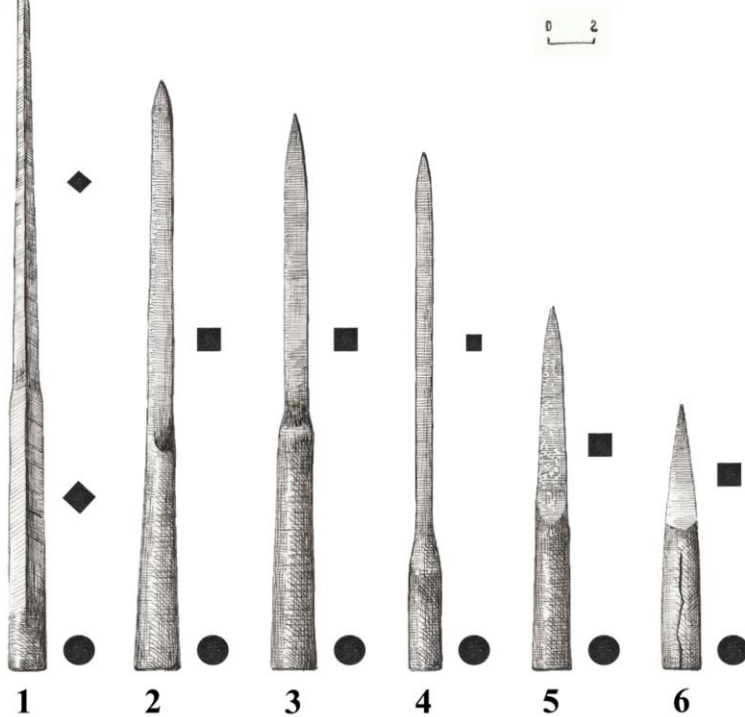

Рис. 6

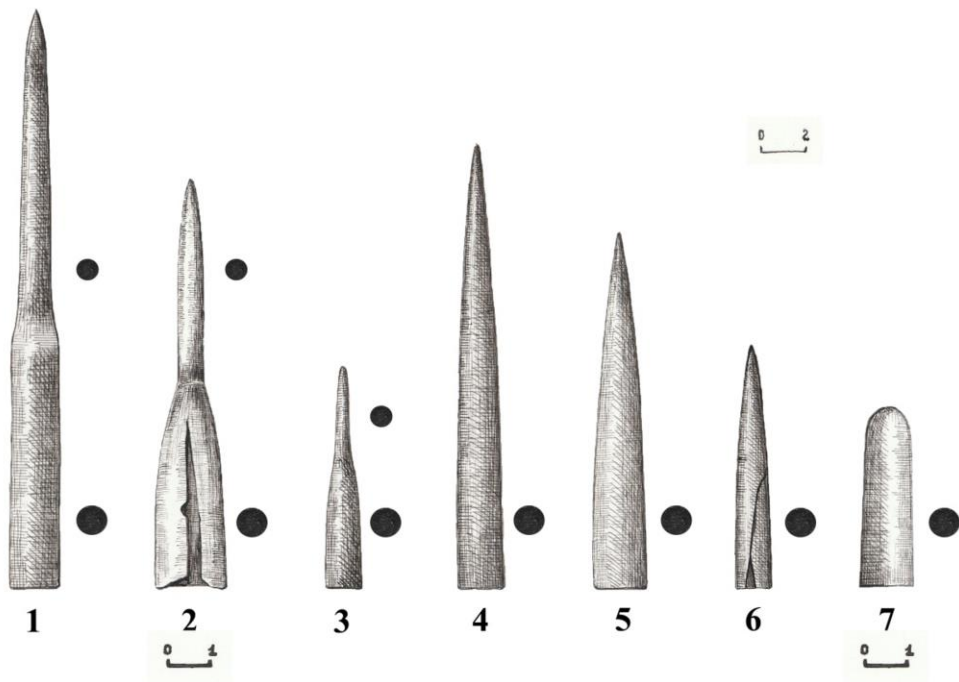
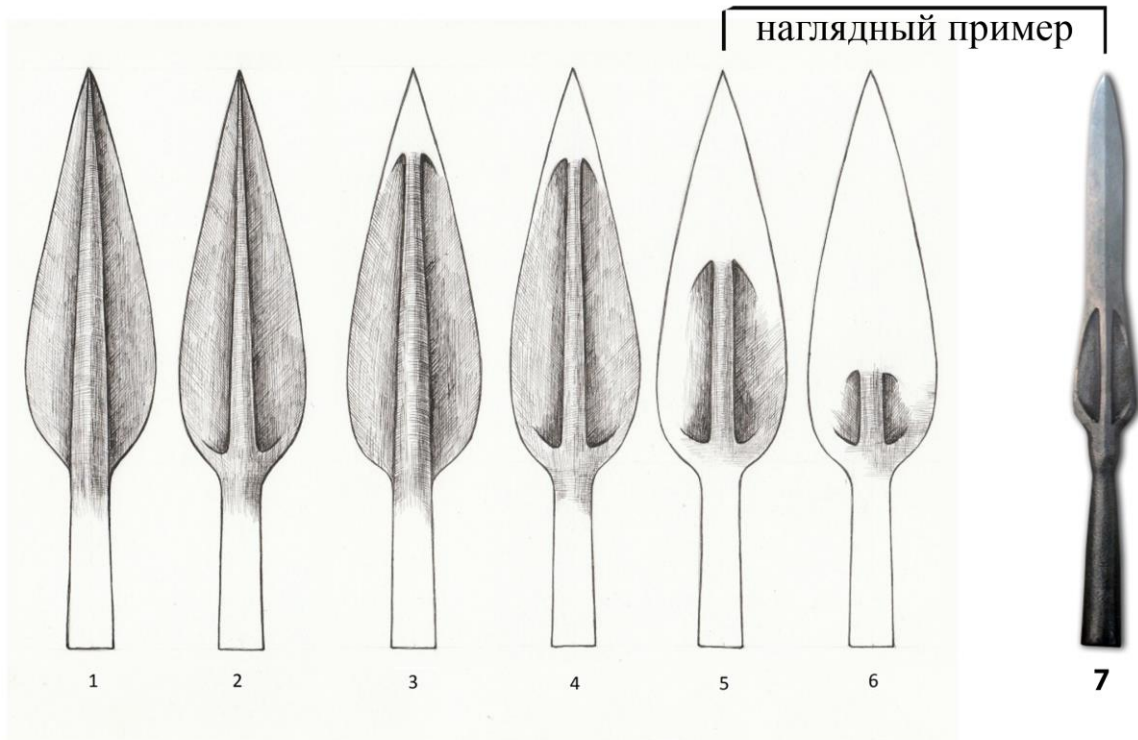

Рис. 7

7 - наконечник копья, откованный в кузнице «Айнар»

Рис. 7.1

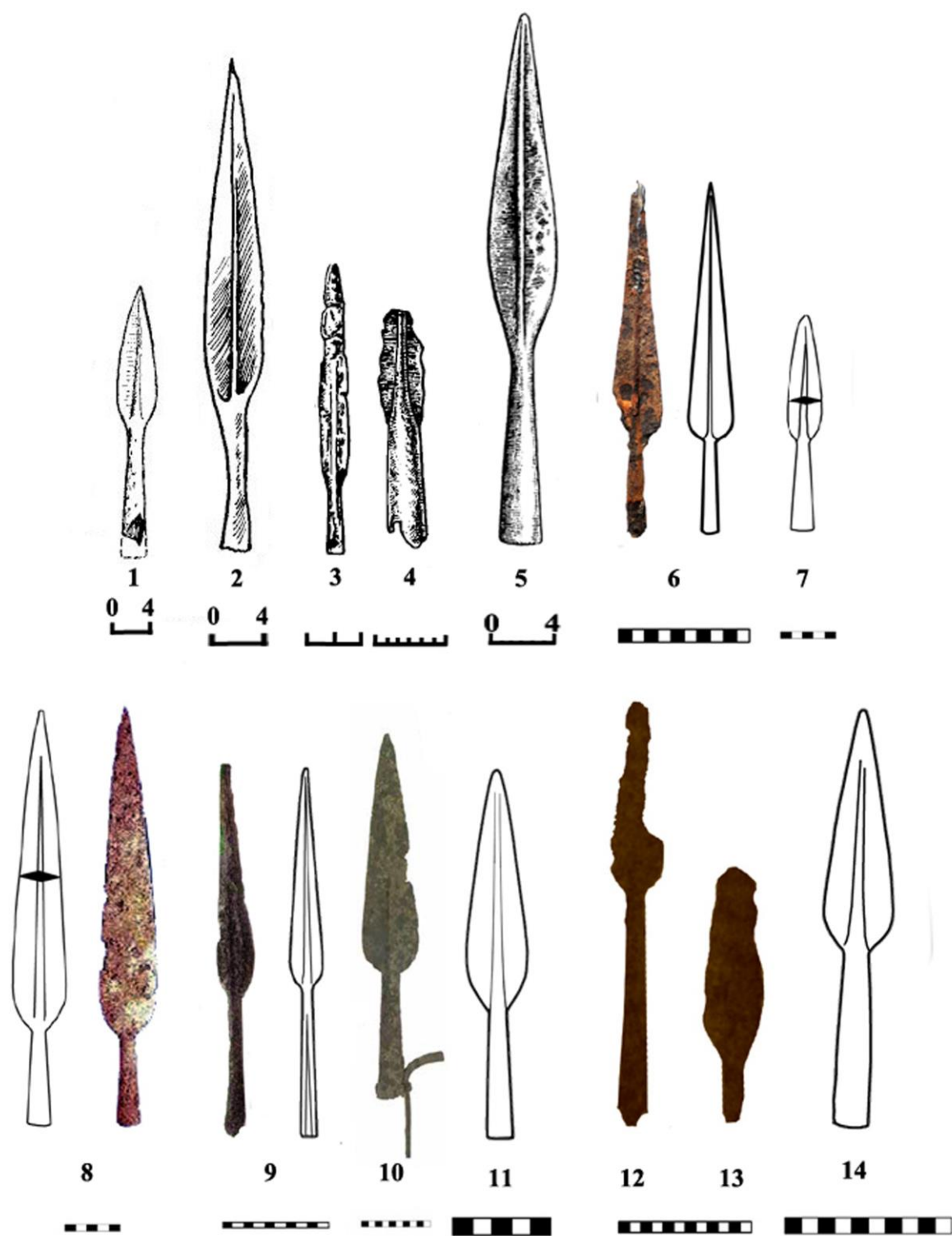

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

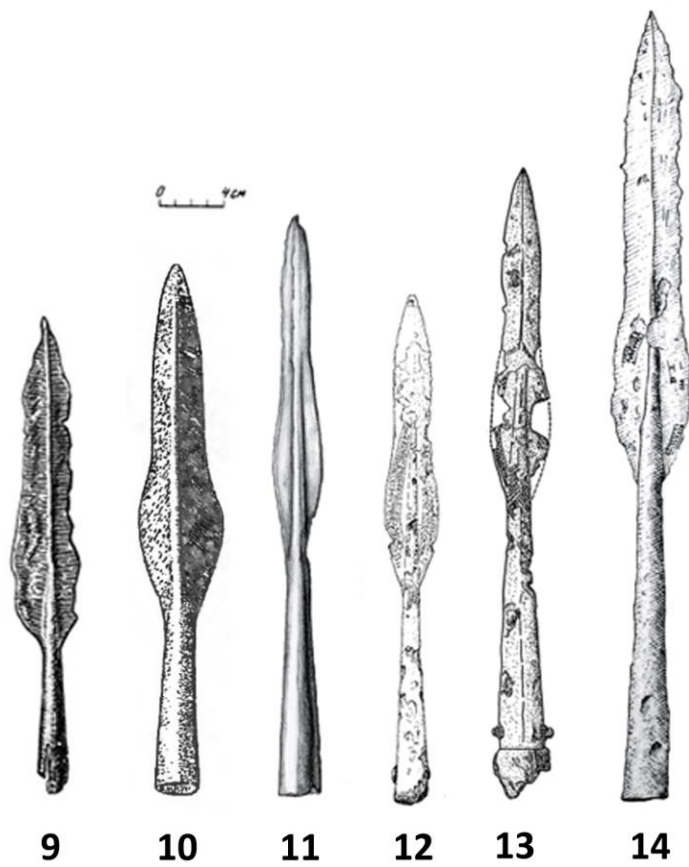
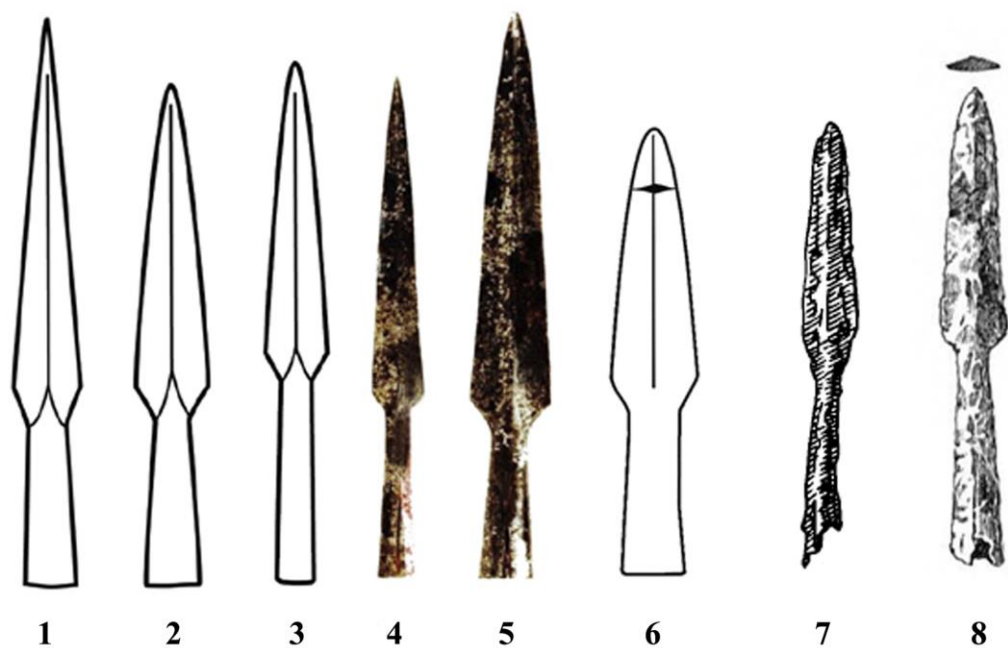

Рис. 11

**1 - наконечник из фондов АГМ;
2 - протазан XVI в. (Италия); 3 - мечи с «парирующими
крюками» XVI в. (Оружейная палата Дрездена)**

Рис. 12

Вооружение адыгского воина (Шишлов А.В.)

Рис. 13

1

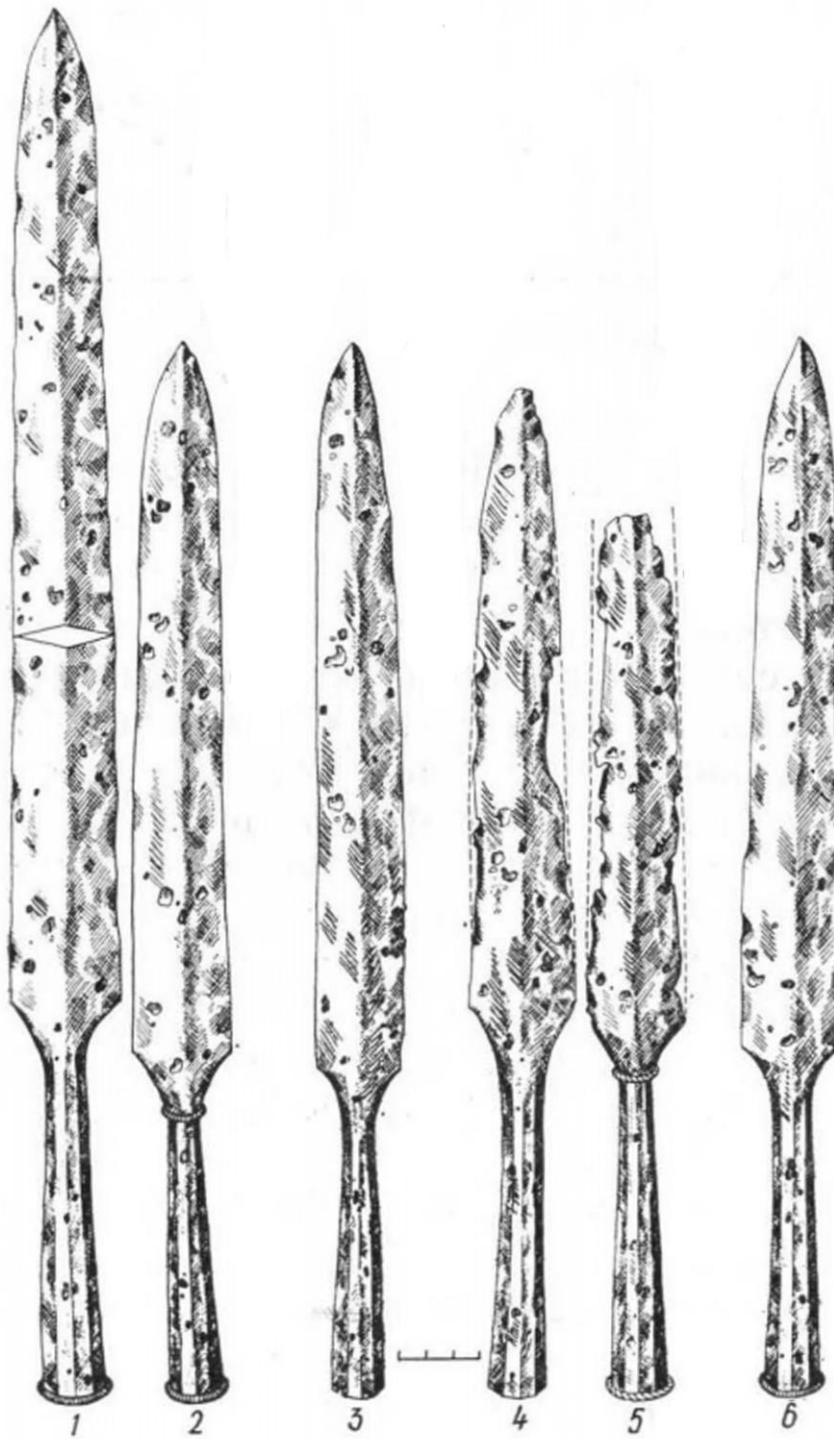
2

3

1 - Сев. Кавказ, р. Чепси. Найдено два однотипных наконечника копья, наконечники стрел плохой сохранности и сабля; 2 - наконечники копий из одного комплекса; 3 - инвентарь из трех погребений, выполненных по обряду кремации.

Рис. 14

Наконечники копий III типа (Казаквичус В.)

Рис. 15

Рис. 16

Рис. 17

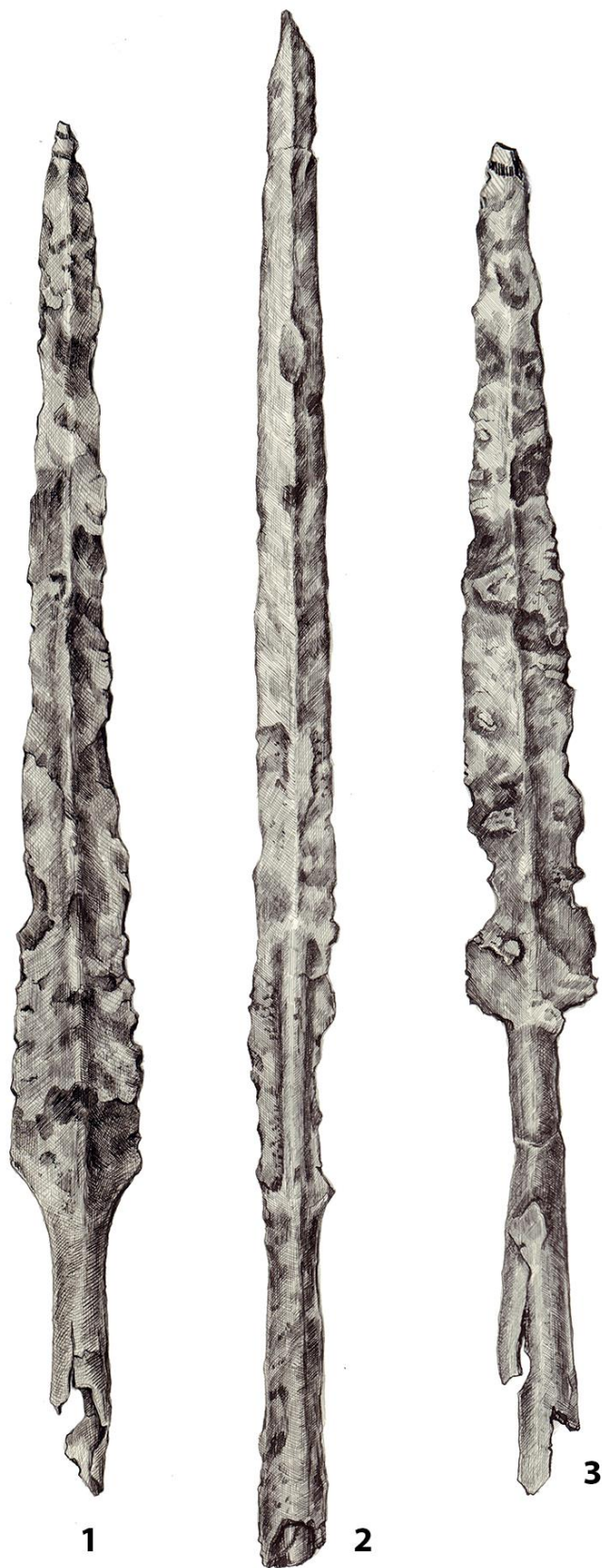

Рис. 18

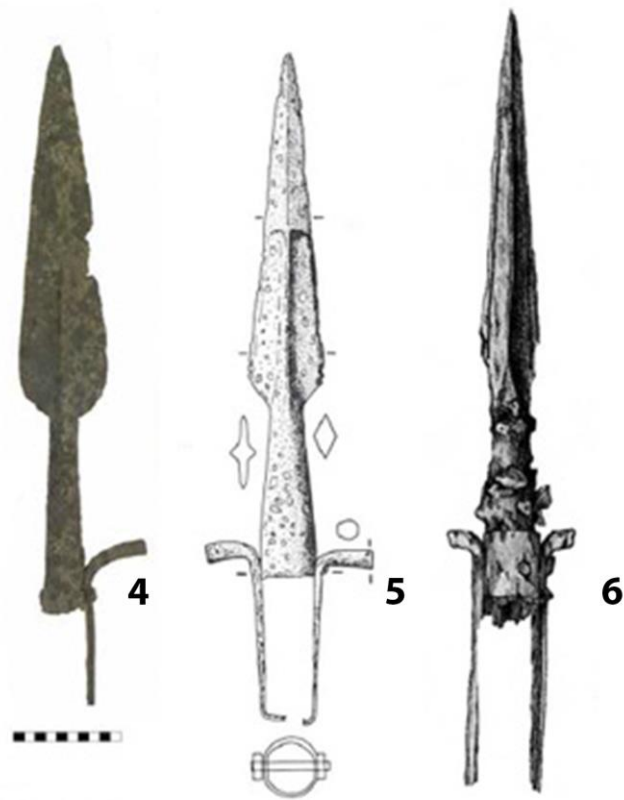
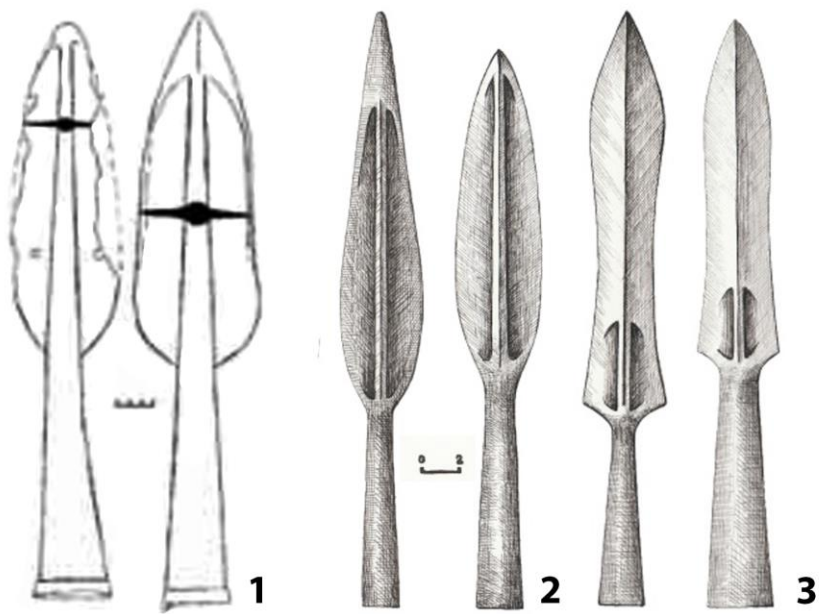
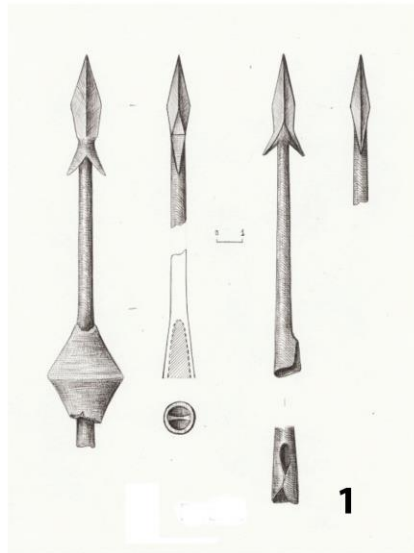
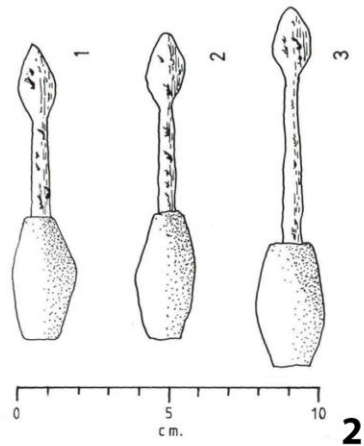

Рис. 19

1

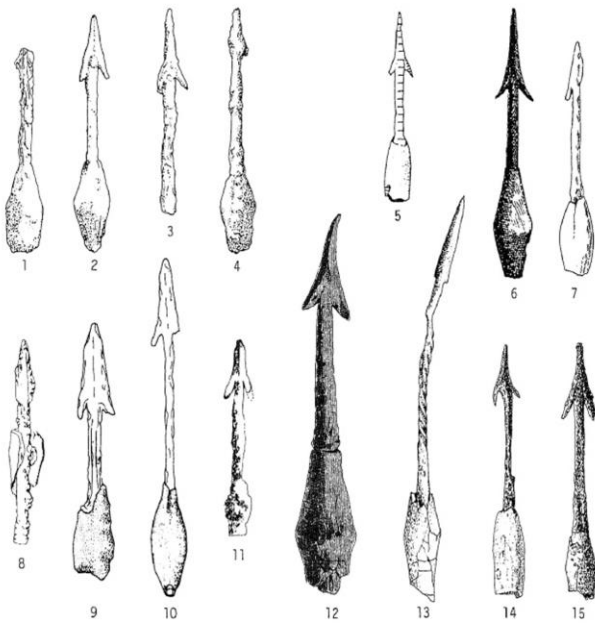
2

3

4

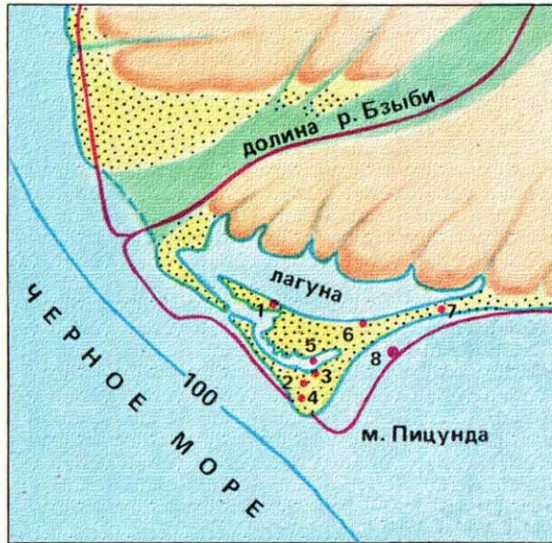

Rudolf Degen.
Plumbatae Wurfgeschosse der Spätantike.
 (Наконечники плюмбат из разных районов Европы)

Wurfgeschosse mit Bleibesicherung (Plumbatae). Eine Auswahl von Exemplaren von verschiedenen Fundstellen des spätantiken römischen Imperiums. 1-4: Wroxeter, 5: Richborough, 6: Strassburg, 7: Augst (?), 8: Hrušica, 9: Utik bei Ljubljana, 10: Ljubljana bei Vrhnika, 11: Predjama bei Postojna, 12: Mainz, 13: Pilismarát, 14: Deutsch Altenburg, 15: «Pannonien».

5

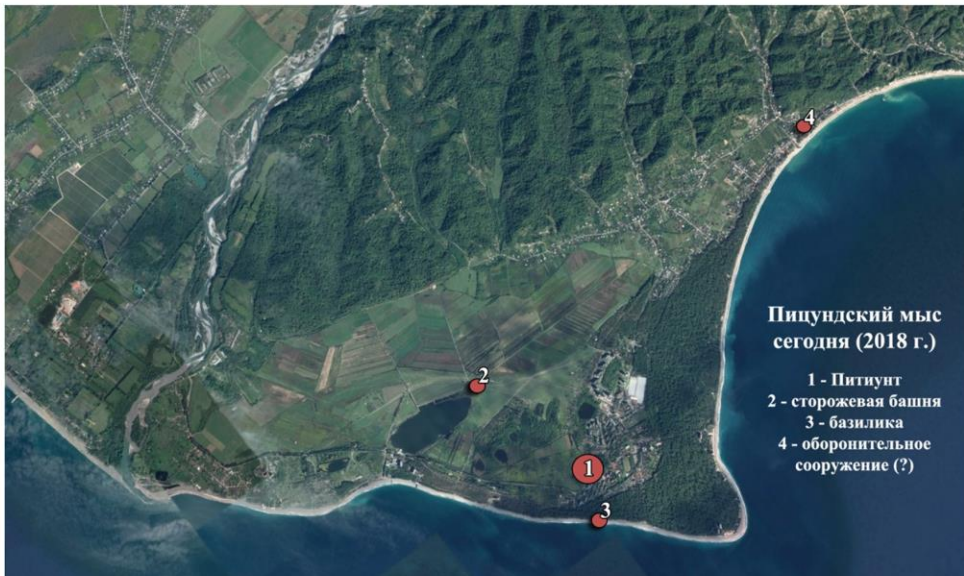
Рис. 20

- 1—сторожевая башня;
- 2—римское кладбище II—III вв. н. э.;
- 3—Питиунт; 4—церковь
- VI—VII вв.; 5—внутренняя гавань
- Питиунта; 6,7—оборонительные
- сооружения IV—VI вв.;
- 8—предполагаемое положение
- греческого Питиуса

Меншиков В.Л., Пешков В.М.
 Берег Пицунды: факты и гипотезы. «Мысль».
 Москва. 1980.

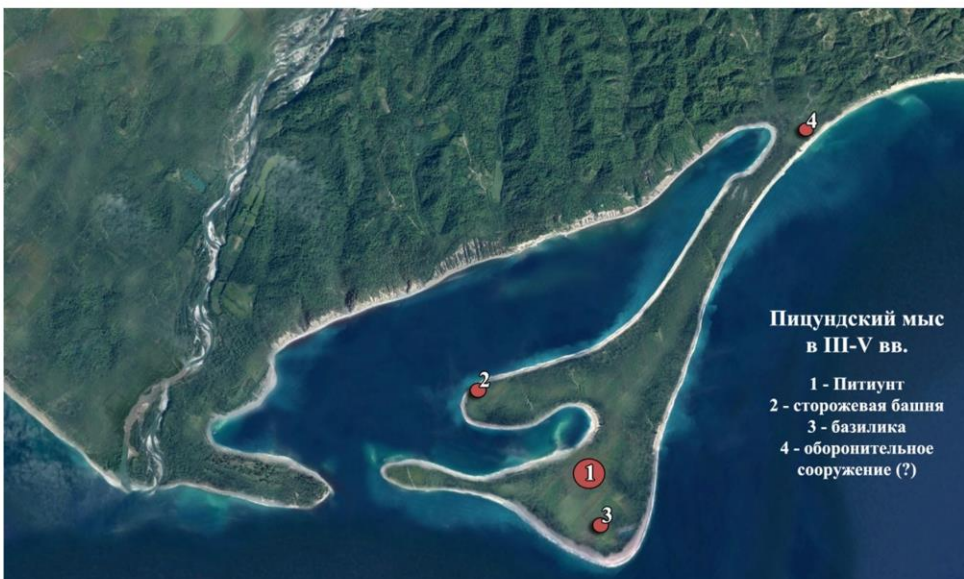
1

Пицундский мыс
 сегодня (2018 г.)

- 1 - Питиунт
- 2 - сторожевая башня
- 3 - базилика
- 4 - оборонительное
- сооружение (?)

2

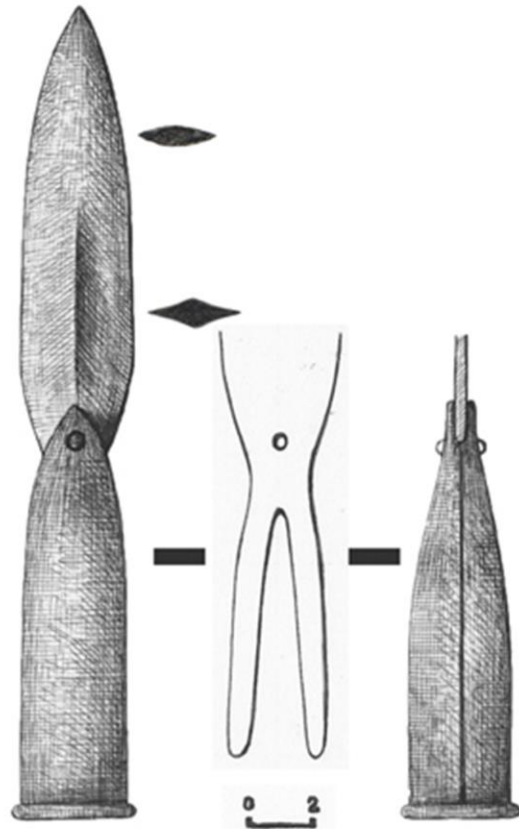

Пицундский мыс
 в III-V вв.

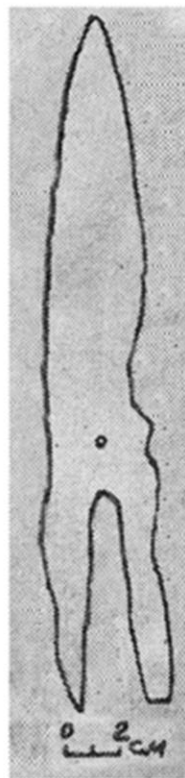
- 1 - Питиунт
- 2 - сторожевая башня
- 3 - базилика
- 4 - оборонительное
- сооружение (?)

3

Рис. 21

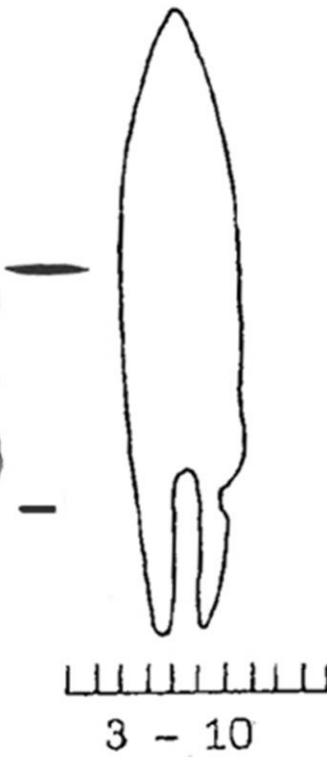
1

2

3

4

Рис. 22

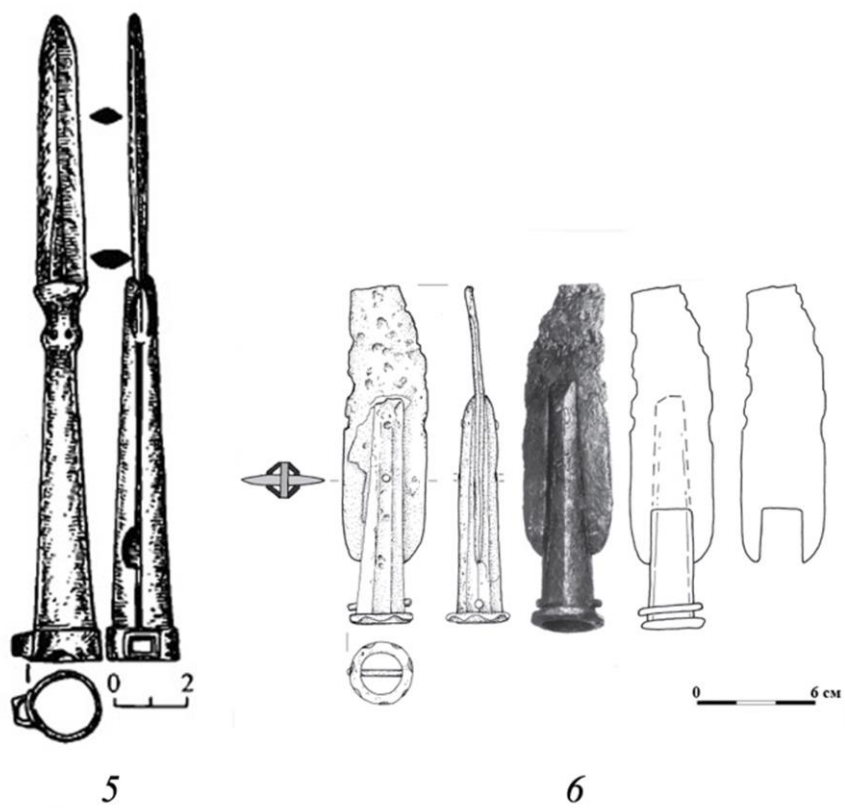
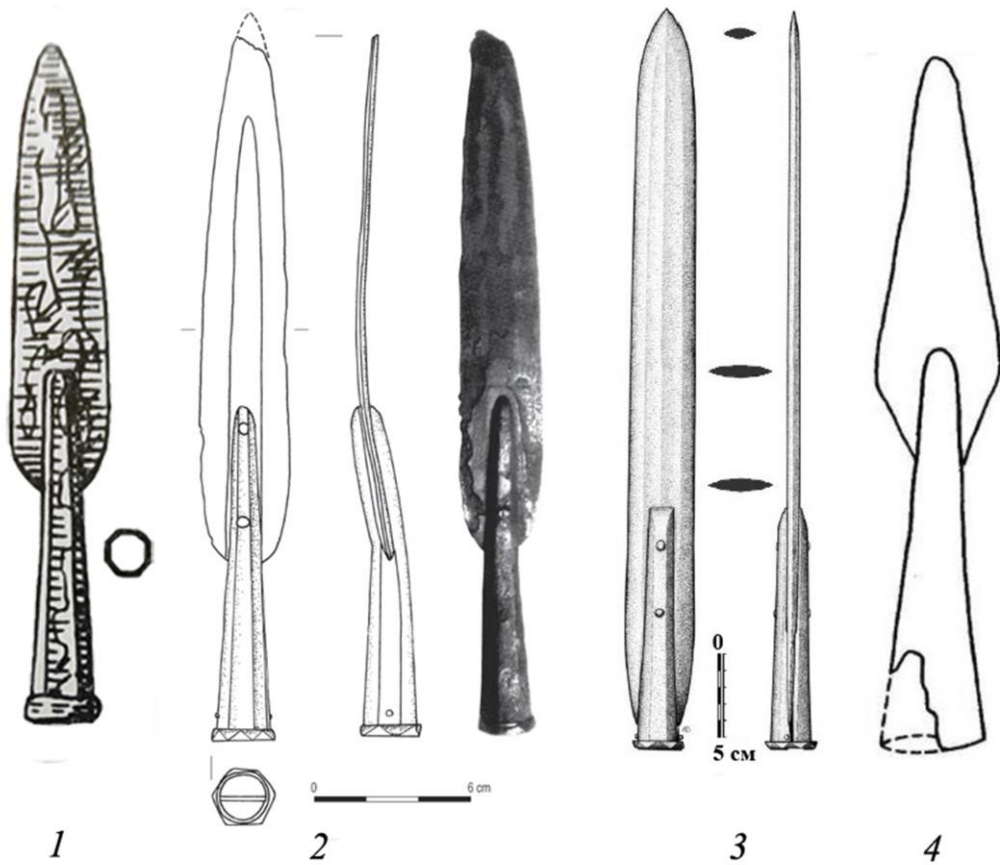

Рис. 23

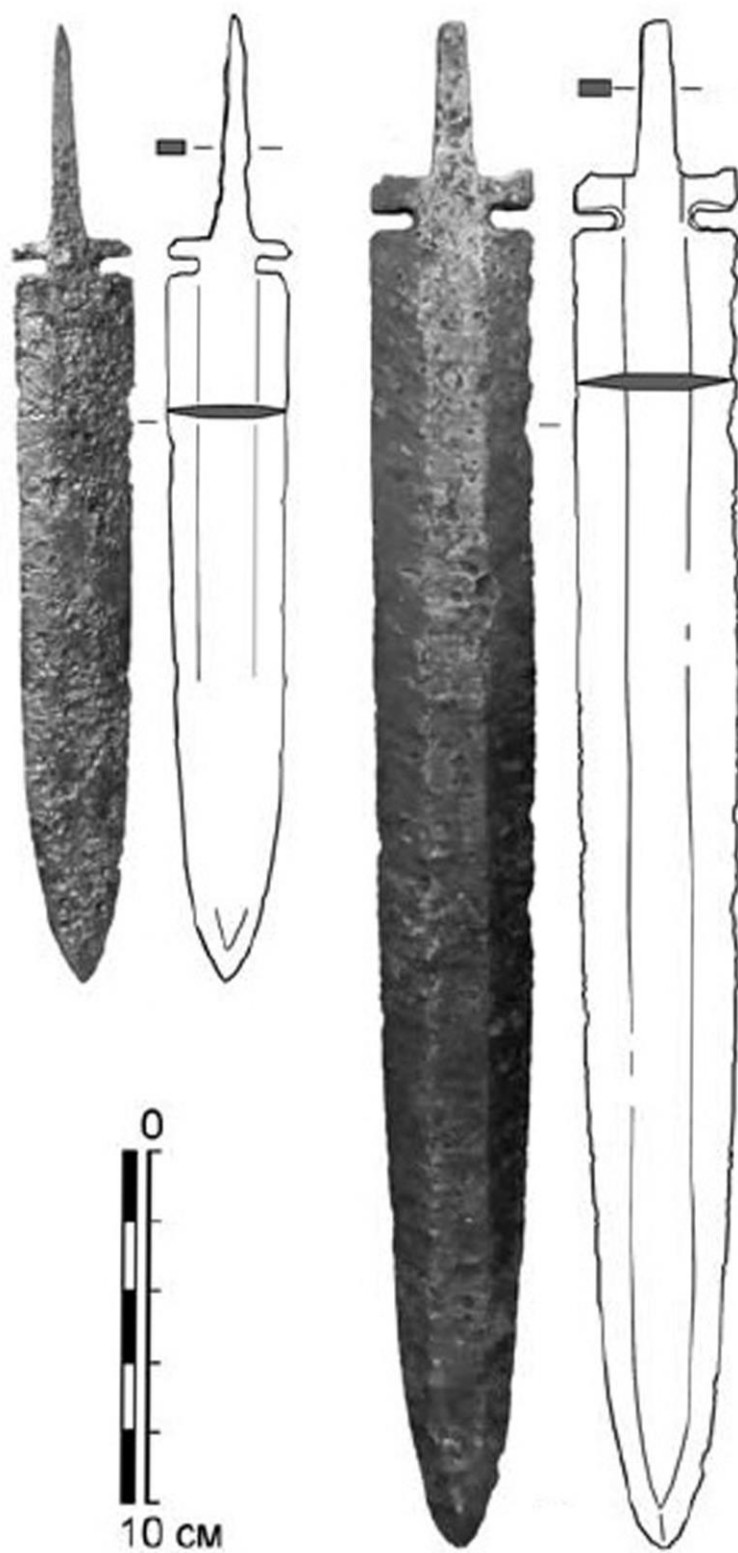

Рис. 24

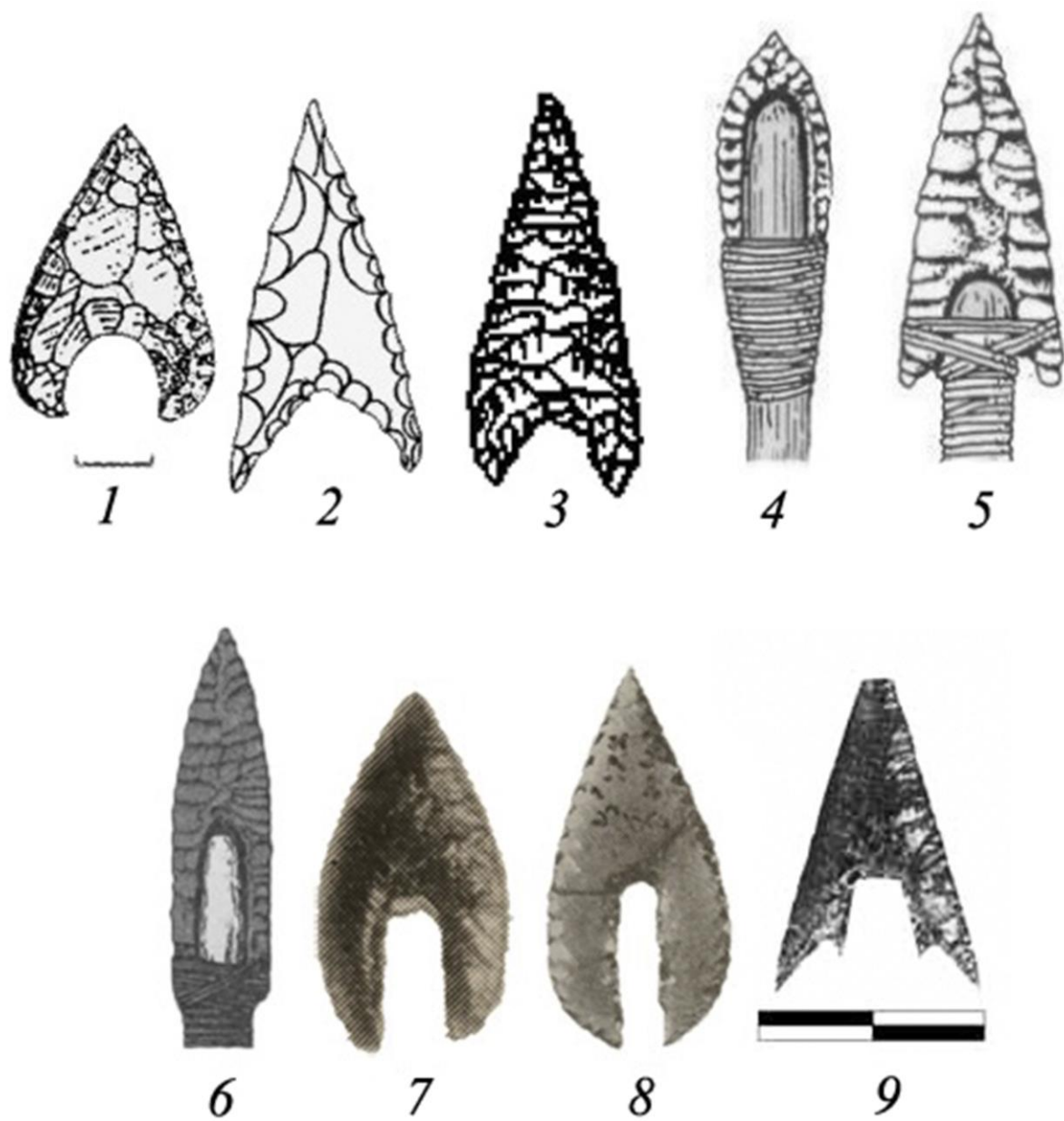

Рис. 25

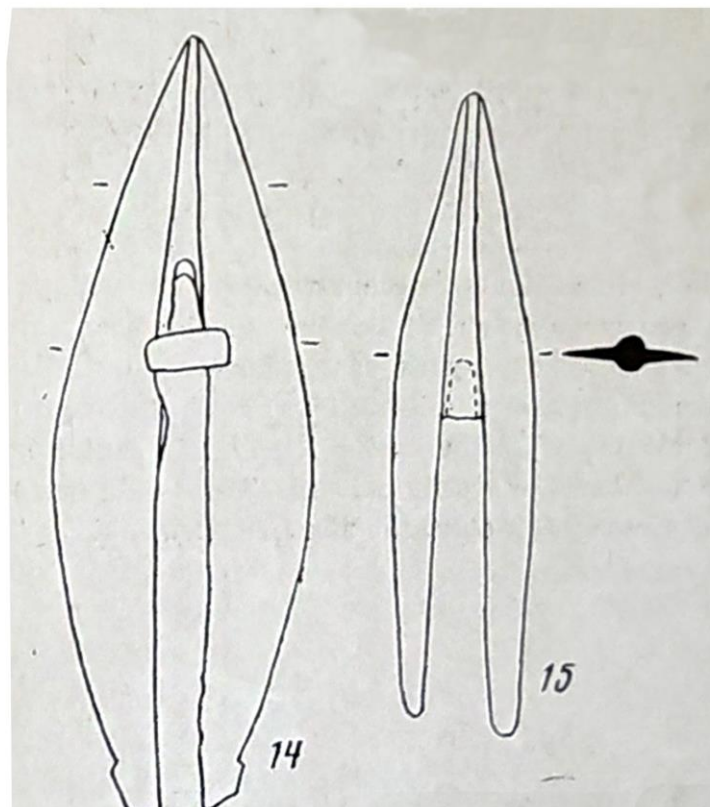
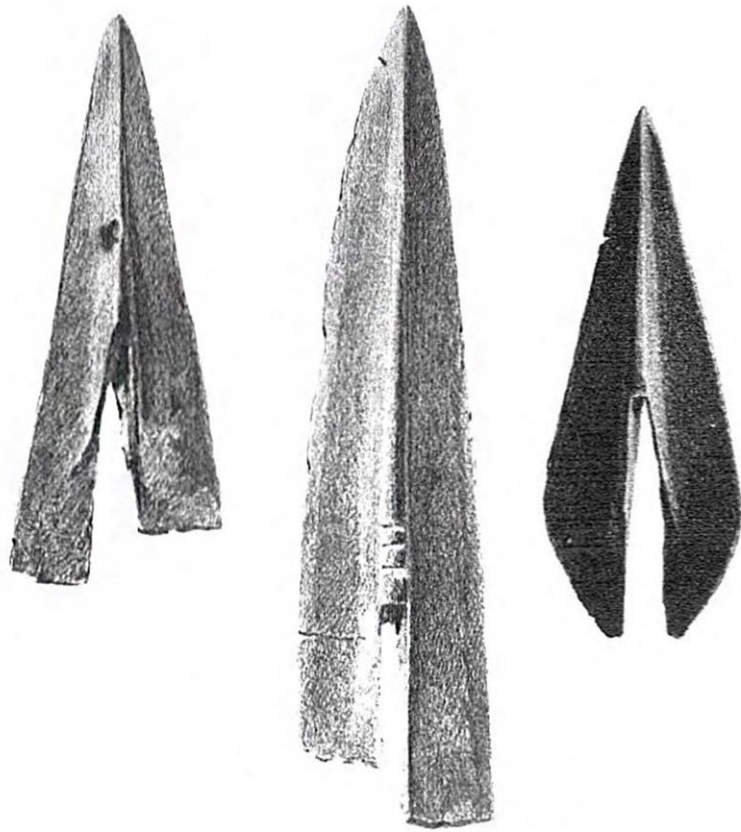

Рис. 26

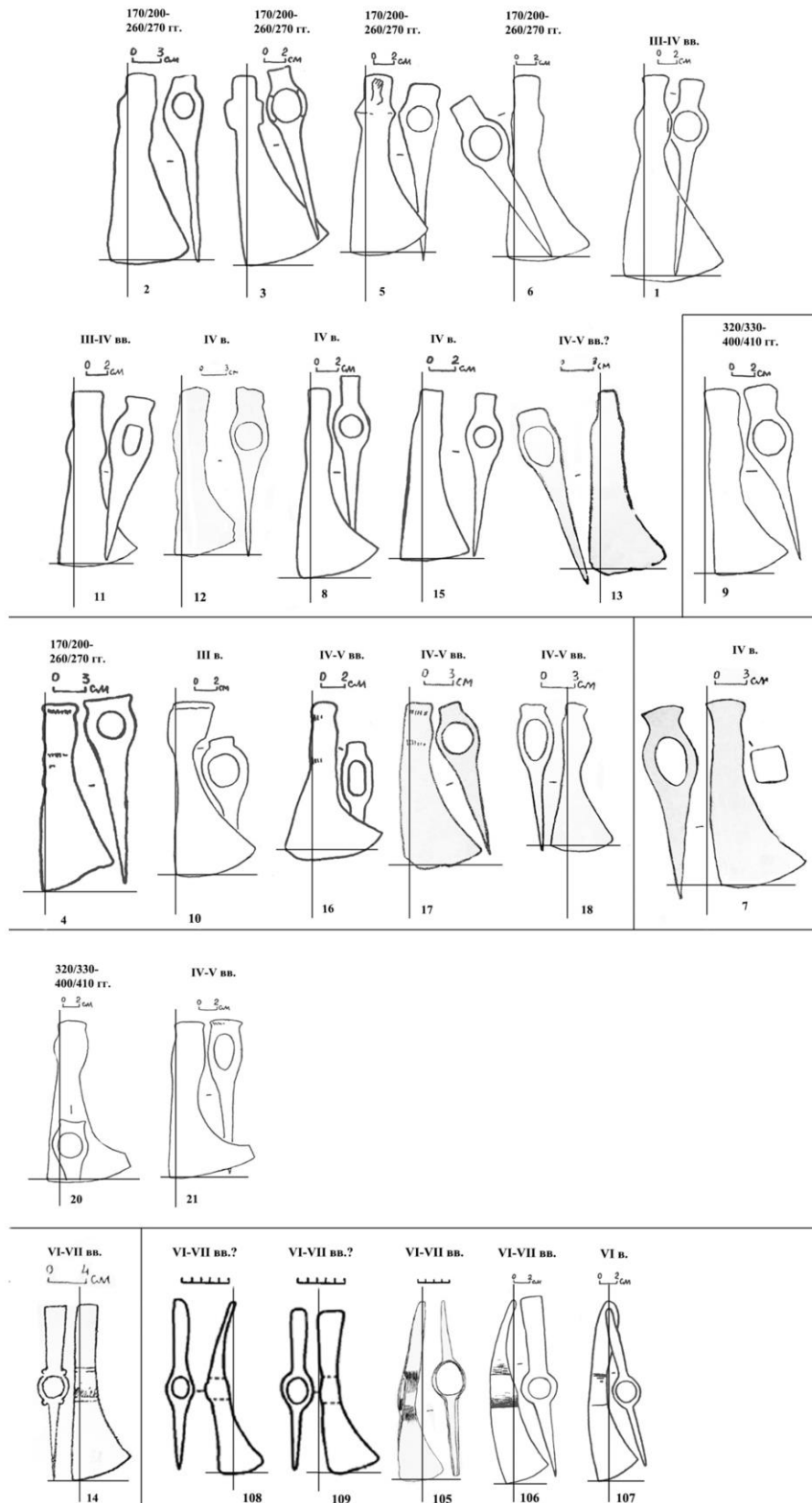

Рис. 27

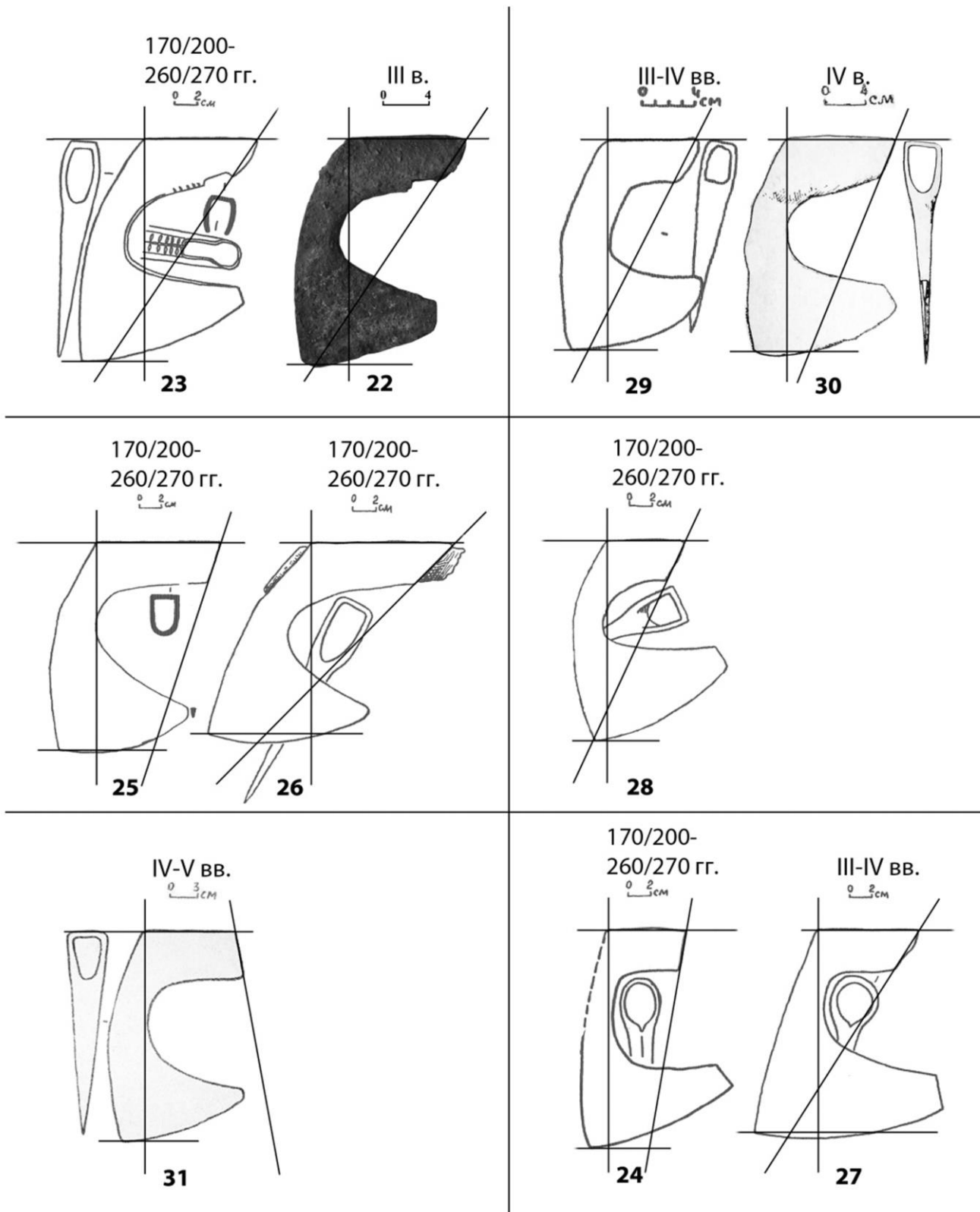

Рис. 28

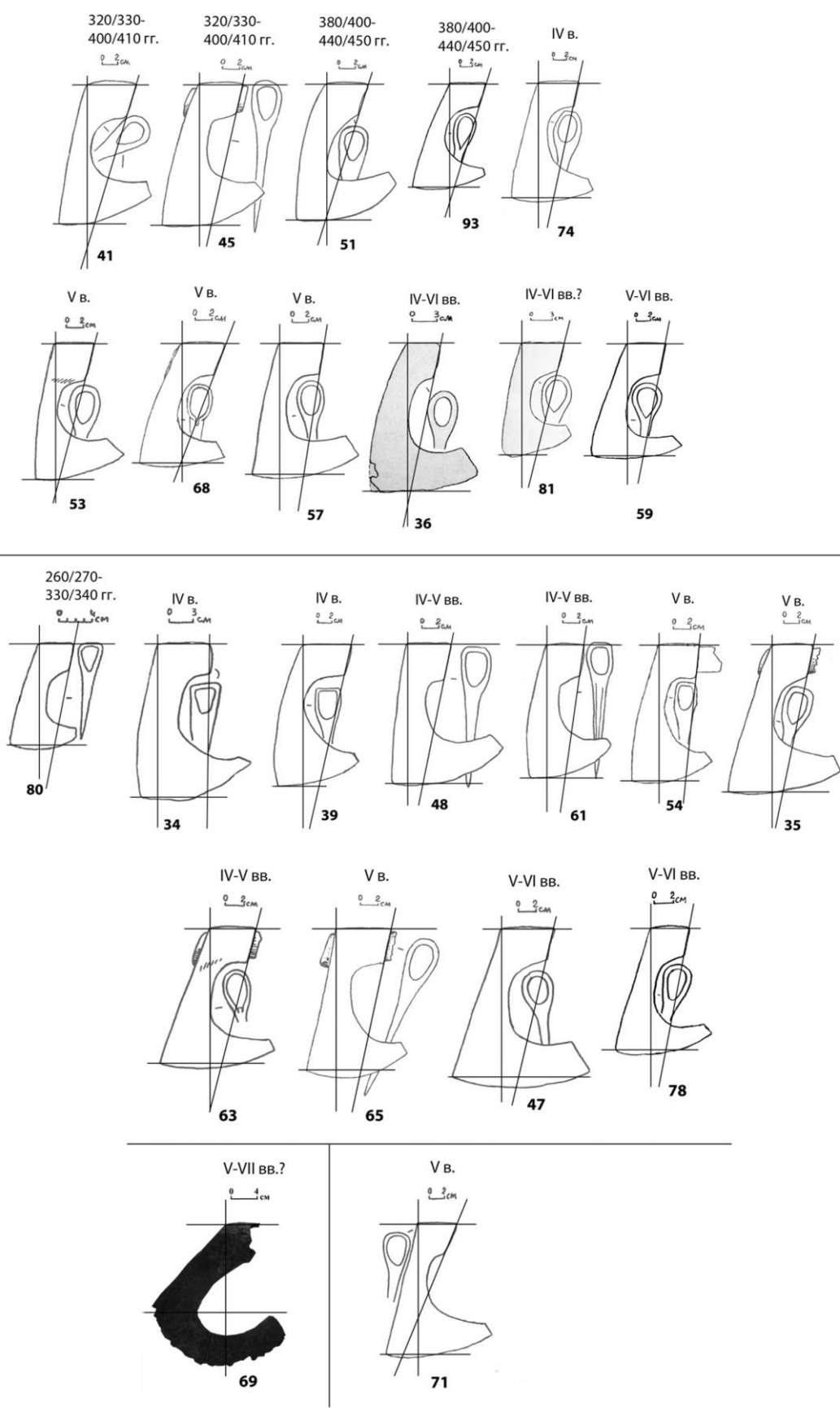

Рис. 29

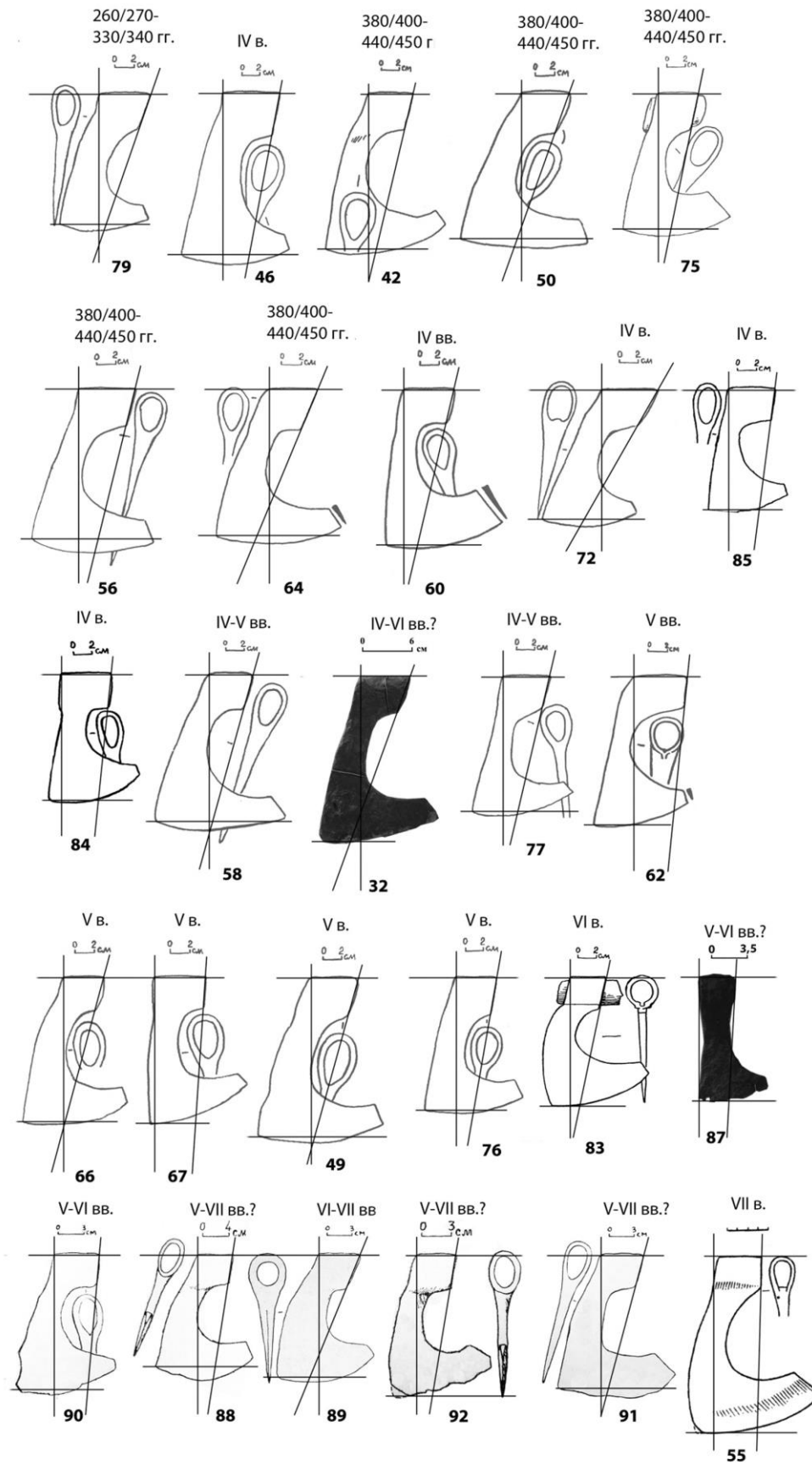

Рис. 30

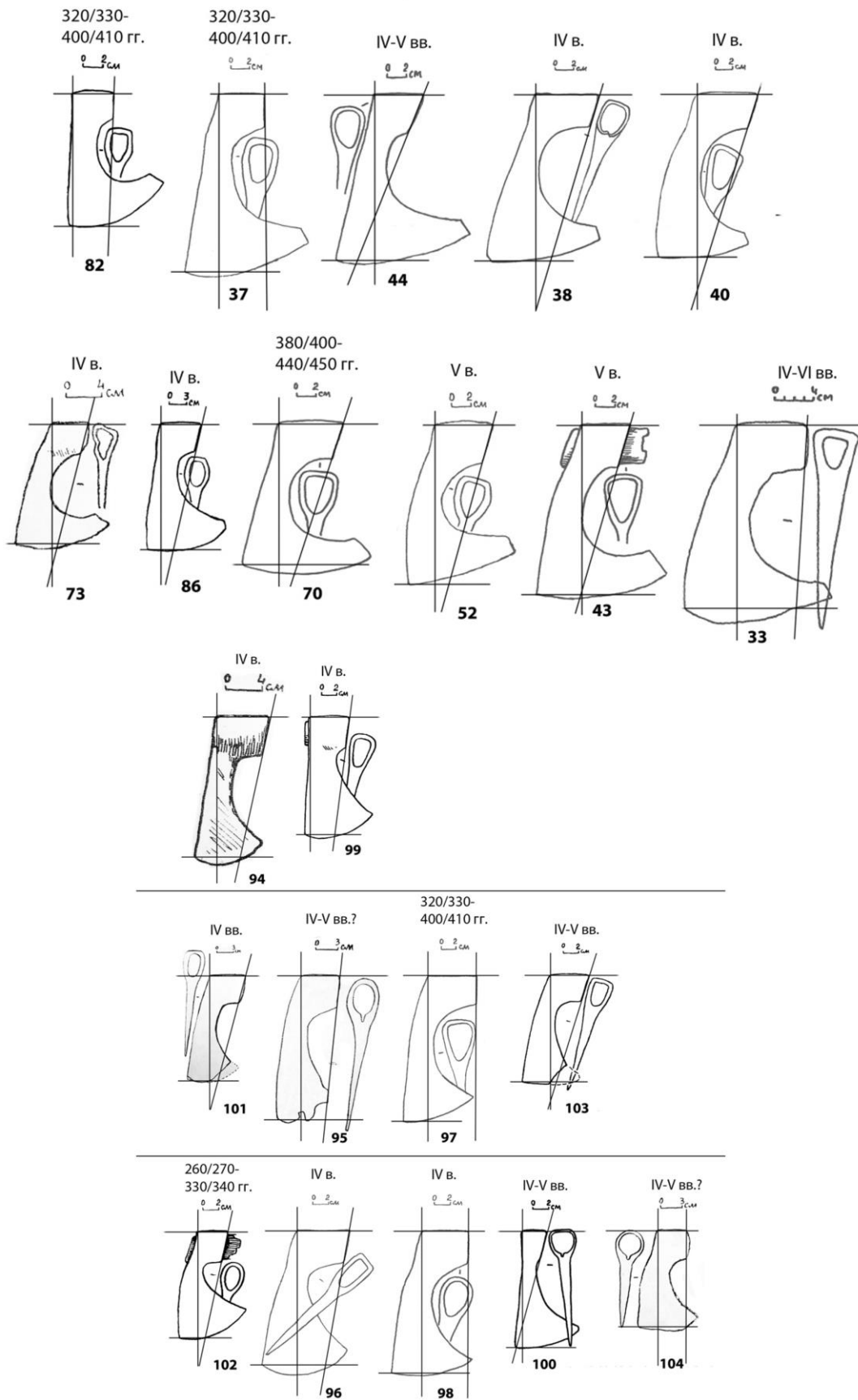

Рис. 31

Рис. 32

1

2

3

4

LXXII

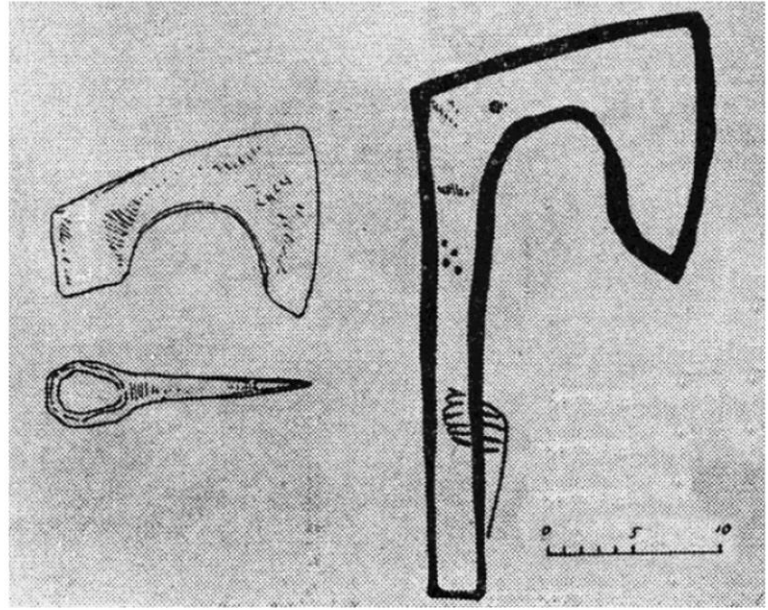
LXXIII

5

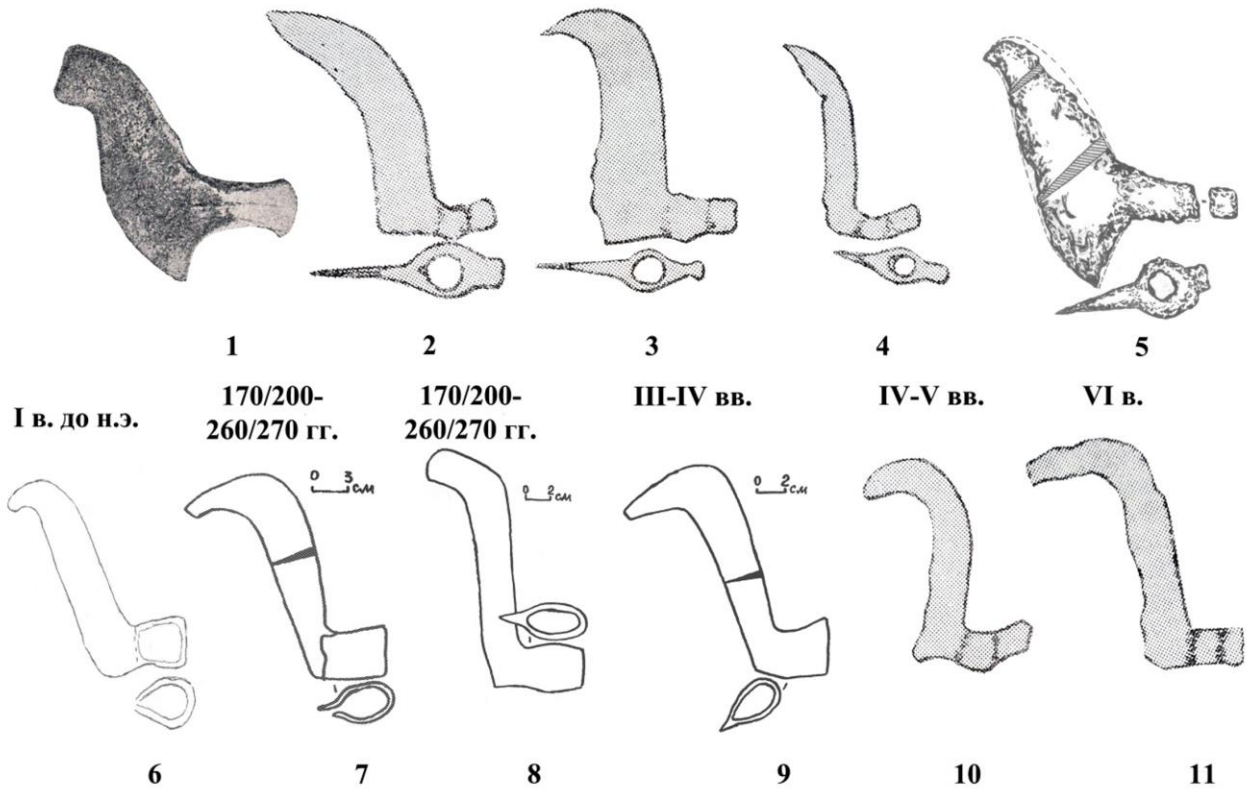
Рис. 33

Рис. 34

XIV/XIII-
VIII/VII вв. до н.э. V-IV вв. до н.э. V в. до н.э. IV-III вв. до н.э. I в. до н.э.

1 - г. Батуми (ГР), 2 - с. Мачара Гулрыпшского р-на, 3 - г. Гудаута,
4 - с. Дзыгута Сухумского р-на, 5, 6 - Эшерское городище, 7-9 - Цебельда,
10 - с. Лата Гулрыпшского р-на, 11 - с. Атара Очамчырского р-на

Рис. 35

170/200-
260/270 гг.

170/200-
260/270 гг.

III-IV вв.

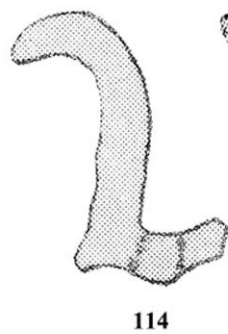
III-IV вв.

170/200-
260/270 гг.

IV-V вв.

VI в.

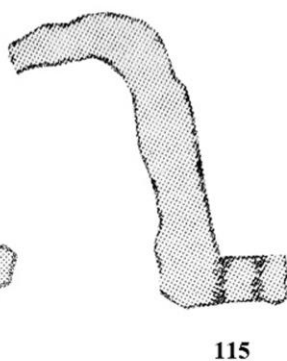

Рис. 36

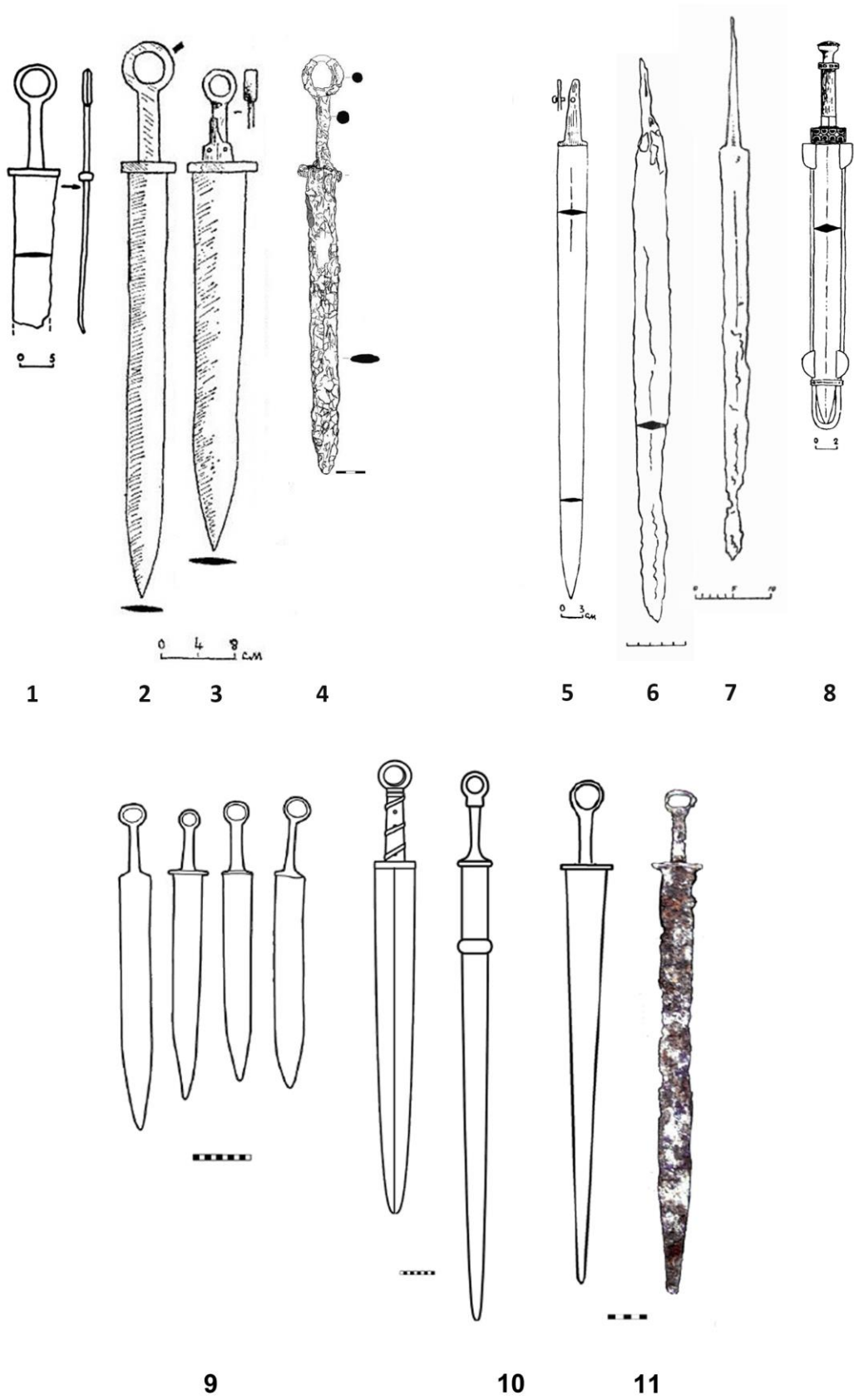
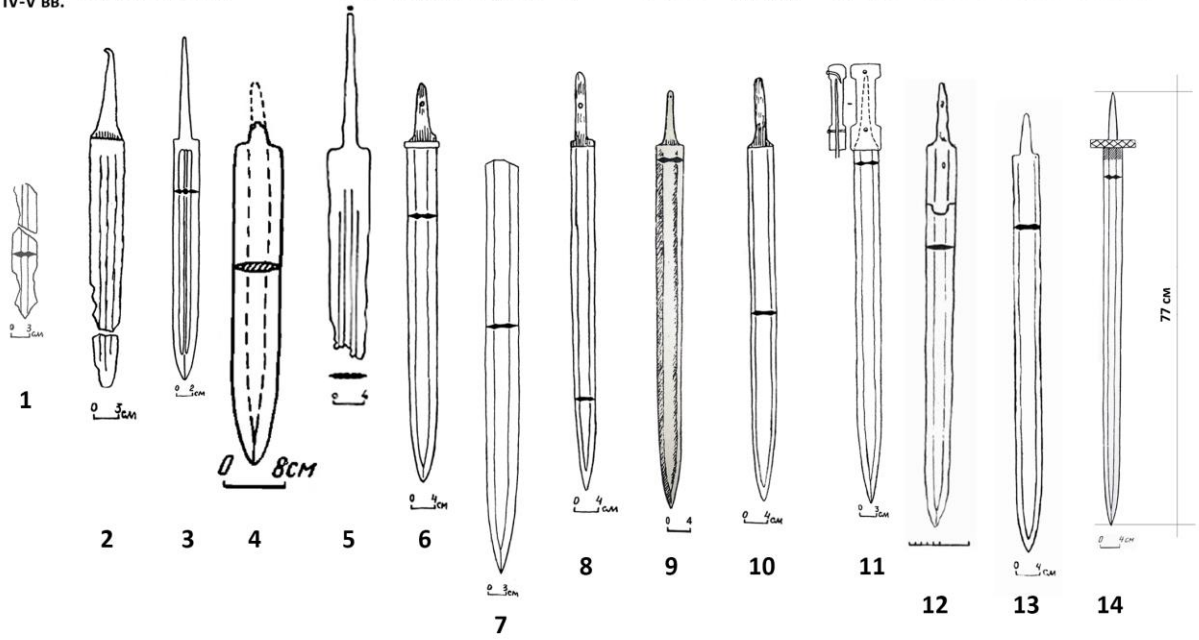

Рис. 37

170/200- 170/200-
260/270 rr. 260/270 rr. IV в.
IV-V вв. III в. 320/330- 380/400- 320/330-
400/410 rr. 440/450 rr. 400/410 rr. IV-VII вв. 320/330- 320/330-
400/410 rr. III-IV вв. V-VI вв. VI-VII вв.

III-V вв. 380/400- 170/200-
440/450 rr. 260/270 rr. III-IV вв. V-VII вв. III-IV вв. 380/400- V-
440/450 rr. пер. пол. VII вв. Сер.- втор. пол. VI в. 320/330- VII в. VII в. VI-VII вв.
400/410 rr.

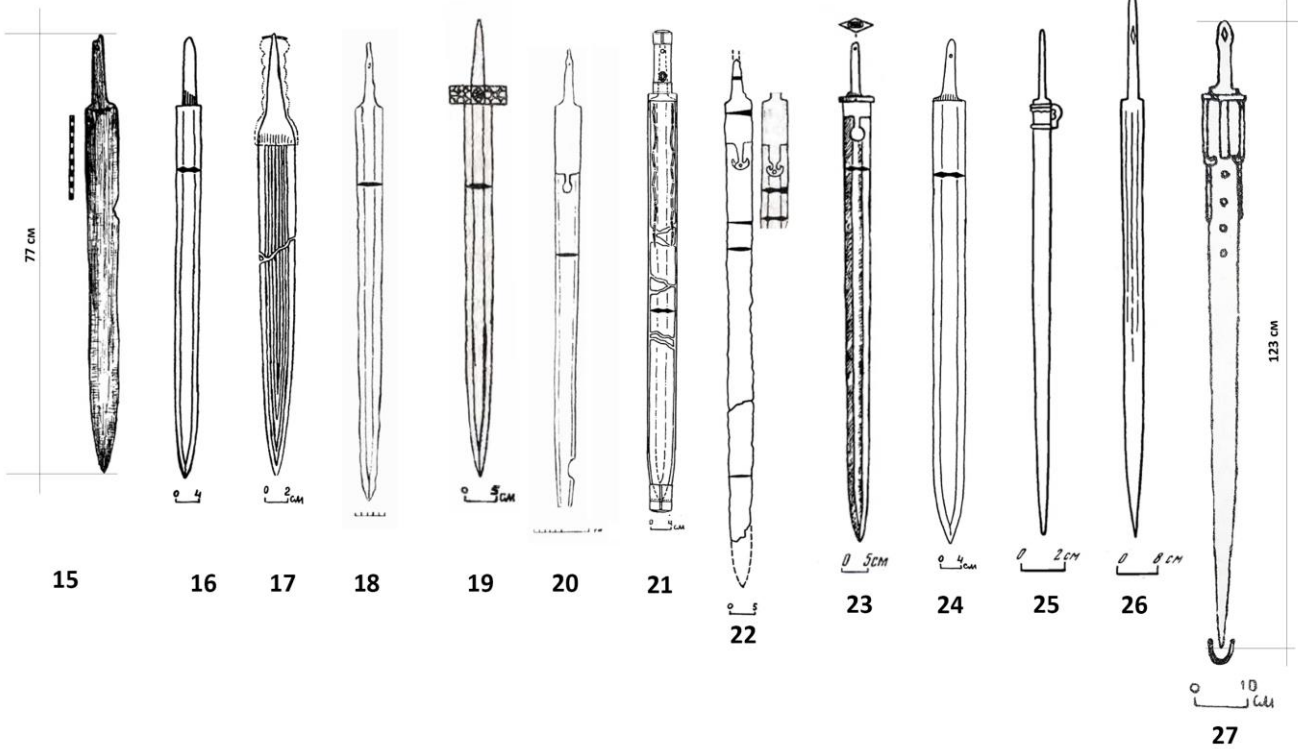

Рис. 38

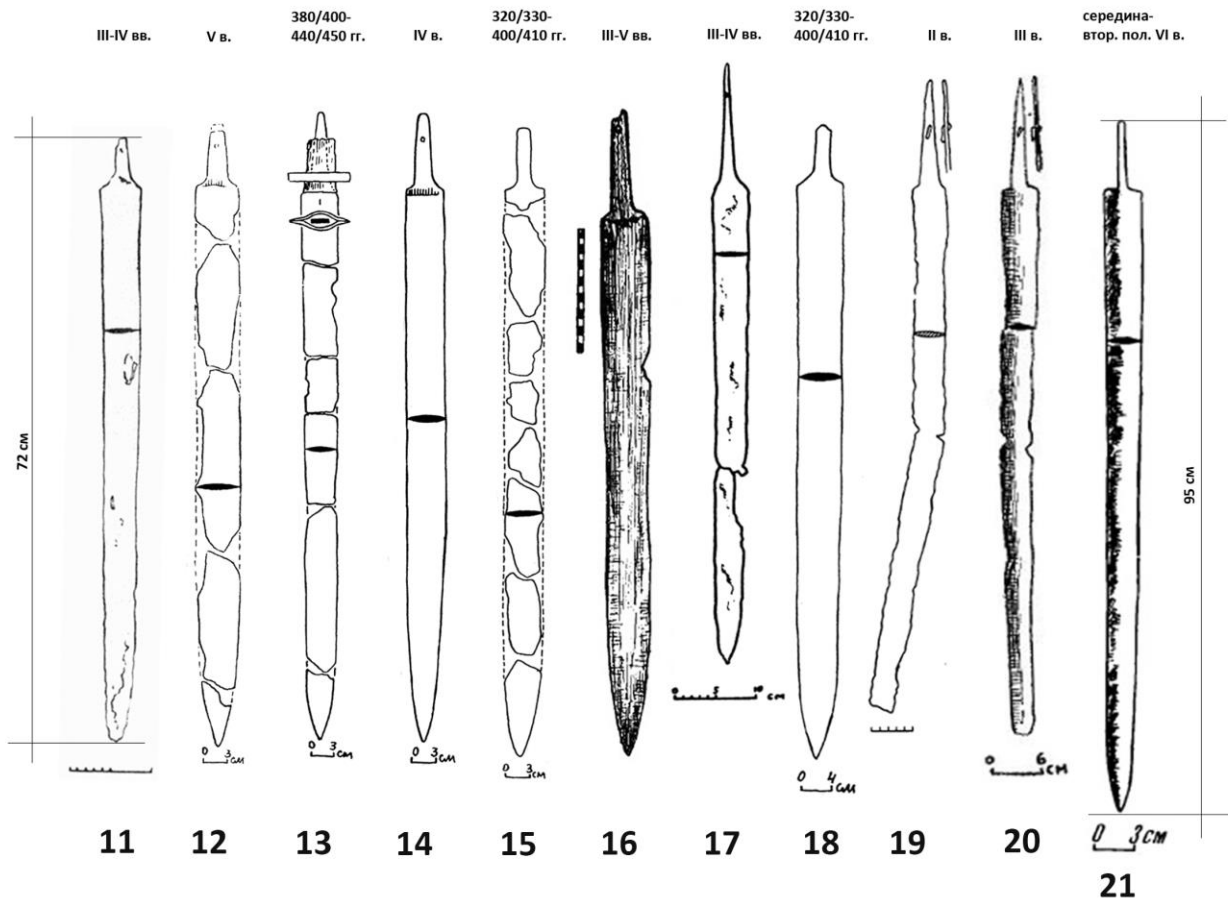
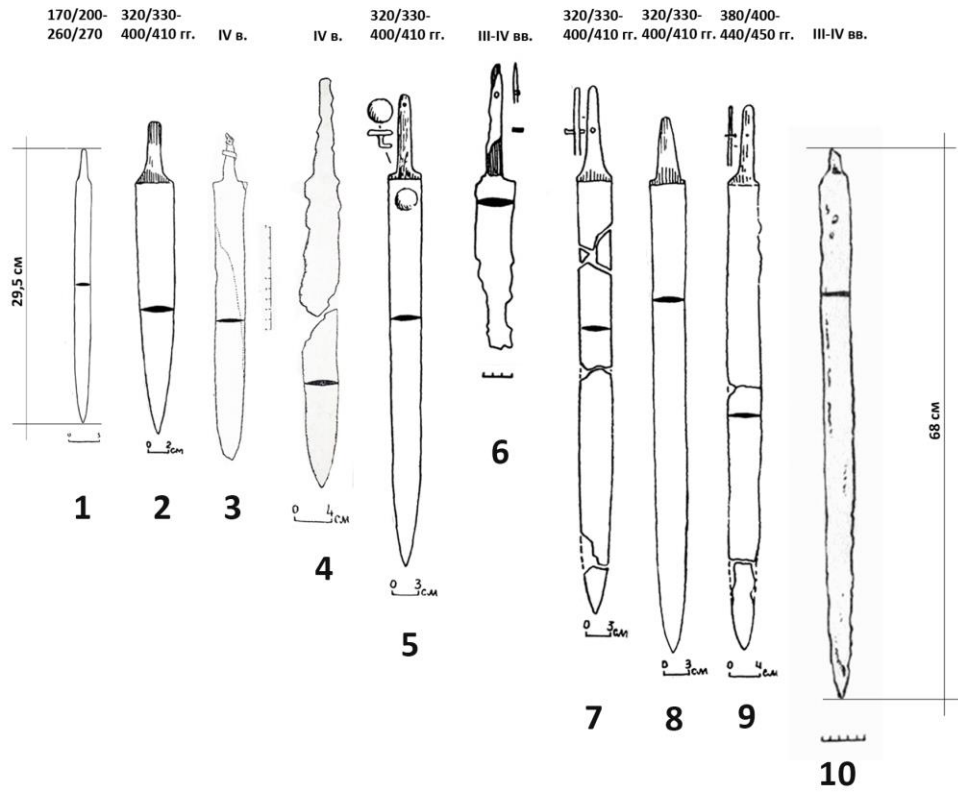

Рис. 39

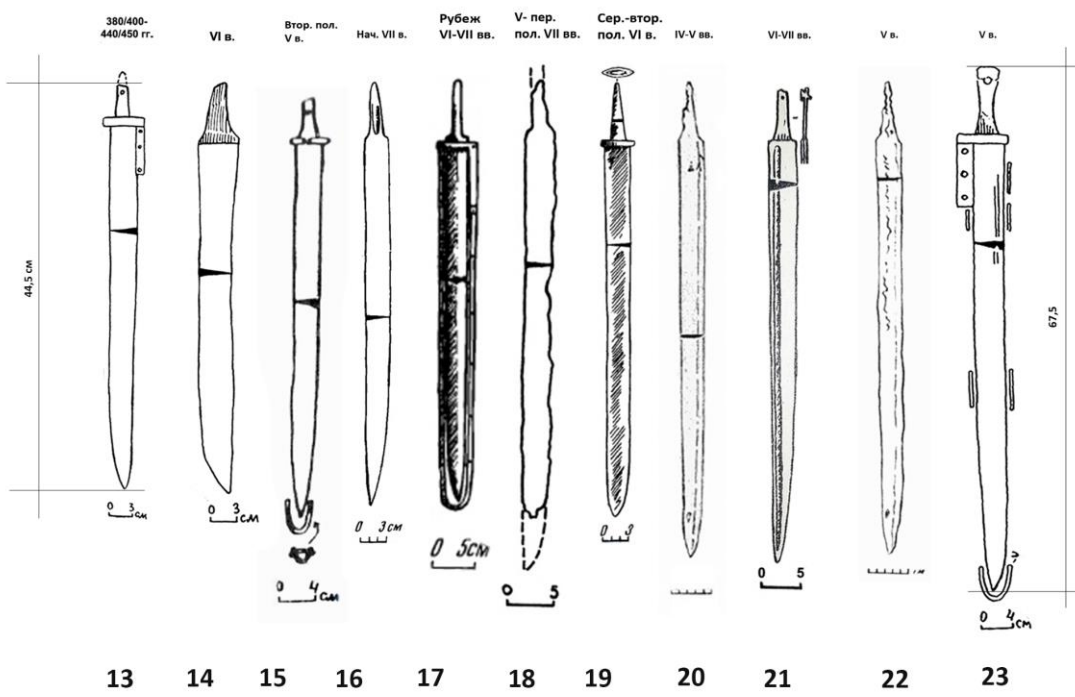
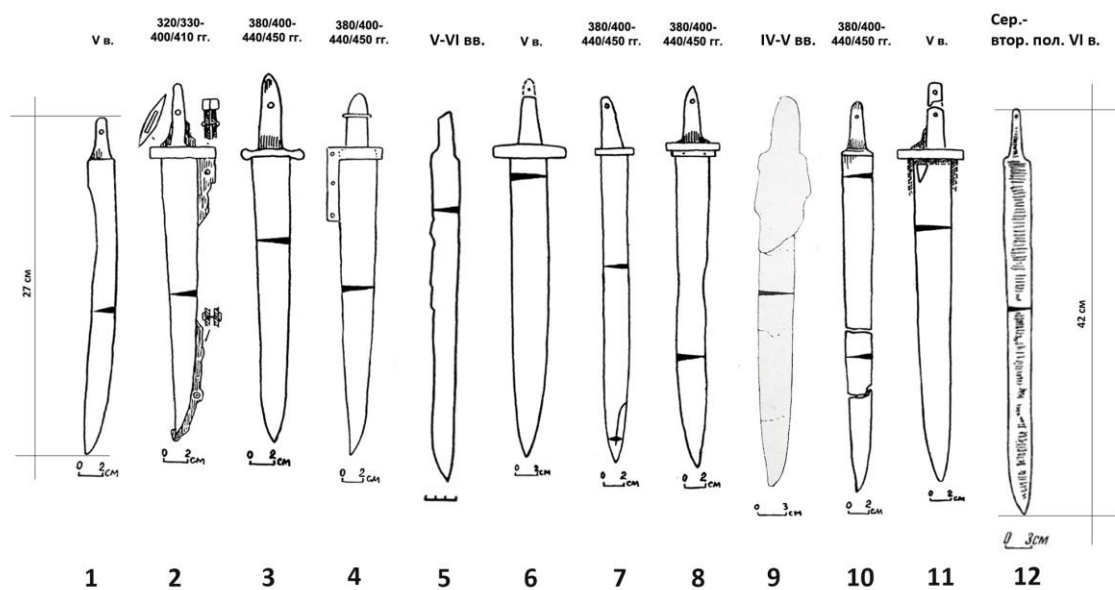

Рис. 40

Таблица 1. Основные размеры мечей (*gladii*) некоторых наиболее часто встречающихся типов*

Место находки и название типа меча	Датировка	Общая длина (мм)	Длина клинка (мм)	Ширина клинка (мм)
Делос (<i>Hispaniensis</i>)	69 г. до н. э.	760	631	56
Майнц (<i>Mainz-Классический</i>)	20 г. н. э.?	539	522	66
Меч Тиберия (<i>Mainz-Fulham</i>)	30 г. н. э.?	574	533	70
Виндиш (<i>Mainz-Wederath</i>)	45 г. н. э.	673	535	70
Лондон Фулэм (<i>Mainz-Fulham</i>)	50 г. н. э.	565	536	69
Страсбург (<i>Mainz-Fulham</i>)	60 г. н. э.	535	535	70
Рейнгонхейм (<i>Mainz-Fulham</i>)	69 г. н. э.	590	490	75
Майнц (<i>Pompeii-Классический</i>)	69 г. н. э.	635	485	40
Неймеген (<i>Pompeii-Классический</i>)	70 г. н. э.?	630	496	52
Помпеи (<i>Pompeii-Классический</i>)	79 г. н. э.	585	430	45
Ньюстед (<i>Pompeii-Классический</i>)	84 г. н. э.	663	495	50

* Составлена по: Cascarino 2008, 157.

Таблица 2. Основные размеры спат различных типов периода принципата*

Место находки и название типа меча	Датировка	Общая длина (мм)	Длина клинка (мм)	Ширина клинка (мм)
Делос (<i>Straubing-Newsteads</i>)	72 г. н. э.	770	650	38
Ньюстед (<i>Straubing-Newstead</i>)	81 г. н. э.	774	622	35
Лион (<i>Lauriacum-Hromowka</i>)	197г. н. э.	754	684	52
Кентерберри (<i>Lauriacum-Mainz-Canterbury</i>)	200 г. н. э.	870	655	59

* Составлена по: Cascarino 2008,160.

Табл. 3

Таблица 4.

Общая длина экземпляров в мм и их датировки	
Группа I	
1.	65 (рис. 203, 6), IV-V вв. ;
2.	72 (рис. 217, 13), 170/200-260/270 (жен.) ;
3.	75 (рис. 140, 24), V в. ;
4.	78 (рис. 146, 5), VI в. ;
5.	80 (рис. 35, 14), V в. ;
6.	82 (рис. 78, 14), V в. ;
7.	86 (рис. 154, 18), VI в. ;
8.	89 (рис. 30, 5), 170/200-260/270 ;
9.	91 (рис. 36, 11), 380/400-440/450 (жен.) ;
10.	92 (рис. 209, 16), V в. ;
11.	94 (рис. 149, 17), VI в. ;
12.	95 (рис. 169, 5), V в. ;
13.	98 (рис. 136, 2), VI в. ;
14.	100 (рис. 200, 6), V в. ;
15.	102 (рис. 46, 7), 380/400-440/450 (жен.) ;
16.	104 (рис. 29, 7), V в. ;
17.	106 (рис. 148, 5), 260/270-330/340 ;
18.	107 (рис. 97, 23), IV-V вв. ;
19.	108 (рис. 144, 7), V в. ;
20.	109 (рис. 138, 10), 320/330-400/410 ;
21.	110 (рис. 149, 21), VI в. ;
22.	111 (рис. 66, 2), IV в. ;
23.	112 (рис. 154, 8), 320/330-400/410 ;
24.	113 (рис. 38, 7), 380/400-440/450 ;
25.	114 (рис. 37, 15), 380/400-440/450 ;
26.	115 (рис. 44, 6), 380/400-440/450 (жен.) ;
27.	116 (рис. 57, 7), 380/400-440/450 (жен.) ;
28.	118 (рис. 15, 8), ?
29.	120 (рис. 134, 9), VI в. ;
30.	124 (рис. 28, 6), 380/400-440/450 ;
31.	125 (рис. 70, 22), IV-V вв. ;
32.	127 (рис. 63, 19), V в. ;
33.	128 (рис. 144, 8), V в. ;
34.	129 (рис. 150, 2), VI в. ;
35.	130 (рис. 75, 9), V в. ;
36.	131 (рис. 169, 13), V в. ;
37.	132 (рис. 166, 13), 320/330-400/410 (жен.) ;
38.	133 (рис. 106, 18), IV-V вв. ;
39.	135 (рис. 35, 4), 260/270-330/340 ;

40.	136 (рис. 121, 6), IV в. ;
41.	138 (рис. 17, 4), IV в. ;
42.	140 (рис. 72, 5), V в. ;
43.	142 (рис. 26, 6), 380/400-440/450 ;
44.	144 (рис. 54, 9), V в. ;
45.	147 (рис. 71, 18), IV в. ;
46.	149 (рис. 218, 7), 170/200-260/270 ;
47.	150 (рис. 188, 9), V в. ;
48.	151 (рис. 138, 11), 320/330-400/410 ;
49.	153 (рис. 39, 7), IV-V вв. ;
50.	154 (рис. 155, 7), ? ;
51.	158 (рис. 60, 5), 320/330-400/410 ;
52.	160 (рис. 31, 22), 170/200-260/270 ;
53.	164 (рис. 167, 11), 320/330-400/410 ;
54.	166 (рис. 185, 12), 380/400-440/450 (жен.) ;
55.	168 (рис. 124, 8), V в. ;
56.	169 (рис. 91, 18), V в. ;
57.	171 (рис. 73, 8), V в. ;
58.	173 (рис. 91, 11), V в. ;
59.	174 (рис. 52, 28), IV в. ;
60.	175 (рис. 21, 10), IV-V вв. ;
61.	176 (рис. 64, 11), 260/270-330/340 ;
62.	178 (рис. 59, 9), IV в. ;
63.	182 (рис. 181, 8), V в. ;
64.	184 (рис. 212, 13), I-II вв. ;
65.	187 (рис. 162, 9), 260/270-330/340 ;
66.	188 (рис. 31, 11), V в. ;
67.	191 (рис. 69, 6), V в. ;
68.	193 (рис. 87, 9), V в. ;
69.	195 (рис. 145, 7), 320/330-400/410 ;
70.	196 (рис. 146, 4), 530/550-640/670 ;
71.	198 (рис. 177, 22), ? ;
72.	200 (рис. 25, 21), 380/400-440/450 ;
73.	202 (рис. 78, 7), V в. ;
74.	209 (рис. 209, 9), ?
75.	215 (рис. 194, 12), VI в. ;
76.	216 (рис. 129, 14), 320/330-400/410 ;
77.	220 (рис. 199, 3), V в. ;
78.	222 (рис. 187, 9), V в.
79.	251 (рис. 112, 5), IV в.
Группа II	

1.	270 (рис. 84, 24), V в. ;
2.	274 (рис. 5, 27), 170/200-260/270 гг. ;
3.	284 (рис. 138, 12), 320/330-400/410 гг. ;
4.	296 (рис. 138, 13), 320/330-400/410 гг. ;
5.	306 (рис. 201, 22), 380/400-440/450 гг.
Группа III	
1.	330 (рис. 26, 7), 380/400-440/450 гг. ;
2.	336 (рис. 85, 9), 380/400-440/450 гг. ;
3.	340 (рис. 206, 9), V в. ;
4.	354 (рис. 28, 3), 380/400-440/450 гг. ;
5.	356 (рис. 181, 6), 380/400-440/450 гг. ;
6.	362 (рис. 191, 8), 380/400-440/450 гг. ;
7.	365 (рис. 50, 9), 170/200-260/270 гг. ;
8.	376 (рис. 41, 8), 380/400-440/450 гг. ;
9.	387 (рис. 200, 11), V в. ;
10.	398 (рис. 209, 12), V в.
Группа IV	
1.	420 (рис. 60, 26), 170/200-260/270 гг. ;
2.	436 (рис. 216, 13), 170/200-260/270 гг. ;
3.	447 (рис. 142, 6), VI в.
Группа V	
1.	522 (рис. 138, 14), 320/330-400/410 гг. ;
2.	531 (рис. 37, 9), 380/400-440/450 гг.
1.	608 (рис. 129, 17), 320/330-400/410 гг.
Группа VI	
1.	640 (рис. 60, 9), 320/330-400/410 гг. ;
2.	650 (рис. 109, 13), 320/330-400/410 гг. ;
3.	660 (рис. 25, 25), 380/400-440/450 гг. ;
4.	675 (рис. 169, 2), V в. ;
5.	680 (рис. 167, 15), 320/330-400/410 гг. ;
6.	720 (рис. 162, 12), 320/330-400/410 гг. ;
7.	727 (рис. 37, 10), 380/400-440/450 гг. ;
8.	744 (рис. 145, 11), 320/330-400/410 гг. ;
9.	756 (рис. 69, 9), V в. ;
10.	760 (рис. 76, 10), 380/400-440/450 гг. ;
11.	770 (рис. 116, 24), 320/330-400/410 гг. ;
12.	778 (рис. 191, 7), 380/400-440/450 гг. ;
13.	800 (рис. 83, 19), 320/330-400/410 гг.

Группа VII	
1.	844 (рис. 201, 23), 380/400-440/450 гг.;
2.	872 (рис. 28, 1), 380/400-440/450 гг.;
3.	964 (рис. 117, 11), 320/330-400/410 гг.

Диаграмма 1.

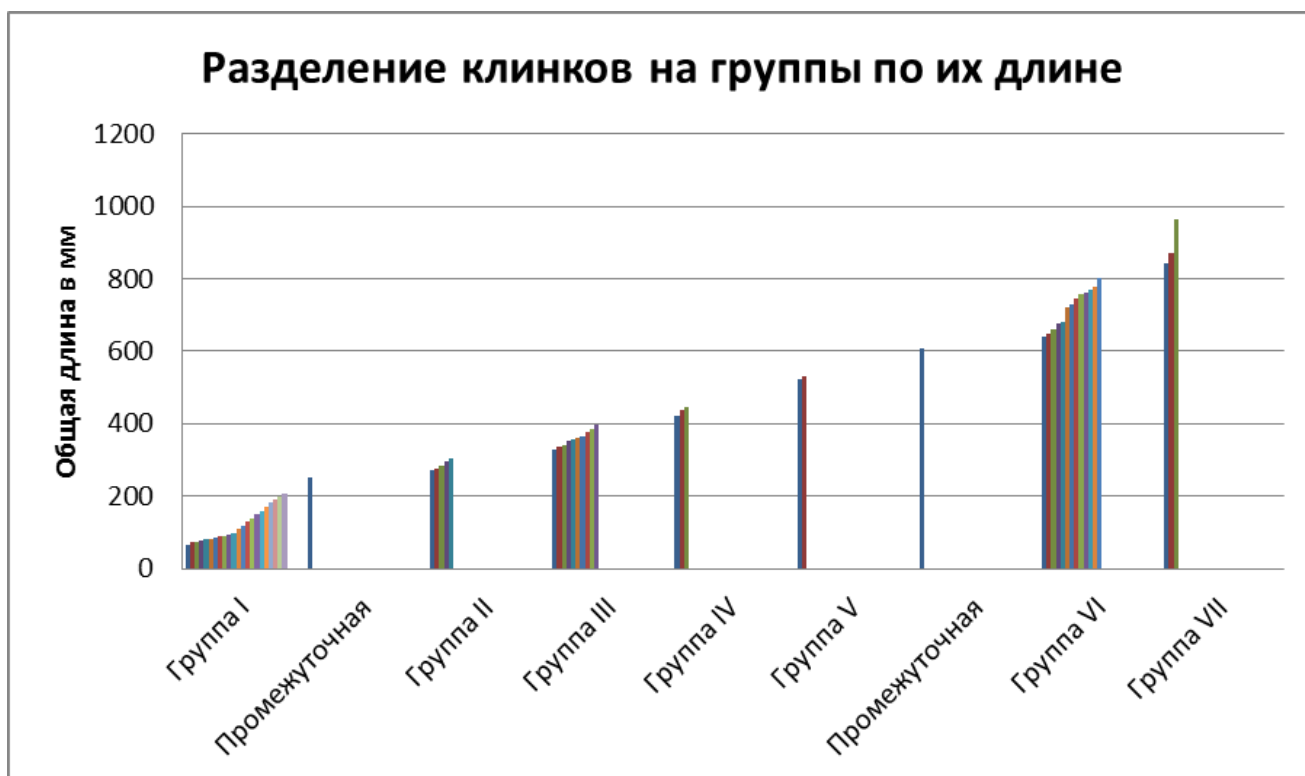

Рис. 42

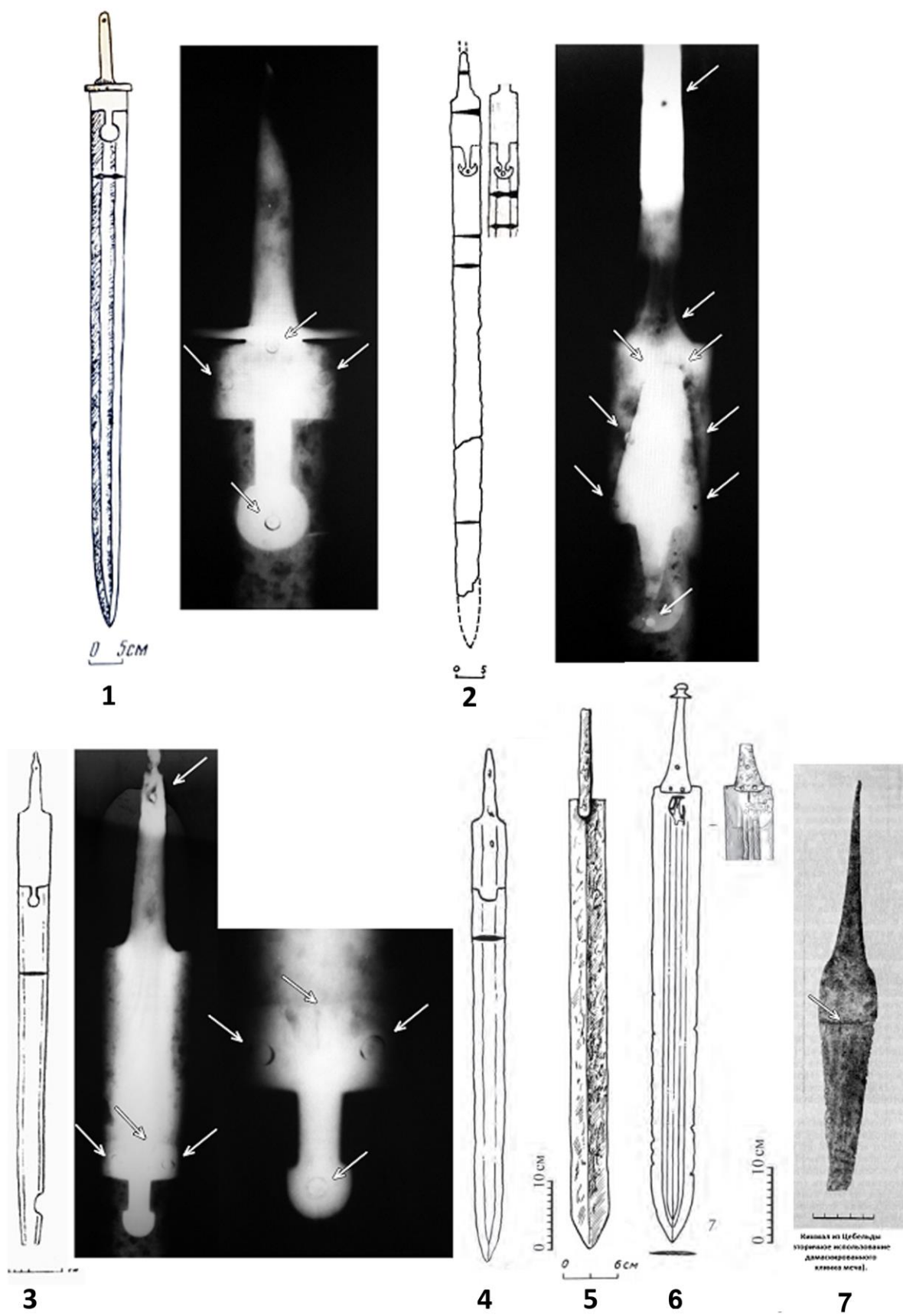

Рис. 43

Мечи из погребения 33 могильника Кичмалка II
(И.Р. Ахмедов, Е.Е. Васильева, С.В. Хаврин)

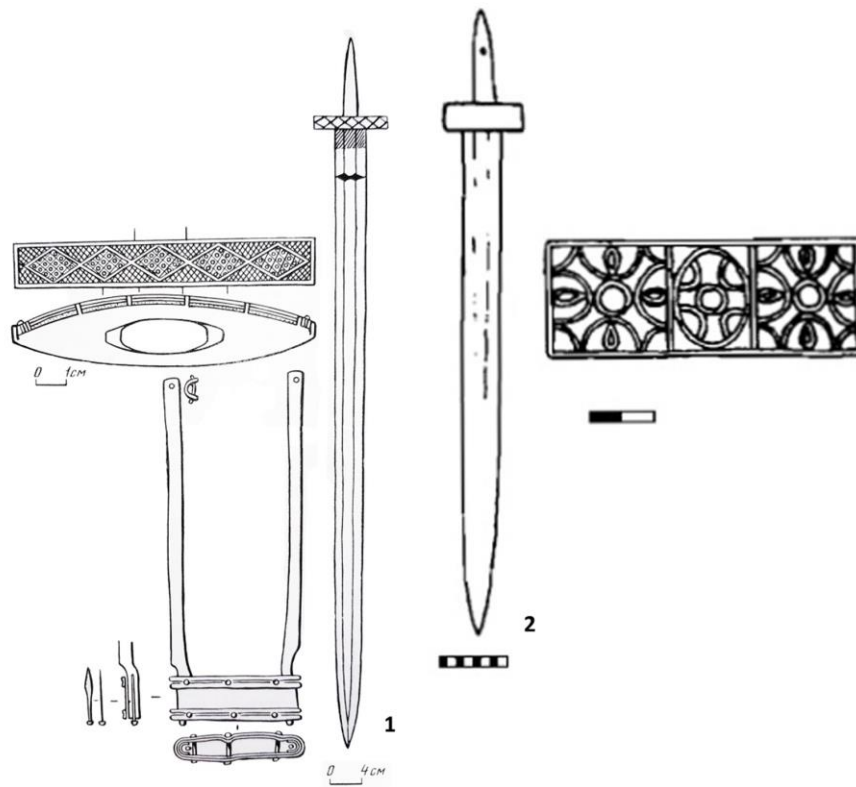
Рис. 44

3

Рис. 45

1 - могильник Шапка - Верин-Холм (по Воронову, Шенкао. 1982);
 2 - Гагра - Цихерва (по Воронову. 1979).

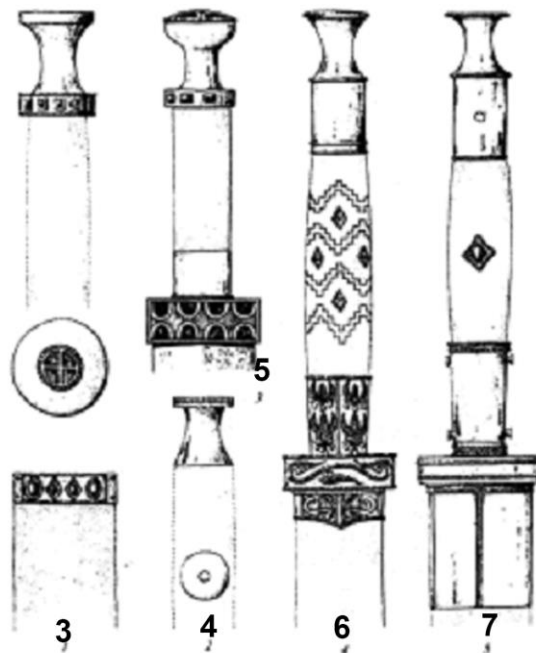
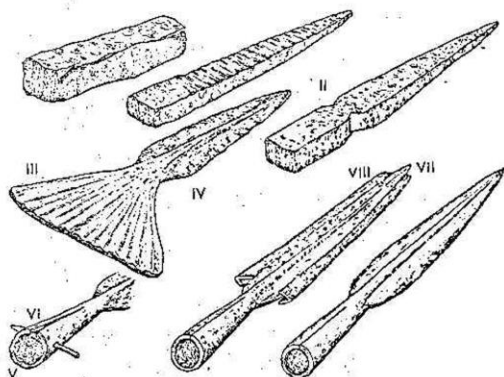
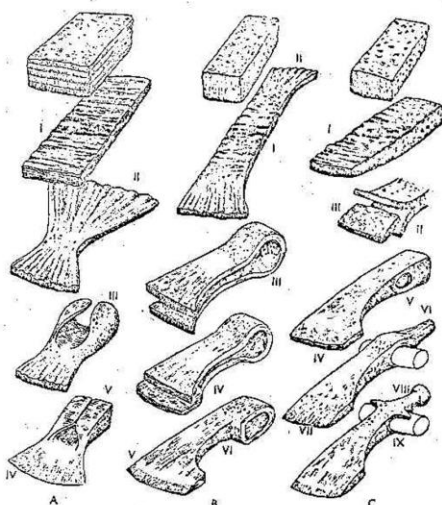

Рис. 4. Мечи «персидского» типа, по Вона I.

Рис. 46

Попытка реконструировать процесс изготовления наконечников копий (внизу справа - продолжение процесса изготовления более сложных наконечников со стальными гранями - лезвиями).

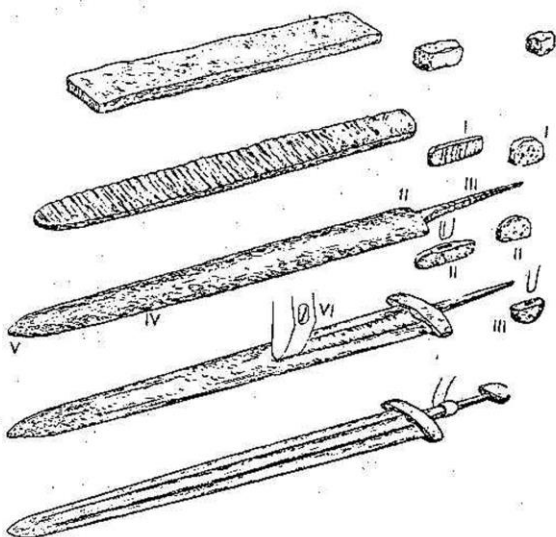

Попытка реконструировать процесс изготовления топоров:

А - втульчатый латенский топор, образец из Страдонице;

В - плотничный топор периода раннего средневековья, изготовленный из одной перегнутой вдвое пластины, между концами которой вставлен стальной клин;

С - датируемый ранним средневековьем чакан (моравский топор с опущенным лезвием) с пробитой проушиной и стальным вставным клином (может быть и без него).

Попытка реконструировать процесс изготовления обычного меча каролингского типа (образец из Яромержа).

Реконструкция изготовления основных видов железных предметов по Р. Плейнеру

Рис. 46а

1

2

3

4

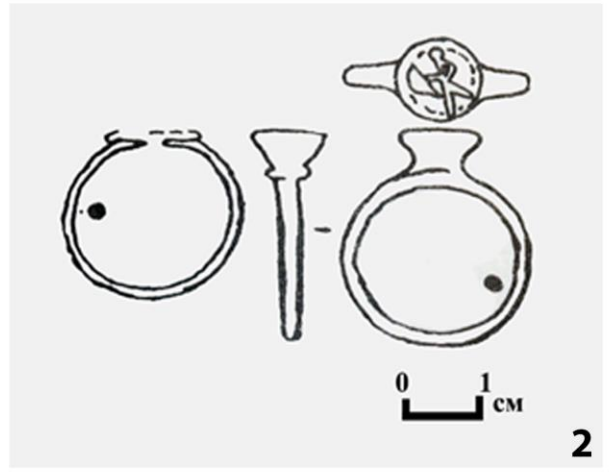
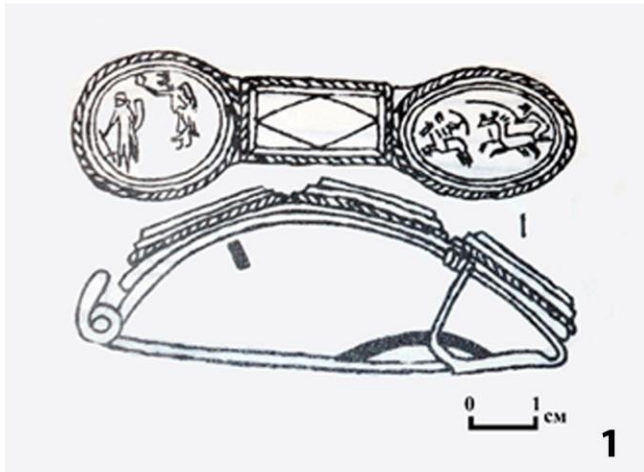

5

6

Рис. 47

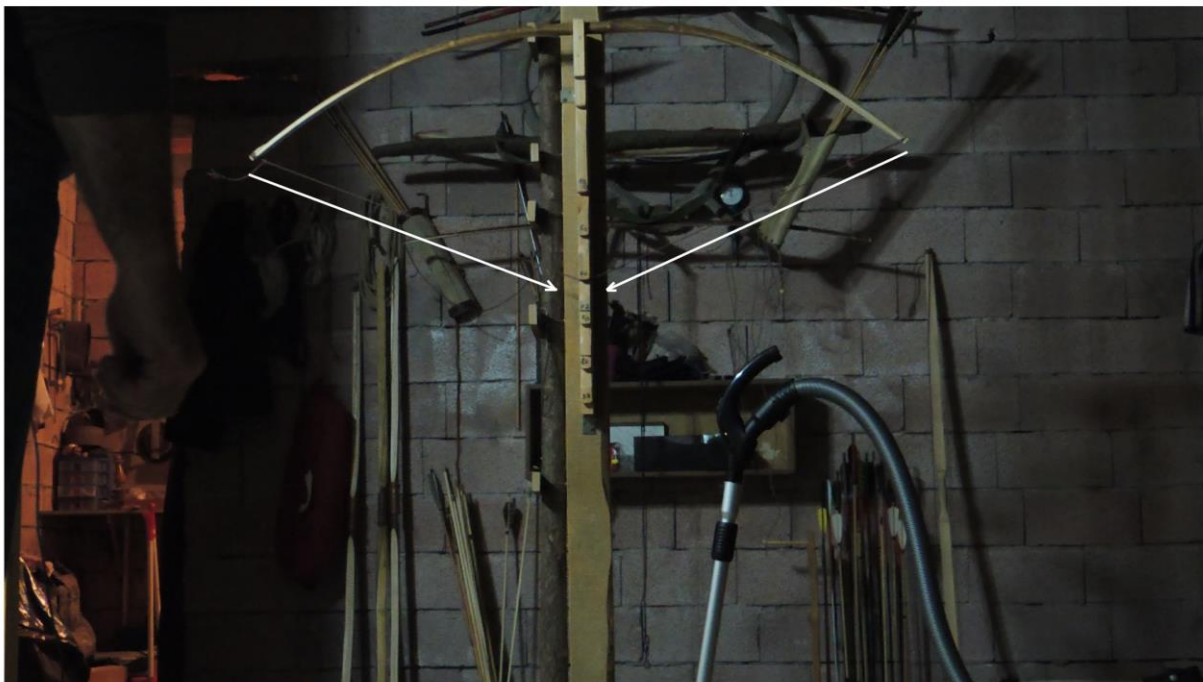

3

Рис. 48

Обработка сложносоставного лука

Проверка силы натяжения

Рис. 49

Простые луки из акации

Рис. 50

Рис. 51

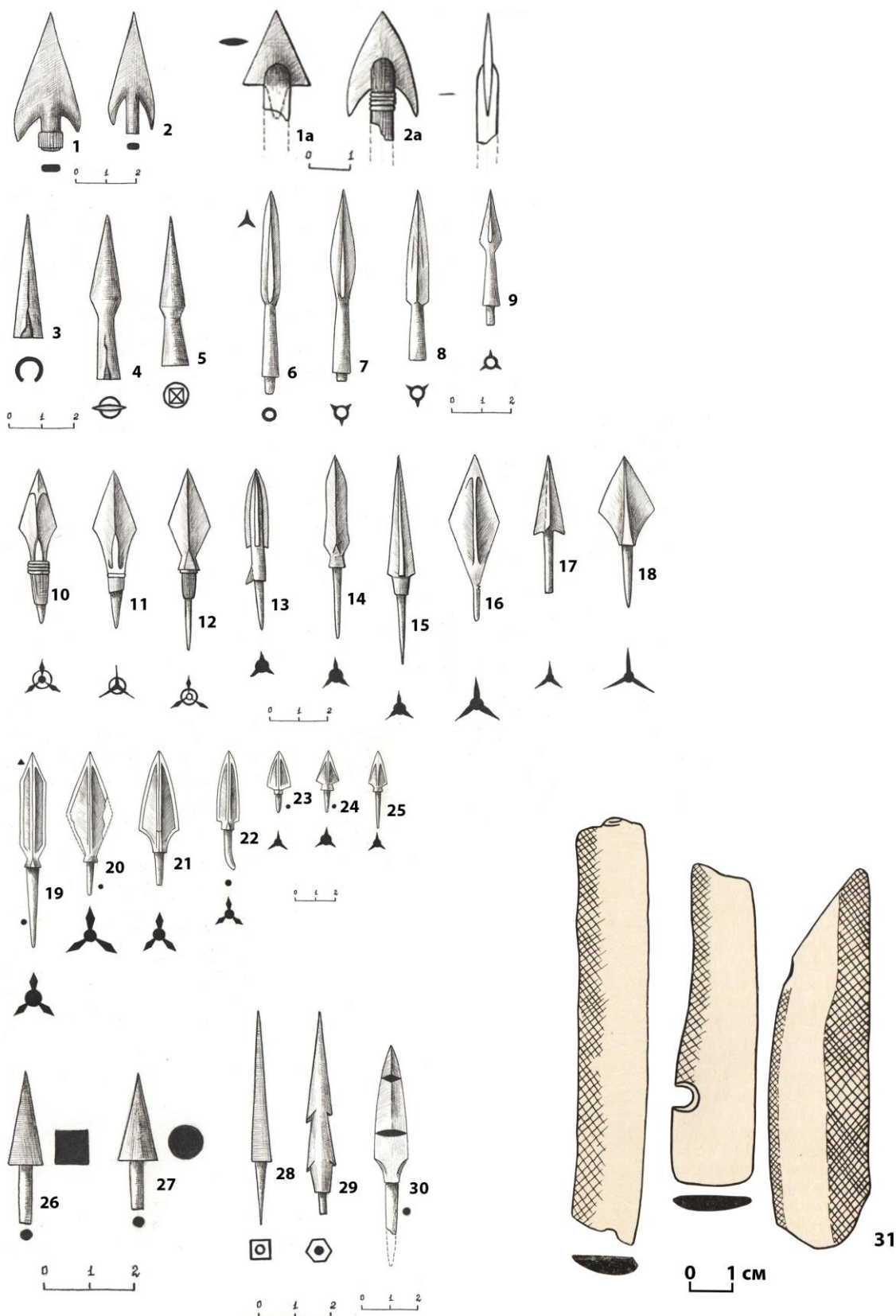
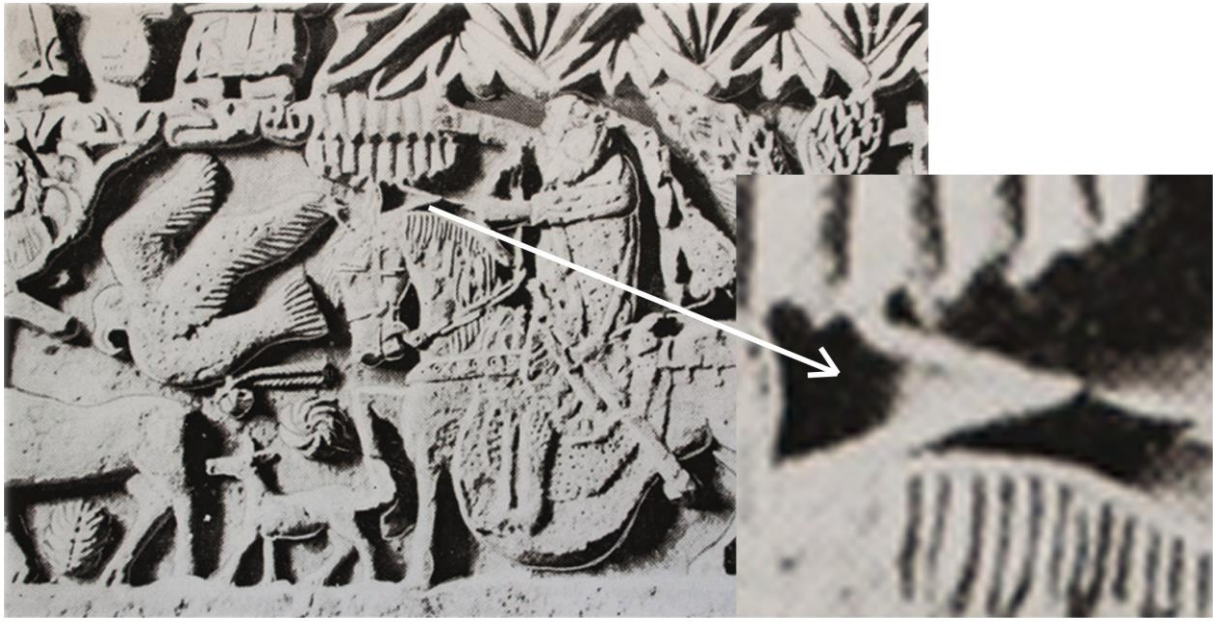

Рис. 52

1a

Рис. 53

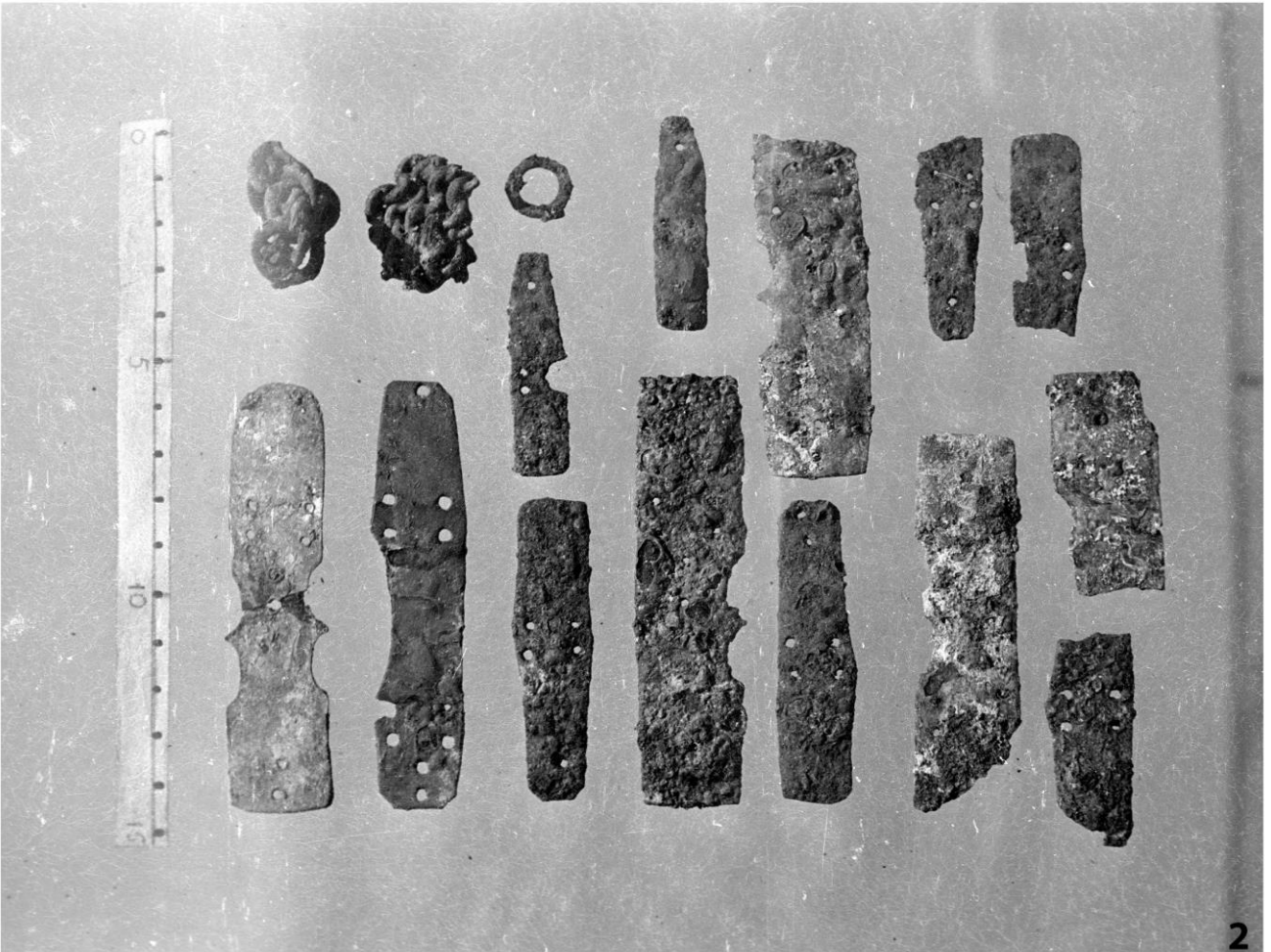
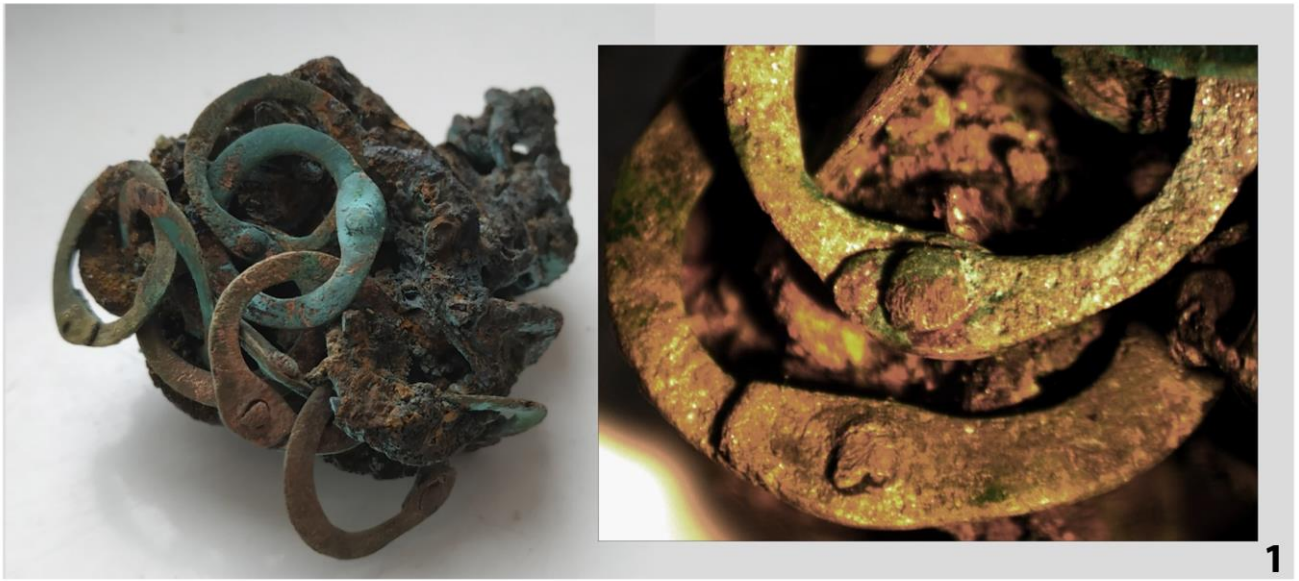
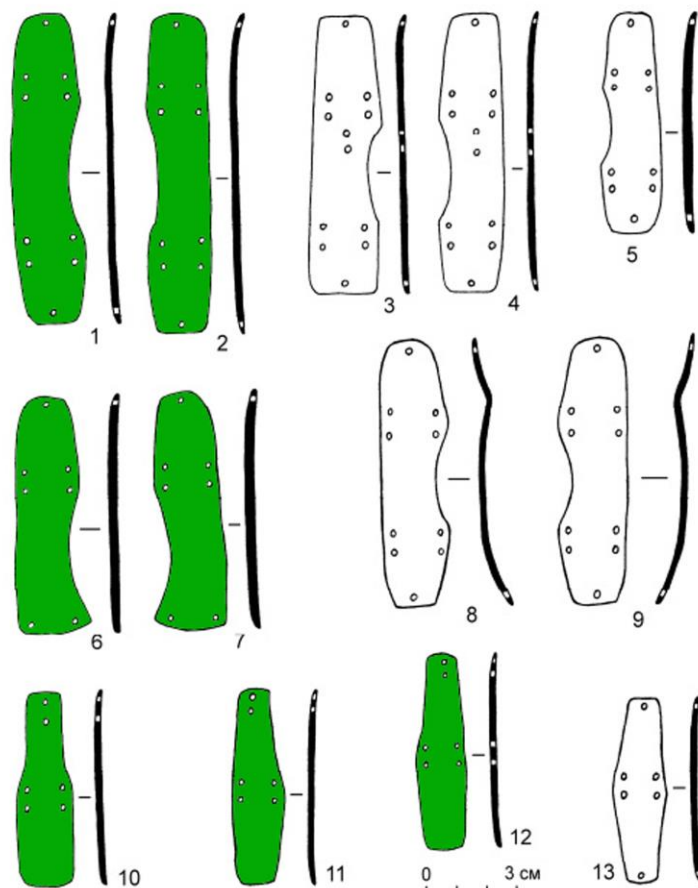
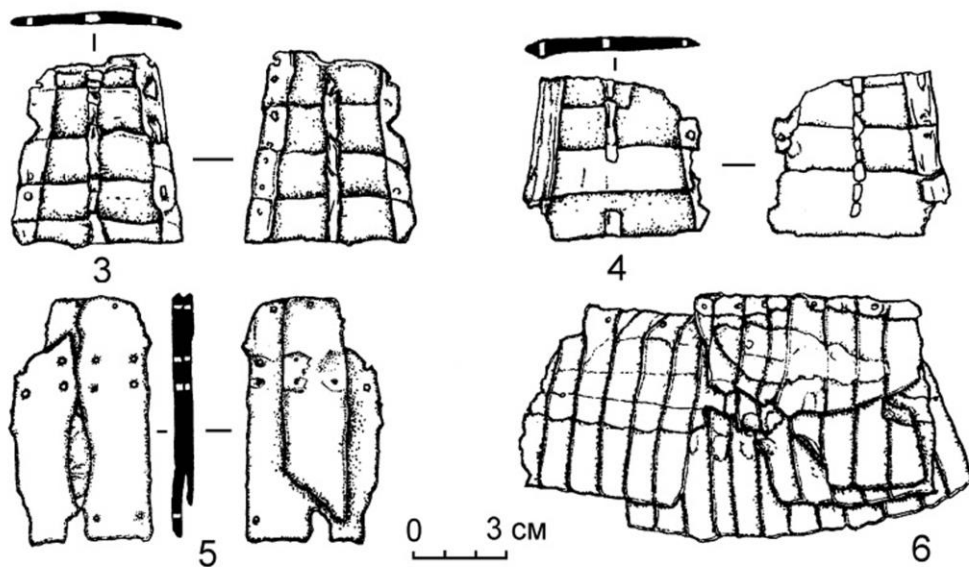

Рис. 54

Типы панцирных пластин: 1, 2 - тип I; 3, 4 - тип II; 5 - тип III; 6, 7 - тип IV; 8, 9 - тип V; 10-12 - тип VI; 13 - тип VII (Г.В. Кубарев, Д.В. Журавлев). **1**

Реставрированные фрагменты панциря (Г.В. Кубарев, Д.В. Журавлев). **2**

Рис. 55

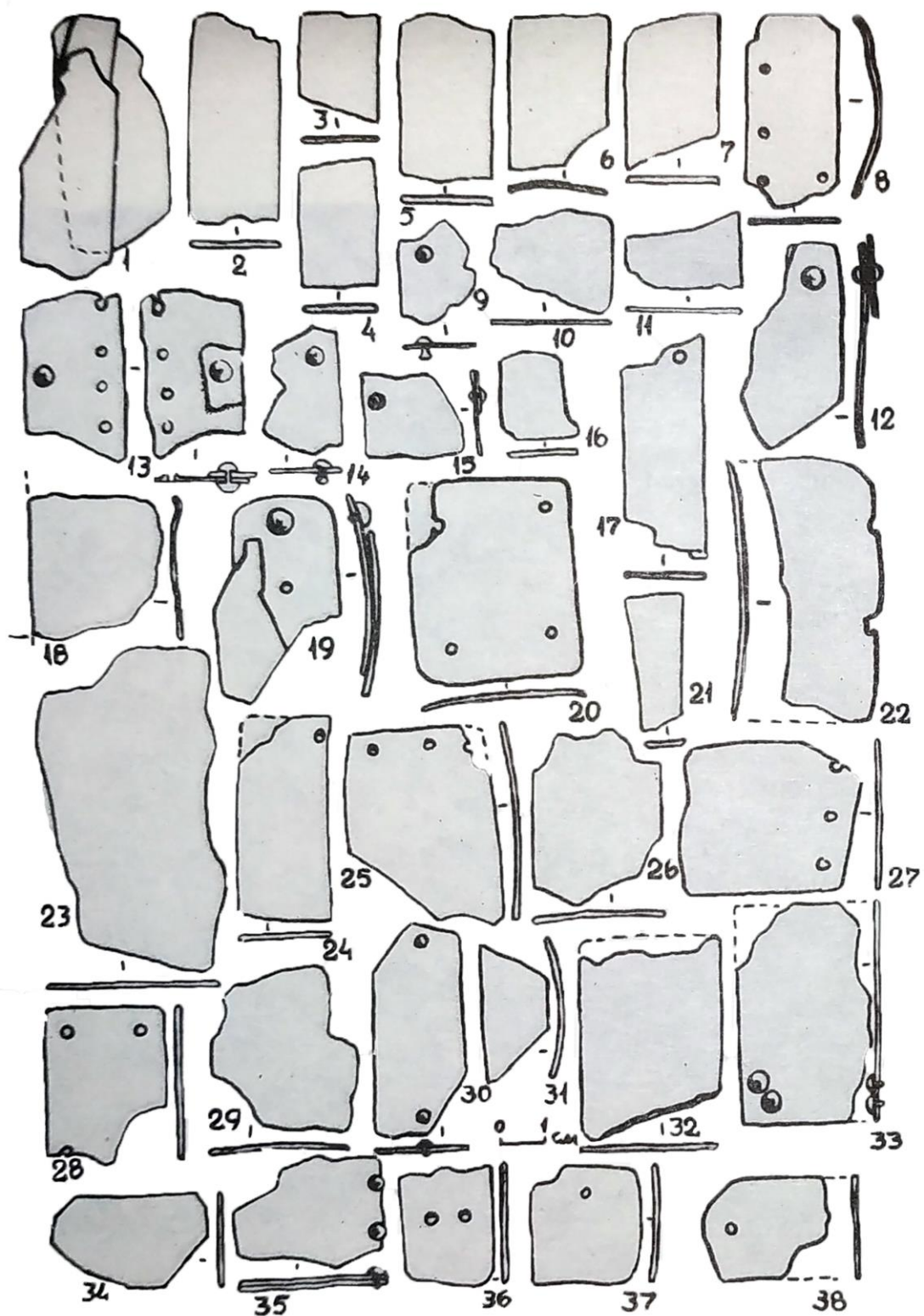

Рис. 56

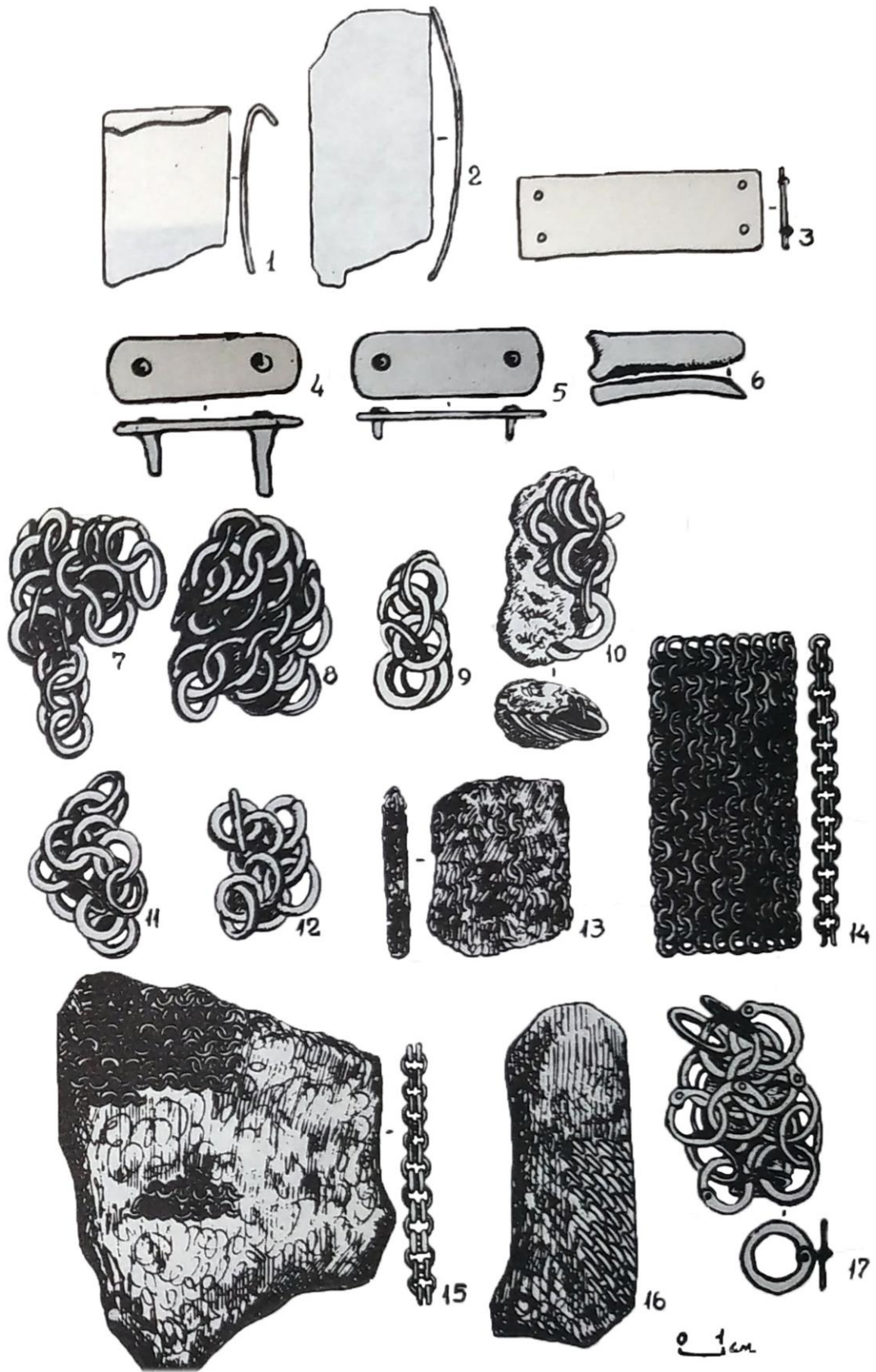

Рис. 57

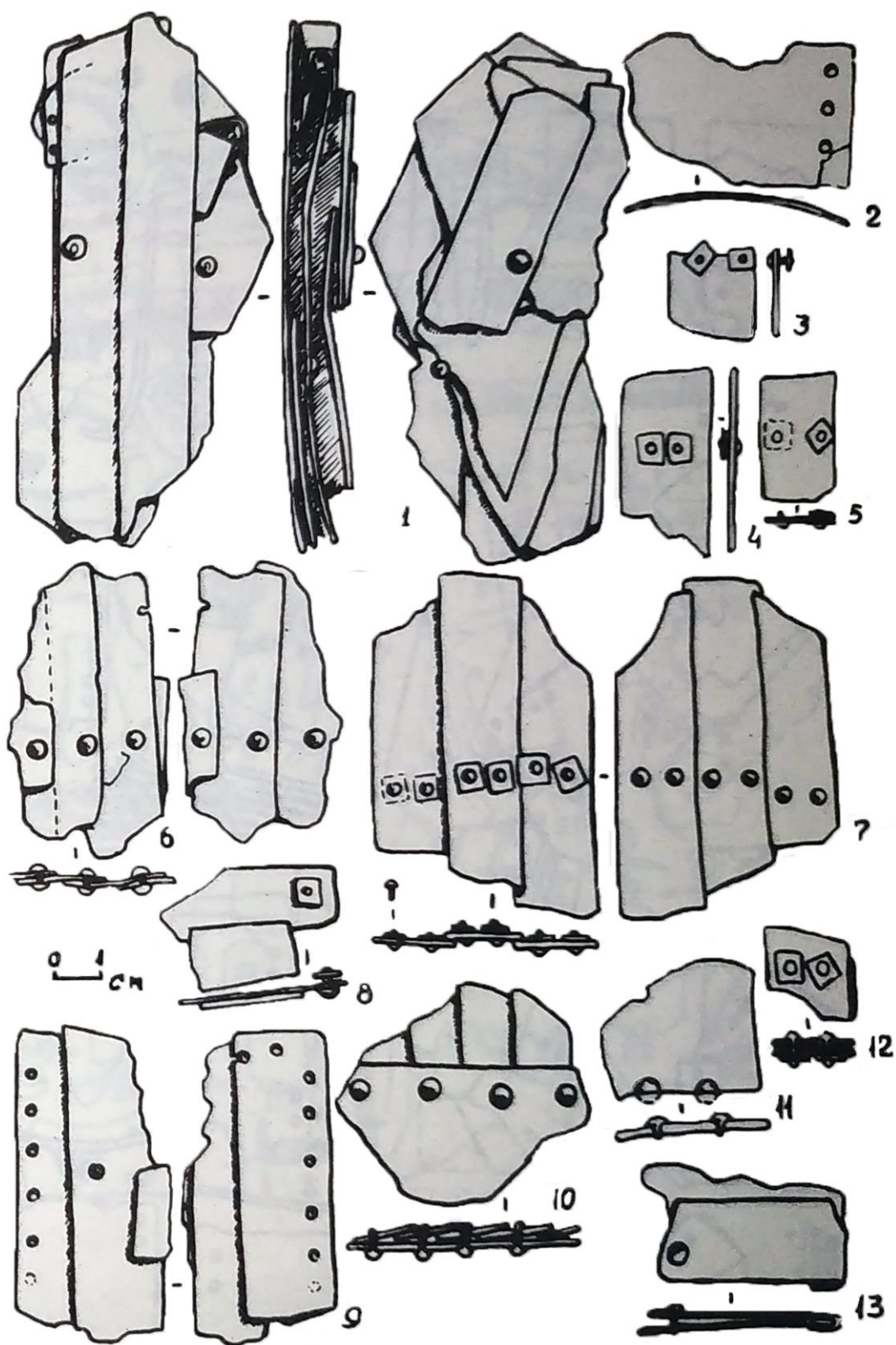

Рис. 58

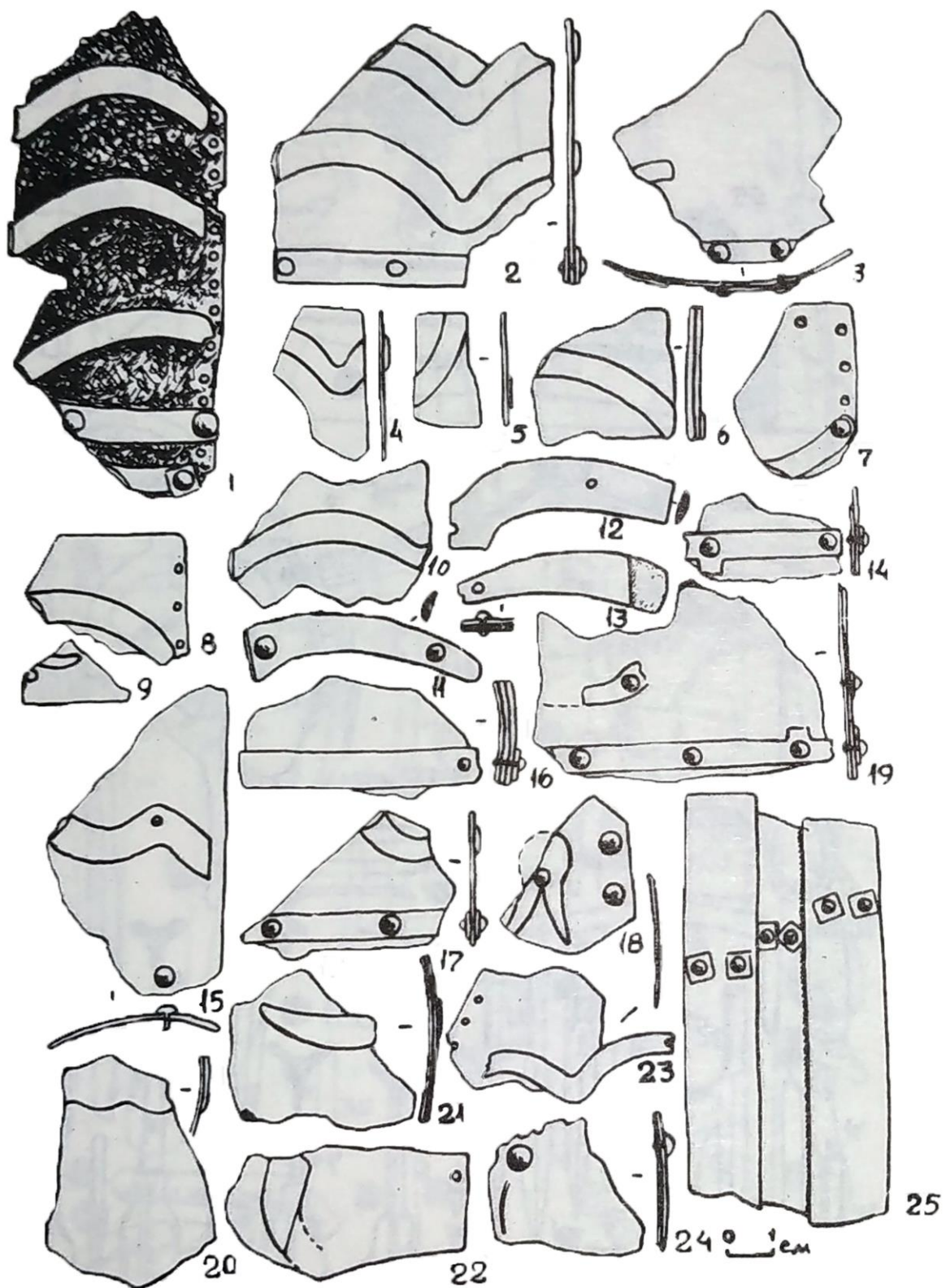

Рис. 59

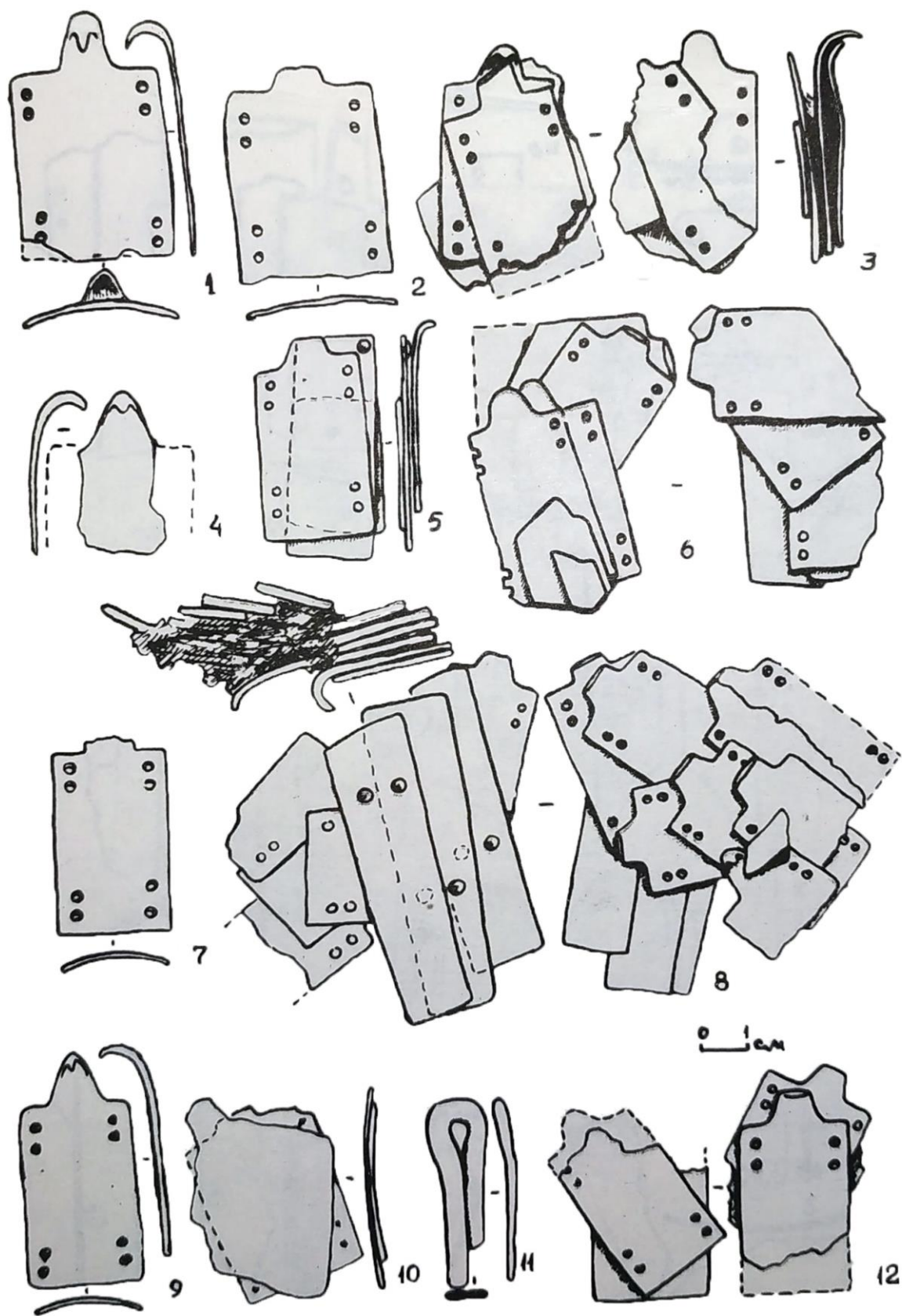

Рис. 60

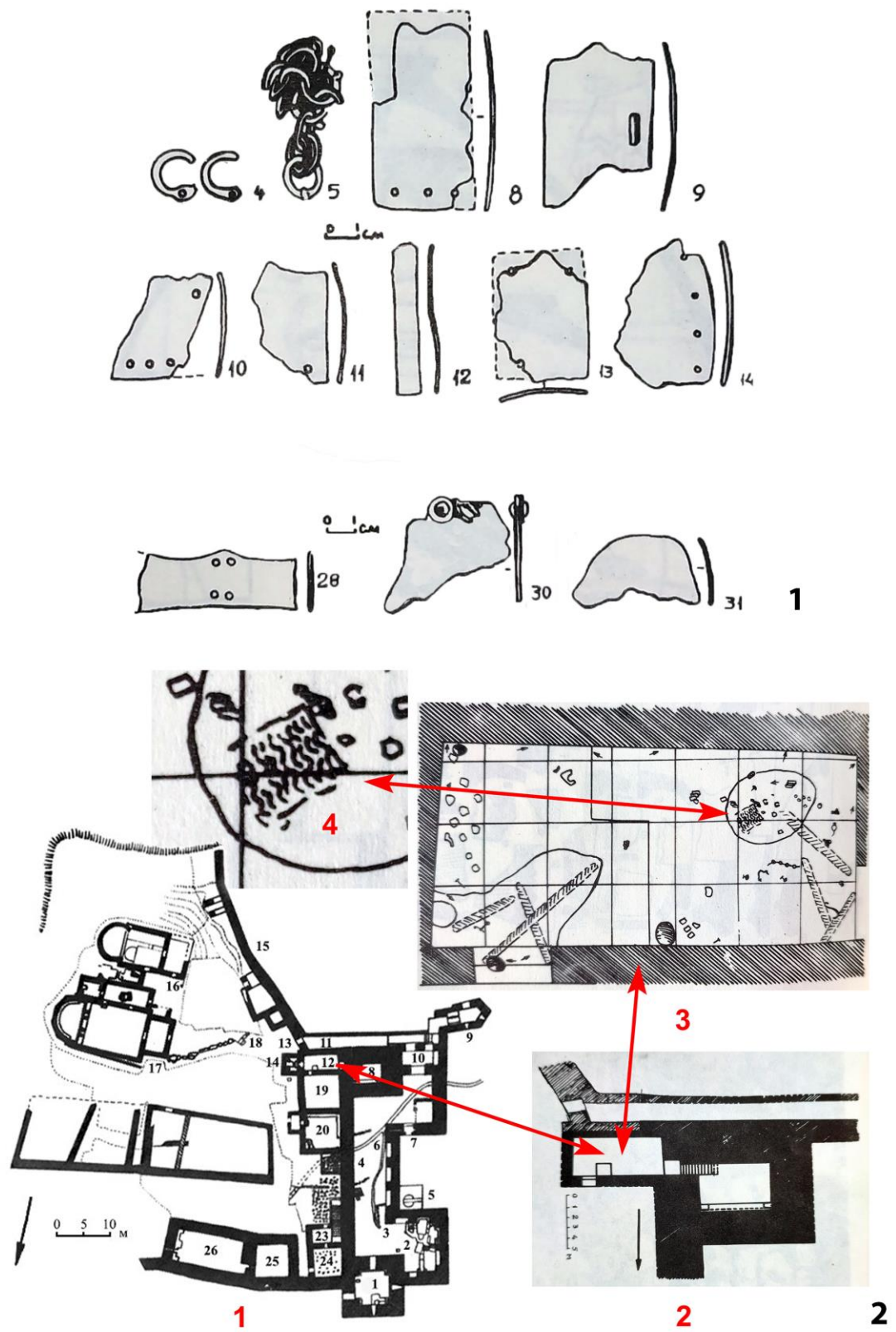

Рис. 61

Рис. 62

Рис. 63

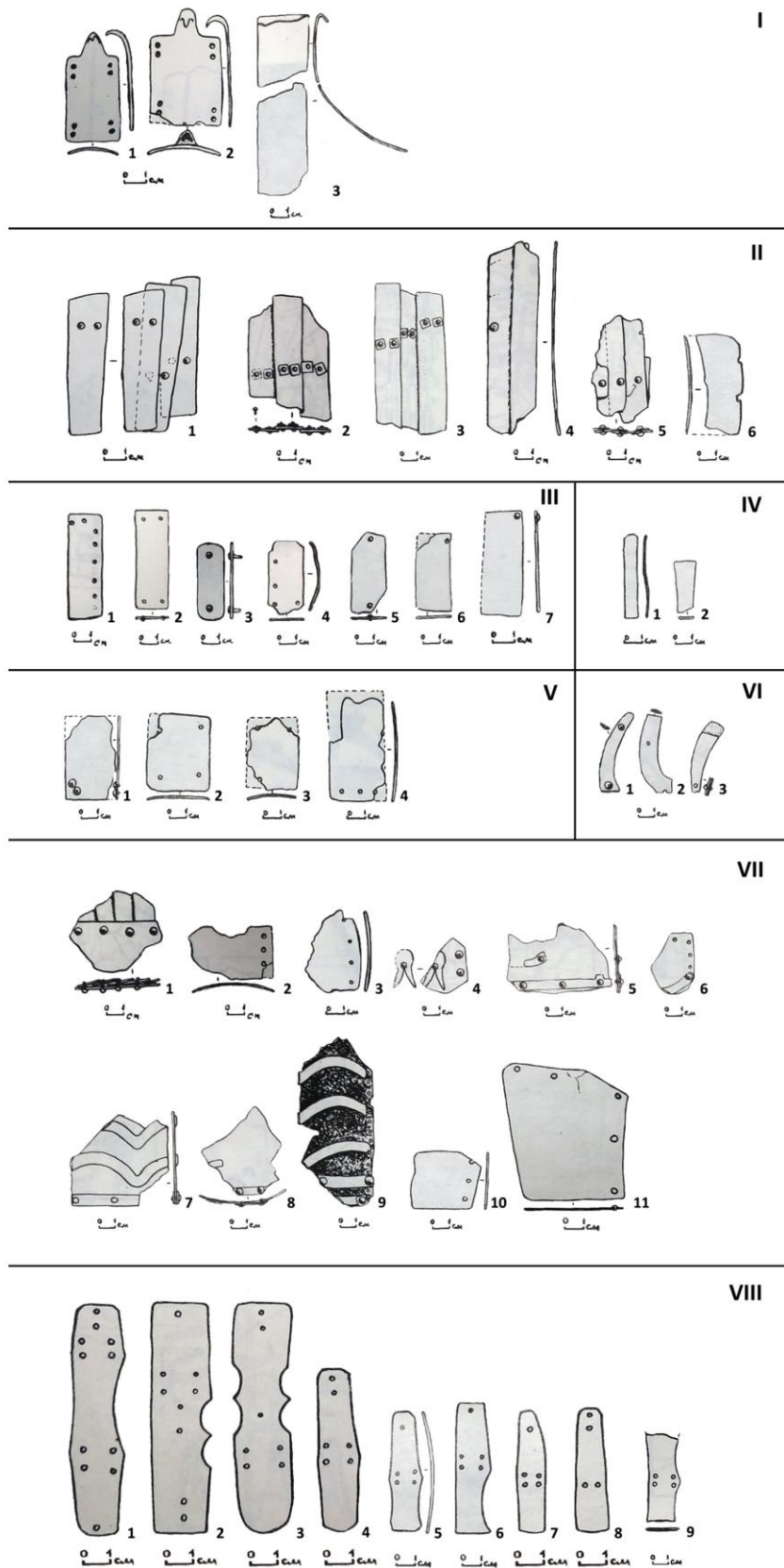
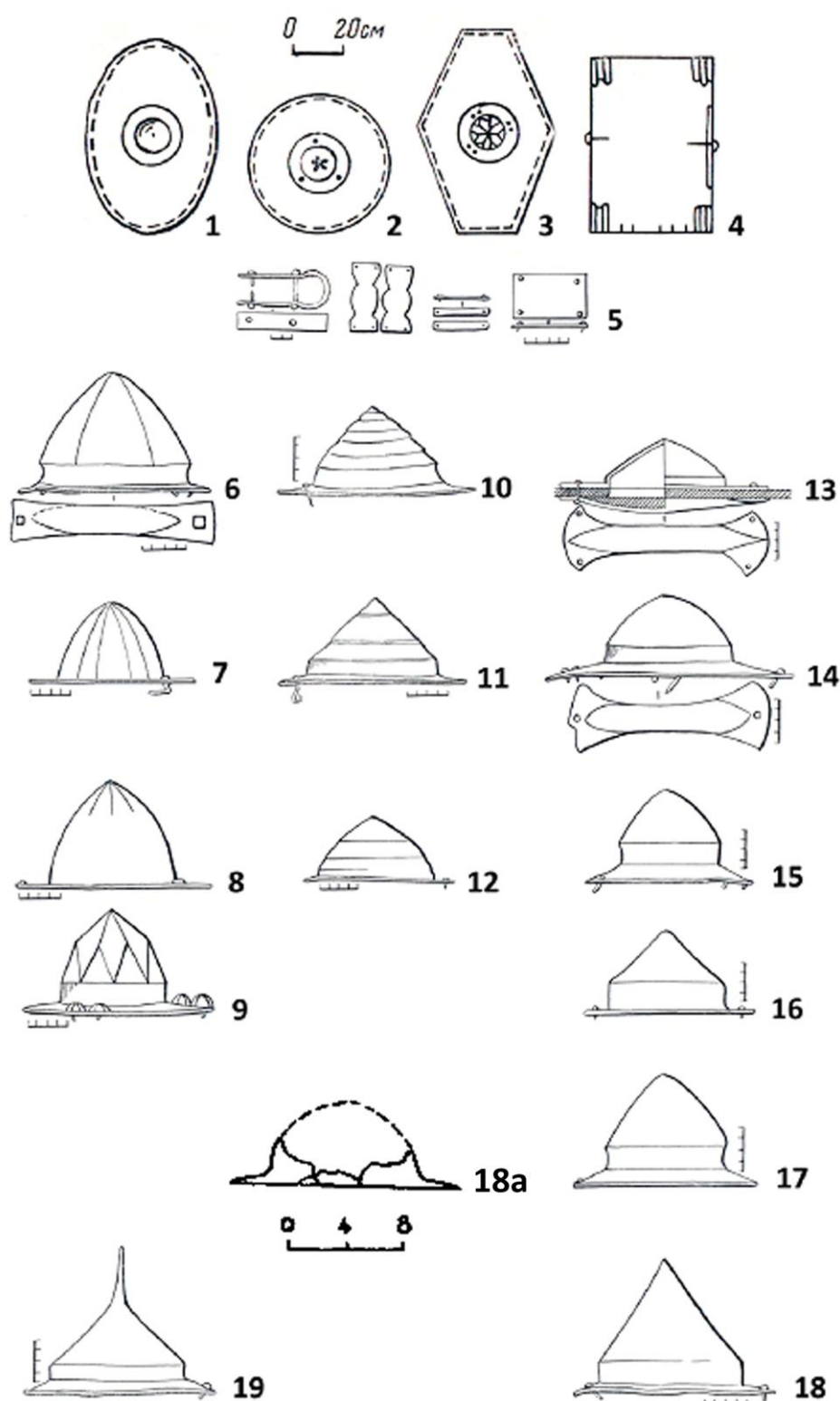

Рис. 64

Рис. 65

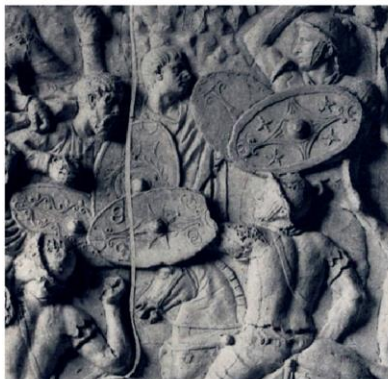
Ю.Н. Воронов, Н.К. Шенкао. Вооружение воинов Абхазии IV-VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII вв. М. 1982. С. 133

Рис. 66

1

Рис. 14. Карта распространения конических умбонов с каннелированным куполом: 1 — Хинова; 2 — Уйхартян; 3 — Тысавалк-Кендерфолдек; 4 — Тысадоб-Сигед; 5 — Тысакарад-Инаша; 6 — Будешти; 7 — Мушов; 8 — Добродзень; 9 — Ольштын; 10 — Залски; 11 — Крикштонис; 12 — Керчь; 13 — Красная Поляна; 14 — Цебельда (по: *Istvánovits, Kulcsár, 1992; Kokowski, 1996*)

2

Рис. 67

ТАБЛИЦА-КАТАЛОГ ОСНОВНЫХ ВИДОВ И ТИПОВ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ ИЗ АБХАЗИИ

Наконечники копий и дротиков

Тип I. Листовидные наконечники копий и дротиков со срединным ребром жесткости

№/Подтип		Предмет в масштабе	Название памятника/место находки	Тип погребения	Датировка	Место издания/ хранения
1	I.1		Могильник Юстинианов Холм-5 - 1, (раскопки Ю.Н. Воронова)	---	III-IV вв.	Воронов, Шенкао 1982: 124, рис. 2, 12

2	I.1		<p>Могильник Юстинианов Холм-5 - 1, (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	---	III-IV вв.	<p>Воронов, Шенкао 1982: 124, рис. 2, 13</p>
3	I.2		<p>Могильник Абгызраху, погр. 3 (раскопки М.М. Трапш)</p>	Кремация	III-IV вв.	<p>Трапш 1971: 150, табл. II, 10</p>

4	I.3		<p>Могильник Цибелиум-1, погр. 163 (раскопки ю.Н. Воронова)</p>	Ингумация	IV в.	Воронов 2003: 39, рис. 80, 9
5	I.4		<p>Могильник Цибелиум-1, погр. 64 (раскопки ю.Н. Воронова)</p>	Кремация	<p>III в.; Стадия I/1 (170/200- 260/270 гг.)</p>	<p>Воронов 2003: 23, рис. 30, 8; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116</p>

6	I.5		<p>Могильник Абгьдзраху-35 (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	---	III-IV вв.	<p>Воронов, Шенкао 1982: 124, рис. 2, 16</p>
7	I.5		<p>Могильник Цибилиум-1, погр. 162 (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	Кремация	<p>III в.; Стадия I/1 (170/200- 260/270 гг.)</p>	<p>Воронов 2003: 38-39, рис. 79, 6, 8; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116</p>

8	I.5		<p>Могильник Цибелиум-1, погр. 162 (раскопки ю.Н. Воронова)</p>	Кремация	<p>III в.; Стадия I/1 (170/200- 260/270 гг.)</p>	<p>Воронов 2003: 38-39, рис. 79, 7, 9; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116</p>
9	I.6		<p>Могильник Цибелиум-12, погр. 462 (раскопки ю.Н. Воронова)</p>	Кремация	<p>III-IV вв.; Стадия I/1 (170/200- 260/270 гг.)</p>	<p>Воронов 2003: 89, рис. 218, 15; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116</p>

10	I.6		<p>Могильник Ачаччарху-12 (раскопки Ю.Н. Воронова);</p> <p>Могильник Шапки, погр. ? (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	---	<p>III-IV вв./ IV-VII вв.</p>	<p>Воронов, Шенкао 1982: 124, рис. 2, 1; Воронов 1975: 90-91, рис. 29, 2</p>
11	I.7		<p>Могильник Цибилуум-12, погр. 462 (раскопки ю.Н. Воронова)</p>	Кремация	<p>III-IV вв.; Стадия I/1 (170/200- 260/270 гг.)</p>	<p>Воронов 2003: 89, рис. 218, 16; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116</p>

12	I.8		<p>Могильник Цибелиум-1, погр. 67 (раскопки ю.Н. Воронова)</p>	<p>Кремация</p>	<p>III-IV вв.; Стадия I/1 (170/200- 260/270 гг.)</p>	<p>Воронов 2003: 38-39, рис. 31, 19; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116</p>
13	I.8		<p>Могильник Цибелиум-1, погр. 177 (раскопки ю.Н. Воронова)</p>	<p>Ингумация</p>	<p>III-IV вв.</p>	<p>Воронов 2003: 41, рис. 89, 4</p>
14	I.8		<p>Могильник Цибелиум-1, погр. 77 (раскопки ю.Н. Воронова)</p>	<p>Ингумация</p>	<p>V в.; Стадия III (380/400- 440/450 гг.)</p>	<p>Воронов 2003: , рис. 37, 6; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116</p>

15	I.9		Могильник Цибилуиум-1 (подъемный материал от В.И. Стражева, М.М. Иващенко)	---	---	Воронов 2003: 14, рис. 4, 16
-----------	-----	---	--	-----	-----	------------------------------

Тип II. Листовидные наконечники дротиков линзовидного сечения

№/Подтип		Предмет в масштабе	Название памятника/место находки	Тип погребения	Датировка	Место издания/ хранения
1	II.1		Могильник в с. Ачмарда Гагрского района	Разрушено	IV-VII вв.?	Изъято у черных археологов

Тип III. Наконечники копий и дротиков ромбического сечения

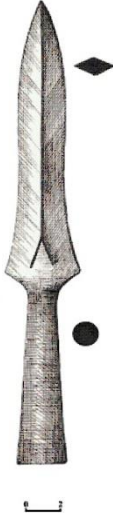

№/Подтип		Предмет в масштабе	Название памятника/место находки	Тип погребения	Датировка	Место издания/ хранения
1	Ш.1		Могильник Абгьдзраху-54 (раскопки Ю.Н. Воронова)	---	IV-VII вв.	Воронов, Шенкао 1982: 125-126, рис. 2, 20

2	Ш.1		<p>Могильник Ахьацарху-47 (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	---	IV-VII вв.	Воронов, Шенкао 1982: 125-126, рис. 2, 27
3	Ш.1		<p>Могильник Цибилуум-1, погр. 190 (раскопки ю.Н. Воронова)</p>	Ингумация	V в.	Воронов 2003: 42, рис. 91, 17

4	Ш.2		Могильник Шапки, погр. ? (раскопки Ю.Н. Воронова)	---	IV-VII вв.	Воронов 1975: 90-91, рис. 29, 12
5	Ш.3		Могильник Церковный Холм-4 – 6 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	Сер. – втор. пол. VI в.	Воронов 1973: 176, рис. 6, 18

6	Ш.4		Могильник Апианча-4/19 (раскопки Ю.Н. Воронова)	---	IV-VII в.	Воронов, Шенкао 1982: 124-125, рис. 2, 32
7	Ш.5		Могильник Цибилиум-2, погр. 383 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Кремация	V в.; Стадия III (380/400-440/450 гг.)	Воронов 2003: 73, рис. 181, 5; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116

8	III.5		с. Цабал Гулрыпшского района	---	---	Фонды АГМ
9	III.5		Могильник Шапки, погр. ? (раскопки Ю.Н. Воронова)	---	IV-VII вв.	Воронов, Шенкао 1982: 124- 125, рис. 2, 5; Воронов 1975: 90-91, рис. 29, 8

10	Ш.6		<p>Могильник Абгьдзраху-47 (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	---	V-VII вв.	<p>Воронов, Шенкао 1982: 124- 125, рис. 2, 34</p>
11	Ш.6		<p>Могильник Шапки, погр. ? (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	---	IV-VII вв.	<p>Воронов 1975: 90-91, рис. 29, 1</p>

12	Ш.7		<p>Могильник в с. Мархяул Гулрыпского района</p>	---	---	<p>Воронов 2009: 462-465, рис. 9, 6</p>
13	Ш.7		<p>Могильник в с. Мархяул Гулрыпского района</p>	---	---	<p>Воронов 2009: 462-465, рис. 9, 6</p>

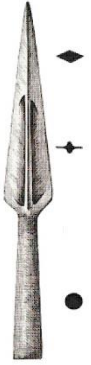
14	Ш.8		<p>Сочинский район Краснодарского края РФ (Красная поляна)</p>	---	VI-VIII вв.	<p>Воронов 1979: 94-97, рис. 52, 21</p>
15	Ш.8		<p>Могильник Цибелиум-1, погр. 180 (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	Ингумация	V в.	<p>Воронов 2003: 41, рис. 84, 26</p>

16	Ш.9		<p>Сочинский район Краснодарского края РФ</p>	---	VIII-X вв.	Воронов 1979: 97, рис. 52, 6
17	Ш.10		<p>Сочинский район Краснодарского края РФ</p>	---	VIII-X вв.	Воронов 1979: 97, рис. 52, 24

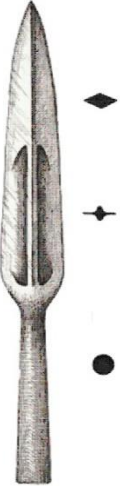
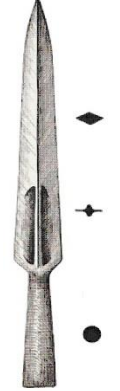
18	III.10		Республика Абхазия, возможно, из ацангуары	---	VIII-X вв.	Фонды АГМ №74-142 (от Ш.Д. Инал-ипа)
-----------	--------	---	--	-----	------------	---

Тип IV. Наконечники копий и дротиков ромбического сечения со штамповкой закрытого типа

№/Подтип	Предмет в масштабе	Название памятника/место находки	Тип погребения	Датировка	Место издания/ хранения
-----------------	-------------------------------	---	---------------------------	------------------	------------------------------------

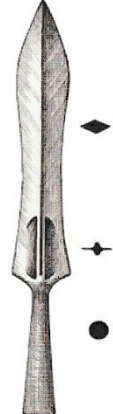
1	IV.1		<p>Могильник Абгьдзраху-13 (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	---	IV-VI вв.	<p>Воронов, Шенкао 1982: 124- 125, рис. 2, 29</p>
2	IV.1		<p>Могильник Шапки, погр. ? (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	---	IV-VII вв.	<p>Воронов 1975: 90-91, рис. 29, 5</p>

3	IV.1		<p>Могильник Шапки, погр. ? (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	---	IV-VII вв.	Воронов 1975: 90-91, рис. 29, 6
4	IV.2		<p>Могильник Абгызраху-13, (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	---	IV-VI в.	Воронов, Шенкао 1982: 124- 125, рис. 2, 30

5	IV.2		<p>Могильник Ахьацарху-35, (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	---	IV-VI вв.	<p>Воронов, Шенкао 1982: 124- 125, рис. 2, 17</p>
6	IV.2		<p>Могильник Апианча- 4/19 (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	---	IV-VI в.	<p>Воронов, Шенкао 1982: 124- 125, рис. 2, 31</p>

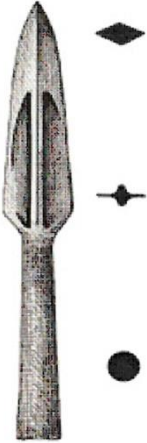

7	IV.3		<p>Могильник Цибелиум-1, погр. 332 (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	Ингумация	V в.	Воронов 2003: 65, рис. 153, 9
8	IV.3		<p>Могильник Шапки, погр. ? (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	---	IV-VI вв./ IV-VII вв.	<p>Воронов, Шенкао 1982: 124- 125, рис. 2, 4; Воронов 1975: 90-91, рис. 29, 7</p>

9	IV.4		<p>Могильник Цибелиум-1, погр. 155 (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	Ингумация	<p>V в.;</p> <p>Могильник Цибелиум-1, погр. 155</p>	<p>Воронов 2003: 37, рис. 76, 9; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116</p>
10	IV.5		<p>Могильник Цибелиум-1, погр. 223 (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	Ингумация	IV в.	Воронов 2003: 47, рис. 105, 10

11	IV.5		<p>Могильник Цибелиум-1, погр. 236 (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	<p>Ингумация</p>	<p>IV в.; Стадия II (320/330- 400/410 гг.)</p>	<p>Воронов 2003: 49, рис. 109, 11; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116</p>
12	IV.6		<p>Могильник Шапки, погр. ? (раскопки Ю.Н. Воронова; Урочище Лар, могильник у р. Джимеле</p>	<p>---</p>	<p>IV-VII вв./ Втор. пол. VI- перв. пол. VII вв.</p>	<p>Воронов 1975: 90-91, рис. 29, 11; Воронов 1982: 31, рис. 13, 5</p>

13	IV.6		<p>Могильник Абгыздраху-47, (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	---	VI-VII вв.	<p>Воронов, Шенкао 1982: 124- 125, рис. 2, 34</p>
14	IV.6		<p>Могильник Цибилуум-1, погр. 223 (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	Ингумация	IV в.	<p>Воронов 2003: 47, рис. 105, 9</p>

15	IV.7		с. Цабал Гулрыпшского района	---	---	Частная коллекция
16	IV.8		Могильник Цибелиум-1, погр. 251 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV в.	Воронов 2003: 51, рис. 118, 14

17	IV.8		<p>Могильник Цибелиум-1, погр. 118 (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	Ингумация	IV в.	Воронов 2003: 32, рис. 52, 30
18	IV.8		<p>Могильник Цибелиум-1, погр. 366 (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	Ингумация	IV-V вв.	Воронов 2003: 69, рис. 170, 8
Тип V. Наконечники с вытянутой шейкой и жальцем на конце						
№/Подтип	Предмет в масштабе	Название памятника/место находки	Тип погребения	Датировка	Место издания/ хранения	

1	V.1		<p>Могильник Церковный Холм-4 – 6 (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	Ингумация	Сер. – втор. пол. VI в.	Воронов 1973: 176, рис. 6, 19
2	V.2		<p>Могильник Цибилеум-1, погр. 218 (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	Кремация	V-VI вв.	Воронов 2003: 47, рис. 103, 6

3	V.3		Могильник Шапки, погр. ? (раскопки Ю.Н. Воронова)	---	Втор. пол. IV- VII вв.	Воронов, Шенкао 1982: 124- 125, рис. 2, 7; Воронов 1975: 90-91, рис. 29, 10
4	V.4		Могильник Шапки, погр. ? (раскопки Ю.Н. Воронова)	---	IV-VII вв.	Фонды АГМ Воронов 1975: 90-91, рис. 29, 9

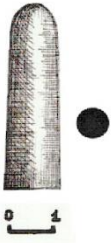
Тип VI. Наконечники квадратного сечения

№/Подтип		Предмет в масштабе	Название памятника/место находки	Тип погребения	Датировка	Место издания/ хранения
1	VI.1		Могильник Хашупсы (раскопки Г.К. Шамба)	Ингумация	III-IV вв.	Шамба 1974: 50, рис. 3, 9
2	VI.2		Могильник Цибилиум-1, погр. 250 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV в.; Стадия II (320/330-400/410 гг.)	Воронов 2003: 51, рис. 84, 4; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116

3	VI.3		<p>Могильник Цибелиум-1, погр. 168 (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	Ингумация	V-VI вв.	Воронов 2003: 39, рис. 117, 9
4	VI.4		<p>Могильник Ахьацарху-47 (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	---	IV-VII вв.	Воронов, Шенкао 1982: 124-125, рис. 2, 26

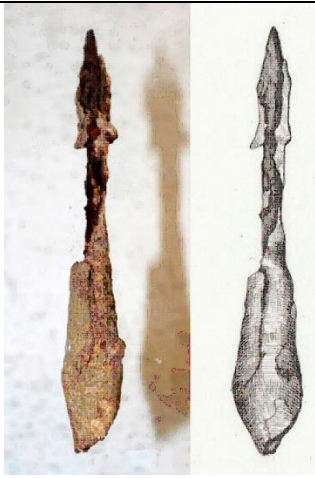
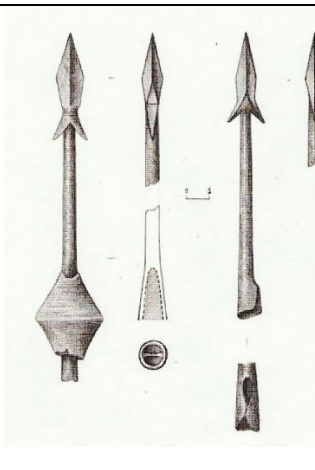
5	VI.4		Могильник Цибелиум-1, погр. 251 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV в.	Воронов 2003: 51, рис. 118, 13
6	VI.4		Могильник Юстинианов Холм-5 – 1 (раскопки Ю.Н. Воронова)	---	IV в.	Воронов, Шенкао 1982: 124- 125, рис. 2, 14
Тип VII. Наконечники круглого сечения						
№/Подтип		Предмет в масштабе	Название памятника/место находки	Тип погребения	Датировка	Место издания/ хранения
1	VII.1		Могильник Шапки, погр. ? (раскопки Ю.Н. Воронова)	---	IV-VII вв.	Воронов 1975: 90-91, рис. 29, 3

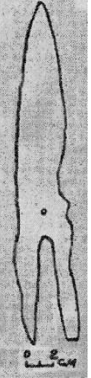
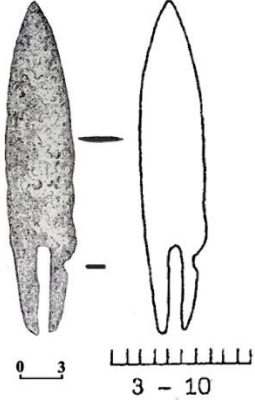
2	VII.1		<p>Могильник Цибелиум-1, погр. 162 (раскопки ю.Н. Воронова)</p>	<p>Кремация</p>	<p>III в.; Стадия I/1 (170/200- 260/270 гг.)</p>	<p>Воронов 2003: 38-39, рис. 79, 7, 9; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116</p>
3	VII.1		<p>Могильник Шапки, погр. ? (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	<p>---</p>	<p>IV-VII вв.</p>	<p>Воронов 1975: 90-91, рис. 29, 4</p>
4	VII.2		<p>Могильник Цибелиум-2, погр. 420 (раскопки ю.Н. Воронова)</p>	<p>Ингумация</p>	<p>V в.</p>	<p>Воронов 2003: 79, рис. 201, 20</p>

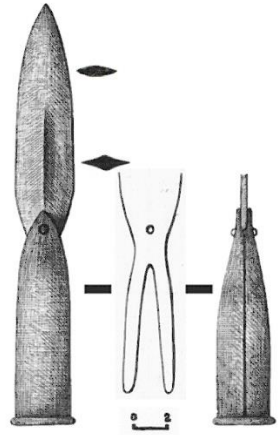
5	VII.3		---	---	---	Воронов, Бгажба, Шенкао 1982: 26-27?
6	VII.3		Могильник Цибелиум-10, погр. 456 (раскопки ю.Н. Воронова)	Кремация	III в.; Стадия I/1 (170/200- 260/270 гг.)	Воронов 2003: 86-87, рис. 216, 10; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116
7	VII.4		Могильник Цибелиум-1, погр. 162 (раскопки ю.Н. Воронова)	Кремация	III в.; Стадия I/1 (170/200- 260/270 гг.)	Воронов 2003: 38-39, рис. 79, 6, 8; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116

Тип VIII. Наконечники дротиков со свинцовым грузом

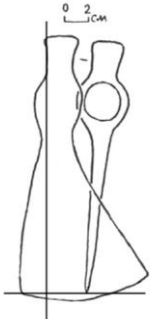
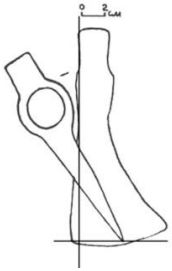
№/Подтип	Предмет в масштабе	Название памятника/место находки	Тип погребения	Датировка	Место издания/ хранения
----------	--------------------	----------------------------------	----------------	-----------	-------------------------

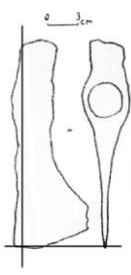
1	VIII. 1		г. Пицунда Гагрского района (оз. Инкит) Случайная находка	---	III-IV вв.	Экспозиция музея Пицундского Государственного Историко-Архитектурного заповедника «Великий Питуунт»
2	VIII. 2		с. Цабал Гулрыпшского района (раскопки Ю.Н. Воронова)	Крепость Цибилеум	Сер. VI в.	Воронов 1987: 127, рис. 8, 26 Воронов, Бгажба 1985: 93
Тип IX. Наконечники копий вторичного использования						
№/Подтип	Предмет в масштабе	Название памятника/место находки	Тип погребения	Датировка	Место издания/ хранения	

1	IX.1		Республика Абхазия	---	IV-II вв. до н.э.?	Бгажба 1982, рис. 2, №180
2	IX.1		<p>Село Кринички Балтского района Днепроградской области</p> <p>Черняховская культура, погр. 6 (раскопки С.С. Гамченко)</p>	Ингумация?	III-V вв.	<p>Сымонович 1955: 245; Вознесенская 1972: 21; Магомедов, Левада 1996: 306</p>

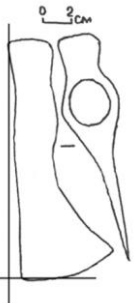
3	IX.2		<p>Могильник Цибелиум-8, погр. 448 (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	<p>Ингумация</p>	<p>I в. до н.э. – I в. н.э.</p>	<p>Воронов 2003: Рис. 211, 29</p>
---	------	---	---	------------------	-------------------------------------	-----------------------------------

Топоры

Тип I. Топоры с вытянутым прямоугольным обухом, округлым либо овально-прямоугольным проушным отверстием и ассиметричным лезвием						
№/Подтип		Пропорции в см: общая длина, ширина лезвия	Название памятника/место находки	Тип погребения	Датировка	Место издания/ хранения
1	I.1.1	19 – 10,2 	Могильник Цибилиум-1, погр. 177 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	III-IV вв.	Воронов 2003: 41, рис. 88, 36
2	I.1.1	16 – 7 	Могильник Цибилиум-1, погр. 67 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Кремация	III-IV вв.; Стадия I/1 (170/200- 260/270 гг.)	Воронов 2003: 23, рис. 31, 20; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116

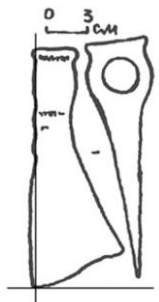

3	I.1.1	<p>15 – 7,6</p> 	<p>Могильник Цибелиум-1, погр. 194 (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	Ингумация	IV в.	Воронов 2003: 43, рис. 94, 4
4	I.1.1	<p>14 – 7</p> 	<p>Могильник Цибелиум-1, погр. 187 (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	Ингумация	III-IV вв.	Воронов 2003: 42, рис. 91, 5
5	I.1.1	<p>14 – 6</p> 	<p>Могильник Апушта, погр. 2 (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	Ингумация	Перв. пол.- сер. IV в.	Воронов 1982: 48, рис. 21, 33
6	I.1.2	<p>16,5 – 8</p>	Могильник	Кремация	III в.;	Воронов 2003: 86,

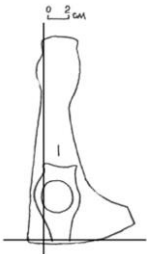
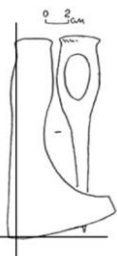
			Цибилеум-10, погр. 456 (раскопки Ю.Н. Воронова)		Стадия I/1 (170/200- 260/270 гг.)	рис. 216, 8; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116
7	I.1.3	16 – 8 	Могильник Цибилеум-1, погр. 162 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Кремация	III в.; Стадия I/1 (170/200- 260/270 гг.)	Воронов 2003: 38, рис. 79, 14; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116
8	I.1.4	12 – 6 	Могильник Апушта, найден рядом с с погр. 37 (раскопки Ю.Н. Воронова)	---	IV-V вв.?	Воронов 1982: 68, рис. 22, 37
9	I.1.4	17,7 – 8,4	Могильник	Ингумация	Кон. III-пер.	Воронов 2003: 16,

			Цибелиум-1, погр. 28 (раскопки Ю.Н. Воронова)		пол. IV вв.; Стадия I/1 (170/200- 260/270 гг.)	рис. 5, 26; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116
10	I.1.4	11,4 – 5 	Могильник Цибелиум-1, погр. 45 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV в.	Воронов 2003: 19, рис. 19, 8
11	I.1.5	14,5 – 6,6 	Могильник Цибелиум-1, погр. 255 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV в.; Стадия I/1 (170/200- 260/270 гг.) или начало стадии II (320/330- 400/410 гг.)	Воронов 2003: 51, рис. 119, 20; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116

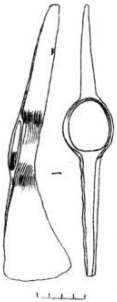
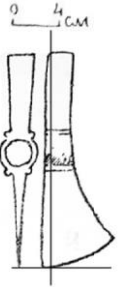
**Тип I. Топоры с коротким прямоугольным обухом, иногда заканчивающимся шляпкой в виде расширения на конце
и ассиметричным лезвием**

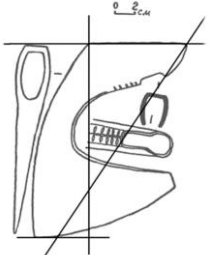
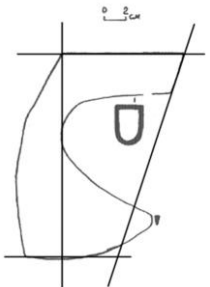
№/Подтип		Пропорции в см: общая длина, ширина лезвия	Название памятника/место находки	Тип погребения	Датировка	Место издания/ хранения
1	I.2.1	11 – 8 	Могильник Цибилиум-1, погр. 210 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV-V вв.	Воронов 2003: 45, рис. 98, 41
2	I.2.1	10,5 – 5 	Могильник в с. Мархяул Гулрыпского района	---	IV-V вв.	Воронов 2009: 462-465, рис. 9, 8
3	I.2.1	9,3 – 4,5	Могильник Бат, погр. 4 (раскопки Ю.Н.	Ингумация	IV- перв. пол. V вв.	Воронов 1982: 42, рис. 17, 13

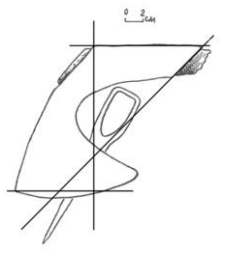
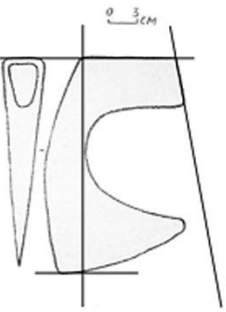
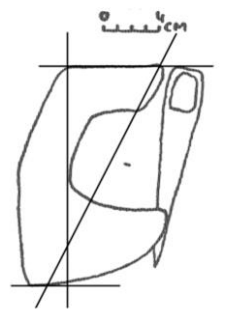
			Воронова)			
4	I.2.1	16,2 – 7 	Могильник Цибелиум-1, погр. 83 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Кремация	III в.; Стадия I/1 (170/200- 260/270 гг.)	Воронов 2003: 26, рис. 40, 10; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116
5	I.2.2	14 – 7,5 	Могильник Цибелиум-1, погр. 273 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Кремация	III в.	Воронов 2003: 54, рис. 128, 8

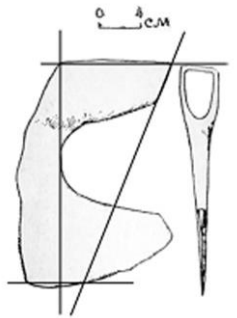
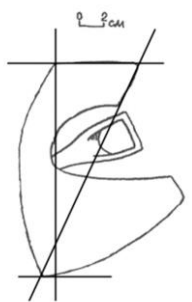
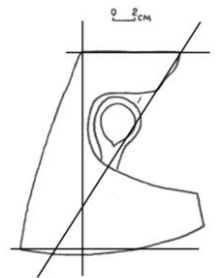
6	I.2.3	<p>15 – 7,6</p> 	<p>Могильник Апушта, погр. 27 (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	Ингумация	IV в.	Воронов 1982: 62, рис. 29, 2
7	I.2.3	<p>16 – 8,8 – 1,6</p> 	<p>Могильник Цибилуум-1, погр. 259 (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	Кремация	IV в.; Стадия II (320/330- 400/410 гг.)	Воронов 2003: 52, рис. 121, 19; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116
8	I.2.3	<p>15 – 8,6 – 1,4</p> 	<p>Могильник Цибилуум-2, погр. 352 (раскопки Ю.Н. Воронова)</p>	Ингумация	IV-V вв.	Воронов 2003: 68, рис. 165, 11
Тип I. Топоры с длинным обухом						

№/Подтип		Пропорции в см: общая длина, ширина лезвия	Название памятника/место находки	Тип погребения	Датировка	Место издания/ хранения
1	I.3	20,2 – 5,6 	Могильник Цибилиум-1, погр. 54 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	VI-VII вв.	Воронов 2003: 20, рис. 17, 12
2	I.3	18 – 4,8 	Могильник Цибилиум-1, погр. 199 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	VI в.	Воронов 2003: 43, рис. 94, 25
3	I.3	21 – 5,3	Крепость Ачапара	Подъемный материал	VI-VII вв.	Бгажба 1974: 76; Бгажба 1977: 43-44, табл. VI,

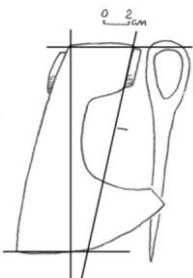
						20
4	I.3	12 – 4 	Могильник Лар, найден рядом с погр. 1 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	Втор. пол. VI-перв. пол. VII вв.	Воронов 1982: 31, рис. 13, 8
Тип II. Топоры с длинной тульей и широким лезвием						
№/Подтип	Пропорции в см: общая длина, ширина лезвия, ширина среза «бородки», длина обуха	Название памятника/место находки	Тип погребения	Датировка	Место издания/ хранения	
1	II.1	21 – 12,2 – 2,3 – 10,3	Случайная находка	Разрушено	III в.?	---

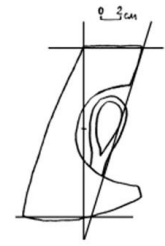
			под Симферополем			
2	II.1	19 – 14 – 1,6 – 9 	Могильник Цибилеум-12, погр. 462 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Кремация	III-IV вв.; Стадия I/1 (170/200- 260/270 гг.)	Воронов 2003: 89, рис. 218, 14; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116
3	II.2	17,5 – 11,5 – 0,8 – 10 	Могильник Цибилеум-1, погр. 64 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Кремация	III в.; Стадия I/1 (170/200- 260/270 гг.)	Воронов 2003: 23, рис. 30, 6; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116
4	II.2	17,2 – 14 – 11,4	Могильник Цибилеум-1, погр. 97	Кремация	III в.; Стадия I/1	Воронов 2003: 29, рис. 50, 11;

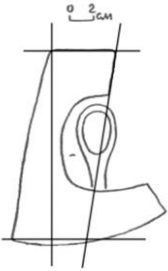

			(раскопки Ю.Н. Воронова)		(170/200-260/270 гг.)	Казанский, Мастыкова 2008: 102-116
5	II.3	14 – 8 – 1 – 6 	Могильник в с. Мархяул Гулрыпского района		IV-V вв.	Воронов 2009: 462-465, рис. 9, 7
6	II.4	16,3 – 13 – 7,2 	Могильник Цибилиум-1, погр. 37 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	III-IV (?)	Воронов 2003: 17, рис. 4, 12 (Коллекция В.И. Стражева и М.М. Иващенко)
7	II.4	14 – 10,5 – 2 – 7,2	Могильник Лар, погр.	Разрушено	IV в.	Воронов 1982: 34, рис. 15, 1

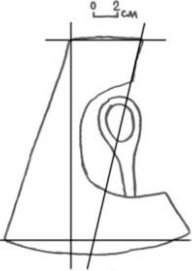
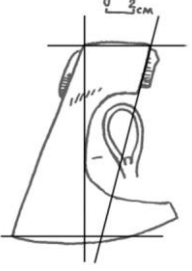
			5 (раскопки Ю.Н. Воронова)			
8	II.5	17 – 12,5 – 2 – 6 	Могильник Цибелиум-1, погр. 162 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Кремация	III в.; Стадия I/1 (170/200- 260/270 гг.)	Воронов 2003: 38, рис. 79, 10; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116
9	II.6	17 – 15,4 – 3 – 8 	Могильник Цибелиум-12, погр. 463 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Кремация	III-IV вв.	Воронов 2003: 89, рис. 221, 19
10	II.6	18 – 13 – 2,2 – 6,4	Могильник	Кремация	III в.;	Воронов 2003: 86,

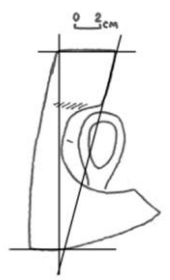
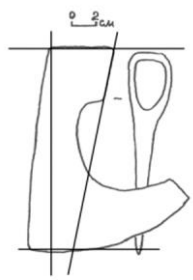

			Цибелиум-10, погр. 456 (раскопки Ю.Н. Воронова)		Стадия I/1 (170/200- 260/270 гг.)	рис. 216, 14; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116
Тип III. Топоры с короткой тульей, широким лезвием и выраженным срезом на бородке						
№/Подтип	Пропорции в см: общая длина, ширина лезвия, ширина среза «бородки», длина обуха	Название памятника/место находки	Тип погребения	Датировка	Место издания/ хранения	
1	Ш.1.1 	Цебельда	---	---	Экспозиция АГМ	

2	Ш.1.1	17 – 12 – 3,5 – 3,2 	Могильник Апушта (раскопки Ю.Н. Воронова)	Разрушено	---	Воронов 1982: 68, рис. 31, 41
3	Ш.1.1	16,6 – 12 – 2 – 6 	Могильник Цибелиум-2, погр. 312 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV в.; Стадия II (320/330- 400/410 гг.)	Воронов 2003: 62, рис. 145, 8; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116
4	Ш.1.1	15,5 – 12 – 1,6 – 5 	Могильник Цибелиум-2, погр. 356 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV-V вв.; Стадия II (320/330- 400/410 гг.)	Воронов 2003: 68, рис. 167, 12; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116
5	Ш.1.1	15 – 12 – 1,6 – 4,6	Могильник	Ингумация	V в.;	Воронов 2003: 22,

			Цибелиум-1, погр. 60 (раскопки Ю.Н. Воронова)		Стадия III (380/400- 440/450 гг.)	рис. 25, 17; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116
6	Ш.1.1	15 – 10 – 2,8 – 4,4 	Могильник Цибелиум-2, погр. 419 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.	Воронов 2003: 79, рис. 200, 8
7	Ш.1.1	8 – 11 – 1,2 – 5,2 	Могильник Цибелиум-1, погр. 171 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.; Стадия III (380/400- 440/450 гг.)	Воронов 2003: 40, рис. 85, 10; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116
8	Ш.1.1	14,6 – 12 – 2,5 – 5	Могильник Цибелиум-1, погр. 220 (раскопки Ю.Н.	Ингумация	V в.	Воронов 2003: 47, рис. 104, 6

			Воронова)			
9	Ш.1.1	14,5 – 11,4 – 2 – 5 	Могильник Цибелиум-1, погр. 200 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V-VI вв.	Воронов 2003: 44, рис. 96, 18
10	Ш.1.1	13,6 – 9,6 – 2 – 4,8 	Могильник Цибелиум-1, погр. 103 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Кремация	V в.	Воронов 2003: 29, рис. 56, 20
11	Ш.1.1	13 – 11 – 2 – 4	Могильник Лар (раскопки Ю.Н. Воронова)	---	---	Воронов 1982: 38, рис. 13, 28

						
12	Ш.1.1	15,4 – 14 – 3,6 – 5,4 	Могильник Цибелиум-1, погр. 218 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Кремация	V-VI вв.	Воронов 2003: 47, рис. 103, 5
13	Ш.1.1	14 – 11,8 – 1,2 – 4,8 	Могильник Цибелиум-2, погр. 385 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингуляция	IV-V вв.	Воронов 2003: ?, рис. 183, 10
14	Ш.1.1	16,5 – 12,6 – 1,8 – 4,6	Могильник Цибелиум-2, погр. 420	Ингуляция	V в.; Стадия III	Воронов 2003: 79, рис. 201, 19;

			(раскопки Ю.Н. Воронова)		(380/400-440/450 гг.)	Казанский, Мастыкова 2008: 102-116
15	Ш.1.2	15 – 13,4 – 2 – 5 	Могильник Цибилиум-2, погр. 278 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV-V вв.	Воронов 2003: 56, рис. 131, 9
16	Ш.1.2	12,3 – 8 – 1,3 – 4,6 	Могильник Цибилиум-1, погр. 38 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	--- Стадия I/2 (260/270-330/340 гг.)	Воронов 2003: 17, рис. 4, 13; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116
17	Ш.1.2	17 – 13,5 – 1,5 – 6	Могильник Цибилиум-1, погр. 17 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV в.	Воронов 2003: 15, рис. 7, 7

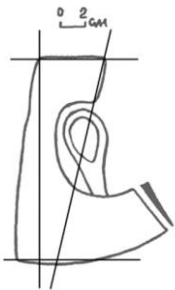

			Воронова)			
18	Ш.1.2	17 – 13 – 2 – 4,6 	Могильник Цибилуум-1, погр. 142 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.	Воронов 2003: 36, рис. 73, 9
19	Ш.1.2	17 – 11 – 1,4 – 6 	Могильник Цибилуум-1, погр. 151 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV в.	Воронов 2003: 37, рис. 74, 14
20	Ш.1.2	15 – 9 – 1,4 – 4,4	Могильник Цибилуум-2, погр. 311	Ингумация	V в.	Воронов 2003: 61, рис. 144, 9

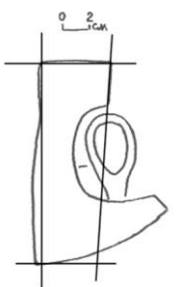
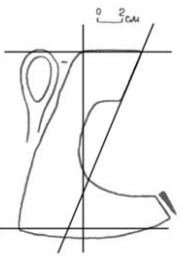
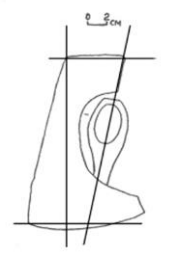
			(раскопки Ю.Н. Воронова)			
21	Ш.1.2	14,5 – 10 – 1 – 4,2 	Могильник Цибелиум-1, погр. 81 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV-V вв.	Воронов 2003: 25, рис. 39, 10
22	Ш.2.1	13 – 8,5 – 1,6 – 4,8 	Могильник Цибелиум-1, погр. 127 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV в.; Стадия I/2 (260/270- 330/340 гг.)	Воронов 2003: 34, рис. 64, 12; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116
23	Ш.2.1	13 – 10 – 1,4 – 4,6	Могильник Цибелиум-1, погр. 238	Ингумация	IV-V вв.	Воронов 2003: 49, рис. 111, 13

			(раскопки Ю.Н. Воронова)			
24	Ш.2.2	13,5 – 11,8 – 2 – 4,4 	Могильник Цибилуум-2, погр. 393 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.	Воронов 2003: 75, рис. 189, 2
25	Ш.2.1	15 – 12 – 2,2 – 4,8 	Могильник Цибилуум-1, погр. 189 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.	Воронов 2003: 42, рис. 91, 10
26	Ш.2.1	15 – 12 – 2,2 – 4,6	Могильник Цибилуум-2, погр. 399	Кремация	V в.; Стадия III	Воронов 2003: 76, рис. 191, 11;

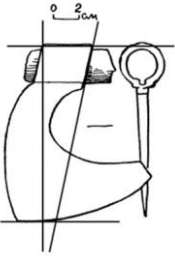

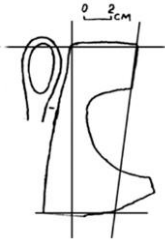
			(раскопки Ю.Н. Воронова)		(380/400-440/450 гг.)	Казанский, Мастыкова 2008: 102-116
27	Ш.2.1	15,5 – 10,2 – 1,4 – 5,4 	Могильник Цибилиум-1, погр. 258 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV в.	Воронов 2003: 52, рис. 121, 9
28	Ш.2.1	16 – 14 – 3,3 – 4 	Цебельда, погр. 1	Ингумация	VII в.	Воронов, В.А. Юшин, 1971: , рис. 41, 2
29	Ш.2.1	14,8 – 12,4 – 2,4 –	Могильник	Ингумация	V в.;	Воронов 2003: 26,

		5,4 	Цибелиум-1, погр. 85 (раскопки Ю.Н. Воронова)		Стадия III (380/400-440/450 гг.)	рис. 41, 10; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116
30	III.2.1	14,5 – 12,6 – 2,6 – 4,2 	Могильник Цибелиум-3, погр. 426 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV-V вв.	Воронов 2003: 81, рис. 22, 29
31	III.2.1	14,5 – 11,2 – 4 – 5	Могильник Цибелиум-12, погр. 466 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV в.	Воронов 2003: 90, рис. 222, 6

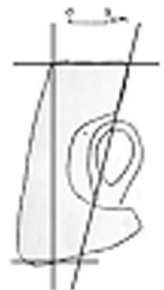

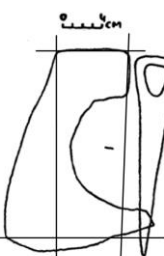
						
32	Ш.2.1	14,5 – 9 – 1,4 – 5 	Могильник Цибелиум-3, погр. 429 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.	Воронов 2003: 82, рис. 206, 10
33	Ш.2.1	14 – 10 – 1,6 – 4 	Могильник Цибелиум-1, погр. 175 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.	Воронов 2003: 40, рис. 87, 6
34	Ш.2.1	13,8 – 10 – 1,4 – 4,8	Могильник Цибелиум-1, погр. 141	Ингумация	V в.	Воронов 2003: 36, рис. 72, 8

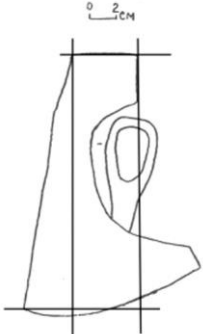

			(раскопки Ю.Н. Воронова)			
35	Ш.2.1	14 – 11,4 – 2 – 4,6 	Могильник Цибелиум-1, погр. 155 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.; Стадия III (380/400- 440/450 гг.)	Воронов 2003: 37, рис. 76, 8; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116
36	Ш.2.1	13 – 10,5 – 1,6 – 5,2 	Могильник Цибелиум-1, погр. 247 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV в.	Воронов 2003: 50, рис. 115, 11
37	Ш.2.1	13 – 10,4 – 3,2 – 3,8	Могильник Цибелиум-2, погр. 362 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.; Стадия III (380/400-	Воронов 2003: 69, рис. 169, 3; Казанский, Мастыкова 2008:

			Воронова)		440/450 гг.)	102-116
38	Ш.2.1	13 – 10 – 2 – 4 	Могильник Цибелиум-1, погр. 159 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.	Воронов 2003: 38, рис. 78, 6
39	Ш.2.1	13 – 10 – 1,4 – 4 	Могильник Цибелиум-1, погр. 168 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V-VI вв.	Воронов 2003: 39, рис. 84, 2
40	Ш.2.1	12 – 10 – 1,4 – 3,4	Могильник Цибелиум-2, погр. 357	Ингумация	VI в.	Воронов 2003: 68, рис. 165, 15

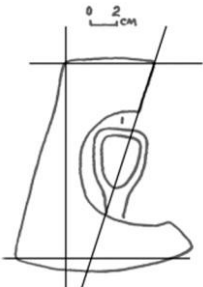
			(раскопки Ю.Н. Воронова)			
41	Ш.2.1	12 – 9 – 1 – 4,8 	Могильник Цибелиум-1, погр. 197 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV в.	Воронов 2003: 43, рис. 95, 29
42	Ш.2.1	11,5 – 7,4 – 1,2 – 4,6 	Могильник Цибелиум-1, погр. 251 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV в.	Воронов 2003: 51, рис. 118, 11
43	Ш.2.1	11,2 – 10 – 1,8 – 3,6	Могильник Лар (раскопки Ю.Н. Воронова)	---	---	Воронов 1982: 38, рис. 15, 18

						
44	Ш.2.1	11 – 9 – 1,2 – 3,6 	Могильник Апушта, погр. 20 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	VI-VII вв.	Воронов 1982: 59, рис. 27, 20
45	Ш.2.1	11 – 9 – 1 – 3,6 	Могильник Апушта, погр. 15 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	Втор. пол. V- VI вв.	Воронов 1982: 57, рис. 26, 4
46	Ш.2.1	11 – 7,2 – 1,2 – 4,2	Могильник Апушта, около погр. 15 (раскопки Ю.Н.	Ингумация?	---	Воронов 1982: 68, рис. 27, 29

			Воронова)			
47	Ш.2.1	10,2 – 7,5 – 2,4 – 3 	Могильник Лар (раскопки Ю.Н. Воронова)	---	---	Воронов 1982: 38, рис. 15, 19
48	Ш.2.2	19,5 – 16,3 – 2 – 8 	Могильник Цибилуим-1, погр. 1- 10	Разрушены	---	Воронов 2003: 14, рис. 4, 11 (Коллекция В.И. Стражева и М.М. Иващенко)
49	Ш.2.2	17 – 12 – 1,8 – 4,4	Могильник Цибилуим-1, погр. 248 (раскопки Ю.Н.	Ингумация	IV в.; Стадия II (320/330-	Воронов 2003: 51, рис. 116, 10; Казанский, Мастыкова 2008:

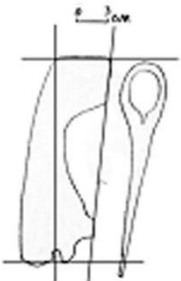
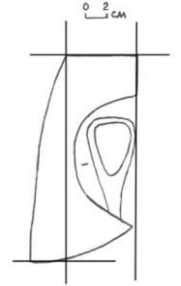
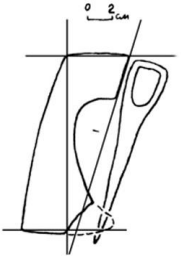
			Воронова)		400/410 гг.)	102-116
50	Ш.2.2	17 – 12 – 1,5 – 6,2 	Могильник Цибилеум-1, погр. 41 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV в.	Воронов 2003: 19, рис. 17, 5
51	Ш.2.2	17 – 10 – 1,4 – 6,6 	Могильник Цибилеум-1, погр. 223 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV в.	Воронов 2003: 47, рис. 105, 7

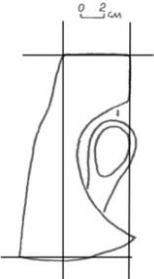

52	Ш.2.2	15 – 10,6 – 1,8 – 5,4 	Могильник Цибелиум-2, погр. 332 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.	Воронов 2003: 65, рис. 153, 8
53	Ш.2.2	16 – 12,6 – 2,8 – 4,6 	Могильник Цибелиум-2, погр. 391 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.	Воронов 2003: 75, рис. 187, 10
54	Ш.2.2	15,5 – 12,6 – 1,6 – 4,8	Могильник Цибелиум-2, погр. 395 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV-V вв.	Воронов 2003: 75, рис. 189, 17

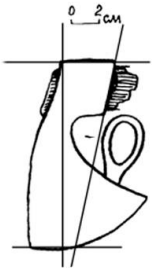

						
55	Ш.2.2	11,4 – 8 – 1 – 3,8 	Могильник Цибилеум-1, погр. 118 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV в.	Воронов 2003: 32, рис. 52, 29
56	Ш.2.2	13,5 – 12,2 – 2,4 – 6 	Могильник Цибилеум-2, погр. 383 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Кремация	V в.; Стадия III (380/400- 440/450 гг.)	Воронов 2003: 73, рис. 181, 7; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116
57	Ш.2.2	12 – 10,5 – 2,4 – 3,6	Могильник Апушта (раскопки Ю.Н.	---	---	Воронов 1982, рис. 27, 25

			Воронова)			
58	Ш.2.2	12 – 10,3 – 1,6 – 4 	Могильник Цибилуим-2, погр. 333 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.; Стадия II (320/330- 400/410 гг.)	Воронов 2003: 65, рис. 154, 7; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116
59	Ш.2.2	13,2 – 9,4 – 1,2 – 5,4 	Могильник Цибилуим-1, погр. 116 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV в.	Воронов 2003: 32, рис. 59, 10
60	Ш.2.3	13,5 – 21,5 – 3,5 – 4	Цебельда?	---	---	Экспозиция АГМ

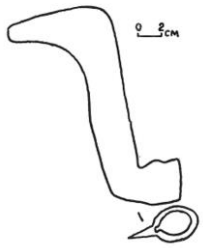
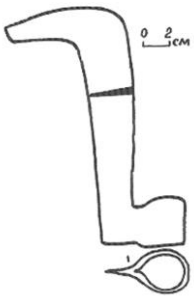
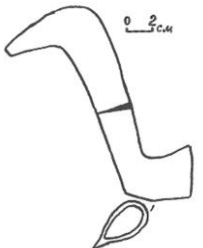
						
Тип IV. Топоры с короткой тульей без среза на бородке						
№/Подтип		Пропорции в см: общая длина, ширина лезвия, длина обуха	Название памятника/место находки	Тип погребения	Датировка	Место издания/ хранения
1	IV	18 – 10 – 6,5 	Район оз. Амткел, (кремация)	Кремация	IV в.	Воронов 1977: 25-30, рис. 12, 29
2	IV.1.1	18 – 6,5 – 4	Могильник Апушта (раскопки Ю.Н. Воронова)	Разрушено	---	Воронов 1982: 68, рис. 29, 27

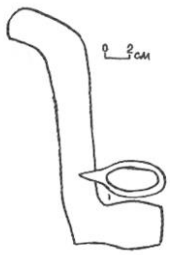

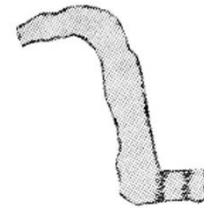
						
3	IV.1.2	17 – 9 – 6 	Могильник Цибелиум-1, погр. 183 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV в.; Стадия II (320/330- 400/410 гг.)	Воронов 2003: 42, рис. 90, 9; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116
4	IV.1.2	12 – 7 – 4,5 	Могильник Цибелиум-1, погр. 43 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV-V вв.	Воронов 2003: 19, рис. 18, 9

5	IV.1.2	13 – 7 – 4,5 	Могильник Апушта, погр. 13 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Кремация	IV в.	Воронов 1982: 57, рис. 25, 37
6	IV.3.1	15 – 9 – 5 	Могильник Цибилуум-1, погр. 167 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV в.	Воронов 2003: 39, рис. 71, 15
7	IV.3.1	9 – 6 – 3,6 	Могильник Апушта (раскопки Ю.Н. Воронова)	---	---	Воронов 1982: 46-48, рис. 20, 2
8	IV.3.1	12 – 8,6 – 3,6	Могильник Цибилуум-1, погр. 119	Ингумация	IV в.; Стадия I/2	Воронов 2003: 32, рис. 60, 6;

			(раскопки Ю.Н. Воронова)		(260/270-330/340 гг.)	Казанский, Мастыкова 2008: 102-116
9	IV.3.2	17 – 12 – 6,6 	Могильник Цибилиум-1, погр. 95 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV в.	Воронов 2003: 28, рис. 49, 4
10	IV.3.2	13 – 8 – 3 	Могильник Цибилиум-12, погр. 464 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV-V вв.	Воронов 2003: 89, рис. 221, 28
11	IV.3.2	13 – 8,5 – 4,6	Могильник Цибилиум-1, погр. 193	Ингумация	IV в.	Воронов 2003: 43, рис. 93, 10

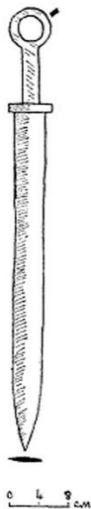

			(раскопки Ю.Н. Воронова)			
Тип V. Айгуш						
№/Подтип		Пропорции в см: общая длина, ширина лезвия, длина обуха	Название памятника/место находки	Тип погребения	Датировка	Место издания/ хранения
1	V.1	17,5 – 2,7 	Могильник Цибилиум-1, погр. 83 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Кремация	III в.; Стадия I/1 (170/200- 260/270 гг.)	Воронов 2003: 26, рис. 40, 11; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116

2	V.1		Могильник Цибелиум-12, погр. 463 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Кремация	III-IV вв.	Воронов 2003: 89, рис. 221, 23
3	V.1	16,8 – 2,5 	Могильник Цибелиум-10, погр. 456 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Кремация	III в.; Стадия I/1 (170/200- 260/270 гг.)	Воронов 2003: 86, рис. 216, 7; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116
4	V.1	18,5 – 2,8 	Могильник Цибелиум-12, погр. 462 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Кремация	III-IV вв.; Стадия I/1 (170/200- 260/270 гг.)	Воронов 2003: 89, рис. 218, 12; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116
5	V.2	17,5 – 2,5	Могильник Цибелиум-1, погр. 162	Кремация	III в.; Стадия I/1	Воронов 2003: 38, рис. 79, 13;

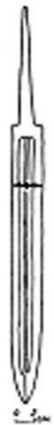

			(раскопки Ю.Н. Воронова)		(170/200-260/270 гг.)	Казанский, Мастыкова 2008: 102-116
6	V.3	18 – 3,3 	Село Лата Гулрыпшского района	Разрушено	IV-V вв.	рис. V, 8
7	V.3	21 – 4 	Село Атара Гулрыпшского района	Разрушено	VI в.	рис. V, 6

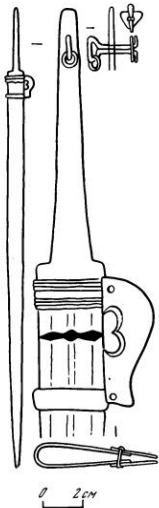
Мечи и кинжалы

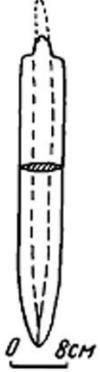
Тип I. Двулезвийные мечи с кольцевым навершием на черенке и брусковидной гардой						
№/подтип		Пропорции в см: общая длина/макс. ширина лезвия	Название памятника/место находки	Тип погребения	Датировка	Место издания/ хранения
1	I.1	37,8/6 (диаметр кольца 6 см) 	Республика Абхазия	---	I-II вв.	Гунба, 1978: 79, табл. XLVII, 5

2	I.1		<p>Сочинский район Краснодарского края РФ</p>	---	<p>II в. до н.э. – рубеж эр?</p>	<p>Воронов 1979: 70, рис. 34, 1</p>
3	I.1		<p>Сочинский район Краснодарского края РФ</p>	---	<p>II в. до н.э. – рубеж эр?</p>	<p>Воронов 1979: 70, рис. 34, 2</p>
<p>Тип I. Двулезвийные мечи с двумя и более долами</p>						

№/подтип		Пропорции в см: общая длина/макс. ширина лезвия	Название памятника/место находки	Тип погребения	Датировка	Место издания/ хранения
1	I.2	42/4 	Могильник Цибилиум-1, погр. 102 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Кремация	III-IV вв.; Стадия I/1 (170/200- 260/270 гг.)	Воронов, 2003: 29, рис. 60, 26; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116; 2011:
2	I.2	43,5/3,3	Могильник Цибилиум-3, погр. 456 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Кремация	III в.; Стадия I/1 (170/200- 260/270 гг.)	Воронов, 2003: 86, рис. 216, 13; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116; 2011:

						
3	I.2	78/6,5 	Могильник Цибилиум-1, погр. 97 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Кремация	III в.; Стадия I/1 (170/200- 260/270 гг.)	Воронов, 2003: 29, рис. 50, 9; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116; 2011:
4	I.2	105,8/4,4	Гудаута, погр. ? (?),	---	VII в.	Воронов, Бгажба, 1979: рис. 1, 22

						
5	I.2	95/3,5 	Урочище Пышта, с. Верхняя Эшера, погр. ? (случайная находка),	---	VII в.	Воронов, Бгажба, 1979: рис. 1, 1, 1a
Тип I. Двулезвийные мечи с одним долом						

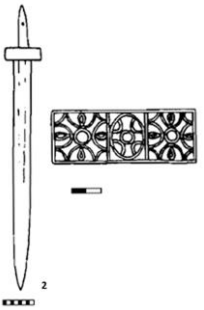
№/подтип		Пропорции в см: общая длина/макс. ширина лезвия	Название памятника/место находки	Тип погребения	Датировка	Место издания/ хранения
1	I.3	44,5/5,7 	Могильник Апушта, погр. 2	Ингумация	IV-VI вв.	Воронов 1982: 48, рис. 21, 34
2	I.3	60,8/4,4	Могильник Цибилиум-1, погр. 275 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV в.; Стадия II (320/330- 400/410 гг.)	Воронов, 2003: рис. 129, 17; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116; 2011:

						
3	I.3	68/3,5 	Могильник Цибилиум-2, погр. 356 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV-V вв.; Стадия II (320/330- 400/410 гг.)	Воронов, 2003: рис. 167, 15; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116; 2011:
4	I.3	71/4,5	Могильник в с. Мачара, погр. ? (?),	---	IV-VII вв.	Бгажба, Воронов, 1980: рис. 9, 1

						
5	I.3	72/4 	Могильник Цибилиум-2, погр. 349 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.; Стадия II (320/330- 400/410 гг.)	Воронов, 2003: рис. 162, 12; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116; 2011:
6	I.3	74,5/4	Могильник Цибилиум-2, погр. 312 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV в.; Стадия II (320/330-	Воронов, 2003: рис. 145, 11; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116; 2011:

					400/410 гг.)	
7	I.3	75,5/5,5 	Могильник Абгьдзраху, погр. 12 (раскопки М.М. Трапш)	Ингумация	III-IV вв.	Трапш, 1971: 144, табл. VI, 15
8	I.3	80/4,7	Могильник Абгьдзраху, погр. 27 (раскопки М.М.	Кремация	III-IV вв.	Трапш, 1971: 144, табл. XI, 9

			Трапш)			
9	I.3	77,7/4,5 	Могильник Азанта, погр.?	Разрушено	V-VI вв.	Воронов, Бгажба, 1990: рис. 24, 18
10	I.3	86/3,7	Могильник Верин холм, погр. ? (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	Втор. пол. VI-перв. пол. VII вв.; V-VI вв.	Воронов, Шенкао 1982: рис. 23, 3; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116; 2011:

						
11	I.3		Могильник Гагра-Цихерва	---	VI-VII вв.?	Воронов 1979
12	I.3	84,5/4	Могильник Цибилиум-2, погр. 420 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.; Стадия III (380/400- 440/450 гг.)	Воронов, 2003: рис. 201, 23; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116; 2011:

						
13	I.3	77,8/4 	Могильник Цибилиум-2, погр. 399 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Кремация	V в.; Стадия III (380/400- 440/450 гг.)	Воронов, 2003: рис. 191, 7; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116; 2011:
14	I.3	87,2/4,4	Могильник Цибилиум-1, погр. 61 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.; Стадия III (380/400-	Воронов, 2003: рис. 28, 1; Казанский, 2011: 146-152; 2011:

					440/450 гг.)	
15	I.3	95/5 	Могильник Церковный холм-4, погр. 5 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	Сер.-втор. пол. VI в.	Воронов, Юшин, 1973: рис. 5, 27
16	I.3	96,5/6,2	Могильник Цибилиум-1, погр. 250 (раскопки Ю.Н.	Ингумация	IV в.; Стадия II	Воронов, 2003: рис. 117, 11; Казанский, Мастыкова 2008:

			Воронова)		(320/330-400/410 гг.)	102-116; 2011:
17	I.3	58/3,1 	Могильник Абгызраху, погр. 47 (?), (раскопки М.М. Трапш)	---	IV-V вв.	Трапш, 1963: рис. 5, 2

18	I.3	90 (сохранился фрагмент 64 см)/4	с. Анухва, погр. ? (?),		I-III вв.; Кон. V- пер. пол. VII вв.	Гунба, 1978: 78, табл. XLVII, 3; Воронов, 2016
						

Тип. I. Мечи ромбического сечения

№/подтип	Пропорции в см: общая длина/макс. ширина	Название памятника/место находки	Тип погребения	Датировка	Место издания/ хранения
----------	---	-------------------------------------	----------------	-----------	----------------------------

		лезвия				
1	I.4	75/4 	Могильник Цибилиум-1, погр. 77 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.; Стадия III (380/400- 440/450 гг.)	Воронов, 2003: рис. 37, 10; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116; 2011:

Тип I. Двухлезвийные мечи призматического/линзовидного сечения

№/подтип	Пропорции в см: общая длина/макс. ширина лезвия	Название памятника/место находки	Тип погребения	Датировка	Место издания/ хранения
1	I.5	84/4,8	Мик-он Мацеста, Сочинский район Краснодарского края РФ, погр. ?	Ингумация?	III в. Воронов, 1979: рис. 38, 1

						
2	I.5	72/5,2 	Могильник Ахьацараху, погр. 6 (раскопки М.М. Трапш)	Ингумация	III-IV вв.	Трапш, 1971: 144, табл. XXXIV, 11
3	I.5	74/3,5	Могильник Абгьдзраху, погр. 13 (раскопки М.М. Трапш)	Ингумация	III-IV вв.	Трапш, 1971: 144, табл. VII, 8

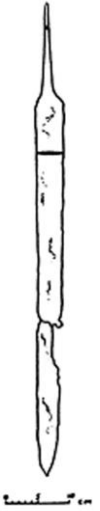
						
4	I.5	76/4,7 	Могильник Цибилиум-1, погр. 229 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Кремация	IV в.	Воронов, 2003: рис. 107, 9
5	I.5	64/4	Могильник Цибилиум-1, погр. 119 (раскопки Ю.Н.	Ингумация	IV в.; Стадия II	Воронов, 2003: рис. 60, 9; Казанский, Мастыкова 2008:

			Воронова)		(320/330-400/410 гг.)	102-116; 2011:
6	I.5	65/3,3 	Могильник Цибилиум-1, погр. 236 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV в.; Стадия II (320/330-400/410 гг.)	Воронов, 2003: рис. 109, 13; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116; 2011:
7	I.5	77/5	Могильник Цибилиум-1, погр. 248 (раскопки Ю.Н.	Ингумация	IV в.; Стадия II	Воронов, 2003: рис. 116, 24; Казанский, Мастыкова 2008:

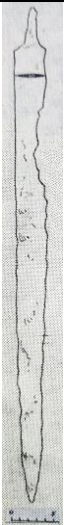
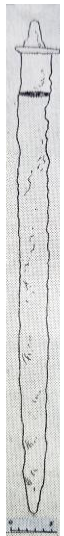
			Воронова)		(320/330-400/410 гг.)	102-116; 2011:
8	I.5	80/5,8 	Могильник Цибилиум-1, погр. 183 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV в.; Стадия II (320/330-400/410 гг.)	Воронов, 2003: рис. 83, 19; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116; 2011:
9	I.5	52,2/3,7	Могильник Цибилиум-2, погр. 295 (раскопки Ю.Н.	Ингумация	IV-V вв.; Стадия II	Воронов, 2003: рис. 138, 14; Казанский, Мастыкова 2008:

			Воронова)		(320/330-400/410 гг.)	102-116; 2011:
10	I.5	66/4 	Могильник Цибилиум-1, погр. 60 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.; Стадия III (380/400-440/450 гг.)	Воронов, 2003: рис. 25, 25; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116; 2011:
11	I.5	76/4,3	Могильник Цибилиум-1, погр. 155 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.; Стадия III (380/400-	Воронов, 2003: рис. 76, 10; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116; 2011:

					440/450 гг.)	
12	I.5	75,5/5,4 	Могильник Цибилиум-1, погр. 133 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.	Воронов, 2003: рис. 69, 9
13	I.5	95/5	Могильник Церковный холм- 4, погр. 4 (раскопки Ю.Н.	Ингумация	Сер.-втор. пол. VI в.	Воронов, Юшин, 1973: рис. 4, 30

			Воронова)			
14	I.5	79/5 	Апианча, п. 19	Кремация	III-IV вв.	Гунба, 1978: табл. XVIII, 1
15	I.5	77/6,3	Могильник Ахаччархва, погр.	Ингумация	III-IV вв.	Шамба, 1965: 262-266, рис. 2, 6

			1 (раскопки Г.К. Шамба)			
16	I.5	81,5/4 	Мик-он Мацеста, Сочинский район Краснодарского края РФ, погр. ?	Ингумация	II в.	Шамба, 1970: рис. 1, 10
17	I.5	66/4,2	Западная Абхазия	---	IV-V вв.	Шамба 1974: 62, рис. 19, 1

			(Гагринский комплекс)			
18	I.5	65/4,2	Западная Абхазия (Гагринский комплекс)	---	III-IV вв.	Шамба 1974: 62, рис. 19, 2
						
19	I.5	60/5,2	Могильник в с. Ачмарда	Разрушено	IV-V вв.?	Изъято у черных археологов

			Гагрского района			
20	I.5	75,8/4,5 	Могильник в с. Ачмарда Гагрского района	Разрушено	IV-V вв.?	Изъято у черных археологов
21	I.5	76/4,5	Могильник в с. Ачмарда	Разрушено	IV-V вв.?	Изъято у черных археологов

			Гагрского района			
Фрагментированные и прочие двулезвийные клинки						
№/подтип		Пропорции в см: общая длина/макс. ширина лезвия	Название памятника/место находки	Тип погребения	Датировка	Место издания/ хранения
1	I.2	48,5/5,7	с. Ачандара, погр. ?	Ингумация	III в.	Гунба, 1978: табл. L, 10

						
2	I.5	28/4 	Апианча, погр. 40 (раскопки М.М. Гунба)	Кремация	Втор. пол. III-IV вв.	Гунба, 1978: табл. XXXIX, 5
3	I.3	21,5/4	Могильник Цибилиум-1, погр. 136 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV-V вв.	Воронов, 2003: рис. 73, 22

						
4	I.3	65/5 	Могильник Цибилиум-1, погр. 257 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.; Стадия III (380/400- 440/450 гг.)	Воронов, 2003: рис. 120, 18; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116; 2011:
5	---	123/6,5	Могильник Лар, погр. 1	Ингумация	Втор. пол. VI-перв. пол. VII вв.	Воронов 1982: рис. 13, 4

Тип II. Однолезвийные клинки треугольного сечения без дола

№/подтип		Пропорции в см: общая длина/макс. ширина лезвия	Название памятника/место находки	Тип погребения	Датировка	Место издания/ хранения
1	II.1	28,5/3	Могильник Цибилиум-2, погр. 295 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV-V в.; Стадия II (320/330- 400/410 гг.)	Воронов, 2003: рис. 138, 12; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116; 2011:

						
2	II.1	36/3,4 	Могильник Апушта, погр. 23 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV-V вв.	Воронов, 1982: рис 28, 32
3	II.1	30,5/3	Могильник Цибилиум-2, погр. 420 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.; Стадия III (380/400- 440/450 гг.)	Воронов, 2003: рис. 201, 22; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116; 2011:

						
4	II.1	33,5/3,5 	Могильник Цибилиум-1, погр. 171 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.; Стадия III (380/400- 440/450 гг.)	Воронов, 2003: рис. 85, 9; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116; 2011:
5	II.1	35,5/2,5	Могильник Цибилиум-2, погр. 383 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Кремация	V в.; Стадия III (380/400- 440/450 гг.)	Воронов, 2003: рис. 181, 6; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116; 2011:

						
6	II.1	36,2/3 	Могильник Цибилиум-2, погр. 399 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Кремация	V в.; Стадия III (380/400- 440/450 гг.)	Воронов, 2003: рис. 191, 8; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116; 2011:
7	II.1	37,5/3,2	Могильник Цибилиум-1, погр. 85 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.; Стадия III (380/400- 440/450 гг.)	Воронов, 2003: рис. 41, 8; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116; 2011:

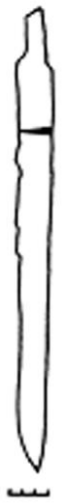
						
8	II.1	44,5/3 	Могильник Цибилиум-1, погр. 77 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.; Стадия III (380/400- 440/450 гг.)	Воронов, 2003: рис. 37, 9; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116; 2011:
9	II.1	27/2,2	Могильник Цибилиум-1, погр. 180 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.	Воронов, 2003: рис. 84, 24

						
10	II.1	38,7/3,3 	Могильник Цибилиум-2, погр. 419 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.	Воронов, 2003: рис. 200, 11
11	II.1	34/3,1	Могильник Цибилиум-3, погр. 429 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.	Воронов, 2003: рис. 206, 9

						
12	II.1	39,8/3,8 	Могильник Цибилиум-3, погр. 435 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.	Воронов, 2003: рис. 209, 12
13	II.1	45/3	Могильник Верин холм, погр. 5 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	Втор. пол. V в.	Воронов, Бгажба, 1990: рис. 23, 2

						
14	II.1	44,7/4,3 	Могильник Цибилиум-2, погр. 310 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	VI в.	Воронов, 2003: рис. 142, 6
15	II.1	45,5/3	Могильник Церковный холм-4, погр. 5 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	Сер.-втор. пол. VI в.	Воронов, Юшин, 1973: рис. 5, 26

						
16	II.1	51/3,2 	Могильник Церковный холм-4, погр. 6 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	Сер.-втор. пол. VI в.	Воронов, Юшин, 1973: рис. 6, 20
17	II.1	48/2,7	Могильник Юстинианов холм-3, погр. 2 (раскопки	Ингумация	Нач. VII в.	Воронов, Юшин, 1973: рис. 11, 17

			Ю.Н. Воронова)			
18	II.1	35/2,7 	Апианча, погр. 40 (раскопки М.М. Гунба)	Кремация	Втор. пол. III-IV вв.	Гунба, 1978: табл. XXXIX, 4

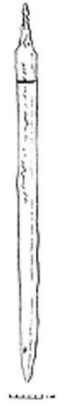
19	II.1	50/3,5 	с. Анухва, погр. ? (?),	---	Кон. V- пер. пол. VII вв.; I-III вв.	Воронов, 2016; Гунба, 1978 табл. XLVII, 2
20	II.1	53/3,1	Могильник в с. Ачмарда Гагрского района	---	IV-V вв.?	Изъято у черных археологов

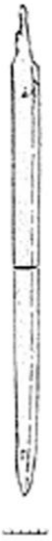
						
--	--	---	--	--	--	--

Тип II. Однолезвийные клинки с долом

№/подтип		Пропорции в см: общая длина/макс. ширина лезвия	Название памятника/место находки	Тип погребения	Датировка	Место издания/ хранения
1	II.2	58/3,5	Могильник в с. Мачара, погр. ? (?),		VI-VII вв.	Бгажба, Воронов, 1980: рис. 9, 2

						
2	II.2	50/3,3 	Могильник Церковный холм-4, погр. 7 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	Рубеж VI-VII вв.	Воронов, Юшин, 1973: рис. 7, 22
3	II.2	67,5/4	Могильник Цибилиум-2, погр. 362 (раскопки Ю.Н.	Ингумация	V в.	Воронов, 2003: рис. 169, 2

			Воронова)			
4	II.2	63/3,8 	Могильник Абгызраху, погр. 47 (раскопки М.М. Трапш)	Ингумация	V в.	Трапш, 1971: 144, табл. XXV, 4

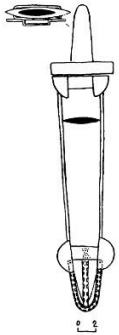
5	II.2		Могильник Абгызраху погр. ? (раскопки М.М. Трапш)	---	III-V вв.	Трапш 1963: 264, рис. 5, 2
---	------	---	---	-----	-----------	----------------------------

Фрагментированные однолезвийные клинки

№/подтип	Пропорции в см: общая длина/макс. ширина лезвия	Название памятника/место находки	Тип погребения	Датировка	Место издания/ хранения	
1	II.1	16,7/3	Могильник Цибилиум-3, погр. 434 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	IV в.	Воронов, 2003: рис. 208, 16

Тип III. Кинжалы линзовидного сечения

№/подтип		Пропорции в см: общая длина/макс. ширина лезвия	Название памятника/место находки	Тип погребения	Датировка	Место издания/ хранения
1	III.1	33/3,8 	Могильник Цибилиум-1, погр. 57 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.; Стадия III (380/400- 440/450 гг.)	Воронов, 2003: рис. 26, 7; Казанский, 2011: 146-152; 2011:
2	III.1	29,5/3,5	Могильник Цибилиум-2,	Ингумация	IV-V вв.;	Воронов, 2003: рис. 138, 13;

			погр. 295 (раскопки Ю.Н. Воронова)		Стадия II (320/330-400/410 гг.)	Казанский, Мастыкова 2008: 102-116; 2011:
3	III.2	32,2/3,3 	Могильник Абгызраху, погр. 44 (раскопки М.М. Трапш)	Кремация	IV в.	Трапш 1971: 143, табл. XLVI, 5
4	III.2	43/3,5	Могильник Лар, погр. 5 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Разрушено	IV в.	Воронов 2009: 395-396, рис. 15, 11

						
5	III.3	27,5/1,6 	Могильник Цибилиум-1, погр. 28 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	Кон. III-пер. пол. IV вв.; Стадия I/1 (170/200- 260/270)	Воронов, 2003: рис. 5, 27; Казанский, Мастыкова 2008: 102-116; 2011:
Тип III. Кинжалы ромбовидного сечения						
№/подтип	Пропорции в см: общая длина/макс. ширина	Название памятника/место находки	Тип погребения	Датировка	Место издания/ хранения	

		лезвия				
1	Ш.4	35,5/2,5 	Могильник Цибилиум-1, погр. 61 (раскопки Ю.Н. Воронова)	Ингумация	V в.; Стадия III (380/400- 440/450 гг.)	Воронов, 2003: рис. 28, 3; Казанский, 2011: 146-152; 2011: